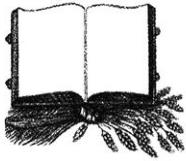

Танит ЛИ
САЙРНОН

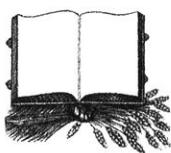
Танит ЛИ
САЙРНОН

БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021

*Библиотека
фантастики и приключений*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021

Танит ЛИ

САЙРНОН

СЕВЕРО-ЗАПАД
2021

УДК 820(73)
ББК 84 (7 Сoe)-44
Л55

Составитель серии *А. Лидин*
Ответственная за выпуск *Я. Забелина*

Л55 Танит Ли «Сайрион». — СПб.:
 «Издательство «Северо-Запад», 2021.— 412 с.—
 Библиотека приключений и фантастики
ISBN 978-5-93835-273-5

ISBN 978-5-93835-273-5 © ООО «Издательство «Северо-Запад», 2021

ПРОЛОГ МЕДОВЫЙ САД

ВВАЛИВШИЙСЯ В ТРАКТИР ПОЛНЫЙ молодой человек с ярко-рыжими волосами невольно вызвал что-то вроде переполоха.

Ослепленный ярким уличным солнцем, он ошибся с количеством ступенек у входа. Обнаружив, что их три, а не две, и непроизвольно прыгнув в попытке удержаться на ногах, он невольно врезался в проходившую мимо

фигуру, несшую два кувшина вина. С криками удивления и растерянности оба упали в объятия охранявшей вход медной бабы и неизбежно ударили в медный гонг, подвешенный у нее в руках. Громкий лязг эхом прокатился по зданию, за ним последовал грохот сначала одного кувшина, потом второго.

Шелковый занавес отлетел в сторону, открывая главный зал трактира и двух мужчин-посетителей, приготовившихся к бою. Один из них был дородный чернобрюхий парень, другой — белокурый житель Запада, одетый в кольчугу и явно солдат, с обнаженным кинжалом на готове. Из коридора вылетел трактирщик. У их ног возились и слабо отбивались друг от друга два человека.

— Они что, убивают друг друга?

— Этот негодяй напал на моего бедного раба!

В этот момент вмешался смуглый мужчина со знаком мастера-каменщика и оттащил рыжего юношу в одну сторону, а ошеломленного раба — в другую. Хозяин гостиницы, прочитая, склонился над ним.

— Ответь мне, Эсур. Ты умираешь? А цены на рабов на рынках как раз удвоились.

Солдат уже вложил кинжал в ножны. С веселым выражением на красивом, аккуратно выбритом лице он заметил: «Этот пройдоха еще всех нас переживет!» — повернулся и ушел обратно в зал.

Рыжеволосый молодой человек начал объяснять свою ошибку и достал деньги, чтобы заплатить за пролитое вино и помятого раба. Каменщик стоял и смотрел, поигрывая свисающей с уха серьгой, сделанной из золотой монеты.

Оставив раба, трактирщик отправился осматривать медную бабу. Копия статуи какой-то языческой богини пчел, привезенной, когда столетия назад ремусанцы оккупировали город, — она была символом этой гостиницы, называвшейся «Медовый сад». Хозяин суеверно ощупал

ее, удовлетворился пинком, поставив раба на ноги, и, взяв протянутые деньги, решил простить и забыть.

— Добро пожаловать, господин. «Медовый сад», самый лучший постоянный двор Херузалы, — к вашим услугам. Чем мы можем вас порадовать?

Вытерев лоб, рыжеволосый заказал молодое вино.

— Как насчет жаркого из козленка с пряностями в меду — нашего фирменного блюда?..

— Позже, — ответил пухлый молодой человек. — Однако...

— Да?

— Я ищу кое-кого. Одного человека. Мне сказали, что я могу найти его здесь.

— Как его зовут, уважаемый господин?

— Сайрион.

Трактирщик поморщился.

— Это имя я уже слышал. Он ведь искатель приключений, не так ли? Мы не поощряем скандалистов.

— Искатель приключений, но богатый, — вполголоса заметил каменщик.

— Вы знаете его? — встрепенулся рыжеволосый.

— О нем.

— Он известен в Херузале?

— Возможно. И, кажется, в нескольких других местах.

— Говорят, — раздался женский голос, бархатистое контральто, — что он похож на ангела.

Каменщик, трактирщик и рыжеволосый посмотрели вслед высокой грациозной женщине, которая, поделившись своими сведениями, прошла мимо них и направилась к выходу. Ее волосы цвета полночи были густыми и блестящими, и в воздухе повис ее насыщенный запах, на некоторое время отвлекший их. В отличие от последнего прибывшего, она не ошиблась ступеньками. За ней поспешила горничная.

— Как видите, — сказал трактирщик, — мы принимаем только самых лучших клиентов. Но если, как вы говорите, он богат и мил, этот Шарриан, то он вполне мог остановиться здесь...

— Сайрион, — поправил его пухлый молодой человек. Он устремил на каменщика решительный, хотя и явно близорукий взгляд: — Если вы расскажете мне все, что знаете, я вознагражу вас золотом.

— Я пойду. Я знаю очень мало.

Но рыжеволосый подтолкнул его обратно в главный зал, и каменщик, покорно кивнув, повел его к столу, за которым сидел до того, как его прервали.

Стол был завален сложными чертежами архitectурного дизайна, перьями, чернилами и маленькими счетами. Казалось бы, достаточно приятное для работы место. Прямо над столом стену прорезало высокое окно, а в клетке мелодично пела птица.

В остальной части большого помещения, выкрашенного в синий цвет и в целом хорошо обставленного, в это утро оказалось не так уж много посетителей. Солдат вернулся на свое место в углу и снова принял за вино. Вдалеке, в нише, двое мужчин в темных одеждах, казалось, довольно энергично обсуждали учение пророка Хесуфа. Они не взглянули ни на вошедшего, ни на свое вино, когда его принесли.

Рыжеволосый сел.

— Меня зовут Ройлант. — На его пальцах и на воротнике сверкали драгоценные камни, а свет из окна освещал великолепную одежду, лишь слегка запятнанную пролитой кровью и пылью. — Мое родовое имя в данный момент не имеет значения. Но вы можете считать, что я вполне в состоянии заплатить вам, если вы мне поможете. Надеюсь, это не оскорбит вас.

— Нисколько. — Каменщик отодвинул свои письмена и счеты в сторону, когда раб Эсур неохотно приблизился и со стуком поставил кувшин и кубки. — Однако я предпочитаю зарабатывать свое жалованье и не уверен, что смогу взять с вас деньги. Этот постоянный двор очень хорош, как и положено постоянным дворам. Но не самый лучший в Херузале. Может быть, вам лучше поискать своего человека в «Розе» или «Орле».

Раб буркнул что-то в знак согласия, добавил что-то насчет того, что он напорется на их рабов, славящихся своей свирепостью, и театрально захромал прочь.

Ройлант не слушал.

— Но мне сказали, что он пришел в «Медовый сад».

— Ну, сейчас его здесь нет. Вы, мне кажется, не стали бы по нему скучать. Вы молоды, красивы, белы, как лед, и одеты так же великолепно, как сам король Мальбан, хотя и с большим вкусом.

Солдат за соседним столиком, уловив комментарий каменщика, ухмыльнулся.

— Бедняга Мальбан под каблуком у королевы-матери.

Рыжий Ройлант подхватил:

— Я встречался с королем. Моя семья имеет прочные связи с императорским домом Херузалы, и я хотел бы спросить вас...

Его просьба потонула во внезапной ссоре. Более пожилой из двух спорщиков в нише поднялся, стукнув кулаком по столу.

— Эта строка из Ремина, как известно любому интеллектуалу, была неправильно переведена. Неужели у вас совсем нет ума, юный господин?

Другой, мужчина лет пятидесяти с небольшим, проигнорировал это замечание и воскликнул:

— Я говорю вам, что слово «кrotкий» — это ошибка. Это известно на протяжении многих десятилетий...

Их голоса снова понизились.

Солдат, допив свое вино, но держа чашу в руке, подошел к столу каменщика и дружески сел рядом с Ройлантом.

— У этого старого святоши, — отметил солдат, — очень много колец. Не редкость, конечно, для таких людей, как кочевники, которые должны носить свое богатство с собой. Но необычно для мудреца, каковым я и считаю этого человека...

— Давайте вернемся к Сайриону, — напомнил Ройлант.

— Видите ли, — пояснил каменщик, — этот ваш Сайрион неуловим. И, похоже, он не просто искатель приключений. То говорят, он ездит верхом с каким-то караваном. То он учится в одной из больших библиотек. То перехитрил демона на горе.

Солдат подхватил:

— Вот он в Херузале. Вот в Андрике. Вот в пустыне. Где он сейчас? Где-то порхает.

— Я пытался найти его в течение двух недель, — вздохнул Ройлант. Он, каменщик и солдат выпили до дна вино Ройланта. — Мне нужно знать, что он умеет, по определенной причине. Это не праздное любопытство. Но все, что я слышу, — это слухи.

— Все, что я могу предложить вам, немногим лучше, — серьезно сказал каменщик. — Я узнал эту историю на побережье, в порту Джебба.

— Джебба! — воскликнул Ройлант. — Вы хотите сказать, что он там?

— Может быть. А может, и нет. Но, кажется, он там бывает время от времени.

Ройлант вздохнул. Его рыхлый подбородок обвис, а встревоженные глаза опустились.

— Расскажите мне, что слышали, я весь внимание.

— Что ж, — согласился каменщик. — Но я не даю никаких гарантий, что это правда. Во-первых, это касается колдовства. Таким вещам нельзя доверять.

— Ох. — Ройлант вздрогнул, потом взял себя в руки с явным усилием: — Я знаю.

Каменщик и солдат невольно переглянулись. Каменщик подергал серьгу в ухе.

— Тогда я не возьму платы за сказку. Но я поведаю ее вам, так как она рассказывает про вашего Сайриона. Она начинается на постоялом дворе в Джеббе, на много превосходящем этот...

ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ: САЙРИОН В ВОСКЕ

— САЙРИОН, БУДЬ ОСТОРОЖЕН с этим человеком.
Сайрион поднял бесхитростные глаза.

— С кем и с какой стати?

Марема, прекрасная куртизанка, быстро опустила глаза под бирюзовыми веками. Она была молода, красива, богата и, соответственно, труднодоступна. Будучи доступной всего лишь для немногих, она кое-что узнала о привычках этих немногих, как в спальне, так и вне ее. Достаточно, чтобы судить, что то, о чем Сайрион, казалось, не подозревал, часто привлекало к нему самое пристальное внимание. Тем более, что их игра в лотос и осу на раскрашенной доске из слоновой кости начинала, как ей показалось, слишком легко склоняться в ее пользу.

Кроме того, поведение и внешний вид того человека было трудно игнорировать.

Темные волосы и шелковистая оливковая кожа, распространенная в этих краях, лоб перевязан золотом, а алая мантия, длинная, как ученого или врача, расшита причудливыми золотыми символами. Три бледно-фиолетовых аметиста свисали с его левого уха. Дьявольски эффектный, он вошел в прохладный сад дорогого постоялого двора. Два человека, как шакалы, последовали за ним (явно телохранители, пара злобных садистов, покрытых шрамами и рубцами от старых сражений и жаждущих новых), расталкивая несчастных посетителей,

когда он устремился вперед между кадками с цветами. Их руки лежали наготове на рукоятях мечей, а перчатки были покрыты шипами. И никто не бросал им вызов. Они поднялись по ступенькам рядом со своим хозяином и остановились за ним, когда он сел. Он расположился на верхней террасе, ближайшей к кухонному крылу, среди мозаичных колонн и в благоухающей тени апельсиновых и коричных деревьев, не далее чем в десяти футах от того места, где Сайрион склонил свою серебристо-солнечную голову, а Марема — свою угольно-черную над интеллектуальной игрой. Внизу, в открытом дворе с цветами и пальмой, невольно служившей зонтиком под полуденным небом, мужчины и женщины тревожно обрывали разговоры или продолжали их лишь шепотом. Те, кого оттолкнули, поднялись и молча заняли свои места. И, как ни странно, в этом огромном прибрежном городе Джебба, где смотреть было так же естественно, как дышать, все отвели глаза в сторону и больше не смотрели.

Вскоре появился сам хозяин гостиницы. С расстояния менее десяти шагов можно было заметить, как пот блестит на его внезапно позеленевшем лице. Он поклонился темноволосому.

— Чем я могу служить вам, господин Хасмун?

Темный человек улыбнулся.

— Угрей, жаренных в масле, и немного айвового хлеба. Кувшин черного, очень холодного.

Трактирщик отступил на четверть шага, вернее, попытался сделать это на дрожащих ненадежных ногах.

— У нас нет угрей, лорд Хасмун.

Один из шакалов нетерпеливо зашевелился, но Хасмун остановил его ленивым движением.

— Тогда, — тихо сказал Хасмун, — принеси угрей, хозяин.

Трактирщик быстро, насколько позволял его вес, побежал в кухонное крыло позади дома. Через минуту оттуда в сад прокрались мальчишки с айвовым хлебом, черным вином Джеббы, обложенным льдом, и известием, что другие рыщут по рыбному рынку.

Хасмун попробовал вино. Шакалы заерзали.

Хасмун тихо рассмеялся.

— Хорошая жизнь не для вас, ребята, а? Ну что ж, идите и поиграйте немного на улице, мои милые.

Телохранители ушли, но разговоры в саду не стали громче и никто не поднял головы.

Пока Сайрион не поднял своей, чтобы спросить через борт «лотоса и осы»:

— С кем и с какой стати?

— Мне следовало бы попридержать язык, — очень тихо ответила Марема, — но я подумала, что ты его заметил.

— Хозяин гостиницы? О, мы старые друзья, — пробормотал Сайрион. Он, казалось, запомнил игру и аккуратно захватил две фигуры Маремы, прежде чем она смогла понять ход. — Может быть, ты и прекрасна, как ангел, душа моя, но слишком предсказуема для хитрой повелительницы ночи. Брось это, любимая.

Выиграв в «лотос и осу», Сайрион решил позволить Мареме выиграть другую игру.

— До меня уже дошли слухи о Хасмуне. Но почему я должен остерегаться его?

— Не только ты, мой дорогой. Все мы. Его называют кукольником. Ты знал?

— Значит, он делает кукол. Торговля игрушками — несомненно, очаровательное ремесло.

— Это не те куклы, с которыми играют дети, — хрипло произнесла Марема, как будто ее голос пытался добраться до самого горла. — Это такие куклы, которых

маг создает по образу тех, кого он хочет убить, а затем втыкает им иглу в печень.

— Хасмун — аптекарь, хотя, по слухам, и маг. Работает ли этот трюк?

Марема пискнула, будто ее голос, дойдя до нижнего предела, превратился в писк ее любимицы крысы-голубки.

— Трое уже умерли, а другие, перешедшие ему дорогу, или ослепли, или у них болят конечности и они не могут ходить. Он смотрит на нас.

Сайрион откинулся на спинку стула и медленно повернул голову. Полуденное солнце, просвечивающее сквозь апельсиновые деревья, осветило его элегантную шелковую одежду и превратило волосы в чистый свет. Подходящий нимб для чудесного лица, сравниваемого Маремой с ангельским, хотя трудно понять, небесный то ангел или падший. Хасмун смотрел в их сторону открыто и весело. Он встретил взгляд и ослепительную улыбку Сайриона. Хасмун прикрыл глаза, наслаждаясь всем этим, как, казалось, и Сайрион.

— Я слышал, как упоминали мое имя, — сказал Хасмун. Его слова разнеслись по всему саду, как он и добивался. Лица между цветочных кадок еще больше посерели. — Может быть, вам знакома моя скромная особа?

— Все знают Хасмуна-кукольника, — учтиво ответил Сайрион. — Но не отчаивайтесь, — вкрадчиво добавил он, — ни один человек не может избавиться от собственного запаха.

Чувственное наслаждение исчезло с лица Хасмуна. Стало совершенно тихо. Возможно, это тоже было наслаждение, другая форма наслаждения.

— Я думаю, что вы, должно быть, пьяны, — поморщился Хасмун.

— Я думаю, что, должно быть, совершенно трезв, — поправил Сайрион, вставая, — ибо то, что я собираюсь сделать, требует твердой руки.

Сайрион плавным движением пересек расстояние в неполных десять шагов с невероятной скоростью, ошеломлявшей глаз. Когда Сайрион достиг стола Хасмуна, кувшин черного джеббского, казалось, сам по себе взмыл в его руки, ухитрившись почти перевернуться над головой мага.

Искупавшись в черно-красном ихоре вина, Хасмун взвизгнул, как затоптанный пес. Затем, споткнувшись, отшвырнул стол вместе с его содержимым.

Сайрион огорченно и недоверчиво воскликнул:

— Как я мог быть таким неуклюжим...

Столешница с грохотом упала. Телохранители Хасмуна возвращались в сад. Они, по-видимому, не прошли дальше запугивания девушки в дверях гостиницы и, услышав шум, прибежали, несомненно, с благодарственными молитвами дьяволу.

Сайрион подождал, пока они поднимутся по ступенькам, и небрежно швырнул кувшин, скользкий от вина и льда, им под ноги. Один взревел, потерял равновесие и с глухим стуком отлетел назад в благоухающий куст. Второй согнулся одно колено, выпрямился и, обнажив меч, прыгнул на террасу.

Меч Сайриона висел у бедра. Он, казалось, забыл об этом, потому что пригнулся под первым же ударом, небрежно развернулся и ударил ногой в основание позвоночника громилы. Мужчина закричал и упал вперед, корчась на террасе в растекающейся луже спиртного.

Другой бандит тем временем выбрался из кустов. Когда он взбегал по лестнице с мечом, сжимая в кулак шипастую руку, с противоположного конца террасы

появился хозяин гостиницы с заискивающим выражением на лице, неся блюдо с жареными угрями. Сайрион повернулся на каблуках, словно ему наскучила вся эта история, снял с блюда обжигающих морских червей в пузырящемся масле и безошибочно бросил их через плечо в лицо телохранителю. Измазанный маслом и ослепленный, со звоном уронив меч, парень снова покинул террасу задом наперед. Пролетая мимо одной из каменных ваз, он ударился головой об ее край. Больше он не вставал.

Сайрион разгладил свой наряд левой рукой с кольцами и правой без колец. Для человека, швырявшегося спиртным и жареными морепродуктами, он был на удивление чист. Словно возмущенный этим фактом, корчащийся на террасе забияка в последний раз схватил Сайриона за лодыжку. Сайрион пнул его еще раз, на этот раз в захват. Где-то хрустнула кость, за этим звуком последовал тонкий вой.

Сайрион взглянул на Хасмуна.

— Много шума, господин аптекарь, из-за небольшого количества пролитого вина.

У Хасмуна, промокшего и пропахшего черным джеббским, хватило времени собраться с мыслями. Он выпрямился, оказавшись на удивление такого же роста и телосложения, как сам Сайрион, но в остальном был ему полной противоположностью, как тень по отношению к свету.

— Выбирай, — сказал Хасмун телохранителю со сломанным запястьем. — Замолчи или умри. — Вой прекратился. — А ты, — продолжал Хасмун, обращаясь к Сайриону, — умрешь в любом случае.

— Как учат нас жрецы, жизнь — это лишь мимолетный луч упоительного света, затухающий во тьме вечности, — философски процитировал Сайрион.

— Ты ошибаешься, — возразил Хасмун. Несмотря на капающее ему в глаза вино, он даже сумел улыбнуться. — Твое обливание будет довольно продолжительным и определенно не упоительным. Это начнется сегодня ночью. Если ты хочешь сам увидеть, как я могу сломать тебя, приходи в мою аптеку и посмотри. Твоя шлюха скажет тебе куда.

И он кивнул Мареме, закрывшей накрашенное лицо напудренными руками.

Белый дневной свет постепенно краснел. Солнце купалось в океане. Джебба превратилась в янтарный город на краю моря золотых монет. Затем из пустыни на берег просочились сумерки и окрасили в синий цвет окна изысканных апартаментов Маремы.

На шелковом ложе лежал распростертый Сайрион — безупречный образ юного бога, обнаженный, красивый и слегка пьяный. Марема выпрямилась рядом с ним, нервно теребя шелка.

— Ты не боишься? — вдруг выпалила она.

— О, я думал, что заставил тебя забыть Хасмуна.

Конечно, он мог заставить ее на время забыть обо всем. Даже прикосновение его руки к ее лицу имело силу сделать это. В тот момент, когда она увидела его год назад при случайной встрече, Сайрион завладел ее мыслями, завладел не только сердцем, но и разумом. Она была достаточно хитра и хладнокровна с другими, это было необходимо. Но с Сайрионом — никогда. Она всегда отказывалась от его денег. Взамен он всегда старательно посыпал ей подарки. Его скрупулезная справедливость тревожила ее. Она хотела, чтобы Сайрион любил ее, а не платил. Однажды, по глупости, она попыталась раздобыть любовное зелье, но... это предприятие не принесло желаемых результатов.

— Как я могу забыть Хасмуна? — вздрогнула она. — Послушай, господин. Я еще не все тебе рассказала. Его аптека находится на улице Трех стен. Те, кто проходит мимо, иногда видят куколку-человека в передней части магазина, выставленную как бы для демонстрации его мастерства. А в куклу воткнуты булавки с драгоценными камнями. Вскоре в сердце оказывается булавка, кого-то хоронят, и кукла исчезает из магазина.

— Я тоже это слышал, — сказал Сайрион. — Неужели никто никогда не ходит туда, не проникает внутрь, не крадет куклу, не вынимает булавки?

— Как они могут это сделать, если за ними наблюдает маг? Даже когда он покидает помещение, чтобы спать, десять его зверолюдей охраняют это место.

Сайрион потянулся к стоявшей рядом чашке из голубого хрусталя, пока в оконном проеме разгорались звезды, такие же непроницаемые, как и он.

— Скажи мне, — спросил Сайрион, — ты знаешь, как делают кукол?

— Кто в Джеббе этого не знает? Хасмун хвастается своим искусством. Ему нужно увидеть жертву всего один раз, и больше ничего. Он создает куклу по образу и подобию того, кому хочет причинить вред, а затем накладывает на нее отвратительное заклятие, связывающее куклу и человека. Пока заклинание действует, он мучает куклу булавками. Затем снимает заклятие. Без заклинания кукла — это только кукла. Человек перестает чувствовать боль, радуется, думает, что Хасмун прощил его. Тогда Хасмун снова произносит заклинание и причиняет ему еще большую боль, пока тот не становится калекой или не умирает с криками. И именно его, мой мудрый учитель, ты выбрал для ссоры. Зачем ты это сделал?

— Я мазохист, — смиренно заметил Сайрион.

В окне теперь сияли звезды. В золоченой клетке настойчиво пискнула маленькая крыса-голубка, требуя, чтобы ее выпустили. Мягкая, белесая, как голубь, круглоухая, с двумя большими золотистыми глазами на изящной мордочке, крыса-голубка была второй любовью Маремы. Несмотря на ее маленький размер, Марема иногда водила ее по верхним улицам Джеббы на длинном позолоченном поводке. Крыска обладала привычкой воровать яркие предметы, что могло поставить хозяйку в неловкое положение, если бы разносторонняя во многих отношениях Марема не превращала эти неприятности в преимущества. Часто в прежние, менее респектабельные времена она позволяла крысе-голубке красть из мяты сброшенной одежды ее покровителей — серьги, пуговицы, монеты. Затем она сама изящно бежала за клиентом по улице, чтобы вернуть вещи с очаровательными извинениями за свою питомицу. Таким образом она приобрела свою не вполне обоснованную репутацию честной женщины.

Марема встала с кровати и выпустила крысу из клетки. Та мгновенно бросилась к ее туалетному столику, чтобы сесть среди высоких ониксовых горшечков с пурпурой, цветными притираниями и черной краской, иногда поглядывая на себя в зеркало из редкого стекла в серебряной оправе — последний подарок Сайриона. Хрустальные бутылочки и крошечный блестящий ножик были спрятаны от жадного взгляда крысы-голубки. Однажды Сайрион видел, как крошечное животное перетащило изумрудный диск вдвое больше своего размера из шкатулки Маремы в свое гнездо в клетке, а затем вернулось за жемчугом.

Марема опустилась на колени рядом с Сайрионом.
— Что ты будешь делать, Сайрион?

Свет быстро угасал, а лампы еще не зажглись. Сначала она не заметила ни белизны его рта, ни неподвижного немигающего взгляда. Затем он небрежно ответил:

— Еще полминуты назад мне следовало бы сказать, что я подожду и посмотрю, сумеет ли Хасмун выполнить свои угрозы. Однако мне больше не нужно ждать. Он сумел.

Марема вздрогнула.

— Что такое? — прошипела она. — Ты страдаешь от боли?

— В некотором роде. Я предполагаю, что он вгоняет одну из своих проклятых булавок в мою восковую лодыжку.

Он закрыл глаза и снова открыл. Его лицо побледнело под легким светлым загаром, но черты оставались спокойными. Внезапно он глубоко вздохнул и равнодушно произнес:

— Он вынул булавку. Он даст мне короткую передышку перед дальнейшими демонстрациями. Но на сегодня, думаю, достаточно. Он хочет, чтобы я... чтобы я посетил его игрушечный магазин завтра. Он хочет, чтобы я попросил у него прощения и... пощады.

На этот раз, если не считать легкой запинки в словах, он ничем себя не выдал.

— Чем я могу тебе помочь? — воскликнула Марема.

— Не тем, чем обычно, — пробормотал он. — Сними с крючка свою лиру и поиграй мне. Говорят, музыка успокаивает любую боль. Давай проверим, так ли это.

НАД ТРЕМЯ БЕЛЫМИ СТЕНАМИ, в честь которых была названа улица, благоухали смоковницы, пальмы и цветочные деревья. Во время полуденной жары улица

оказалась девственno чиста. На полпути между дворами ювелиров и торговцев шелком зияла дыра аптеки Хасмуна.

Дверь оказалась открытой, над входом висели нитки голубых керамических бусин. Внутри поднимались струйки дымящегося ладана, создавая дьявольский сумрак даже днем. Когда бисерный занавес задребезжал и с залитой солнцем улицы в магазин ввалился чей-то силуэт, двое головорезов Хасмуна выскочили из дома, чтобы перехватить его.

— Мир вам, херувимы мои, — произнес дружелюбный и музыкальный голос. — Я здесь, чтобы ублажить вашего лакомку хозяина. Предоставьте повреждения ему, или он сделает и ваши куклы тоже.

Охранники с ворчанием отступили, и Сайрион прошел в глубь магазина.

В полуумраке едва различались черные бутыли на полках, черные шкатулки и бутылки свинцово-зеленого цвета, обернутые пергаментом и затянутые паутиной. Перед занавесом из львиной шкуры путь преградило выцветшее чучело кобры в боевой стойке. За занавесом оказалась точно такая же комната, но освещенная красноватым светом настольной лампы.

Под светом лампы в кресле из черного дерева сидел Хасмун. На лакированном столике у его локтя лежал Сайрион в миниатюре — обнаженный, светловолосый, с двумя огненно-блестящими булавками с красными камнями, воткнутыми одна в правую лодыжку, а вторая — в мочку левого уха.

— Не в витрине магазина, как мне пообещали, — добродушно заметил Сайрион. — А я-то надеялся стать зреющим для Джеббы.

— Это потом, — так же добродушно отозвался Хасмун. — Тебе понравилась эта ночь?

— Я вел кое-какие дела с кочевниками пустыни. Они научили меня методу превращения боли в восхитительное удовольствие.

Невозмутимый Хасмун решил, что это блеф.

— Я рад, что ты счел это приятным. Сего дняшний вечер будет еще приятнее. Челюстная кость — для этого у меня есть топазовая булавка. Запястья и голени — сапфировые. Я приберег бриллианты для твоих глаз, красавец мой. Но ты пока не ослепнешь. Как и не умрешь. Это будет долгая игра. Наслаждайся этим, мой дорогой.

Сайрион наклонился, чтобы рассмотреть куклу. Он, казалось, находил ее хитроумное подобие привлекательным, хотя теперь можно было разглядеть, что она не была совершенной копией. Без активации соответствующего заклинания булавки не причиняли ему боли, даже когда он сам вкручивал их в слегка окрашенную восковую плоть.

— Конечно, — заметил Сайрион, — я мог бы украсть у тебя куклу. Или, может быть, убить тебя.

— Попробуй, — предложил маг Хасмун. — Мне бы этого хотелось. Пожалуйста.

Сайрион уже успел заметить четверых головорезов, которые колыхали львиную шкуру, прячась по другую ее сторону. Также он увидел одинокое узкое окно высоко среди полок комнаты, достаточно широкое, чтобы просунуть руку, но не более. Магические искры заиграли вокруг пальцев Хасмуна.

— Попробуй, — снова победоносно сказал Хасмун. — Это доставит тебе много неудобств, но не так много, как эти красивые булавки, боль от которых ты можешь превратить в экстаз.

Сайрион бросил куклу. Его лицо было непроницаемо.

— А если я попрошу пощады?

— Так сделай это.

Сайрион повернулся и выскользнул за львиную шкуру. Головорезы, собиравшиеся в шутку выпинать его из магазина, не ожидали от него такого проворства. Тот, что хотел пнуть промелькнувшего между ними Сайриона, заехал в бедро своему напарнику, который утешил себя тем, что Сайрион, по крайней мере, не способен оказаться достаточно быстрым для мага.

Снова наступили сумерки, а за ними длинная кромешная ночь. Многие в Джеббе, кто впал в немилость к Хасмуну, имели причины бояться этого неотвратимого возвращения тьмы, щедрой на сияющие звезды — а также булавки с драгоценными камнями и боль, приправленную слезами и потом.

В этиочные часы бледная как полотно Марема расхаживала взад-вперед по своим изысканным покоям. Она не могла успокоиться и даже иногда рвала на себе волосы, инстинктивно вспоминая свое первобытное начало.

Мягкий стук в дверь за два часа до рассвета привел ее в чувство. Она подлетела к двери и, распахнув ее, впустила дружелюбно улыбнувшегося ей Сайриона, более бледного, чем она, и худого, как человек после месяца лихорадки. Он был плотно закутан в плащ и в одной руке держал пару тонких глиняных кувшинов с вином, которые продавались в любое время в гавани.

— Я не вынесу этого... — застонала Марема.

— Тихо, — прошептал он и закрыл дверь. — Я интересно провел время в припортовом амбаре и напугал крыс своими корчами. Аптекарь закончил со мной еще на одну ночь.

— Я покончу с собой, — сказала Марема. — Ты спрятался в припортовом амбаре, чтобы я не видела твоих мучений. Но твое страдание — мое...

— Не совсем, — ответил Сайрион. — Наслаждайся.

— Неужели у тебя нет никакого плана?

— Я собираюсь выпить портового вина.

Не снимая плаща, он откупорил кувшин, налил напиток в два синих хрустальных бокала и протянул ей один. Девушка отпила неохотно и машинально, потом со вздохом уронила бокал на ковер и растянулась рядом. От пролитого вина поднимался слабый запах — аромат наркотика, который Сайрион растворил в нем. Он поднял Марему и положил на кровать. Затем бесшумно подошел к туалетному столику, над которым в клетке чирикала крыса-голубка.

ДЕСЯТЬ ОХРАННИКОВ МАГАЗИНА Хасмуна сидели и играли в кости в темной комнате между стеллажами с зельями и ядами, а над ними возвышалось чучело кобры. Прерывисто горели три или четыре лампы, освещая игрокам их броски. Через час солнце поднимется из пустыни за окраиной Джеббы, и дневная стража сменит их. Сегодня вечером еще перепало немногого веселья. Бормотание заклинаний, гудение невидимых труб, горячее движение воздуха предвещали пробуждение темных сил. Затем маг за занавесом из львиной шкуры замолчал, крутя булавки. Никто из головорезов Хасмуна никогда не был свидетелем его колдовства. Они знали, что лучше не шпионить, не имея никаких амбиций в этой области. Они отпустили дурацкую шутку по поводу судьбы Сайриона, но, когда они заговорили об этом, глаза их остановились — и кости зазвенели еще громче.

Это была чудовищно сложная игра в кости на деньги. Стало тихо, словно кто-то нянчился с костями и умолял какого-то крысиного ядовитого личного демона быть

великодушным. И в этой тишине началась большая суматоха. Казалось невероятным, что она возникла внутри магазина, в его глубине. Звон посуды, крики и рев, в которых имя Хасмуна смешивалось с проклятиями.

Стражники побежали за львиную шкуру в комнату, где слышался скрип шагов, но не нашли никаких других признаков незваного гостя. Вскоре зажгли настольную лампу, осветив пол, покрытый слоем черепков от разбитого кувшина, который, по-видимому, был заброшен в комнату через окно. Крики тем временем прекратились. Прежде чем кто-либо из охранников смог пробраться сквозь стеллажи к узкому окну, раздался резкий и тревожный звук, донесшийся из передней части аптеки. Как единый организм, десять охранников метнулись из освещенной красным светом комнаты и снова нырнули внутрь магазина, а оттуда к двери с бисерными нитями. Дверь, не запертая на засов и широко распахнутая, пропустила второй сосуд, на этот раз наполненный горящей смолой, которая только что разнесла его на тысячи осколков во все стороны. Пока охранники, ругаясь, пинали ногами раскаленные обломки, на улице, дико пританцовывая, появился призрак.

Это была худая и жалкая фигура моряка-оборванца с безумно искаженным темно-коричневым, заросшим черной щетиной лицом. Голову его обматывал неописуемо грязный матросский полосатый платок, сам он был одет в отвратительные лохмотья с многочисленными навесными карманами, весь пропах битумом и перегаром. Матрос проклинал Хасмуна множеством проклятий.

Троє охранников попытались схватить привидение, но оно отскочило в сторону.

— Да ниспошлет дьявол несметные кары на Хасмуна, воняющую тухлятиной свинью! — завопил моряк. — А вы,

его вонючие приспешники, слепленные из свиного навоза и оживленные собачьей мочой, да будете замаринованы в собственном гное, пока море не потребует соли!

Пятеро стражников погнались за матросом, который тут же скрылся, хотя и поощрял их к преследованию дальнейшими подробностями об их достоинствах. Пройдя половину улицы, все, кроме двоих, остановились, вспомнив о своих обязанностях в лавке мага. Те двое, что неслись следом за матросом, галопом обогнули угол и оказались в неосвещенном переулке. В следующую секунду их обоих, задыхающихся и полузадушенных, швырнуло на землю, их глотки ужасным образом соединились с тонким шнуром, который несколько минут назад матрос привязал поперек дороги, а затем, убегая, поднырнул под него.

Когда, все еще задыхаясь и богохульствуя, потерпевшие неудачу бойцы арьергарда вернулись в аптеку, упустив свою добычу, разгорелась бурная дискуссия о личности моряка. Вскоре они решили погасить лампу в комнате мага.

В полуумраке, да еще изрядно ослепленные гневом, они могли и не заметить небольшой пропажи. Но один, наткнувшись на лакированный стол, посмотрел вниз. И увидел пустое место, где раньше лежало восковое изображение Сайриона, пронзенное булавками.

НА ОТСЫПАВШЕГОСЯ ПОСЛЕ НОЧНОЙ попойки и наркотиков матроса, собиравшегося на рассвете отправиться на корабль, Сайрион наткнулся в одном из десятков припортовых амбаров, разбросанных тут и там по порту.

Теперь, однако, этот зловонный моряк ужасного вида направлялся не в сторону гавани, а вдоль одной из самых

красивых улиц Джеббы. Наконец, добравшись до лестницы, моряк ловко поднялся по ней, отпер дверь ключом, снятым с персиковой женской шеи, и вошел в покой Маремы, прекрасной куртизанки. Войдя и засветив лампу с некоторой фамильярностью, матрос стащил полосатую головную тряпку и вытер ею лицо, тем самым являя на свет светлые волосы, щетину и кожу Сайриона.

Пьяный матрос из припортового ангаря, который проснется в одежде Сайриона вместо своего оскорбляющего взоры приличных людей наряда, вряд ли станет жаловаться. Возможно, ему будет не хватать его почти пустых винных кувшинов, один из которых влетел в окно лавки мага, а другой взорвался горящей бомбой снаружи.

Продолжающая спать Марема не заметила, как преобразился Сайрион, отчасти при помощи ее собственной косметики. Не заметила она и того, как Сайрион достал из левого подвесного матросского кармана извивающийся бархатный мешочек, а из мешочка — причину его шевеления, разгневанную крысу-голубку.

Приведя животное в лучшее расположение духа, Сайрион снял позолоченный поводок и вернул крысу в клетку. Затем он достал из кармана матроса восковую куклу.

Он отнес крысу к стене ювелиров, которая находилась рядом с окном комнаты Хасмуна. Там он привязал конец длинного поводка крысы к удобно нависающей ветке дерева. Первый шум и звон посуды привели охранников в комнату и заставили зажечь лампу. Затем у входа в лавку лопнул кувшин, который он успел наполнить раскаленным углем. Крыса-голубка обнаружила, что ее подняли к окну комнаты и посадили на подоконник. Сайрион тем временем помчался отвлекать охранников от двери. Потерявшие Сайриона и наполовину

придушенные, его преследователи помчались кружным путем обратно на Улицу Трех стен. На этот раз он погодилсятише обычного, приникнув к окну комнаты.

Крыса-голубка, на которую можно было положиться при краже чего-нибудь яркого, уже выполнила свою миссию. Ярко освещенные лампой, украшенные драгоценными камнями булавки на теле куклы сразу же привлекли крысу. Она спустилась к лакированному столу на всю длину своей цепи. Попытавшись вырвать булавки и потерпев неудачу, крыса схватила всю куклу хищными зубами и полезла обратно к оконной амбразуре. Привязанная к ветке цепь не позволила ей сбежать. Потом, как это всегда происходило, кто-то (в данном случае — Сайрион) отнял у нее с трудом завоеванный трофей.

Но эта долгая ночь еще не закончилась.

Сайрион поставил лампу на туалетный столик Маремы и застыл, вертя восковое изображение, так похожее на него самого, в левой руке с кольцами и в правой без колец.

МАРЕМА ПРОСНУЛАСЬ, ее тело было расслабленным, голова ясной, сердце налилось свинцом.

Она поняла, что было в ее вине. Иногда она применяла это к другим или, в небольших количествах, которые вызывали эйфорию, — для собственного удовольствия. Если бы не ее рассеянность, запах предстерег бы ее — но все же Сайрион пожалел ее, обеспечив ей сон в забытьи. Ее глаза снова наполнились слезами, и сквозь слезы она увидела, что он смотрит на нее от окна. Он был безукоризненно чист, как только что отчеканенное серебро. Выбит, вымыт, причесан,

неповторим и волшебен — и одет в темную мантию кочевников, которую носил во время путешествий по пустыне. Одежда, означавшая, что он уходит.

— Да, — кивнула она, — это умно. В кои-то веки я рада, что ты меня покидаешь. В пустыне, возможно, ты будешь в безопасности. Когда ты уезжаешь?

— Скоро, — тихо ответил он, — но сначала надо кое-что сделать. Тебе лучше встать, любовь моя. Хасмун скоро будет здесь.

Ее глаза расширились, а затем скользнули по столу с косметикой.

Горшочки с притираниями стояли совсем не так, как она их оставила. Высокий горшок с углем лежал на боку. Когда он отошел, она заметила, что зажжена декоративная жаровня: над окном с голубыми ставнями поднимался дым. В роскошной комнате стоял запах смолы, отчетливый и необычный.

— Что ты натворил?

— Угадай, — сказал Сайрион.

ОНА ЗАПАХИВАЛА РАСШИТЫЙ жемчугом шелковый халат, когда в дверь постучали. Разрешения на вход не спрашивали. Несколько мгновений дверь держалась. Затем она упала внутрь с выломанными петлями. Пятеро головорезов, ухмыляясь, отошли в сторону, и в комнату вошел Хасмун, Кукольник.

Мареме он вежливо кивнул, Сайриону мило улыбнулся.

— Как правило, — сказал Хасмун, — мне приходилось иметь дело с трусами и идиотами. Встретить овцу, которая кусает лезвие мясника, — это свежо. Мне нравится твоя новизна. Мне почти хочется пощадить тебя. Но все же в целом я предпочел бы, чтобы ты

умер. Приятно задуть свечу. Но прикончить тебя, мой дорогой, — все равно что погасить солнце. Как я могу сопротивляться этому желанию?

Сайрион, застывший в позе почти высокомерного безразличия, никак не отреагировал.

— А теперь, господин красавец, — спросил Хасмун, — где восковая кукла?

— Поищи у себя в заднице, — ласково откликнулся Сайрион.

Хасмун пожал плечами. Он махнул охранникам, затем остановил их резким движением пальца, демонстрируя силу своего мозга над их мускулами.

— Марема, — заметил Хасмун, — возможно, ты предпочтешь сказать мне, где твой клиент спрятал куклу. Это избавит тебя от грубого обращения с твоей мебелью и с этим человеком со стороны этих негодяев. Ты знаешь, мне трудно контролировать их.

Марема съежилась.

— Пожалуйста... — начала она, но больше ничего не произнесла, и единственное бессильное слово упало между ними, как убитый голубь.

— Ну же, Марема, — протянул Хасмун. Затем он обратился к Сайриону: — Эта твоя соблазнительная ночная леди не всегда так щепетильна. Но, конечно, она любит тебя. Мне следовало бы вспомнить, поскольку я был посвящен в эту тайну. Однажды она пришла ко мне за приворотным зельем, когда моя репутация в Джеббе была юна и безупречна. Она не получила свое зелье. Делать такие глупые гадости — не мое ремесло. Хотя кое-что она все-таки получила. На самом деле она получила больше, чем хотела. Не так ли, моя дорогая? Мне сказать, — спросил Хасмун, — или ты мне скажешь?

Марема закрыла лицо руками.

— Я всегда считал, — заметил Сайрион, — что аптекарь Хасмун прибыл на постоянный двор слишком своевременно, одновременно с моим собственным визитом.

— Своевременно и запланированно. Она сказала мне, что ты будешь там. И она также позаботилась о том, чтобы ты придрался ко мне. Ты не мог устоять перед наживкой — моей репутацией. Она воспламенила твое тщеславие, Сайрион. Как твоя репутация воспламеняет мою ревность. Ты должен уничтожить нечестивого Хасмуна и его восковые козни и единолично править прибрежными городами. А, мой милый? Как и я должен уничтожить Сайриона.

Марема пронзительно закричала Сайриону:

— Он угрожал мне, что сделает мою куклу из воска и замучает меня тоже — я боялась. Я не могла совладать со своим страхом. О, Сайрион, я люблю тебя как свою жизнь, но я не хочу умереть за тебя. И клянусь, я верю, что ты перехитришь его. Во имя Бога, клянусь, так и есть!

— Но ты не доверяла мне настолько, чтобы сказать правду. — Голос Сайриона был мягким, как мышьяк, просеянный сквозь тонкую марлю.

Из глаз Маремы полились слезы, с трудом до этого сдерживаемые.

— Плачь ты хоть изумрудами, дорогая, если это необходимо, — произнес Хасмун. — Но скажи мне, где он спрятал куклу. Помни, я все еще могу создать твою куклу. Я видел Сайриона, видел и тебя. Достаточно одного взгляда. Мне больше ничего не нужно. Зрение, воск, захлипание, булавка.

— Горшочек с черной краской! — воскликнула Марема, а затем упала между обоими мужчинами, темноволосым и белокурым, уткнувшись лицом в ковер.

Хасмун подошел к столику с косметикой, словно смахивая каждый шаг. Он взял горшок с краской.

— Какая удивительная черная краска, — сказал Хасмун. — Однако не такая уж черная, потому что я вижу здесь белое пятнышко. — Он поскреб эту соринку. — И слишком грубая для краски, слишком липкая, слишком шершавая, чтобы подкрашивать ланьи глаза прелестной женщины. И пахнет она совсем не краской. А может, это и не краска? Может быть, это смола из припортовых ангаров? Вылил краску, нагрел смолу — и налил в горшок. Затем опустил восковую фигуру в остывающее вещество — осталось только пятнышко белой восковой подошвы. Этот горшок точно подходит по размеру для такой куклы...

Хасмун внезапно швырнул горшок на голый каменный пол рядом с дымящейся жаровней. Тонкий оникс, уже ослабленный жаром, треснул. Хасмун достал из двух половинок горшка кусок затвердевшей смолы и бережно поднял его.

— О, мой Сайрион, каким невероятным мудрецом ты бы оказался, если бы я не заметил этого! Но поскольку я не промахнулся, ты не мудрец. Представляешь, когда я активирую заклинание — ты почувствуешь на себе все, что смола сделала с твоей куклой: ожоги, удушье, ослепление. Смерть, проникшую в твои ноздри и рот. Я почти испытываю сострадание. Это даже худший конец, чем я для тебя придумал. Хочешь помолиться?

Все еще безо всякого выражения на лице Сайрион спросил:

— Сколько у меня времени на молитвы?

— Я решил быть снисходительным, — ответил Хасмун. — Вместо того чтобы оставлять тебя в немочи и ужасе на весь день, я сотворю заклинание прямо сейчас. Ты умрешь сейчас.

Сайрион отвел взгляд. Он смотрел в голубое небо за окном и молчал.

Марема не поднимая головы, лежала на ковре. Пятеро телохранителей у двери перестали ухмыляться и отступили в явном беспокойстве.

Хасмун поднял руки. Он начал нараспев произносить фразы заклинания, его голос стал гораздо более глубоким и вибрирующим, чем при разговоре. Эти фразы разлетались по комнате зловонными и горчащими жгучими каплями. Отблески на шелке и солнечные блики померкли; само окно потемнело, словно из-за преждевременных сумерек. Крыса-голубка в клетке превратилась в дрожащий комок шерсти. Воздух в зале задрожал, став страшно сухим и горячим. Послышались звуки труб, иссушающие барабанные перепонки. Воздух вздымался, бурлил, превращаясь в воздух пустыни, где никогда не было тени.

По комнате пронесся ветер, неся с собой хаос и горячее дыхание Ада.

Потом все стихло.

Заклинание на куклу было наложено, больше ничего не требовалось. Хасмун издал торжествующий крик. Который перешел в вопль боли и вскоре затих.

Хасмун упал на колени. Он вцепился ногтями в глаза, в ноздри, в рот. Его лицо застыло, руки, казалось, примерзли. Стоя на коленях, он пошатнулся, и отчаянный стон сорвался с его губ — возможно, не успевший родиться крик. И только Сайрион расшифровал этот роковой звук, лишь благодаря чистой воле вырвавшийся наружу сквозь сжатые окаменевшие челюсти, как попытку повернуть заклинание вспять. И Сайрион, словно молния, оказался сначала в одном месте, потом в другом. За долю секунды он вырвал из рук мага кусок смолы с восковой куклой внутри. Еще секунда, и Сайрион швырнул черную лепешку в жаровню. При ударе вспыхнуло пламя. Смола тут же начала таять.

Внутри нее таял воск. Теперь Хасмун не мог применить чары. Он баражтался на ковре, пытаясь закричать, и из его горла вырывался тихий писк. Наконец, всякое движение и всякий звук в нем затихли, он отшатнулся назад от стола с косметикой, сбросив с него экзотическую утварь. Хасмун не пошевельнулся, когда на него обрушился дождь пудры и румян. Притирания пролились на его покерневшее бездыханное лицо. Серебряное зеркало медленно соскользнуло с подставки и разбилось вдребезги у его плеча.

Он лежал мертвый, и когда в жаровне забурлили последние частицы воска и смолы, от его чистой одежды и незапятнанной плоти поднялся густой дым.

Охранники столкнулись в дверях, увидели, что Сайрион не обращает на них внимания, развернулись и побежали. У них больше не было хозяина. У них была история о Сайрионе-маге.

Сайрион взглянул на девушку. Она смотрела сквозь пальцы и бахрому ковра. Оседающая розовая пудра испачкала ее. С одной розовой щекой и одной гипсово-белой она наблюдала за Сайрионом.

— Ты тоже колдун, — пробормотала она. — А меня ты тоже убьешь?

— Вовсе не колдун, — отмахнулся Сайрион. В его глазах мелькнула едва заметная тень усталости.

— Но... — начала Марема, чуть приподнимаясь из своего лежачего положения, — но как же иначе...

— У меня была кукла, — объяснил Сайрион. — Он сделал так, чтобы восковая фигура походила на меня. Я изменил ее с помощью тепла и ножа для чистки овощей и покрасил ей кожу и волосы пигментами из своих горшочков. Когда я закончил, она стала похожа на Хасмуна так же, как когда-то на меня. Судя по природе его заклинания, этого было достаточно. Он должен был

найти эту вещь. Ты облегчила мне задачу. Поэтому он применил свою магию и обнаружил себя задыхающимся, обожженным и слепым внутри куска смолы.

Она села.

— Я верила, что ты его уничтожишь, — выдохнула она.

— Моя верная Марема, — улыбнулся Сайрион.

Она вздрогнула от его ласкового тона.

— Прости мне мой страх...

— Я прощаю тебя, — ответил Сайрион. Он взглянул на разбитое стекло рядом с мертвым магом. Достав монеты из складок одежды кочевника, он легко и безжалостно швырнул их через труп Хасмуна ей на колени. — Купи себе другое зеркало, — сказал он.

Ее слезы утонули в тишине, последовавшей за его уходом. Она знала, что он ушел навсегда.

ПЕРВАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

КОГДА КАМЕНЩИК ЗАКОНЧИЛ свой рассказ, белокурый солдат обнаружил, что они допили вино. Через несколько минут солдат, лениво перевернув свой кубок, постучал по кувшину:

— А продолжение будет, господин каменщик?

Каменщик свернул бумаги и взял счеты.

— Возможно. Я оставлю вас, чтобы это узнать.

— Подождите... — Рыжий Ройлант вышел из транса и схватил мужчину за рукав. — Я должен задать вам несколько вопросов.

— Зачем?

— Зачем? Он, — указал солдат, подмигивая, — не верит вашему рассказу.

— Не по этой причине, — запротестовал Ройлант, — мне нужно...

— Господин, — сказал каменщик, вставая, — я с самого начала предупредил вас, что не могу гарантировать подлинность. Достаточно сказать, что эта байка была на слуху в Джеббе. И я точно знаю, что в городе жил аптекарь с очень дурной репутацией, который таинственным образом исчез с его улиц. Его лавку разграбили, а на рыночной площади появилось большое чучело змеи. Никто его не покупает. Считается, что оно несет на себе проклятие мага.

Ройлант, казавшийся обеспокоенным, заговорил, но солдат перебил его:

— Может быть, предложите еще вина...

Ройлант немедленно позвал угрюмого раба Эсуря, притаившегося поблизости под предлогом того, что

что-то ищет, и послал его за дополнительными закусками.

— Пообедайте со мной, — предложил Ройлант каменщику.

— Я уже договорился отобедать в доме знаменитого архитектора. Едва ли я могу успеть отказаться.

— Увы. Тогда, ради бога, приходите сегодня вечером.

— На самом деле все это без толку, господин. Я сказал вам все, что мог.

Ройлант уступил и смотрел, как каменщик поклонился и вышел из комнаты. Молодой человек с рыжими волосами, будучи явно аристократом, казалось, не обладал никакой аристократической властью. Пользуясь другими своими достоинствами, он, казалось, признавал это с каким-то добродушным отчаянием и, в сущности, ничего другого и не ожидал.

Когда принесли вино и солдат принял его пить, Ройлант без особой надежды посмотрел на двух философов, все еще спорящих в нише. Один из них был похож на странствующего ученого, время от времени посещавшего город, чтобы исследовать Имперскую библиотеку, прежде чем отправиться к более известной — в Аскандрисе на Киросе. Второй человек, постарше и не такой заурядный, вполне мог быть мудрецом из тех, которые скитаются и часто сходят с ума. Казалось странным, что такой тип вообще вошел в трактир, но растрепанная нечесаная шевелюра и еще более растрепанная нечесаная борода выглядели странно: пряди сильно походили на паклю. Вот вам и качество гостей «Медового сада». Если мудрец не пользовался популярностью, вряд ли можно было бы рассчитывать на какую-то славу в его положении. Внезапно внимание Ройланта вернулось в настоящий момент.

Раб Эсур что-то влажно шептал ему на ухо.

— Я сказал, — повторил Эсур, — если вы хотите заплатить золотом за рассказ о Сайрионе, то я знаю историю о Сайрионе.

Солдат рассмеялся:

— О, будьте уверены, он знает!

Эсур нахмурился.

— Я всего только раб, годный лишь для того, чтобы меня пинали, били и набрасывались на меня без всякой причины. Но я все равно кое-что слышу.

— Полагаю, я все равно тебе кое-что должен за то, что сбил тебя с ног. Твоя жизнь и без того достаточно плоха.

— Она... она... если бы вы знали! В два года я потерял своих родителей и стал сиротой, в три года меня продали на рынке Хешбель, где ребенок стоит меньше, чем овца...

Солдат фыркнул в свое дармовое вино.

Эсур с большим достоинством сел и взял бокал Ройланта.

— Если он... — по-видимому, трактирщик, подумал Ройлант, — придет, скажите ему, что я помогаю вам, иначе он меня побьет. Снова.

Эсур кивнул на удивление ухоженной головой, залил вино в глотку и начал...

ВТОРАЯ ИСТОРИЯ: ГЕРОЙ У ВОРОТ

ПОСРЕДИ ПУСТЫНИ РАСКИНУЛСЯ ГОРОД.

Поначалу его можно было принять на мираж, затем за одну из гигантских гор, зубов пустыни, прозрачно-голубых от расстояния и жары. Но Сайрион нашел дорогу, которая вела к городу, свернула на нее, и вскоре город принял четкие очертания. Высокие стены и еще более высокие башни внутри, высокие ворота из кованой бронзы. А наверху — высокое и чистое пустынное небо, эхом отражавшееся от города, как от чаши. Из города не исходило ни звука, ни дыма.

Сайрион стоял и смотрел на город. Его так и подмывало поверить, что он пуст, что это одна из созданных людьми громадин, покинутых столетия назад, когда пески пустыни подползли к их порогу. Конечно, город был древним. И все же в нем не было ни малейшего намека на заброшенность, на неопределенную тоску нежилого дома.

Интуитивно Сайрион знал: как он смотрит на город снаружи, так и другие бесшумно смотрят изнутри на Сайриона.

Что они видели? Молодого человека, высокого и стройного, обманчиво элегантного, что само по себе удивительно, так как он месяцами путешествовал по пустыне, по караванным путям и редким, занесенным песком дорогам. Он был одет в свободную темную одежду кочевников, но скинул широкий капюшон, что-

бы продемонстрировать отсутствие загара кочевников. На боку у него висел меч в ножнах из красной кожи. Солнечный свет высушил серебристо-золотой отблеск на рукояти меча, такой же, как цвет его волос. Его левую руку украшали кольца, от которых, по-видимому, его не смог освободить ни один бандит. Если бы наблюдатели из города могли различить, что Сайрион красив, как сам архидемон, то они не были бы первыми, кто это заметил.

Затем раздался гулкий скрежет двух бронзовых ворот, освобожденных от засова и втянутых внутрь на полозьях. Путь в город был открыт, но теперь его преграждала толпа. Молчаливые, одетые в черное мужчины, женщины, даже дети с одинаковыми лицами одинаково смотрели на Сайриона. Они смотрели на него так, словно он — свет последнего дня их жизни, блеск последней монеты в пустом сундуке.

Ощущение его жизненной важности для них было настолько сильно, что Сайрион отвесил толпе низкий, полунасмешливый поклон. Распрямившись, он увидел, как сквозь толпу прошел человек и вышел из ворот.

Мужчина оказался ростом с Сайриона. Обладатель сурового лица, загорелого, но желтоватого, крыльев черных волос под изукрашенным венцом и ожерелья из темного золота с драгоценными каменьями. Его взгляд также был прикован к Сайриону и походил на взгляд влюбленного. Или голодного льва, созерцающего оленя.

— Господин, — поинтересовался черноволосый, — что привело вас в наш город?

Сайрион лениво махнул окольцованный левой рукой.

— У кочевников есть поговорка: «После месяца, проведенного в пустыне, удивляешься даже мертвому дереву».

— Значит, только любопытство, — проговорил мужчина.

— Любопытство, голод, жажда, одиночество, усталость, — добавил Сайрион. Глядя на Сайриона, мало кто мог подумать, что он все это испытывал.

— Еду, питье и отдых мы вам дадим. Но мы не станем рассказывать нашу историю. Удовлетворять любопытных — не наше дело. Наша еда груба и проста. Мы ждем избавителя. Мы ждем его в рабстве.

— Когда он должен появиться? — спросил Сайрион.

— Вы, возможно, и есть он.

— Я-то? Вы мне льстите. Меня много раз называли спасителем, но никогда — избавителем.

— Господин, — сказал черноволосый, — не шутите над несчастьем этого города и над его единственной надеждой.

— Я не шучу, — ответил Сайрион, — но рискну предположить, что вы хотите от меня какой-то услуги. Избавители обязаны трудиться. Полагаю, во имя вашего народа. Что вам нужно? Давайте разберемся.

— Господин, я Мемлед, принц этого города, — представился мужчина.

— Принц, но не избавитель? — перебил Сайрион, глязя его расширились в оскорбительном изумлении.

Мемлед опустил глаза.

— Если вы хотите пристыдить меня этим, это ваше право. Но вы должны знать, что мне мешают обстоятельства.

— Ну конечно. Разумеется.

— Я безропотно перенесу вашу насмешку и снова спрошу: станете ли вы действовать от имени города?

— И я снова спрошу вас: что я должен делать?

Мемлед поднял веки и снова посмотрел на Сайриона.

— Мы в пленау чудовища, демонического зверя. Он обитает в пещерах под городом, но по ночам бродит на воле. Он требует плоти наших мужчин в пищу; он

пьет кровь наших женщин и наших детей. Он защищен древней магией, договором, заключенным сто лет назад между правителями города (да будут они прокляты!) и ордами дьявола. Никто из рожденных в городе не в силах убить зверя. И все же есть пророчество. Чужестранец, герой, который отважится подойти к нашим воротам, одолеет его.

— И скольких героев, — мягко поинтересовался Сайрион, — вы обрекли на раннюю смерть благодаря этому пророчеству, вы и ваш демонический зверь?

— Я не буду лгать вам. Больше десятка. Если вы откажетесь, никто здесь не станет говорить о вас плохо. Ведь ваши шансы на успех ничтожны, если вы направите свой ум и меч против зверя. И наши страдания для вас ничего не значат.

Сайрион окинул взглядом одетую в черное толпу. Иссохшие лица по-прежнему были обращены к нему. Дети походили на миниатюрных взрослых: такие же сухие, неподвижные, бесшумные. Если эта история правдива, то они рано усвоили уроки страха и печали и не проживут долго, чтобы насладиться этими уроками.

— Что вы можете рассказать мне о своем звере, кроме его пищевых привычек? — спросил Сайрион.

Мемлед вздрогнул. Его бледность усилилась.

— Больше я ничего не могу рассказать. Это часть грязного колдовства, которое сковывает нас. Мы ничего не можем сказать, чтобы помочь вам, ничего не можем сделать, чтобы помочь вам. Только молиться за вас, если вы решите противопоставить свое мастерство дьяволу.

Сайрион улыбнулся.

— Да наглость — ваша вторая натура, мой друг, и это просто восхитительно. Если я одолею вашего зверя, какова моя награда, кроме, конечно, благословения вашего народа?

— У нас есть золото, серебро, драгоценности. Вы можете забрать с собой все это или все, что пожелаете. Мы жаждем безопасности, а не богатства. Наше богатство не защитило нас от ужаса и смерти.

— Думаю, мы заключили сделку, — сказал Сайрион. Он снова посмотрел на детей. — Предоставлю казнечеству результаты подсчета с вашей подписью.

БЫЛ ПОДЕНЬ, И СОЛНЦЕ пустыни заливало город своим безжалостным светом. Сайрион шел в сопровождении принца Мемледа и его охраны — таких же одетых в черное мужчин, но с тяжелыми клинками и кинжалами на поясе, ни один из которых, по-видимому, никогда не знал крови зверя. Толпа осторожно двинулась вслед за своим принцем. Слышен был только шорох ног, шаркающих по пыли, и никаких голосов. Под решетками нависающих окон кое-где в фиолетовой тени стояли клетки с птицами. Птицы в клетках не пели.

Они добрались до рыночной площади, выгоревшей на солнце, безлюдной и без всяких товаров. Колодец в центре рынка — вода, которая в первую очередь послужила бы здесь причиной строительства города. Еще одно указание на воду находилось напротив рынка, где широкая лестница, обрамленная каменными колоннами, вела к массивной зубчатой стене и дверям из бронзы, на этот раз покрытым чистым сверкающим золотом. Над стеной королевского дома виднелись верхушки пальм. В воздухе витал зеленый аромат, пьянящий, как благовония в пустыне.

Толпа на рыночной площади расступилась. Мемлед и его охранник повели Сайриона вверх по лестнице. Позолоченные двери открылись. Они вошли в прохладный

дворец, синий, как подводная пещера, шелестящий хрустальными фонтанами, сладкий от запаха нагретых солнцем цветов.

Одетые в черное слуги принесли охлажденное вино. Еда оказалась отвратительной и не соответствовала вину. Ушли ли стада скота на то, чтобы успокоить демонического зверя? Сайрион не заметил в городе ни козы, ни овцы. Если уж на то пошло, не было ни собак, ни даже гладкошерстных кошек и полосатых мартышек, которых богатые женщины любят держать на руках, как младенцев.

После еды и питья немногословный, но вежливый Мемлед повел Сайриона в сокровищницу, где по полу как пыль рассыпались драгоценности.

— Думаю, — рассудил Сайрион, брезгливо исследуя нити жемчуга и рубиновые ожерелья, — что за такие вещи вы могли бы нанять героя, послав за ним.

— Это тоже наше ограничение. Мы не можем никого послать. Он должен попасть к нам случайно.

— Как говорят кочевники, — обаятельно и невинно улыбнулся Сайрион, — никто не знает стену лучше, чем тот, кто ее построил.

В это мгновение что-то прогремело в недрах мироздания.

Это была ужасающая какофония. Рев, исполненный злобы и жажды крови. Это походило на подземный рев одновременно целого стада коров, загоняемых в хлев раскаленными железными прутами. Пол завибрировал. Из одной кучи драгоценностей выпал сапфир и показался к другой.

Сайрион скорее заинтересовался, чем обеспокоился.

Его голос не выражал ничего, кроме интереса, когда он спросил принца Мемледа:

— Это, что ли, ваш зверь, предвкушающий сегодняшний ужин?

На лице Мемледа появилось выражение глубочайшей тоски и отчаяния. Его рот скривился. Он вдруг резко вскрикнул, словно его охватила сильная, хорошо знакомая боль, и закрыл глаза.

Зaintригованный, Сайрион заметил:

— Значит, вы действительно не можете говорить об этом? Успокойтесь, мой друг. Он очень умело говорит сам за себя.

Мемлед закрыл лицо руками и отвернулся.

Сайрион вышел через дверь. Вскоре бледный, но достаточно спокойный Мемлед последовал за своим героям-гостем. Черные охранники заперли сокровищницу.

— А теперь, — сказал Сайрион, — поскольку я не могу противостоять вашему зверю, пока он не выйдет ночью из своих пещер, я собираюсь поспать. Мое путешествие через пустыню было трудным, и я уверен, вы согласитесь, что свежесть в бою необходима.

— Господин, — ответил Мемлед, — дворец в вашем распоряжении. Но пока вы спите, я и еще несколько человек будем рядом.

Улыбнувшись, Сайрион заверил его:

— Друг мой, это ни к чему.

— Господин, вам лучше не оставаться одному. Простите мою настойчивость.

— Какая тут может быть опасность? Зверь не представляет угрозы, пока солнце не сядет. Есть еще несколько часов.

Мемлед выглядел встревоженным. Он протянул руку, указывая на город за стенами дворца.

— Вы настоящий герой, господин. Некоторые люди могут подкупить стражу. Они могут войти во дворец и нарушить ваш отдых вопросами и шумом.

— Мне показалось, — удивился Сайрион, — что ваш народ необычайно спокоен. Но если нет, то пусть приходят.

Я крепко сплю. Я сомневаюсь, что что-нибудь разбудит меня до заката, когда это сделаете вы, принц, или кто-то другой.

Лицо Мемледа, выдающее его настроение, на мгновение смягчилось от облегчения.

— Вы спите так глубоко? Тогда я соглашусь позволить вам спать одному. Разве что, может быть, к вам прислать девушку?

— Вы слишком добры. Однако я отказываюсь от девушки. Я предпочитаю выбирать себе дам после боя, а не до.

Мемлед улыбнулся натянутой и нервной улыбкой. За ней проступала неприязнь к себе, вина и стыд.

ДВЕРИ В РОСКОШНУЮ КОМНАТУ, предназначенную для отдыха Сайриона, были закрыты. В серебряных чашах горели ароматические смолы. Пронзительное послеполуденное солнце скрывалось за ставнями из крашеного дерева и расшитыми драпировками. За закрытыми дверями музыканты играли чувственную тихую музыку на трубах, барабанах и гирзах. Все располагало ко сну. Но не для Сайриона.

Вопреки своим словам, спал он чутко. В городе зверя у него не было ни малейшего желания спать. Другое дело — уединение. Заперев изнутри двери покоев, он бесшумно прошелся по комнате, оценивая ее возможности. Он приоткрыл ставню и окинул взглядом сверкающие крыши дворца и сухую зеленую пальмовую тень садов.

Повсюду город нес свою бессловесную вахту. Сайрион задумчиво ощущил его напряжение, словно огромное единое сердце, балансирующее между двумя ударами.

Одно сердце или две челюсти, которые вот-вот сомкнутся...

— Сайрион! — настойчиво произнес чей-то голос.

Увидеть в этот миг, как преобразился Сайрион, означало открыть для себя что-то новое о его природе. Вот он — беспечный бездельник, стоящий у окна, а через долю секунды — взведенная пружина. Правая рука на готове на рукояти меча. Она скользнула туда настолько быстро, что человеческий глаз не смог бы этого заметить. Однако ритм его дыхания нисколько не изменился. Но, обнаружив перед собой пустую комнату все в том же виде, он ни на толику не изменил своей позы.

— Сайрион! — снова раздался голос из ниоткуда. — Молю небо, чтобы у вас хватило хитрости солгать им, Сайрион!

Сайрион, казалось, ослабил свою исключительную бдительность. Однако это было не так.

— Небеса, несомненно, наслаждаются вашими молитвами, — сказал он. — Могу ли я насладиться вашим видом?

Голос был женским, выразительным и очень красивым.

— Я в тюрьме, — сказал голос, запнувшись лишь самую малость. — Я хочу предупредить вас. Не верьте им, Сайрион.

Сайрион стал расхаживать по комнате. Небрежно и изящно он раздвинул драпировки своим мечом.

— Они предложили мне девушку, — задумчиво произнес он.

— Но не они ли предложили тебе верную смерть?

Сайрион закончил обход комнаты. Он выглядел удивленным и веселым.

Он быстро опустился на колени и распластался на полу. В мозаичном узоре пола отсутствовала круглая

деталь. Заглянув туда, он увидел тусклое пространство, освещенное единственным мутным источником света за пределами видимости. Прямо внизу, в темноте, которая, должно быть, была полом, лежала девушка, уставившись на него блестящими дикими глазами. В полуумраке она больше походила на цветок, сотканный из света, чем на реальность: колеблющаяся в воздухе фарфоровая белизна, волосы, как золотые цепочки из сокровищницы, лицо, как у резной статуэтки богини, тело прекрасной блудницы, прежде чем она начнет торговаться собой, — все еще девственницы. И на ее талии, запястьях, лодыжках — железные цепи, прикрепленные к колышкам, вбитым в землю.

— Так вот вы где.

— Каменная кладка устроена так, что позволяет вам услышать меня, а мне вас. В прежние времена в этой комнате наверху развлекались принцы: они пили и занимались любовью, слушая крики тех, кого пытали в этой темнице, и иногда заглядывая внутрь, чтобы преумножить свое удовольствие. Но то ли Мемлед забыл, то ли подумал, что я уже не кричу. Я заметила, как ваша тень промелькнула над отверстием. Ранее тюремщик назвал мне ваше имя. О, Сайрион, я умру, и вы со мной.

Она замолчала, и слезы, как серебряные капли, потекли из ее безумных глаз.

— Вы его пленница, госпожа? — спросил Сайрион.

— Так и есть, — прошептала она. — Зверь, от которого они якобы ищут спасения, на самом деле является городским демоном-покровителем. Они любят зверя и совершают во имя его всевозможные зверства. Как еще, по-вашему, они накопили такие сокровища здесь, в глуши? И раз в год они чествуют зверя, принося ему в жертву прекрасную девушку и знатного воина. Я должна была стать невестой богатого и мудрого господина в

городе у моря. Меня считают редкой красавицей; Мемлед слышал обо мне. Люди этого города напали на караван, в котором я ехала, и привезли меня сюда. Вот уже месяц, как они удерживают меня. Сами того не ведая, вы прибыл сюда по несчастливой воле судьбы, если только колдовство Мемледа не заманило вас. Сегодня вечером мы разделим судьбу друг друга.

— Вы их пленница, а я нет. Как они собираются принести меня в жертву?

— Это просто. В сумерках придет сотня человек. Вы не выглядите испуганным, но даже с вашим бесстрашием вы не сможете одолеть сотню людей. Они отберут ваш меч, оглушат вас, связуют. В западной стене есть тайная дверь, ведущая на лестницу. Они сбросят вас через дверь вниз по лестнице. Внизу — пещеры, где бродит зверь, жаждущий крови. Я тоже пройду этот путь к смерти.

— Занятная история, — откликнулся Сайрион. — Почему вы решили мне ее рассказать?

— Разве вы не герой? — страстно спросила девушка. — Разве вы не обещали им убить зверя, стать их избавителем, хотя и, честно признайтесь, в обмен на золото? Разве вы не можете вместо этого стать своим и моим избавителем?

— Простите меня, госпожа, — произнес Сайрион тоном, слегка граничащим с наивностью, — я в растерянности. Кроме того, мне кажется, что наши судьбы начертаны твердой рукой. Возможно, нам следует принять их.

Поднявшись на ноги, он отошел от дыры.

Через мгновение девушка закричала:

— Вы трус, Сайрион! Несмотря на вашу внешность и ваш прекрасный меч, на ваши одежды кочевников, на то, что их называют Львами Пустыни — на все это, — вы трус и глупец!

Сайрион, казалось, задумался.

Через минуту он дружелюбно заметил:

— Полагаю, теперь мне надо открыть потайную дверь и искать монстра по собственной воле, с мечом в руке и наготове. Тогда, если я убью его, я смогу вернуться за вами и освободить вас.

Девушка заплакала. Сквозь слезы она произнесла, словно отрезала:

— Если вы мужчина, вы сделаете это.

— О нет, госпожа. Только если я — ваше представление о мужчине.

ЛЕСТНИЦА ОКАЗАЛАСЬ УЗКОЙ И, по задумке создателя, невидимой в темноте — если не считать того, что Сайрион стащил одну из ароматизированных свечей из комнаты наверху, чтобы осмотреть ее. Он легко обнаружил тайную дверь: панель сдвигалась с помощью поворота декоративной ручки. Спустившись на тридцать ступенек, он миновал еще одну железную дверь справа. За дверью слышался слабый плач девушки.

Лестница спускалась через западную стену дворца и уходила под землю. На ее ступеньках не было слышно никаких зловещих звуков из чрева пока еще невидимых разветвленных пещер. Наконец лестница достигла dna и закончилась. Впереди простиралась непроницаемая чернота, а в черноте — столь же черная и невыразительная тишина.

Сайрион двинулся вперед, держа перед собой свечу. Темнота играла со свечой в поддавки, отдавая свету миниатюрный оазис позабывших о нем предметов, таких как стволы сталагнатов, тянувшиеся к потолку.

Тьма губами прикасалась к Сайриону. Она лизала его, катала на языке. Зажженная свеча являлась всего лишь приправой к его вкусу; ей нравился Сайрион со светом, как человеку нравится мясо с солью.

Затем из пустоты впереди налетел сильный ветер. Резкий раскаленный порыв, словно из печи. Сайрион остановился, размышая. Вздох зверя, запертого в пещерах? Мгновение спустя на него обрушился рык.

Наверху, в сокровищнице, рев, казалось, сотрясал фундамент дома. Здесь он очистил даже темноту и расек ее, как тыкву. Осколки тьмы застучали по сталагнатам. Из камня полетели обломки и дождем посыпались на землю. Пещеры загудели, забормотали, замолкли. Но тьма не застыла.

Появился новый свет. Безупречный круг света — бледный, дымчато-красный. Потом он мигнул. Потом их стало два. Два безупречных круга раскаленной магмы. Два глаза.

Сайрион уронил свечу и наступил на нее каблуком.

Этого зверя было видно в его собственном свете. Он разогнал темноту, когда его глаза загорелись интересом. Он не походил ни на какое другое животное; его ни с чем нельзя было сравнить. Он был похож сам на себя, уникален. Его размеры были ни с чем не сопоставимы. Высокий Сайрион мог бы поместиться в одно только красное окно его глаза.

Теперь эти глаза сияли так, что освещали всю пещеру: скалы, затянутый пылью пол, колышущиеся в воздухе пыльные завесы. Зверь поднялся из пыли, разинул пасть. Сайрион пригнулся, и над его головой пронесся порыв обжигающего, хотя и не огненного дыхания. Оно не было зловонным, просто очень горячим. Сайрион воткнул меч острием в пыль и лениво оперся на него. Он стал похож на восхитительную статую. Способный

двигаться с быстрой молнией, он предпочел сейчас застыть камнем, и алые отсветы легли на его светлые волосы, окрашивая их в цвет разбавленного вина.

Сайрион наблюдал, как демоническое чудовище, подсвеченное светом своих огромных глаз, крадется к нему. Он смотрел, не шевелясь, опершись на меч.

Затем по нему ударила мускулистая когтистая лапа, длинная, как колонна, но Сайриона уже не было на том месте, где он стоял мгновение назад, неподвижно опершись на меч. Теперь Сайрион снова стоял неподвижно с мечом наготове, небрежно ожидая далеко в тени. Снова взмах косы смерти — и снова его там нет.

Челюсти клацнули, и из них, словно водопад, хлынула слюна. Сайрион метнулся за пределы их досягаемости. Камень вновь превратился в молнию. Это был четвертый удар по нему. Он не смеялся над серьезностью своего положения, но и не отчаивался. Вне сомнений, его цель была легкой добычей...

Сайрион размахнулся и бросил меч снизу вверх, прямо в светящееся посреди пещеры пятно. Лезвие попало в левый глаз чудовища, разбило его, словно красное стекло, и вонзилась в мозг.

Сайрион как кошка прыгнул на уступ и присел там.

Черный ихор хлынул к потолку пещеры. Постепенно свет померк. Громоподобный рев утихал, будто из этих сухих пещер под пустыней выплеснулось огромное море.

Сайрион без жалости и злорадства ждал на уступе, когда зверь неизбежно упадет, затихнет и умрет.

В кромешной тьме, незрячий, но безошибочно помнящий свой путь, как всегда помнил все, что с ним происходило, Сайрион подошел к демоническому зверю, вытащил меч и вернулся с ним вверх по каменной лестнице к железной двери подземелья, вделанной в стену.

Отодвинув наружный засов, он распахнул дверь.

САЙРИОН ЗАСТЫЛ ПОСРЕДИ тюрьмы с мечом в руке, впитывая каждую деталь. Тюрьма оказалась каменным ящиком, освещенным тусклыми трепещущими факелами. Девушка лежала на полу, закованная в цепи так же, как он видел ее в глазок. Он взглянул в направлении глазка, едва различимого на фоне тусклого света факела.

— Сайрион, — прошептала девушка, — на вашем мече черная кровь зверя, и вы живы.

Ее белое прекрасное лицо было обращено к нему, густые пряди золотистых волос разметались по полу, шелковистые груди трепетали в такт биению сердца. Слезы снова потекли по ее щекам, но теперь она была спокойна. Она не выражала ни удивления, ни любопытства, только любовь.

Он подошел к ней и, еще раз подняв меч, отрубил ей голову.

Открыв дверь, Сайрион грациозно вынырнул из нее, затем выпрямился и скачками взбежал по тридцати ступеням. Он прошел через потайную дверь и оказался в верхних покоях, все еще держа меч в правой руке без колец. А левая рука с кольцами держала за блестящие волосы женскую голову.

Напротив в выбитом дверном проеме комнаты стоял Мемлед с лицом цвета желтого пепла.

Затем он рухнул на колени, а за ним упали и охранники.

Мемлед начал всхлипывать. Рыдания были резкими, мучительными. Он явно не мог сдержать их, и все его тело содрогалось.

Сайрион остался на месте, не обращая внимания на его срыв.

Наконец Мемлед заговорил:

— Спустя вечность небеса услышали наш плач, ответили на нашу мольбу. Вы герой города, наш искупитель. Мы

были связаны дьявольским договором и не могли ни предупредить вас, ни дать вам совет. Как вы узнали правду?

— А что есть правда? — спросил Сайрион невероятно ласково, стоя между запачканным клинком и окровавленной головой.

— Правда, что чудовище — это иллюзия для обмана сражавшихся за нас героев, созданная колдуньей, чью голову вы отрубили. Год за годом эта безжалостная мерзкая волчица опустошала город, бродя по ночам, пируя плотью и кровью моего народа. И у нас был лишь хрупкий шанс, пророчество, единственная лазейка в адском договоре — что мы сможем увидеть ее убитой, если к воротам придет героический путешественник и согласится избавить нас от мучений. Но она всегда околдовывала и обманывала этих героев, появляясь в иллюзорных оковах, лгала, что мы принесем ее в жертву, посыпала каждого человека убить призрачного зверя, которого не существовало. А потом герой доверчиво приходил к ней, и она хватала его и убивала. Так мы отправили на смерть более двух десятков героев, потому что мы были скованы ее колдовством и не могли направить их туда, где гнездилось зло. Но как, господин герой, вы узрели истину в этой пучине колдовства?

— Да проще простого, — лаконично откликнулся Сайрион.

— Но поделитесь этим со мной! — Мемлед поднял мокре от слез лицо, переполненное теперь лихорадочной радостью.

— Ее расположение ко мне показалось мне подозрительным, если она была той, за кого себя выдавала. Ее необыкновенная красота, пережившая месяц заточения и ужаса, ее запястья и лодыжки, не стертые цепями. Будучи чужой в этом месте, она так много знала о его закоулках и его истории. Еще интереснее то, что

она так много знала обо мне — кроме моего имени, которое непонятно зачем тюремщику понадобилось ей называть, — например, то, что я ношу одежду кочевников и что я обладаю некоторыми достоинствами, как она считала, хотя сама меня видеть не могла. Она утверждала, что видела мою тень, промелькнувшую над глазком, но это вряд ли. Она также знала все наши с вами разговоры, как будто подслушала их. Хотите услышать большее?

— Каждую мелочь!

— Тогда рассмотрим зверя, который явно был нереальным. Его голос настолько громок, что от него дрожали полы, и все же дом цел. Да и сама тварь так огромна, что могла бы повергнуть город в прах, однако она заперта в пещере, где даже не подняла пыли. Далее — отсутствие костей и ее здоровое дыхание, предназначение, чтобы произвести впечатление мощью и жаром, но не пахнущее ничем другим. Кошка, жрущая крыс, имеет более отвратительный запах из пасти. А эта тварь, которая якобы ела людей и пила их кровь и была достаточно большой, чтобы наполнить воздух воностью, — чиста, как высокобленная кастрюля на плите. Наконец, я поднялся наверх и увидел, что в глазок не видно ничего из того, что происходит в этой комнате, не говоря уже о мелькающей тени. И еще, если хотите, я заметил острые зубы этой дамы.

Мемлед поднялся на ноги.

На полпути к Сайриону он остановился и повернулся к охранникам.

— Сообщите городу, что нашему страху пришел конец.

Охранники, округлив глаза, бросились прочь.

Мемлед подошел к Сайриону, свирепо глядя на голову, которую тот предусмотрительно положил на

подвернувшуюся тарелку. Она уже начала осыпаться каким-то зловонным порошком.

— Мы свободны от нее, — воскликнул Мемлед. — А вы можете опустошить сокровищницу. Возьмите все, что у нас есть. Возьмите... возьмите эти регалии правителя города. — И он схватился за ожерелье из темного золота, висевшее у него на шее.

— В этом нет необходимости, — беспечно ответил Сайрион. Он вытер меч о драпировку. Мемлед не обратил на это внимания. Сайрион вложил меч в ножны. Мемлед улыбнулся, все еще нервно, но его лицо оживилось от волнения.

САЙРИОН ЛОВКО ОРУДОВАЛ в сокровищнице. Дневной свет уже угас, и при ровном янтарном свете ламп Сайрион выбирал нити с драгоценными камнями и золотые цепочки, кубки и драгоценные кинжалы, браслеты и доспехи. Вскоре они достаточно плотно наполнили кожаную сумку, которую Сайрион закинул за спину. Мемлед предлагал ему другие дары. Сайрион отказался.

— Как говорят кочевники, — отметил Сайрион, — три осла не могут сунуть головы в одно ведро.

Песни и праздничные крики уносились в прохладу ночной пустыни из сверкающего окнами города под сверкающим звездами небом.

— Ночь без крови и ужаса, — произнес Мемлед.

Сайрион спустился по дворцовой лестнице. Мемлед остался на лестнице, его охранники рассеялись вокруг. На рыночной площади горел костер, там танцевали. Черные одежды исчезли; женщины надели свои наряды, сверкали и звенели серьгами, танцуя. Мужчины пили, поглядывая на женщин.

У края толпы, словно маленькие камни, стояли двое детей, одетых в свои лучшие одежды, и Сайрион увидел их лица.

Детское лицо — подлинный календарь времен года души. Люди учатся притворству по необходимости. Дети еще не успели научиться.

Сайрион колебался. Он повернулся и зашагал обратно к дворцу, а затем тихо поднялся по ступеням.

— И последнее, друг мой принц, — обратился он к Мемледу.

— Что?

Сайрион улыбнулся.

— Вы оказались слишком искусны, и я не понимал этого, пока дети только что не подсказали мне.

Сайрион швырнул мешок со своего плеча точно в живот Мемледа. В следующую секунду в руке Сайриона сверкнул меч, и чернокрылая голова Мемледа запрыгала вниз по лестнице.

Танцовы вокруг костра прекратили танцевать. Стражники застыли в шоке, хотя ни одна рука не потянулась к клинку. Сайрион вытер свое лезвие — на этот раз о конвульсирующее тело Мемледа.

— И он тоже, — сказал Сайрион.

— Да, господин, — хрипло ответил ближайший из охранников. — Их было двое.

— И они — ваш принц-демон и его шлюха — ежевечерне играли в кости на то, кто должен обрушиться на город, не так ли? Но он все же не мог избежать пророчества о герое у ворот. Он был обязан заботиться обо мне и в любом случае рассчитывал, что леди обойдется со мной так же, как и с другими. Но когда она этого не сделала, он обрадовался, что я убил ее, потому что если бы ему удалось обмануть меня, то город бы достался ему одному. Он справился. Он ни разу не проявил свою

демоническую сторону. Он действовал как человек, как принц Мемед: страх и радость. Он был слишком хорош. И я бы никогда не догадался, если бы не агонизирующая пустота в глазах детей там внизу, в толпе.

— Вы, несомненно, герой, и да благословят вас небеса, — воскликнул охранник. Было понятно, что он настоящий человек и все остальные тоже. Их облегчение от внезапного избавления было неподдельным, как и у всех настоящих людей, которые не знают заранее, когда плакать, а когда смеяться.

Сайрион тихо рассмеялся, глядя на сверкающее небо.

— Да благословите меня, небеса!

Он снова спустился по лестнице. Теперь оба ребенка горланили так, как не смели раньше, — беззаботно и энергично. Сайрион открыл кожаный мешок и выбросил сокровища на площади, на радость взрослым и детям.

И ушел в пустыню, под звезды, с пустыми руками.

ВТОРАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

ЭСУР, ВПАВШИЙ В НЕКОЕ подобие транса во время своего напевного рассказа, потянулся к кувшину с вином, но ему помешал солдат, добравшийся до него первым.

— Клянусь небесными хорами, — воскликнул солдат, — ну и сказка! — Эсур сверкнул на него глазами, а солдат выпил. — Можно ли в это поверить? Где этот город демонов? Существует ли он? Настоящая выдумка...

Оскорбленный Эзур поднялся, и солдат, усмехнувшись, замолчал. Эсур уставился на Ройланта.

— Вы просили рассказать историю. Я рассказал вам одну. Где мое золото?

— Вообще-то, я просил информацию о местонахождении и характере Сайриона, — заметил Ройлант.

Солдат булькнул в бокал и оторвался от него, чтобы заявить:

— Он вам кое-что рассказал. Сайрион способен сентиментально относиться к маленьким детям. И может устоять перед чарами самой красивой женщины.

Ройлант нахмурился. Он достал из бумажника золотую монету и протянул ее Эсуре, который тут же яростно укусил ее на удивление белыми зубами.

— Хорошая чеканка, — одобрил довольный Эсур. — Благодарю вас, щедрый господин.

— Подожди, — закричал солдат, — скажи мне, что такое... грешер... героша?

— Он имеет в виду гирзу, — поправил Ройлант. — Струнный музыкальный инструмент.

— А, — сказал Эсур. — А то мне было интересно.

Солдат икнул.

— Здесь чудесное вино. Принеси еще. Придумай еще одну ложь, когда принесешь.

— Эта история реальна. Я за это ручаюсь, — насупился Эсур. — Я слышал ее некоторое время назад, когда меня вели с невольничьего рынка Кассиреи.

— Минуту назад это был Хешбель.

Эсур снова оскалил зубы.

— Если бы я был свободным человеком...

— Но это не так, — возразил солдат и швырнул в него наполненный на четверть бокал.

Эсур увернулся с пугающей ловкостью, и бокал, разбрызгивая в полете содержимое, приземлился на колени ученого, который с криком вскочил.

— О боже, — простонал пьяный солдат и закрыл голову руками, отказываясь участвовать в том, что последует дальше.

Приняв на себя ответственность, Ройлант встал, пересек комнату и попросил у ученого прощения. Ученый, восстановив душевное равновесие, отряхнул вино со своего длинного одеяния.

— Ничего. Эта встряска остудила мой пыл в споре; боюсь, что это знак божий. Мы с этим господином серьезно беседовали о некоторых религиозных учениях.

Напротив, в нише, сидел мудрец, такой же лохматый и неопрятный, каким он показался из дальнего конца комнаты, и благоухающий как козел, хоть и очень слабо, как с облегчением можно было заметить. Не обращая ни на кого внимания, он углубился в развернутый пергамент, который они с ученым изучали.

— Тем не менее приношу свои глубочайшие извинения, — сказал Ройлант. — За моим столом стало несколько шумно. Я спрашивал о человеке...

— По имени Сайрион. Да, я уловил пару слов. Сайрион из Сайроама. Или, как говорят некоторые, Сайрион Вообще Ниоткуда.

— Вы его знаете? — Разочарованный Ройлант теперь стал осторожен и недоверчив.

Ученый коснулся изящного, покрытого эмалью амулета на шее. Его лицо было аристократически бледным, красивым, несмотря на обветренность и морщины. Точеная рука оторвалась от амулета и легонько похлопала Ройланта по руке.

— Мне жаль, но я тоже должен вас разочаровать. Как и другие ваши информаторы, я слышал истории о Сайрионе. Но знать его? В конце концов, многие ли из нас могут похвастаться, что знают даже самих себя?

— Я впадаю в отчаяние, — пробормотал Ройлант.

— О, не стоит. Я вижу, прибыл ваш третий кувшин, к большому одобрению вашего друга воина. И скоро подадут обед. Козленок восхитителен.

Ройлант испытал видимое облегчение от того, что он нашел себе компанию в более культурном обществе.

— Вы присоединитесь ко мне за ужином? В качестве компенсации за внезапный приход непрошенного гостя вслед за вином.

Ученый улыбнулся.

— Вы очень добры. Конечно, с удовольствием. Этот мудрец постится и до конца недели употребляет только вино, молоко и воду. Не думаю, что он захочет обедать.

— Мне очень жаль, — сказал Ройлант без тени сожаления.

Мудрец, подняв глаза, бросил на него дикий затуманиенный взгляд и вернулся к пергаменту, пробормотав:

— Вообще-то, мне...

Когда ученый с Ройлантом пересекли комнату и подошли к другому столу, ученый признался:

— Думаю, что он еще не закончил с этим пергаментом и может оказаться несколько упрямым. Вместо того чтобы разорвать его пополам, я временно отдам его.

СОЛДАТ НЕ ВЫКАЗЫВАЛ НИ СТЫДА, ни каких-либо признаков зарождающихся извинений.

— Никому, — объявил солдат, — не дозволено здесь сидеть, если он не раз... закажет... расскажет... историю о Скириоме... Сирионе... Сайрионе. Пынишь?

— В действительности я понимаю, — ответил учёный, — что вы вот-вот лишитесь связности речи.

— А?

— Но я обещаю рассказать историю, если хозяин пожелает.

— Почему бы и нет, — печально согласился Ройлант. — Похоже, это все, что я могу получить.

За занавеской послышался шум: шаги, смех и повелительный призывный звон гонга.

Ройлант невольно взглянул на дверь и был вознагражден массовой процессией, встречаемой трактирщиком и двумя другими рабами. Ройлант застыл в ожидании. Прибывшими оказались три купца в краицких одеждах в сопровождении двух развеселых дам, которые вряд ли были их женами или сестрами, но выглядели достаточно юными, чтобы годиться им во внучки, плюс небрежно одетый и сильно запыленный караванщик (по его собственным словам). Ни один из этих людей и близко не был блондином. Элегантный путешественник, разыскиваемый Ройлантом, стал уже ассоциироваться у него со сказочным существом.

— Терпение, — тихо сказал ученый, — имейте веру. Если ваша судьба решит, что вы найдете его, он придет сюда. Или вы встретитесь в другом месте.

— Мне нужно встретиться с ним сегодня, — покачал головой Ройлант. — Я не могу больше ждать.

— Похоже, вам срочно требуются его услуги. Ройлант неуверенно взглянул на него.

— Я не собирался совать нос в чужие дела. Позвольте мне дать вам совет. Даже из кучки мифов можно извлечь разумное зерно. Сам факт того, что Сайрион стал предметом мифов, говорит о нем многое. И кто знает, может быть, сказки эти — правда. Я научился доверять магии так же, как и силе Бога. А Бог — владыка равновесия. Если в мире есть зло, то легко и естественно появляются некие люди, способные его победить. Как еще мы можем выжить?

Ройлант вежливо согласился. Солдат рыгнул и сказал, что, кажется, настало время ужинать.

Купцы громко хохотали, сидя за центральным столом, а молодые женщины визжали и звякали серьгами и браслетами. За шумом было слышно, как караванщик рассказывал трактирщику о пропавшей пшенице и о вороватом управляющем, сбежавшем с половиной прибыли и его служанкой.

Внезапно из ниши показался мудрец. Указывая на спутниц купцов, он закричал:

— О нечестивые чудовища! О порочные животные, о телки дьявола! Да падут на вас плач и горе во все дни ваши, и после них будет ждать неумолимая смерть.

Обе женщины нервно захихикали. Один из купцов, самый крупный, поднялся на ноги и заорал. Трактирщик поспешил его успокоить. Мудрец снова стал брызгать слюной, и вскоре ему принесли немного молока, вероятно, козьего, чтобы дополнить его аромат.

— Боюсь, — пробормотал ученый, — это еще одна неверная цитата.

— Буль-буль... — согласился солдат.

— Парень, пива! — велел Ройлант одному из новых рабов. — На троих, — устало добавил он.

— Вы когда-нибудь бывали в Теборасе?.. — обратился ученый к Ройланту.

ТРЕТЬЯ ИСТОРИЯ: ОДНА НОЧЬ В ГОДУ

— СТОЙТЕ! ВЫ ПОЙДЕТЕ С НАМИ!

Голос, проскрежетавший в благоухающей тьме, как звон острого меча, выхватываемого из мягких ножен, заставил путника остановиться. Но, остановившись, он не обернулся. Он был закутан в плащ с капюшоном из тончайшего черного аскандрийского шелка, скрывавший его внешность и осанку. Его собственный голос, мелодичный и чрезвычайно мягкий, спросил:

— С какой это стати?

Посыпался дерзкий смех.

— Начнем с того, что нас двое, а вы один. Далее — потому что вас ждет награда за уступчивость. И, наконец, потому что милорд Джолан хочет с вами поговорить, а я здесь для того, чтобы сделать это предложение более весомым.

В этот момент из темноты между капюшоном и плечом показался бледный профиль. Точеный, поразительно красивый профиль с невинным глазом под длинными ресницами.

— Предположим, — сказал профиль, — просто ради интереса, что я откажусь.

Дерзкий голос хрюкнул — и тут же последовал вихрь движения, впрочем, решительно остановленный. Скрежещущий голос дико вскрикнул: «Нет, Радри! Никакого насилия...» — но путешественник в шелках уже преобразился. Черный плащ отлетел назад, стройное

тело, находившееся внутри него, казалось, закружилось. Лицом к лицу с двумя мужчинами внезапно оказался демоноподобный ангел, обнаженный меч в его правой руке мерцал у горла одного, украшенная кольцами левая рука поглаживала смертоносный маленький нож, занесенный над ребрами другого. Оба человека вздрогнули и застыли, задыхаясь от удивления.

Ангел сказал извиняющимся тоном:

— Возможно, вы соблаговолите объяснить свою просьбу более подробно.

В ТЕБОРАСЕ БЫЛА ПОЛНОЧЬ. Полночь плыла над тихим древним городом с его благоухающими олеандрами, с его великолепными призрачными руинами, с пронизанным слабым сиянием глубоким синим озером. В этом квартале, на возвышавшихся над старым ремусанским форумом прекрасных улицах можно было ожидать встретить опадающие цветы, несомую слугами в паланкине состоятельную куртизанку, может быть, даже заблудившегося призрака одного из тайных храмов. Но только не разбойников. И этот дуэт не походил на охотников за кошельками. Более высокий из них был богато одет, широк в плечах, с пышными рукавами из парчи с золотым шитьем — тот самый нахал, который хотел поторопить путника. Невысокий и худощавый мужчина, светловолосый, молодой и привлекательный, в отличие от его голоса, был одет как принц, а на массивном золотом ожерелье на его шее сверкал прекрасно написанный старинный портрет какой-то дамы, украшенный крупными сапфирами и еще более крупными рубинами.

Этот светловолосый — по-видимому, лорд Джолан — прочистил горло, что не избавило его от скрежета.

— Простите нас, господин. Боюсь, мы были слишком настойчивы. Это на самом деле не требование, а просьба пойти с нами. И Радри говорил правду, когда обещал вам награду. — Невинные светлые глаза путешественника даже не моргнули. — Но, конечно, награда зависит от того, пойдете ли вы с нами.

— Куда?

— Ну, — Джолан осторожно пошевелил рукой, — вон туда, в дом.

Высокая каменная стена, прерываемая двумя крепкими створками ворот и опущенная деревьями со стороны двора, казалось, указывала на респектабельное жилище. На той же улице располагались несколько похожих оград, и все они открывали взору публики лишь пустые фасады без окон. В действительности, цель путешественника находилась несколькими шагами выше по дороге, там, где ремусанский храм с его архаичными колоннами и призраками уводил в прошлое. Всем было хорошо известно, что поблизости есть святилище. Ходили даже расплывчатые слухи о свежих человеческих костях, которые на протяжении многих лет периодически находили разбросанными на открытой площадке рядом с этим храмом. Путешественник по своей натуре иногда интересовался дурной славой такого рода. Но эта заминка, возможно, заинтриговала его еще больше.

— И что я должен буду делать в том доме? — размышлял он теперь, все еще невежливо, но изящно поигрывая мечом и ножом на уровне их яремной вены и легкого.

Джолан вздохнул.

— Господин, вам придется вынести справедливое решение.

— Для кого?

— Для четырех лиц, двое из которых присутствуют здесь — я и мой управляющий.

— Признаюсь, вы меня интригуете. Решение, касающееся чего?

— Э... семейного дела. Я избегаю разговоров об этом на улице. Если вы пойдете... Если вы примете удовлетворительное решение, то окажете нам большую услугу, чем можно было бы мечтать. И награда будет золотом, серебром и драгоценными камнями.

Путник вложил меч в ножны из красной кожи, а нож — в шелковые. Его волосы тоже казались шелковыми и светлыми, как луна, которая теперь медленно поднималась над форумом внизу.

— Золото, серебро и драгоценные камни — неопровергимый аргумент.

УПРАВЛЯЮЩИЙ, РАДРИ, РАСПАХНУЛ Одну из тяжелых створок ворот. Показался заросший деревьями двор, где-то шелестел невидимый фонтан. Фасад дома неясно подсвечивался парой тусклых факелов, установленных по обе стороны портика, горящие искры падали вниз на ступеньки; бронзовая дверь была приоткрыта.

— Пожалуйста, входите, — предложил Джолан. — И поскольку вы согласны, могу ли я узнать ваше имя?

— Сайрион.

Дом имел несколько нетипичное оформление, но Теборас был склонен к заимствованиям. За входом возвышался мраморный бассейн, украшенный не рыбками и не цветами, а ковриками из опавших листьев. За ним открывалась освещенная свечами зала с расписными стенами и богатыми драпировками. И все же в этой зале царила какая-то неопределенная атмосфера неопрятности, небрежения. Однако здесь кто-то находился.

Обе фигуры мгновенно поднялись. Ближе всех стоял мужчина, одетый в темную рясу, напоминающую священническую, хотя и отличавшуюся от обычной. Усыпанные жемчугом талисманы на груди указывали на, возможно, неортодоксальный канон. Лицо у него было вытянутое, меланхоличное и желтоватое, с контрастирующим с ним маленьким алчным ртом. Вторая фигура оказалась молодой женщиной, невысокой и очень стройной. Ее желтые, как осенние листья, волосы были уложены в изысканном стиле, напоминающем теборасскую моду копировать римские фрески. Простое черное одеяние дополняло филигранное ожерелье, как у Джолиана. На запястьях поблескивали золотые браслеты, а обе руки унизывали перстни с драгоценными камнями. Лицо ее, одновременно серьезное и чувственное, украшали большие настороженные глаза.

Никого из слуг, кроме управляющего Радри, поблизости не было. Судя по позднему часу и тишине, царившей в доме, все служащие либо уже спали, либо им было приказано покинуть помещение.

Джолан торжественно объявил о появлении гостя.

— Это моя сестра Сабара. А это наш набожный Налдин, также искусный в науках, — повернувшись к Сайриону, представил он присутствующих. — Вместе мы и есть те четверо, которых вы будете судить.

Ни священник, ни молодая женщина, казалось, не удивились происходящему. Очевидно, вся семья была странноватой.

Радри тем временем подошел к резному столу и налил темно-красное вино в пять кубков чеканного серебра. Раздав их всем, он взял последний кубок.

Сайрион вдохнул запах вина. Его насыщенный аромат заинтересовал его.

— За нашего гостя... — Джолан произнес тост с глубокой серьезностью. — И за справедливость, дабы он поступил с нами в итоге справедливо.

Вкус вина заинтересовал Сайриона еще больше. Остальные четверо пили большими глотками, и только Радри залпом осушил свою чашу. То, что он вообще присоединился к выпивке, было признаком его личного участия в этом семейном собрании.

— А теперь, — сказал Джолан, взглянув на Сайриона, — если вы готовы...

— Я готов, — откликнулся Сайрион, — к объяснению.

— Вы получите его. Очень скоро. А до этого я должен вам кое-что показать. Это и есть причина вашего пребывания здесь. Причина, по которой мы велели — я имею в виду, естественно, попросили, — чтобы вы пришли. Радри, показывай дорогу.

Управляющий взял подсвечник, схватив его с мускулистой небрежностью за тяжелую подставку, и, не говоря ни слова, отодвинул на ходу портьеру. Священник тотчас же двинулся за ним, а за ним и девушка. Джолан показал жестом, чтобы Сайрион последовал их примеру, и пристроился за ним. Зала довольно неожиданно открылась в сад. Пройдя по аллее между высокими кустами в свете фонаря Радри, они достигли небольшого здания с колоннами. На первый взгляд оно могло быть летним павильоном, но отсутствие окон выдавало его. Это оказалась усыпальница.

— Не волнуйтесь, — поспешил успокоил Джолан. Он пристально посмотрел на Сайриона, но тот не выказал и следа чего-либо, кроме вежливого внимания, хотя Радри уже деловито отпирал дверь гробницы. Возможно, гость заметил странный автоматизм, который демонстрировали его хозяева, проходя в склеп, а теперь и упорядоченно заполняя ее. Как будто это случалось не в первый раз, а довольно часто.

Внутренняя часть усыпальницы тоже оказалась необычной, главным образом потому, что она была устроена как спальня. Там висели картины и портьеры, стояли лампы и свечи, которые Радри методично зажигал. На коврах расположились мягкие диваны, стулья и маленькие столики. На помосте возвышалась кровать с задернутым балдахином. Джолан подошел к завесе и раздвинул ее. Затем он отступил назад и возгласил, при этом его хриплый голос стал еще более хриплым:

— Моя другая — старшая — сестра Мариаваль.

Она лежала на вышитом покрывале, приподняв округлый подбородок, улыбаясь пухлыми губами, ее едва прикрытое груди набухли, как будто ее только что ласкали. Ее кожа была белее мрамора, а вокруг нее рассыпались волосы цвета ночи. Она была одета по давно прошедшей моде, поразительно ей подходившей, и украшена драгоценными камнями, вряд ли сделавшими бы ее прекраснее при жизни. Но поскольку она скончалась, вряд ли даже художник стал бы с этим спорить.

Джолан зарыдал, прислонившись к стене. Радри выругался и даже не взглянул на кровать. Священник пробормотал какую-то неизвестную молитву. Сабара, живая сестра, вышла вперед и сказала Сайриону:

— Как вы считаете? Все всегда считали Мариаваль прекрасной, чудесной. Вы считаете, что она чудесна?

— Я считаю, — ответил Сайрион, — что она мертва.

— О да. Но ее очарование продолжает жить. Послушайте, как мой брат плачет, словно ребенок. И как ругается Радри. Даже Налдин поражен.

— А вы? — спросил Сайрион.

— Я и сейчас завидую ей, — призналась Сабара.

Жрец впервые заговорил с Сайрионом.

— Эта семья, господин, искусна в некоторых областях магии и в некоторых науках. Когда Мариаваль

умерла, я использовал одно снадобье, в которых я знаю толк, чтобы забальзамировать и сохранить ее плоть.

— То есть она умерла, а вы сохранили ее, — уточнил Сайрион. — А зачем в связи с этим нужно выносить решения?

Джолан отлепился от стены, глаза его горели.

— Один из нас, один из тех четверых, что сейчас здесь перед вами, убил ее. Один из нас отравил Мари-валь. Вы должны определить, кто именно.

— Должен? — откровенно недоверчиво осведомился Сайрион.

Джолан вытер слезы рукавом.

— Да, должны. Теперь уже слишком поздно отступать. Один из нас поражен виной, но не хочет, не может признаться. Мы все в аду, и вы должны освободить нас. Вы должны выяснить, кто из нас убийца.

Сайрион был трогательно простодушен.

— Как?

— Слушая рассказы о наших действиях и поступках в день ее смерти.

— Полагаю, — сказал Сайрион, — вам лучше обратиться за помощью к закону. Я слышал, что губернатор Тебораса — маг. Или вы могли бы передать свое дело королю в Херузале.

— Нет. Закон нам не нужен.

— Возможно, и я тоже.

Джолан неприятно улыбнулся, и, наконец, его внешность стала соответствовать его непривлекательному голосу.

— У вас больше нет выбора. Наддин не зря говорил о науках и колдовстве, известных этой семье. Признаюсь вам, что этот дом, да и мы сами не совсем таковы, какими вам кажемся. Мы изменили даже наши имена, чтобы вы могли прийти сюда без предубеждений. Зачем бы нам

идти на такие неприятности, если бы наши намерения не были серьезны? И те же заклинания, что опутывают нас, способны удерживать вас в плену в этом месте, пока вы не сделаете то, о чем мы просим — нет, чего мы требуем от вас. Попробуйте открыть дверь.

Сайрион озадаченно огляделся. Магически замаскированные обитатели дома (если это были они) напряженно смотрели на него. Чтобы угодить им, он подошел к двери гробницы и подергал ручку. Дверь не открылась. Еще. С третьей попыткой она медленно, но бесследно исчезла. Стена стала пустой, ручка растворилась в воздухе. Возможно, это была всего лишь иллюзия, но если так, то иллюзия, затрагивающая осязание, слух и зрение. Глухая тишина полного заточения окутала внутренности гробницы. Ладонь Сайриона нашупывала только гладкую стену без щелей и зазубрин.

Сайрион повернулся и внимательно посмотрел на своих похитителей.

— Имея в своем распоряжении магию, вы и сами могли бы выяснить, кто из вас убил Мариваль.

— Там, где эмоции затмевают магию, магия становится нестабильной и непригодной, — пояснил Джолан.

— Нам нужен беспристрастный свидетель, — утешительно заметил Налдин. — Если хотите, это уготованная нам судьба. Мы не можем помочь себе, но отчаянно нуждаемся в помощи. Даже убийца, — Налдин прикрыл свои хитрые печальные глаза, — даже он — или она — отчаянно нуждается в осуждении. Чтобы выяснить истину.

— Предположим, я решу, кто из вас преступник, а преступник, вопреки вашим надеждам, отец, не согласится с моим решением?

— Нам обещано знамение, — сказал Джолан, избегая взгляда Сайриона. — Безошибочное предзнаменование,

как только выясняются истинные факты. Нужно только их выяснить.

— И не забудьте, — решительно добавила Сабара, — про золото, серебро и драгоценные камни в награду.

— А что, если я ошибусь в своих суждениях? — Повисшее молчание застыло еще больше. — Причина, по которой я упоминаю об этом, заключается в том, что я крайне беспечно воспринял идею о том, что вы уже заставляли полуночных путешественников приходить с улицы раньше, чтобы выступать в качестве судей. И поскольку я сейчас здесь, я могу только предположить, что мои предшественники потерпели неудачу. Какова же тогда ваша награда за неудачу?

Управляющий Радри ухмыльнулся ему через освещенный лампами склеп.

— Смерть.

Теперь любому было бы очевидно, что эта семья не просто странновата, а совершенно безумна. Размышления об убийстве превратили их мозги в кашу. Похоже, что в настоящем они будут убивать неоднократно и без зазрения совести, чтобы искупить первоначальное преступление, которое приобрело такую маниакальную значимость. Можно было бы подумать, что эта угроза — сумасбродная ложь, однако в устах безумных магов она звучала особенно скверно. Сайрион не забыл слухов о человеческих костях, иногда разбрасываемых всего в нескольких шагах вверх по улице, рядом с храмом. Ремусанским храмом. Рассказы о привидениях — это одно; здесь же могла таиться реальная и ужасная правда. Что же касается предзнаменования, то, если оно и существовало, его источник столь же сомнителен, как и сложившаяся ситуация.

Сайрион улыбнулся своей самой очаровательной улыбкой и с простой и изысканной элегантностью уселся в ближайшее кресло.

Безумное семейство напряженно переглянулось. Несмотря на то, что в их затруднительное положение было втянуто много жертв, такой, как эта, они еще никогда не встречали.

— Ну что ж, — сказал Сайрион с легким, но очень обаятельным нетерпением, — вам лучше начать, друзья мои, свои рассказы о ваших отношениях с покойной женщиной и о ее последнем дне в вашем обществе. В том порядке, который вам больше нравится. Я буду задавать вам вопросы, когда сочту это необходимым.

Последовал короткий спор со сдерживаемой яростью. Наконец Радри удалось уговорить начать процесс.

РАДРИ, ПО ЕГО СЛОВАМ, был солдатом. Сперва он служил под началом отца Джолана именно на поле боя. Впоследствии этот лорд нанял его управляющим в доме. К Радри относились скорее как к родственнику, чем как к слуге. Потомки покойного господина — Джолан, Сабара и старшая дочь, Мариваль, — продолжили эту практику. Мариваль, о красоте которой говорил весь город, оказала Радри особую милость. В действительности, Мариваль, которая могла бы выбрать себе в мужья любого из богатых аристократов Тебораса, отвергла их, предпочтя Радри. «Они, — призналась Мариваль, — как болонки или мартышки, годны только на то, чтобы их кормили лакомствами. Они падают в обморок от крови. Они не могут думать ни о чем, кроме новомодных любовных песенок. Они такие же силачи, как раздавленные цветы. Но ты, — прошептала она Радри, — силен, как лев. Ты — мужчина».

— Ты лжец! — прервал его Джолан. — Как всегда, Радри, ты оскверняешь имя моей сестры этой нелепой и грязной чепухой.

— Осквернить ее имя? Я был с ней в постели, и не только в постели, — прорычал Радри. — Она не могла насытиться мной. Она смеялась над всеми, и над тобой тоже. Я был твоим приятелем, лорд Джолан, но когда я стал встречаться с ней — а какой мужчина не стал бы? — тогда зазвучала иная песня. Я часто спрашивал себя, — прорычал Радри, — кому ты больше завидуешь: мне или Мариваль?

Джолан, пожелтевший, как его волосы, схватился за украшенный драгоценными камнями кинжал на поясе, затем в отчаянии отдернул руку.

— Пусть продолжает, — пробормотал он, — я скажу свое слово позже.

Радри, еще раз выругавшись, продолжил.

Он рассказал, что Джолан, исходя чувства извращенного собственничества, только что им продемонстрированного, вскоре пришел к идее запереть дом внутри дома. Для этого он придумал какой-то безумный предлог. Вскоре остальные слуги покинули заведение, встревоженные навязчивым состоянием, демонстрируемым лордом Джоланом. Джолан быстро забаррикадировал двери и запер ворота. Радри казалось, что лучше всего ему потакать. Сабара, по своему обыкновению, замкнулась в себе; Налдин, как обычно, занимался религиозными и научными исследованиями. Джолан попеременно то кипятился, то хандрил. Что касается Мариваль и Радри, то они были вместе и проводили время в разнообразных чувственных развлечениях. Наконец, однако, одна уловка Джолана начала приносить мрачные плоды. Он оказывал давление на старшую сестру, настаивая на том, что она должна выйти замуж за горожанина благородного происхождения. Поскольку она находилась под опекой брата, а он был хозяином дома, она впала в уныние. В тот день она была вялой и раздражительной, отмахивалась от заигрываний Радри,

объясняя, что должна привыкнуть к отказу от радости его объятий, поскольку ее брат как сказал, так и поступит. Завязался спор, в результате которого Мариваль бросилась в мужественные объятия Радри, умоляя его увезти ее из дома, ставшего тюрьмой. Радри, хотя и не хотел предавать доверие своего бывшего хозяина, в конце концов согласился. Со страстными клятвами влюбленные расстались, планируя встретиться снова глубокой ночью. Радри взломает ворота, и они умчатся в новую жизнь, избегая судьбы и довольствуясь любовью.

Радри поделился, что, когда он покидал Мариваль, его посетила тревожная мысль, будто их разговор могли подслушать. В коридоре он столкнулся с леди Сабарой, заявившей, что она как раз направляется в апартаменты сестры. Радри показалось, что Сабара могла подслушивать у двери Мариваль, а потом убежала, сообразив, что Радри догонит ее, и поэтому вернулась назад, давая понять, что она только что пришла. Сабара испытывала естественную и непреходящую ненависть к огромной власти красоты своей сестры над мужчинами, будучи сама слишком оторванной от жизни и чересчур привередливой, чтобы привлечь их. С другой стороны, хорошо, что их подслушала Сабара, а не Джолан. Радри выкинул сомнения из головы и занялся организацией побега с Мариваль. Но в тот вечер за ужином Мариваль вдруг вскрикнула, схватилась за горло и за бок и упала со стула в обмороке. Обморок перерос в мучительную лихорадку, а лихорадка привела к коме. Ее кожа горела, потом стала ледяной, пульс ускорился, потом сбилася, она громко закричала от боли, а затем... больше не могла кричать. Наддин ухаживал за ней, но, хотя он и являлся искусным врачом, в полночь она умерла.

Симптомы внезапного отравления были слишком очевидны для оставшейся четверки. Роковую настойку, воз-

можно, подали за обедом. Поскольку в доме не было другого слуги, за столом прислуживал Радри, но он ничего не выиграл от смерти своей возлюбленной и все потерял. Другие тоже передавали ей блюда; Джолан, например, налил вина в ее кубок незадолго до того, как она упала. Сабара, опять же, входила в комнату к Мариваль. Фамильные колдовские знания могли подсказать и другие способы убийства. Заколдованное кольцо, заговоренная перчатка, даже флакон с запахом смерти. Ненависть Сабары вполне могла взять над ней верх. Возможно, она сама имела виды на Радри.

РАССКАЗ РАДРИ БЫЛ ПРЕРВАН коротким, но острым как бритва смешком, явно исполненным искреннего веселья. Сабара с выражением презрительной жестокой веселости на лице повернулась к нему спиной.

— Или, — крикнул Радри, — эта сука побежала к своему брату, и лорд Джолан, будь проклята его слабая и никчемная шкура, отомстил нам своей извращенной местью.

— Спасибо, — поблагодарили Сайрион с предельной вежливостью. — Кто дальше будет рассказывать свою историю?

Легкое ударение на слове «история» оставило компанию равнодушной. Джолан, несомненно, понял этот намек.

— ДЛЯ НАЧАЛА — ЭТО НЕПРАВДА, что Радри когда-либо был для нас чем-то большим, чем слуга... — заговорил Джолан, нервно расхаживая по усыпальнице.

(Радри энергично и с мелодраматическим высокомерием выругался.)

Конечно, Джолан время от времени проявлял к нему дружелюбие, но только потому, что не в его характере быть властным с подчиненными. (Радри хрюпlo усмехнулся.) Джолан понимал, что Радри страстно желал Мариваль, но пытался это игнорировать из деликатности по отношению к ним обоим. Он доверил управляющему самостоятельно подавить свои неуместные аппетиты. Мариваль, привыкшая к любви и восхищению со стороны всех мужчин, которые ее видели, вряд ли заинтересовалась бы им. Затем Джолан начал замечать, что Радри, вместо того чтобы почтительно страдать в тишине, начал навязывать Мариваль свое внимание. Джолан встревожился, заметив в управляющем признаки навязчивости. Вот-вот должен был состояться брак между Мариваль и одним из самых богатых и знатных людей города, и она сама жаждала этого союза. Однажды утром Джолан застал Радри в процессе того, что, очевидно, было попыткой изнасилования девушки. Сама Мариваль, явно пристыженная и расстроенная до невыносимости, мало что могла объяснить. Джолан немедленно выгнал бы этого человека, но униженные извинения, вид Радри, буквально стоящего на коленях в раскаянии, и воспоминания о прошлых годах безупречной службы отсрочили решение Джолана. (Радри издал звук, который вряд ли был вызван слезами благодарности.)

— А потом, — загремел Джолан своим хриплым скрежещущим голосом, — судьба взяла верх. В бедных кварталах Тебораса разразилась чума. Она была неизбежно фатальной. Такие болезни распространяются, как лесной пожар, и тот, кто может себе это позволить, старается бежать из города. Но покидающие свои дома

отдают их в руки мародеров. Поэтому я отослав наших слуг в поместье моего покойного отца в нескольких милях от города. Этот дом самодостаточен, у него есть свой колодец, и также я поспешно снабдил нас мясом и хлебом. Как и большинство других, обладающих такой же возможностью, я намеревался запереть внутри нашу семью, не поддерживая никаких внешних контактов, пока чума сама не выгорит. Радри отказался уйти с остальными служителями, что же мне оставалось делать? Боюсь, я позволил чувствам ослепить меня и разрешил ему остаться с нами. Я по глупости полагал, что верность нашему имени и дому преодолеет его низкопробное злодейство.

— НЕУЖЕЛИ? — ПРОРЕВЕЛ РАДРИ. Он рванулся вперед, покраснев, его мышцы вздулись. — И ты ожидал, что мы поверим в твою инфантильную выдумку? Чума! Какая чума? Я никогда не видел и следа ее. Ты лгал, чтобы нас окружили стеной по твоему приказу, держал нас всех прижатыми к своему ногтю. Но ты был слишком слаб, чтобы даже тогда править нами. Твои сестры должны были потакать тебе, а я... я остался, чтобы защитить Мариваль, но мне это не удалось.

Он схватил Джолана за шею и начал сжимать ее через воротник. Джолан в свою очередь выхватил кинжал. Сабара отвернулась, ее лицо застыло. Сайрион сидел неподвижно и наблюдал, как жрец-лекарь Налдин скользнул вперед и положил свои длинные холеные ладони на плечи обоих мужчин.

— Нет, нет, — вкрадчиво пробормотал он, — не сейчас. Вы не должны драться. Этот джентльмен здесь для того, чтобы нас судить. Как он может судить, если вы тратите время на драки?

Джолан и Радри разошлись в стороны. Радри бросился на кушетку и принял угрюмо потирать грудь на обезьяний манер. Джолан, перестав расхаживать, опустил голову и продолжил свою версию событий.

ОКАЗАВШИСЬ ВЗАПЕРТИ ВМЕСТЕ, не имея возможности ни отвлечься друг от друга, ни уйти, участники драмы быстро довели дело до конца. Мариваль излила свое презрение и ненависть на Радри в обмене оскорблений, разносившимися из ее комнаты по саду, откуда их отчетливо слышала Сабара. Затем Мариваль пришла к Джолану, признавшись, что боится какой-нибудь мести со стороны развратного управляющего. Джолан решил, что, каков бы ни был риск, Радри следует прогнать, и собрался прямо сказать ему об этом после обеда. Однако во время обеда Мариваль заболела. В полночь она умерла, и Джолан никогда не мог простить себе, что не сделал задуманного раньше. Он был застигнут врасплох, вообразив, что Радри предпочтет физическое насилие более изощренному отравлению. Но в келье Налдина хранилось много трав и лекарств, в том числе и смертельных, а управляющий, вероятно, был тайным взломщиком, и для него слишком легко оказалось раздобыть какую-нибудь смертоносную гранулу и позволить ей упасть в кубок с вином, который он и подал Мариваль. Вместо того чтобы дать ей возможность наслаждаться счастьем, выйдя замуж за человека ее положения, этот негодяй убил ее самым мучительным и медленным способом, какой только мог придумать.

ДЖОЛАН СНОВА ЗАПЛАКАЛ. Он растянулся на краю той же кушетки, на которой сидел надутый Радри, и уткнулся лицом в подушки.

— Я думаю, — сказала Сабара, обойдя кушетку и оказавшись лицом к лицу с Сайрионом, — что вы уже представили самый романтичный и милый образ моей прекрасной покойной сестры. Я уверена, что вы уже наполовину влюблены в нее, несмотря на то, что она — труп. Прежде чем мы продолжим, у меня есть невеликодушное, но жгучее желание исправить ваше впечатление.

Сабара долго и напряженно смотрела через плечо на забальзамированную женщину, лежавшую на кровати. Глаза Сабары остановились на просвечивающих соблазнительных изгибах, черной, как ночь, волне волос, изящном лице, казалось, только и ждавшем поцелуй любовника, который ее разбудит.

— Она была сущим демоном, — заверила Сабара. — Вы верите в демонов, господин? Они существуют. Если бы она была жива, она бы вам показала. Потому что она возжелала бы вас. — Циничный взгляд Сабары из-под тени век, усыпанных веснушками, уткнулся в Сайриона. — Видите ли, ваша внешность могла бы ее спровоцировать. Хотя моя сестра, честно говоря, была озабочена тем, чтобы получить одобрение каждого мужчины, которого она встречала. Вне зависимости от его профессии, призвания или происхождения, вне зависимости от его внешности, Мариваль нужно было привлечь его к себе. А потом — в свою кровать.

За ее спиной зарычал Радри. Рыдания Джолана на мгновение усилились, но Сабара не обратила на это никакого внимания.

— Не стоит думать, — сказала Сабара, — что я возражала против ее безнравственности. Она была потаскучкой, грязной потаскучкой. Но не за это я ее осуждаю.

— Нет, — усмехнулся Радри, — ты осуждаешь ее за красоту, тощая ящерица.

— О, нет. Я ненавидела ее за это — за ее красоту. Потому что ни один мужчина, приходивший в этот дом, никогда не смотрел на меня, если увидел ее; потому что с тех пор, как мне исполнилось тринадцать лет, меня обманывали те немногие мужчины, которые могли бы ухаживать за мной, — да, именно за это я ее ненавижу. Но осуждаю я ее не за это.

Сабара осуждала Мариваль, как она сказала, за тот хаос, который Мариваль учинила в их собственном доме. Она систематически соблазняла конюхов, садовников, поварят, а потом их отвергала, и в результате они дрались друг с другом. Сабара осуждала Мариваль за гауптые поблажки, выпрошенные ею даже у их собственного отца, а позже и у их брата Джолана. Ибо даже Джолан превратился в своего рода свинью, безнадежную и безумную, как и все остальные.

— Не знаю, — холодно ответила Сабара, — спал ли он с ней когда-нибудь, меня это не удивило бы. И меня бы это не шокировало. Но затем она заставила Радри и Джолана вцепиться друг другу в глотки...

Радри был любимцем Мариваль, вероятно, по той простой причине, что он был грубым и непокорным животным. Из всех легионов мужчин, с которыми заигрывала Мариваль, он один обращался с ней грубо, и эта новизна, должно быть, была ей приятна. Но в конце концов даже варварство Радри перестало радовать. И Мариваль позволила разгадать тайну, которую все это время в упор не мог видеть только Джолан, ослепленный своим обожанием. Она позволила Джолану подобраться к ним с Радри среди садовых кустов у стены. Она позволила Радри подслушать, как она дурно отзывалась о нем в разговоре с Джоланом. Мариваль требовала, чтобы он выдал ее замуж

за богатого человека, дворянина. Она говорила, что Джолан должен обеспечить ей этот брак, что она никогда не выйдет замуж за такую свинью, как Радри, чье искусство в постели вызывало у нее рвоту; она говорила Радри, что Джолан молокосос, на похоронах которого она будет танцевать в объятиях Радри. Когда-то эти двое были своего рода друзьями. Она положила этому конец. Мариваль подвела их к точке, где в любой момент они могли убить либо друг друга, либо ее, либо оба покончить с собой. Это был лишь вопрос времени. И Мариваль наслаждалась этим.

— Боюсь, — признала Сабара, — в этом доме я лишь свидетельница. Меня в основном игнорировали, но я все видела. Тот, кто ее убил, не может признаться в содеянном, опасаясь дальнейшей неприязни остальных. Но на самом деле это убийство кажется мне услугой. Она была сущим дьяволом. Она ответственна за смерть тех, кто убивал себя или своих соперников из-за ее вмешательства. Или же она так разрушала их жизни, что каждый становился живым мертвецом. Я часто наблюдала это. Она натворила бы еще больше. Ее высокомерие и порочность возрастали. Нет, тот, кто ее убил, не должен смущаться. Она заслужила яд. Убрать ее было жизненно необходимо.

Последовала пауза. Сабара опустила глаза.

— А вы подслушивали спор между Радри и вашей сестрой?

— Не было надобности. Сидя в своей комнате, я отчетливо слышала шум из сада. Иначе откуда мне знать, как она описывает его любовные ласки? А позже я слышала подобную перебранку между ней и нашим братом. У моей сестры были достаточно сильные легкие, чтобы выдержать две таких битвы за один день. Хотя в тот день, помнится, она была особенно раздражительна. Все были виноваты, даже погода слишком жаркая

и вино слишком кислое. Ей не терпелось увидеть Джолана и Радри с обнаженными клинками. Она использовала все средства, чтобы стравить их.

— А вы, — непринужденно осведомился Сайрион, — заходили в комнату сестры после визита Радри?

Сабара подняла взгляд, словно защищенная железными щитами. Она держалась очень спокойно.

— Я пошла уговорить ее снять напряжение в доме. Только она могла это сделать. Но она не захотела.

— И именно тогда вино стало кислым?

Глаза и рот Сабары сузились.

— Она сказала, что да.

— Возможно, — лениво произнес Сайрион, — что-то упало в ее кубок.

Сабара вздрогнула. Ее участившийся пульс выдавало колебание света, отраженного в золотом ожерелье.

— Вы меня обвиняете?

Сайрион очаровательно улыбнулся.

— Как можно? Мне еще кое-кого предстоит услышать.

ЖРЕЦ НАЛДИН, КАЗАЛОСЬ, слился с тенями возле кровати, почти исчезнув, как та волшебная дверь. Слегка вздрогнув, он стряхнул с себя темноту и сделал шаг вперед, словно на смазанных маслом полозьях.

— Господин, я готов говорить. Но на самом деле никакой вины на мне не лежит. Я уверен, вы поймете, что я ничего не выиграл бы, убив леди Мариваль. Я здесь только в качестве семейного религиозного наставника. И их врача. Я посещал их всех в то или иное время.

— Несомненно, — кивнул Сайрион. — Расскажите мне о своем умении обращаться с травами.

Налдин сделал неопределенный жест. Его крошечный красный рот втянул воздух, напоминая один из тех цветов, которые втягивают и пожирают мух.

— Я в некотором роде экспериментатор и новатор. Я провожу много времени, исследуя древние письмена. Вы были бы поражены теми знаниями, которые можно добыть, двигаясь не вперед, а назад, в прошлое, в исследованиях такого рода.

— И не только этим, — заметил Сайрион. — Бальзамирование девушки, например, производит самое сильное впечатление. Вы сами провели всю процедуру?

— Да. Боюсь, непосвященному это будет неприятно.

— Но вы посвящены.

— Я уже выполнял такую работу раньше. О, понятное дело, я ставил эксперименты не на мертвых людях, а на животных.

Сайрион выглядел зачарованным.

— Как истинный ученый, вы способны подняться над такими ничтожными помехами, как, несомненно, спорный вопрос о боли, испытываемой субъектом. Так много умных людей позволили таким глупым соображениям встать у них на пути — и в результате ничего не получили.

— Действительно. — Налдин улыбнулся, растянув рот до предела. Его печальное лицо просветлело. — Конечно, никто не хочет, чтобы какое-нибудь животное страдало напрасно, но там, где я должен быть тверд, я буду тверд.

— В конце концов, животные, — добавил Сайрион, — появились на земле, чтобы служить человеку. Их декоративные качества чисто случайны. — Налдин просиял. Он нашел родную душу. В любой момент его крошечный рот мог растянуться. — Но скажите мне, — поинтересовался Сайрион, и священник слегка подался

вперед, — неужели вас никогда не привлекали необычайные эротические свойства леди Мариваль?

Лицо Налдина окаменело.

— Я священник, господин. Я дал обет безбрачия.

— Согласен. Но если, как упоминалось, Мариваль требовала должного от всех представителей мужского пола, то, как это ни удивительно, даже вы не могли быть освобождены от ее внимания.

— Она пробовала свои уловки даже со мной, — гордо и холодно процедил Налдин. — Но для мужчины, чей интеллект сильнее его аппетитов, отказать ей не было большой проблемой.

— Воистину. Гораздо приятнее препарировать живую мышь, чем играть в медведя и горшок меда с женщиной. — Налдин моргнул. — И все же, — продолжил Сайрион, — она пыталась проникнуть к вам на борт, не так ли? Разве вы не находили ее красивой?

Крошечные губки втянулись и на секунду исчезли, вернувшись влажными и жадными.

— Она была... хорошо сложена. Но я уже объяснил. Я целомудрен и дисциплинирован.

— Однако, — удивился Сайрион, — как она вообще прошла мимо вас?

— О, она приходила ко мне как к врачу — я обслуживаю весь дом, даже слуг, — и говорила, что у нее болит голова или сердце бьется слишком быстро. После первого осмотра я понял, что она ко мне подкатывает, и насторожился. Хотя она постоянно ко мне приходила.

— Замечательно. Когда она в последний раз пытлась так глупо посягнуть на вашу добродетель?

— За день до ее смерти. Обычная история. Она положила мою руку себе на грудь, прежде чем я успел ее отдернуть. — Налдин тяжело вздохнул. — Мне было легко отказать ей.

— Несмотря на ваши старания, она умерла от яда. Вас это не беспокоит?

— Нет. Я сделал для нее все, что мог, но разрушения зашли слишком далеко. Я оказался бессилен.

— БОЖЕ МОЙ, — ВЗДОХНУЛ САЙРИОН.

Он встал и по-кошачьи потянулся. Четверо в гробнице, а может быть, и пятая, покойница, ждали его решения в необъятной тишине.

— У меня, — обратился к ним Сайрион, — всего один вопрос. Это касается всех вас.

Джолан, сидевший, подперев голову кулаком, тупо сказал:

— Тогда вам лучше спросить.

— Мы установили, — произнес Сайрион, — что я не первый прохожий, которого вы принудительно избрали судьей. Что я хотел бы знать, так это число моих предшественников.

— Вам не нужно беспокоиться об этом. Достаточно сказать, что они неправильно ответили. И заплатили за это.

— Если я заверю вас, — терпеливо проговорил Сайрион, — что ответ на мой вопрос глубоко повлияет на мое суждение, тогда вы мне скажете?

Джолан встал. Он в отчаянии посмотрел на Сайриона и вызывающе прохрипел:

— Вам нужно точное число? Их было больше сорока. Сайрион кивнул.

— Этого достаточно. — Он снова сел. — А теперь я готов сообщить вам личность убийцы. Начнем с того, — продолжил Сайрион, — что, по моему мнению, Мариваль действительно была такой, какой ее

считает Сабара, а может быть, и похлеще. Но то, что женщина, движимая неуверенностью, несмотря на такую красоту, охотится и разрушает жизни окружающих, чтобы доказать свою неотразимость, вызывает скорее жалость, чем ненависть. С другой стороны, если кто и возложил на вас эту судьбу, этот мучительный и бесконечный поиск истины, так это она. И хотя она свободна, а вы остаетесь в аду, я думаю, что это была ее последняя шутка, последняя демонстрация ее власти над вами. Вы все еще ее рабы. И она позаботилась о том, чтобы на всех вас были другие смерти, помимо ее собственной, — несчастные судьи, убитые вами, после того как они не смогли раскрыть тайну и освободить вас от вины и неизвестности. Как говорят кочевники, вы снесли стену в поисках битого кирпича. Но теперь я расскажу вам настоящую историю дня и ночи смерти Мариваль... После полудня Радри ворвался в комнату Мариваль. Она нервничала и неохотно присоединилась к нему в их обычном дуэте, затем последовал спор. Во время этого спора леди сообщила управляющему, что с ним покончено, так как она собирается заключить великолепный брак с равным себе. Радри, уже некоторое время предчувствовавшему скорое увольнение со службы, захотелось свернуть ей шею. Не только ее физические прелести привлекали его. Он провел всю свою жизнь, втираясь в расположение семьи, надеясь, что в конце концов к нему не просто будут относиться как к сыну, но он действительно станет таковым. Страсть Мариваль казалась ему такой же всепоглощающей, как и у него, и, чтобы подчеркнуть подлинное сияние своих чувств, он даже однажды высказал ей план их совместного побега и свадьбы. Радри каждый день надеялся, что

его любовница ждет ребенка. Он, возможно, слишком сильно верил, что Джолан не сможет лишить ее наследства, но сделает им обоим щедрый свадебный дар. Теперь, когда Мариваль отступилась, Радри познал разочарование, не менее сокрушительное, чем страх. Но он не свернул ей шею, что в любом случае было бы очевидным свидетельством его нападения на нее. Радри тщеславен. У него мелькнула мысль, что Сабара сильно истосковалась в одиночестве и что ему нужно только применить свои чары, чтобы завоевать ее. Впрочем, это не имело бы никакого смысла, поскольку ее доля наследства была ничтожна. Вот если бы Мариваль умерла, Сабара унаследовала бы в том числе и ее долю. Конечно, ее смерть должна быть естественной, например, заражение крови — не такая уж редкость. Радри уже все спланировал и, несомненно, какое-то время держал при себе зелье. Он раздобыл его, как мог бы раздобыть любой в доме, отправившись к священнику под каким-нибудь предлогом недомогания. Роясь среди трав, он мог скомпрометировать себя. Однако что может быть проще, чем случайно смахнуть кусочек разлагающейся плоти с препарационного стола Налдина, пока тот возится с целебным зельем от выдуманного недуга? Многие знают яд, присущий умерщвленной плоти, особенно те, кто, подобно Радри, видел поле боя глазами солдата. Эту мерзостную отраву Радри добавил не то в вино, не то в пищу Мариваль за ужином, либо, что более вероятно, приложил к ее коже. Самой маленький царапины было бы достаточно, чтобы впустить в кровь почти верную смерть.

Радри медленно поднялся с дивана. Глаза его выпучились, лицо исказилось судорогой.

— Значит, вы утверждаете, что это я?

— Я утверждаю, — поправил Сайрион, — что вы использовали яд против Мариваль. А теперь сядьте и позвольте мне продолжить.

Уставившись на него с открытым ртом, Радри рухнул на диван.

— Сабара слышала скору из своих покоев, и ее ярость на сестру достигла апогея. Причина ее отчаяния состояла главным образом в том, что она хотела защитить Джолана, своего брата. Ведь никто из вас — и даже она — никогда не отдавал себе отчета в том, как она любит его. Без сомнения, ее зависть к Мариваль (ложная зависть, ибо Сабара обладает вдвое большими задатками и очарованием, чем ее жалкая сестра, не понимая этого) сыграла большую роль в том, что она решила сделать. Войдя в комнату Мариваль, Сабара поспорила с ней. Они вместе выпили вино. Мариваль жаловалась на дневную жару. Она презирала советы Сабары и ее саму, требующую установления мира. На самом деле вряд ли к тому времени удалось бы заключить мир, и, возможно, Сабара знала об этом — ее спор с Мариваль был просто предлогом для произошедшего далее. Предполагаю, — вкрадчиво продолжил Сайрион, — что в одном из многочисленных колец госпожи хранился либо гостинец из припасов Наддина, либо плод ее собственных познаний о наркотиках и магии. Что бы ни содержало кольцо, она заставила это пролиться в бокал Мариваль. Скорее всего, какой-то медленно действующий порошок, усыпляющий и убивающий во сне. Я не думаю, что гигиеничный ум Сабары позволил бы ей опуститься до причинения чего-либо грязного или мучительного. Сабара считала это законной казнью. Она была палачом, а не убийцей.

Мужество покинуло Сабару. Она опустилась в кресло, спрятав глаза, и прошептала:

— Вы в самом деле обвиняете меня?

— Я излагаю факты, — ответил Сайрион. — Радри отправил Мариваль. И вы тоже. А теперь я продолжу...

В какой-то момент перед ужином Джолан увидел Мариаль. Он страдал от ее новых знакомств, от ее плотских игр, от ее хищнических требований выдать ее замуж за богатого аристократа. Джолан был влюблена в Мариаль и корчился от кровосмесительных желаний, тем более что они никогда не удовлетворялись, в отличие от желаний многих других мужчин. Во время беседы с ней Джолан в конце концов отказалась сочетаться браком со старшую сестру с каким бы то ни было городским лордом. Отказ он, вероятно, оправдывал тем, что ее нецеломудренное состояние станет известно в первую брачную ночь и принесет унижение и бесчестье в их дом. Мариаль, обладая необузданым характером, устроила Джолану словесную порку, пройдясь по всей его жизни. В такие моменты поклонение превращается в антипатию. Джолан достаточно искусен, чтобы вызвать какое-нибудь колдовское проклятие для ее умерщвления, он не стал бы прибегать к яду за обеденным столом. Ведь к обеду заклинание уже было наложено, не так ли, лорд Джолан?

— Да, — признал Джолан. Он уставился в ковер неживыми глазами. — Как вы и сказали. Рискну предположить, что вы правы в отношении всех нас. Троє вонючих убийц. Это самая гнусная и ужасная шутка.

— Дальше — больше, — снова заговорил Сайрион. — Во время еды Мариаль вскрикнула, схватилась за горло и бок и вскоре потеряла сознание. Каждый из причастной к этому троицы, скрывая друг от друга свою радость и ужас, проводил Мариаль до ее постели. Там, по мере того как ее состояние ухудшалось, каждый из вас, думая, что только он ответственен за это, дрожал и трепетал, ожидая ее конца. Но конец пришел не сразу, и в конце концов вы ушли, лелея свои страхи и свою правоту. Вы оставили Мариаль на попечение Надина.

Сайрион поднял глаза и посмотрел на жреца. Лишенные чувств глаза мужчины дрогнули и закрылись.

— Налдин, — произнес Сайрион. — Жрец, ученый, маг, врач, новатор. Девственник Налдин. Дисциплинированный Налдин, чье вероучение не позволяет ему возлечь с живой женской плотью. Налдин знал настроения в доме. Не нужно быть знатоком медицины, чтобы понять, чем заболела Мариваль, и вполне возможно... — не нужно скромничать, господин, — он думал, что мог бы спасти ее. Но Налдин, оставшись наедине в спальне с этой полумертвой леди, был одержим двумя потрясающими мыслями. Первую он быстро применил на практике, введя зелье каким-то коварным способом, известным врачу. Это не было, как вы понимаете, восстановительным средством. Оно лишь поддержало действие введенного ранее яда, обеспечивая абсолютную уверенность, что Мариваль никогда больше не увидит этот мир. Это же зелье являлось первым важным этапом процедуры бальзамирования. Это был лучший эксперимент Налдина. И когда она была уже окончательно мертва, друзья мои, Налдин дал волю второму замыслу. Он сделал с Мариваль то, что всегда хотел сделать, но чего не позволял ему сан, пока она была жива.

Радри и Джолан вскочили с подобающими слушаю возмущенными криками. Сабара неподвижно лежала в своем кресле. Налдин отшатнулся назад, пока его плечи не уперлись в стену гробницы.

— Я выпотрошу тебя, — заревел Радри. Его буйство пугающее перешло в шипение: — Я запихну твои внутренности в твой гнилой рот.

— Полагаю, — прервал Сайрион тихим холодным голосом, который каким-то образом остановил мужчин, — вы забываете о бесполезности такого поступка. Я хотел бы напомнить вам, джентльмены и леди, что вы

все совершили гнусное преступление против женщины на кровати. Никто из вас не имеет права поднимать оружие против другого. И, как я могу заключить, не было еще и обещанного вам беспокойным призраком Мариваль предзнаменования.

Радри повернулся к Сайриону с раздражением и гневом.

— Никакого предзнаменования — вот все, что у тебя есть. На самом деле все это, вероятно, сплетенный тобой клубок лжи, чтобы отвлечь наш гнев. Я никогда не признаю твоих обвинений. Также как святоша и Сабара. А если это сделал Джолан, что ж, он сумасшедший. Как ты посмел предложить нам такое нелепое блюдо из дерьяма! Мы все четверо отравили Мариваль! Как ты к этому пришел?

— Совпадение ваших показаний и ваши мотивы, — беспечно ответил Сайрион. — И ваше признание, что более сорока судей (хотя я думаю, что их было гораздо больше) были наняты вами, чтобы докопаться до истины. Даже из сорока, по законам одной лишь случайности, хотя бы один должен был установить личность убийцы. Что привело меня к предположению, что всех вас рано или поздно обвинили. Так как ваше предзнаменование до сих пор не сработало, я пришел к выводу, что вы приложили руку к пирогу все вместе.

— Но поскольку предзнаменование все еще не сбылось, — внезапно проскрежетал Джолан, — ты тоже ошибаешься. Каждый из нас виновен в покушении, но кто виноват в смерти моей сестры?

— Несомненно, все вы, — заключил Сайрион. — И никто из вас.

Все закричали. Сабара пришла в себя и уставилась на него. Священник сделал полшага вперед.

— Боюсь, что эгоизм погубил вас, — сказал Сайрион. — Вы страдали в течение бесчисленных лет от

затянувшейся неудовлетворенной злобы Мариваль. Она цеплялась за ваше чувство вины и доводила вас до крайностей, и все потому, что вы не видели в своем мире никого, способного на убийство, кроме себя. Но в тот день в доме был еще один убийца. Предполагаю, Налдин догадывался о всех четырех, и, возможно, он догадался в ту ночь, хотя, если он догадался, его последующие действия были смехотворно безрассудными. Я не выдвигаю никаких обвинительных заключений. Тем не менее, если бы он осмотрел Мариваль за день до ее смерти так, как она хотела, то... он мог бы что-то заподозрить. Нет, в тот раз она не покушалась на вашу добродетель, отче, у нее действительно болела голова и было учащенное сердцебиение. А на следующий день — вспыльчивость, жалобы на жару... Бедолаги, когда каждый из вас отравил ее, она уже умирала. У Мариваль была чума. За ужином ее поразила чума. Ее прикончила чума, предоставленная самой себе.

— Но я запечатал дом! — воскликнул Джолан с неуместным и нелепым негодованием.

— Но прежде чем закрыть его, вы сделали закупки. У большого пекаря, или мясника, или виноторговца, или даже продавца лампового масла.

— Боги! — закричал Джолан, словно страдая от сильного и ужасного удушья. — Боги! Боги!

А потом жрец пронзительно закричал и отпрыгнул от кровати к креслу Сабары.

Ибо прекрасная забальзамированная женщина рассыпалась, превращаясь в снег, в пепел, в тонкую белую пыльцу, которая таяла и исчезала. Через несколько секунд от этого светящегося тела не осталось ничего, кроме еле заметной вмятины на вышитом покрывале.

— Предзнаменование? — спросил Сайрион. — Или это результат неправильного бальзамирования?

РАССВЕТ ЦВЕТА ВОЛОС Сабары уже затеплился, когда Сайрион вышел на улицу. Неудивительно, что его прощание со странным семейством оказалось столь же коротким, сколь долгими были их предыдущие обсуждения. Что же касается обещанной награды, то ему вручили ключ. Он найдет сундук с северной стороны ремусанского храма... Другой мог бы подумать, что его обманывают, но Сайрион прекрасно знал, что это не так.

Призрак Мариваль наложил на них проклятие. Его действие было более очевидным, чем они предполагали, даже несмотря на их магическую маскировку. После ее бальзамирования у них возникло беспокойство, последовали подозрения, обвинения — и, неизбежно, возмездие. Мариваль стала преследовать их везде, ввергla их в крайнее отчаяние, и освободить их от бедственного положения мог только тот, кто раскрыл бы их обман.

Незадолго до того, как волшебная дверь вновь открылась, чтобы выпустить Сайриона, он созерцал скорчившегося на полу Налдина и Радри с Джоланом, прислонившихся друг к другу, словно в поисках поддержки. У них не было времени на возобновление дружеских отношений до восхода солнца. Но они — даже священник, — казалось, были рады, что все кончено, и испытывали облегчение, как и следовало ожидать. Голос Джолана из-под высокого воротника звучал так хрипло, потому что, вероятно, его задушили, и, без сомнения, Радри. Радри почесывал грудь: ножевой удар на память от руки умирающего Джолана? Голос Сабары был здоровым и красивым, так что, скорее всего, она порезала вены на запястьях, а следы скрыла под золотыми браслетами. Наверно, она сделала это в ванне с горячей водой — традиционное женское самоубийство ремусанок. Ибо все они были ремусанцами. Несмотря на их измененные имена, на их магические иллюзии —

которые преображали их древнюю одежду, их мебель, где это было необходимо, в современные, — несмотря на их магическую способность говорить на одном из современных языков, они все еще были вынуждены раз в год появляться на земле в ночь смерти Мариваль, еще более мертвой, чем они, но все еще не свободной.

Над колоннами форума на юных крыльях стремительно взлетело дитя-солнце. Сайрион повернулся: и дом, и сад, и мраморная усыпальница исчезли. Ничего другого он и не ожидал.

Наудин медленно умер от чумы, перед этим увидев, как умирают все остальные.

В этом была определенная справедливость. И где бы они сейчас ни находились, их уже не было в земном аду. Не в силах признаться, они умоляли дать им покой, умоляли со слезами и воплями, совершая ужасные убийства.

Когда до восхода солнца оставались считанные минуты, только Сабара смотрела, как уходит Сайрион. Сабара — у нее одной имя было ремусанским, без изменений. В ее взгляде застыло нечто невыразимое.

СТРАННАЯ НЕРОВНОСТЬ ТЯНУЛАСЬ по пустырю, ведущему от улицы к ступеням ремусанского храма. Казалось, она отмечает какую-то древнюю границу, может, стену дома. Кости были найдены здесь, кости более чем сорока человек — много, много более, — тех, кто подвел четырех разъяренных, охваченных чувством вины безумных призраков.

С северной стороны храма росло стройное зеленое дерево. Земля под его корнями сместилась, как будто случилось землетрясение, странным образом не разрушившее

ни одного другого места. Среди комьев земли лежал большой сундук из позолоченного металла, местами проржавевший.

Ключ подошел к замку, сломавшемуся при повороте, но каким-то образом открывшемуся. Сайрион откинул крышку.

Внутри лежали два золотых ожерелья — одно с подвешенным к нему портретом черноволосой женщины, отделанным сапфирами и рубинами; несколько жемчужных талисманов; богато украшенный кинжал; пять кубков чеканного серебра (да, кто бы не вспомнил ароматное ремусансское вино, о котором пели поэты и с которым сравнивали закатные океаны, кровь и женские губы?); куча великолепных сверкающих колец; два золотых браслета. Только Мариваль не оставила ему своих драгоценностей. Великое время сделало все это немногого тусклым, придало прекрасный зеленоватый оттенок, еще более сказочный, чем драгоценный металл, словно это были сокровища, извлеченные из моря. Только по весу все это имело невероятную стоимость. Как антиквариат оно было почти бесценным.

Сайрион оставил сундук открытым, чтобы счастливчики, кто бы они ни были, могли найти его. Он взял с собой одну-единственную вещь. Один тонкий браслет из зеленоватого золота, который в течение двенадцати веков или даже больше, хотя и только в одну ночь в году, сжимал запястье Сабары.

ТРЕТЬЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

ОБЕД В «МЕДОВОМ САДУ» подавали в полдень. Мягкий детина принес буханки золотистого хлеба и тарелки с овощами, поджаренными в масле со специями. Дурманящие запахи пробудили солдата от оцепенения, в которое повергло его запутанное повествование ученого. Ройлант, однако, все это время внимательно слушал.

— Этот малый и в самом деле довольно умен, — сказал он, когда на его стол поставили главное блюдо.

— Спасибо, — скромно ответил раб.

Ройлант не стал исправлять эту ошибку. Он повернулся к ученому, изучая его лицо.

— Думаю, затейливые истории нравятся ученому уму. Как вы думаете, это правда?

— Да. Я сам видел призраков и подобные явления, при этом я обычный человек. Сайрион же, надо полагать, естественно притягивает странные, сверхъестественные события, как некоторые люди притягивают несчастья. А Теборас, или Тебориус, как его когда-то называли, — это место с привидениями, и там повсюду ремусанские руины, словно призраки величия павшей Империи.

— И прекрасная Сабара. Похоже, он питал к ней слабость.

— Похоже, что да. Если у него вообще есть какие-то слабости.

— Я бы предположил, что он подвержен человеческим привязанностям.

— Но при этом владеет собой, не теряя контроля. И еще одно, — произнес ученый, на мгновение замолчав и с интересом наблюдая, как пьяный белобрысый солдат разрывает козленка на куски, кладет к себе на тарелку овощи и полбуханки хлеба и принимается с аппетитом есть. — Я думаю про историю о городе в пустыне и демоническом звере, которую рассказал вам раб Эсур. Вы, вероятно, заметили, что, выбирая драгоценности в городской сокровищнице, Сайрион в конце концов довольно небрежно избавился от них.

Ройлант задумался.

— Так он и сделал. И в конце истории о призраках...

— Столкнувшись с бесценным антикварным тайником, он оставляет и его, взяв только браслет, предположительно из некоторого уважения к молодой женщине, которой он принадлежал, а не из алчности.

— И все же его считают богатым. Несомненно, богатство является плодом его приключений. Он не всегда так легко отказывался от своих наград.

— Или же ему никогда не нужна была плата. Существует, знаете ли, один слух о Сайрионе, что он сын западного царя, похищенный ради выкупа в младенчестве и в конце концов оставленный ворами в пустыне, где кочевые племена нашли его и заботились о нем.

— Отсюда и его дорожный наряд.

— И его случайные упоминания пословиц и духовных практик кочевников, странного, дикого, но удивительно мудрого народа. Согласно другому слуху, богатства Сайриона хранятся в сказочных тайниках по всем землям отсюда до Ауксианского моря. Чтобы получить неограниченные средства, ему нужно только посетить определенные места и предъявить верительные грамоты.

— Отсюда и прекрасная городская одежда, и пристрастие к хорошим постоянным дворам.

Кто-то, только что прибывший, вдруг крикнул из-за портьеры.

— Фой! Во имя... Фой!

Все вопросительно оглянулись в поисках Фоя. За исключением мудреца, который был занят тем, что прерывал свой пост тарелкой жареной чечевицы и оливок.

Не получив ответа, вновь прибывший, чрезвычайно невысокий молодой человек, пересек помещение. Его кольчуга и легкий стальной шлем тускло поблескивали. Он и в самом деле был очень невелик для солдата. Словно для того, чтобы восполнить недостаток в дюймах, он имел весьма грозный вид. Поражали удивительного размера лоснящиеся каштановые усы, покрывающие большую часть его лица. Тем не менее, он не скрывал своего явного раздражения, когда подошел к столу Ройланта и остановился рядом с проголодавшимся блондином-пьяницей.

— Фой, через полчаса ты должен быть в казармах. Я искал тебя во всех харчевнях и винных лавках Херузалы.

— О, черт! — воскликнул Фой. — Позволь мне отплатить тебе за беспокойство. Садись, душа моя, и присоединяйся к трапезе, которой угощает меня этот щедрый господин с рыжими волосами. Не откажи, Оби...

Фой внимательно посмотрел на Ройланта. Ройлант показал жестом, что он не возражает, однако Оби был непреклонен.

— Фой, полчаса. Пойдем. Оставь это.

— Уйти? Как я могу быть таким невежливым? Кроме того, я еще не рассказал своей истории — единственной, ради чего я имею право здесь сидеть.

— История? Что за проклятая история?

— Мы рассказываем истории о... — белокурый солдат сделал огромное усилие, — о Сайрионе.

Солдат с каштановыми усами посмотрел на Ройланта и ученого и кивнул.

— Прошу прощения, господа. Если такова была сделка, боюсь, ему придется отказаться. Что же касается Сайриона, то вы вполне можете увидеть его сами, если останетесь в городе.

Ройлант положил нож на тарелку.

— Он точно в городе?

— В Херузале? Да. Я заметил его час назад на Душистой улице.

Ройлант поднялся на ноги.

— Но я сомневаюсь, что вы поймаете его там сейчас. Он, очевидно, направлялся куда-то еще, проходя мимо меня.

Ройлант поник. Спустя некоторое время ученый заметил:

— Вы достаточно знаете этого человека, чтобы узнатъ его.

— И пройти мимо. Судя по тому, что о нем рассказывают, я бы предпочел его лучше не знать. Вольный мечник — очень рискованная профессия. А теперь, Фой, во имя... уф-ф! — закончил усатый солдат и стал еще ниже ростом, плюхнувшись на свободное место на скамье рядом с Фоем с жареным козленком во рту.

Очень тихо, ясно и отчетливо Фой произнес:

— Заткнись, идиот, и слушай внимательно. Я сделал это не просто так. Если ты посмотришь в ту сторону, куда я скажу, я сделаю это снова. Святой человек вон там, в кольцах и с пятнами масла на одежде. Я готов поклясться, что это тот самый негодяй, который называет себя пророком и подстрекает к мятежу и беспорядкам, измышляя подлости против нашего дорогого короля Мальбана. Мы, как ты помнишь, трижды пытались схватить его и упустили дьявола. Даже Рыцари-Ангелы

не смогли его взять, а ты знаешь, что они редко терпят неудачу. Я пришел сюда и случайно увидел его. Теперь я преследую его или буду преследовать, как только он пошевелится. Оставайся и будь готов последовать за ним вместе со мной и задержать его при первом намеке на скору. Или вернуться в гарнизон и сказать им, почему я этого не сделал.

Усатый солдат хмыкнул и почесал в затылке, явно собираясь остьаться.

Ройлант уставился на светловолосого солдата.

— Вы не пьяны, — заметил Ройлант приглушенным голосом.

— Кто не пьян? — спросил Фой, возобновляя актерскую игру.

Ройлант выпрямился.

— Это абсурд.

— Вовсе нет, — ответил ученый. — Теперь у вас есть доказательства, что Сайрион находится поблизости и может прийти сюда. Что касается другого вопроса, — ученый понизил голос, — я сам не был уверен в мудреце. Очень подозрительный старик.

Усатый солдат оправился от удара, нанесенного Фоем, и, не говоря ни слова, решил присоединиться к компании, угощаясь мясом и вином.

— Мне всегда было интересно, как звучали исходные ремусанские имена призраков, не переделанные на современный лад, — сказал ученый. — Налдин и Сабара, можно предположить, не изменились. Но Джолан мог бы быть Джолиусом, а Радри — Радриксом. Мариаль, однако, вызывает сомнения. Подозреваю, это двойное имя. Возможно, Мари-Валия.

— У меня была кузина по имени Валия, — неожиданно вспомнил Ройлант. — Она пропала, будучи ребенком. Осталась только ее сестра Элизет.

Усатый солдат приободрился. Хотел ли он подражать актерству своего приятеля или действительно был чрезмерно склонен к спиртному, никто не мог бы поклясться.

— А вот я, — обратился он к Ройланту, радуясь возможности помочь, — действительно знаю одну историю.

Ройлант тяжело вздохнул:

— Продолжайте.

— Не то чтобы Сайрион рассказывал мне об этом. Он мастер ножа, между прочим. Но это не входит в нашу историю. Там был этот колдун.

— Еще один колдун, — с болью произнес Ройлант.

— Его звали Джувед. Колдун Джувед, который несколько переборщил с магией...

ЧЕТВЕРТАЯ ИСТОРИЯ: САЙРИОН В БРОНЗЕ

НАД ЗЕЛЕНЫМ ОБЛАКОМ ОАЗИСА возвышалась башня, вершина которой была более близка к небу, чем кроны деревьев.

Внизу вокруг простирались тихие воды, олеандры, камыши, колонны пальм с рваными решетками листвьев, пронизанных тонкими красными лучами закатного солнца. За ними со всех сторон тянулись сухие дюны пустыни, покрасневшие на западных склонах.

Человек в башне не смотрел на все это. Он заглянул в кристалл, установленный на медной подставке. Кристалл показал ему участок пустыни в миle от оазиса. По пустому песку шел другой человек, двигаясь на запад в том же направлении, что и днем. К башне.

Путешественник был молод, высок и строен, одет в черную свободную одежду кочевников. На боку у него покоялся меч в красных кожаных ножнах. Но солнце опалило его льняные волосы и чудесное лицо, заставив наблюдателя в башне забеспокоиться. Из пустыни приходили ангелы, сияющие, прекрасные и ужасные. И демоны.

Что-то шевельнулось под башней, рядом с запертой на засов дверью. Джувед, наблюдатель, не обратил на это внимания, так как часто видел это движение и хорошо знал его природу.

Вскоре молодой человек придет из пустыни в оазис, и волнение усилится. Последует бурная реакция, крик

удивления. Сталь выпрыгнет из красных ножен, ловя красные лучи солнца. Красная кровь впитается в пыль. Тогда на какое-то время для Джуведа наступит мир.

ПОСЛЕДНИЙ ИСТОЧНИК ОКАЗАЛСЯ отравлен, осквернен солью. Вандализм в отношении скучного гостеприимства пустыни был редкостью. Мало кто рискнул бы совершить такое низменное преступление. Среди кочевников за такой поступок сурово наказывали.

Обнаружив загрязненную воду, Сайрион нацарапал на колодце соответствующий предупреждающий знак и двинулся дальше. Благодаря некоторым талантам, развитым у народов пустыни, он смог найти другой источник, однако горький привкус соли во рту наполнял гневом его взгляд под длинными ресницами. Это был его второй день без воды.

Дойдя до второго оазиса, он остановился на границе зарослей олеандров, чтобы быстро осмотреть окрестности. Посмотрел на воду, деревья, башню. Если он что и упустил, то это что-то было незначительным.

Он подошел к краю небольшой круглой лужицы, опустился на колени и, нагнув голову, зачерпнул жидкость в рот левой рукой с массивными кольцами.

Позади него между стволами пальм что-то зашевелилось.

Что-то большое, неуклюжее и странно бледное беззвучно переливалось из тени на свет.

Сайрион продолжал пить. Зачерпывающие движения его руки не потеряли легкости, однако его поза едва заметно изменилась.

Полоса тени упала на воду. Сайрион мгновенно оказался в шести футах от того места, где только что стоял

на коленях. Одновременно что-то плюхнулось прямо на это место. Промахнувшись мимо Сайриона, существо закричало от ярости, вскочило на ноги и стремительно метнулось к человеку, пытаясь поймать его двумя огромными бледными руками, из пальцев которых выступали пятидюймовые острые когти.

Сайрион, ускользнувшая добыча, неподвижно застыл, он вынул из ножен меч и почти картино замахнулся. На его лице отразилось лишь легкое удивление от того, что перед ним предстала тварь, несомненно слепленная в аду.

Она чем-то напоминала человека, но, в отличие от любого человека, возвышалась над землей футов на восемь или больше и к тому же была слишком тощей для живого существа. Она была жуткого цвета раскаленного добела металла — бледность, маловероятная в таком месте и под таким солнцем. Белесые волосы разевались на черепе, как флаги. Ее глаза горели своим равной жаждой крови. Она не имела никакого оружия, кроме когтей, которые сами по себе были серьезным оружием. Поколебавшись, словно нарочно, чтобы напугать противника своим видом, тварь снова бросилась на Сайриона.

И Сайрион опять исчез из-под удара. Демон отбил руку и издал еще один яростный крик. Сверкнул стремительный меч, и на чудовище обрушился его удар, который должен был разрубить его практически пополам. Но меч, легко скользнув сквозь раскаленную плоть, не встретил ни ткани, ни кости, не выпустил ихора и не нанес никакой раны.

Когда чудовище обернулось, Сайрион снова метнулся из зоны его досягаемости.

Черные когти рассекли воздух в ширине большого пальца от горла Сайриона. И во второй раз меч сверкнул и глубоко вонзился теперь уже в брюхо чудовища,

проткнув некровоточащую белую плоть и оставил ее невредимой. Вблизи Сайрион рассмотрел, что у твари нет пупка, а в ее лысом паху отсутствовало и кое-что еще. Ее губы оказались втянутыми, нос вдавленным, с выступающими ноздрями; огненные глаза зияли пропалами. Перевернутая пародия на человека: даже когти изогнуты не в ту сторону — вверх, а не вниз.

Сайрион снова покинул свое место, но на этот раз ошибся, и когти порвали его рукав. Меч, скользнув по непробиваемому запястью, ударил по одному из этих когтей, издав лязг, способный поднять мертвых. Чудовище, однако, взвизгнуло и яростно отпрыгнуло назад.

Словно подражая ему, Сайрион развернулся и побежал. Когда зверь, прия в себя, рванулся следом, Сайрион резко обернулся и поднял меч, чтобы встретить обе опускающиеся руки существа одним широким вращательным движением. Теперь звук походил на скрежещущую сталь. Десять черных осколков пронеслись сквозь розоватую атмосферу, сопровождаемые десятью мощными струями склизкой белой жидкости.

Завопив в агонии, демон рухнул на свои странные колени, его голова свесилась. Теперь знамя его волос развевалось всего в пяти футах от земли, став досягаемым. Волосы тут же оказались в унизанной кольцами левой руке Сайриона, а правой он острог их мечом, как и ногти, и волосы обильно закровоточили.

Содрогаясь и постанывая, тварь кувыркалась на берегу среди камышей, ее белый ихор пятнал занесенную песком почву. Резко подергиваясь, она, казалось, погрузилась в предсмертную кому.

Стоны стихли, но тут раздался новый крик, на этот раз из башни.

Посыпался лязг отодвигаемых засовов и поднимаемых решеток, и к кромке воды, спотыкаясь, вышел

человек. Невысокого роста, полный, темнокожий и черноволосый, вновь прибывший был облачен в мантию, расшитую скарабеями и прочими чародейскими символами.

— Незнакомец, — обратился он к Сайриону, — ты совершил невероятный подвиг.

Сайрион вытер меч о камыши.

— Вы слишком добры, — скромно ответил он.

— Разумеется, — подтвердил человек из башни, — я понимаю твою шутку. Но как ты нашел слабость монстра?

— Очевидно, — объяснил Сайрион, — что это был перевертыш человека. Те места, куда можно ранить человека, были у него неуязвимы. Поэтому то, что у человека можно без вреда отрезать — ногти и волосы, — для этого существа оказалось роковым. Он умирает, но еще не умер.

— Воистину, ты оказал мне услугу, — сказал мужчина. — Три года эта мерзость держала меня в этой башне. Я не воин, а мыслитель. Я молился Богу о таких, как ты. Меня зовут Джувед. Пожалуйста, войди в мое убежище, раздели со мной трапезу. Позволь мне показать тебе сокровища, которые я накопил. Выбирай, что хочешь. Я у тебя в долгу.

Джувед повел Сайриона по каменной лестнице в просторную комнату.

В комнате повсюду виднелись магические инструменты: отполированные черепа, звездные карты, широкое восточное окно, из которого можно наблюдать за небесами, кристалл для ясновидения, оправленный в медальон. На сундуках, подставках и на столе стояли какие-то приборы. Второй стол был сервирован холодным мясом, кондитерскими изделиями, фруктами, даже кувшином вина и серебряными кубками для питья, а

также золотыми сосудами с пряностями. В южной стене находилась еще одна приоткрытая дверь, ведущая в темную спальню. Кое-где из темноты выступали какие-то неясные предметы.

Джуved казался усталым то ли от волнения, то ли от того, что спускался и поднимался по лестнице. Он почти упал в резное кресло и махнул Сайриону в сторону еды и вина.

— Я удивлен вашим обедом, — заметил Сайрион. — Вы сказали, что три года были здесь в заключении?

— Дорогой гость, — сказал Джуved, — не люблю хвастаться, но я волшебник. Я могу делать такие вещи. Только над этим ужасным существом снаружи у меня не было власти.

Сайрион попробовал немного хлеба и мяса. Он лениво исследовал специи: имбирь, мускатный орех, перец, соль и корицу. Когда он подошел к кувшину с вином, Джуved сказал:

— И мне, если можно. Я устал, дорогой гость, и мне надо посидеть. — Сайрион налил в кубок вина и протянул его хозяину. Рука Джуведа задрожала, и он самоуничтожительно рассмеялся: — Прости мою слабость. Прошу тебя, загляни в соседнюю комнату. Выбирай все, что пожелаешь.

Сайрион широко распахнул приоткрытую дверь. Часть помещения занимала кровать, в остальной части комнаты располагались колдовские статуэтки, талисманы, фигурки животных и таблички с надписями. Все они были сделаны из драгоценных материалов: золота и серебра, оникса, слоновой кости и нефрита. У восточной стены, почти за самой дверью, на колышке висел плоский, слабо мерцающий овал, накрытый куском черной вуали. Когда Сайрион повернулся, чтобы рассмотреть его, вуаль соскользнула с крючка на пол.

Под ней оказалось зеркало из безупречно отполированной бронзы, идеально отразившее Сайриона.

— О, ты нашел зеркало Зилуми, — догадался Джувед. Его голос стал бодрее. Он просиял. Не видя самого зеркала из внешней комнаты, он видел Сайриона и, вероятно, поэтому смог оценить природу его интереса к восточной стене. — Разве оно — не совершенство?

— У кочевников есть поговорка, — откликнулся Сайрион. — Трудно видеть сквозь завесу.

Джувед, казалось, встревожился.

— Но разве вуаль не упала с зеркала? Обычно это происходит, когда кто-то входит в комнату — из-за сквозняка, без сомнения.

— Да, упала, — подтвердил Сайрион. Он продолжал стоять перед своим совершенным отражением, словно раздумывая или любуясь. Однако он необъяснимо побледнел.

— Ты, разумеется, помнишь историю Зилуми, — развеселился Джувед. — Про то, как ее отчим, король Грауд, заключил пророка Хоканнена в темницу, а Зилуми, увидев пророка, воспылала к нему любовью. Она была колдуньей и наполовину демоном с золотыми глазами и волосами цвета этого бронзового зеркала. Грауд, в свою очередь, желал ее и однажды ночью стал умолять ее танцевать для него эротический танец, которому ее научили демоны. Опьяненный ею, он обещал ей в обмен драгоценности и богатства. Чем больше она сопротивлялась, тем сильнее становились его опьянение и похоть. В конце концов он поклялся именем Бога перед всем своим двором, что даст ей за один танец все, что она попросит. Она стала танцевать. Говорят, что от этого танца незажженные свечи зажглись сами по себе. Когда танец закончился, Зилуми напомнила Грауду о его обещании. Он рассмеялся и спросил, чего бы

она хотела. «Дай мне, — сказала Зилуми, — голову Хоканнена, отделенную от его тела». Грауд был потрясен и напуган, потому что, хотя он заключил пророка в тюрьму и хотел, чтобы тот скончался в тюрьме, он боялся убить его сразу. Но Зилуми настаивала: «Ты дал клятву перед Богом и своим двором». Грауд предлагал ей альтернативы: сокровища казны, даже свое королевство. Но Зилуми была непреклонна: голова Хоканнена — и ничего больше. Наконец покрывшийся испариной Грауд согласился и уже собирался подать знак палачу, когда Зилуми снова заговорила. «Всем ясно, — сказала она, — что если ты отдаешь мне отрубленную голову Хоканнена, ты даришь мне его жизнь». Грауд вынужденно согласился. «Тогда, — сказала Зилуми, — раз ты показал, что его жизнь принадлежит мне, я желаю не убить его, а освободить». Попав в такую ловушку, Грауд мог только повиноваться. Таким образом пророк был освобожден. Сама Зилуми, оставив свою роскошную колдовскую жизнь, последовала за Хоканненом в пустыню. Чтобы продемонстрировать перемены в своем сердце, она обрезала волосы и выбросила в пески свои прекрасные одежды. Она выбросила даже свои магические инструменты, в том числе это зеркало, с помощью которого она творила наихудшие чары.

Сайрион не двигался.

— Я знаю эту историю. Многие утверждают, что владеют остатками имущества Зилуми.

— Но это зеркало, — вкрадчиво проговорил Джувед, — это зеркало докажет тебе, что оно — исчадие зла.

Наблюдатель из башни уже восстановил достаточно сил, чтобы подойти к двери. Протянув руку и схватив Сайриона за локоть, он вывел молодого человека из спальни и повел обратно во внешнюю комнату.

— Ты почувствовал, как из тебя высосали душу, лучший из воинов?

Цвет лица Сайриона восстановился.

— Да ладно? — беспечно сказал он. — С чего вы взяли, что у меня есть душа?

Улыбка на лице Джуведа сменилась заботливой серьезностью.

— Мне очень жаль уничтожать тебя таким образом, — посетовал он. — Но я победил. Я хочу жить. И хотя мне не нравится, что ты утратишь свою жизненную силу, произойдет то, что должно произойти. Богатство магических знаний, которыми я могу поделиться с миром, несравнимо с твоей преходящей красотой и мастерством. Бог простит меня.

Джувед стал уверенным и энергичным. Его улыбка выражала радость и доброжелательность.

— Я рассказал тебе историю о Зилуми, Грауде и Хоккеннене. Рассказать тебе историю о Джуведе и зеркале?

Сайрион подошел к окну. Трудно было понять, какие мысли проносились у него в голове. Но он смотрел в окно, как будто что-то заставило его сделать это, какой-то невидимый жест, какой-то неслышный голос, зовущий из оазиса. Небо на востоке сияло теперь, как расплавленный огненный топаз. Среди окрашенных солнцем деревьев, у воды, которую закат превратил в вино, кто-то был. Неясный и маленький, похожий на карлика, еле различимый. Тень? Белая тень? А там, где в предсмертной коме лежало чудовище, земля была пуста...

— Как бы то ни было, я добыл бронзовое зеркало Зилуми, намереваясь использовать его в магических экспериментах, — продолжал Джувед. — Оно оказалось легким, сверхъестественно легким и безупречным, как ты видел. Но, к несчастью, на него была наложена надежная защита — вероятно, самой принцессой- ведьмой в дни ее магической деятельности, чтобы она одна

могла извлекать выгоду из его силы. С тех пор оно лежало запертым в сундуке, и только ужасные заклинания могли освободить его. Я произнес их и первым заглянул в бронзу. Как только я увидел свое отражение, я сразу почувствовал слабость, как если бы моя душа или какой-то подобный ей внутренний субстрат безжалостно вытягивался из моего тела. Как только напряжение спало, я лихорадочно исследовал его причину. Эту башню, в которой я уединялся во время своих экспериментов, я уже наделил магическими свойствами. Никакая опасная сущность не могла проявиться в ее стенах. Но, выглянув из окна, я увидел... Угадай, что я увидел, красавец мечник!

— Даже представить не могу, — вежливо откликнулся Сайрион, не отрывая глаз от оазиса внизу.

— Можешь, ты умный, — возразил Джувед. — Я расскажу тебе о том, что увидел. Человекоподобное существо около восьми футов ростом, с кожей и суставами, белыми, как расплавленная сталь, с черными когтями. Оно пряталось внизу, бормоча и пуская слюни. Зеркало, видишь ли, отняло у меня часть моей души, повернуло ее против меня, исковеркало и создало полную противоположность мне — гигантскую и тощую по сравнению с моим невысоким и округлым телосложением, белую в противоположность моему оливковому цвету лица, примитивную, варварскую и свирепую, поскольку я вежливый и робкий. Но я не идиот. Я запер двери башни на засов в качестве дополнительной меры предосторожности и, читая свои свитки и пергаменты, определил точную природу существа внизу. Так я узнал, что его главное желание — убить меня и выпить мою кровь. Но если не станет меня, тогда и само существо исчезнет. Также я узнал, что не смогу напасть на это существо и убить его, даже если бы у меня хватило

смелости. Даже если я найду его слабое место, благодаря которому можно преодолеть его неуязвимость, я погибну, если погибнет он, потому что мы связаны на уровне души, хоть и являемся противоположностями друг друга. Существовало лишь два способа, которые я мог бы использовать, чтобы спасти себя. Разумеется, я применил первый из них. Мне нужно было магически заманивать в это место как можно больше других людей в течение каждого календарного месяца. Чудовище бросалось на этих невинных и убивало их, высасывая из них кровь, а затем пожирая плоть, внутренности и кости. Оно временно утоляло свой ужасный аппетит, и тогда оно оставляло меня в покое, даже позволяя мне удаляться на некоторое расстояние от оазиса, хотя само никогда не отходило далеко от меня. Совсем недавно я посетил соседний колодец и засыпал его солью, что послуживало привлечению дополнительных жертв к здешнему источнику. Что касается второго способа защиты от дьявола, то я никогда не думал о том, чтобы его испробовать, отчасти потому, что он требовал, чтобы я привел в башню кого-то еще, что означало бы неосмотрительное ослабление ее магической защиты. Кроме того, на него напало бы чудовище. Никто не смог бы добраться до моей двери, даже если бы я собрался пригласить их войти... А потом, дорогой гость, появился ты. Ты разгадал секрет уязвимого места монстра и отбросил его на границу смерти, которая, конечно, стала бы моей. Поэтому я поспешил к тебе, как гостеприимный хозяин, и отправил тебя в комнату с бронзовым зеркалом. Ибо второй способ спасения таков: если кто-то другой посмотрит в зеркало вслед за мной, его душа будет потеряна в обмен на мою. Оно втянет его психические нити и высвободит мои. Мой перевертыш исчезает, а его сформируется. Каков же он будет в твоем

случае, героический незнакомец? Приземистый — так как ты рослый, коренастый — поскольку ты строен, слишком бледный по сравнению с твоим румянцем, чрезчур темный относительно твоей льняной кожи, отвратительный рядом с твоей красотой. Выгляни в окно. Скажи, прав ли я?

— Можете сами взглянуть, — отозвался Сайрион.

— Будь уверен, я так и сделаю. Но думаю, ты замышляешь месть, дорогой гость. Я разъясню подробнее. Во-первых, тебе может прийти в голову, что если ты сумеешь заставить меня еще раз заглянуть в бронзу, то обмен произойдет снова, твоя душа освободится, а моя опять будет порабощена. Так и случится. Однако во время своего заточения здесь я нашел и подготовил заклинание в случае такого маловероятного события, как подмена моего отражения, которое ты задумал. Если я во второй раз встану лицом к лицу с бронзовым зеркалом, мне останется только произнести одну условную фразу, чтобы защитить себя от его чар. Я вполне безопасно могу стоять перед зеркалом даже при условии, что я промыгчу эту фразу — или даже произнесу мысленно, — так что повреждение моего языка тебе не поможет. И поверь мне, меня никак нельзя заставить заглянуть в бронзовое зеркало так, чтобы я об этом не узнал. Ибо, если оно будет укрыто настолько, чтобы я мог его с чем-то перепутать — скажем, спрятано за занавесом или под плотной вуалью, — мое отражение не попадет на поверхность и магического втягивания в любом случае не произойдет. Ты можешь подумать, что сумеешь обойти мои чары. Другой способ — лишить меня сознания и притащить мое тело к зеркалу. Но это тоже бесполезно. Во сне или без сознания психическая ткань человека отделена от его тела и не может быть поглощена зеркалом. Как только сознание вернется, я

произнесу фразу и таким образом отменю его влияние. Так что я советую тебе довериться своей судьбе. А также готовиться к смерти... Ты не сможешь, как я, заменить свою кровь и жизнь чужой. Я — единственная альтернативная жертва. И хотя я бессилен против эманации, которую зеркало создало из моего собственного тела, против эманации другого я не бессилен и защитил себя своей магией. Кроме того, я снял с башни магическую защиту, так что вскоре твой перевертыш сможет проникнуть внутрь и уничтожить тебя. Я сожалею, что погибло слишком много невинных жизней. Ты дал мне возможность освободиться, и твоя смерть будет последней. Поэтому чем быстрее это произойдет, тем лучше. Ты можешь принести себя в жертву своему зеркальному монстру или убить его. В любом случае результат будут один и тот же — вы оба умрете. Мне очень жаль, но я непреклонен. Утешайся тем, что твоя кончина даст возможность сохранить жизнь талантливому мыслителю.

— Это невероятная честь для меня, — съязвил Сайрион.

Через долю секунды после этих слов, по-кошачьи прыгнув, он исчез за дверью и спустился по лестнице.

Джуved больше не взглянул ни в кристалл, ни в окно на окружающие пески и на темнеющий оазис.

Зловещий, как маяк в сгущающейся ночи, Сайрион ждал появления перевертыша, рожденного из бронзового зеркала Зилуми.

Все было так, как предсказывал Джуved.

Двойник Сайриона оказался приземистым, в отличие от рослого Сайриона, коренастым относительно его стройности, гротескным в сравнении с его изяществом, отвратительным рядом с его красотой. На мерзкой грибовидной белой голове твари топорщилась черная проволока — полная противоположность волосам Сайриона.

На ее уродливой когтистой правой лапе висели подобия колец, а левая сжимала нечто вроде меча цвета гнилой плоти, более широкого на кончике, чем у основания.

И это существо хихикало, жеманничало, завлекало. Обнажив клыки, оно поплыло к нему сквозь темноту, как светящийся ком глины.

И, конечно, оно оказалось слишком неуклюжим в сравнении с ловкостью Сайриона, слишком медлительным в сравнении с его стремительностью.

Быстро, как метеор, Сайрион нырнул в сторону, протянул руку, поймал черную прядь и срезал ее. Из твари хлынула белая фосфоресцирующая кровь. Стальной меч еще два раза нанес удар, и теперь все когти лежали среди благоухающих в ночи олеандров. Раздался предсмертный вопль существа. И Сайрион почувствовал приближение смерти твари. Смерти, которая станет его собственной. Но он не мог поручиться, что чувствует именно это. Он и без того ослабел.

Он поспешил в башню. Заклятия были сняты, и ничто не мешало ему вернуться. Его ноги почти бесшумно касались камня, он перепрыгивал через три-четыре ступеньки. Издаваемые им звуки заглушал вой существа внизу.

Джувед не ждал его, а если и ожидал, то не в такой форме. Сайрион стрелой пронесся по комнате, словно лесной пожар. На мгновение маг застыл, разинув рот. В следующее мгновение лоб мага встретился с тяжелым кристаллом для ясновидения, мимоходом схваченным Сайрионом.

ДЖУВЕД ОЧНУЛСЯ В СМЯТЕНИИ, его тошнило. Однако он полностью помнил все, что было до этого:

зеркало, свой трюк, Сайриона и кристалл. Эти воспоминания свелись на нет чудовищной болью в черепе и огромным количеством соли, втертой в его губы, язык и десны. Спотыкаясь и отлевываясь, Джувед встал на колени, схватил стоявший на столе кубок с вином и, не сдерживаясь, сделал несколько глотков. К несчастью, это не помогло, потому что вино тоже оказалось приправленным. И в кувшин, и в кубок были насыпаны пряности из сосудов, причем на этот раз не только соль, но и корица, перец, мускатный орех и имбирь. Джуведа тут же вырвало.

Облегчившись, но с ушибленной головой, заплывшими глазами и закостеневшей глоткой, Джувед осторожно спустился по лестнице башни. Глупая месть Сайриона озадачила Джуведа. Его раздражало, что молодой человек с такой необычной внешностью не принял смерть благородно или, по крайней мере, безропотно. Но эта шутка с нападением и пряностями, вызвавшая мощную рвоту у Джуведа... Он поспешил проковыляя оставшееся расстояние до прохладного и залитого безмятежным небесным сиянием родника.

Над пальмами висела луна, призрачная, как отполированная слоновая кость, заливая воды источника чудесным сиянием.

Несмотря на шутку Сайриона, Джувед все сделал правильно и хитро. Бояться больше было нечего. Недолгая болезнь рядом с ужасной смертью — ничто.

Довольный своими рассуждениями, Джувед опустился на колени у источника и склонился к нему. Он старательно отводил глаза от тусклой бледности среди олеандров. Скоро это ужасное существо окончательно умрет и исчезнет. Тело Сайриона, к счастью, отсутствовало. По крайней мере, у воина хватило порядочности убраться в пустыню, чтобы умереть.

Джувед с благодарностью припал к чистой родниковой воде. Несмотря на внезапное головокружение, некоторое следствие его болезненного состояния, он пил со спокойствием и нарастающим воодушевлением. Пока лунное отражение в воде не заслонила вытянутая тень.

С недоверчивым возгласом Джувед вскочил, уставившись на нависшую над ним тощую тушу, горящие ямы глаз и тянущиеся когти своего собственного перевертыша, того, что впервые появился из зеркала.

СРАЗУ ЗА ОЛЕАНДРАМИ НА ЧЕРНЫХ, как ночь, дюнах лежал Сайрион и ощущал, как жизнь возвращается к нему, словно принесенный ветром песок.

Он много сделал в башне, прежде чем позволил себе здесь упасть. Когда умирающее чудовище стало тянуть его за собой в небытие, он понял, что нужно выиграть эту игру со смертью, применив логику. В этой нечестной игре не было никакой надежды, никаких гарантий. Так он лежал и ждал конца либо продолжения, и луна светила ему прямо в глаза.

Но жизнь есть жизнь, и, вернувшись, она принесла исцеление.

Вскоре он смог подняться и подойти к роднику, держась подальше от края воды, хотя там ничего не осталось — ни останков мага, ни чудовища.

Сайрион тщательно нацарапал предупреждающий знак на стволах пальм, чтобы показать, что вода в оазисе загрязнена.

После этого он стал кидать песок и землю в источник с безопасного расстояния. Это была утомительная работа, но он не бросал ее до тех пор, пока родник не замутился и уровень его дна значительно не поднялся.

Наконец он полностью закопал то, что раньше прикидывалось всего лишь отражающей поверхностью ночной воды. Осевший песок скрыл бронзовое зеркало, которое Сайрион бросил в родник за полчаса до того, как Джувед наклонился, чтобы напиться.

ЧЕТВЕРТАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

КОНЕЦ РАССКАЗА БЫЛ встречен сдержанными, но восторженными аплодисментами одного из купцов и его дамы, подошедшими послушать.

— Очень необычно. Очень хитро! — воскликнул купец, хлопая довольно икнувшего усатого солдата по плечу. Купец, в противоположность ему, был крупным мужчиной, его голову обматывала ткань из мягкого зеленого муслина, расшитого опалами. Кольца на его руках отбрасывали отсветы. Неудивительно, что его изящная спутница цеплялась за него с такой решимостью. Хотя она также расщедрилась на улыбки для обоих солдат, высокого и низкого, и подмигнула Ройланту глазом под серебряным веком.

Ученому, по-видимому, тоже понравилась эта история, и он поклялся, что запомнит ее на будущее. Светловолосый солдат, привалившись к выкрашенной в синий цвет стене, улыбался всем, особенно кошмарному мудрецу в нише, который пускал слюни уже в третью кружку пива. Его пост, кажется, был не просто нарушен, а разнесен в пух и прах.

Ройланту эта история не понравилась. Это и понятно. Если хоть что-то из того, что он слышал, и было правдой, это лишь усилило его потребность найти чудесного Сайриона. Но где же его найти?

— Вы говорите, что видели его в Душистом переулке?

— Ага, — сказал усатый солдат. — А, нет. На Душистой улице. — Он подробно рассказал о посещении тамошнего цирюльника с целью подправить роскошную

растительность на лице: — Тупой гарнизонный брадобрей способен подстричь только под страусиное яйцо. Сидя у цирюльника, я заметил, как мимо прошел Сайрион, разодетый как принц.

В этот момент караванщик, который торопливо пошел поговорить с украшенным драгоценностями торговцем, обеспокоенно спросил:

— Светловолосый? Если это так, то я сожалею, потому что тот, кого вы видели на Душистой улице, не Сайрион. Я говорил с ним только вчера, милях в десяти от Херузалы. Он ехал по дороге в Бакрад.

— Бакрад! — На лице Ройланта отразился ужас.

— Вы ошибаетесь, господин, — поправил низкорослый солдат. — Я знаю Сайриона, как своего брата. И я видел его на Душистой улице.

Караванщик самодовольно пожал плечами.

— Что бы вы ни говорили, но я знаю, кого встретил.

— И я, простите, знаю, кого я встретил.

— Вы хорошо знаете Сайриона? — спросил Ройлант караванщика.

— Однажды он оказал мне услугу. Да, я его знаю.

— Далеко ли до Бакрада?

— Недалеко. Но к этому времени он будет уже значительно дальше.

Ройлант тихо выругался. Он выглядел как проигравший ребенок.

— Если у вас срочное дело, вы можете послать голубя с местной почты. По всей дороге есть почтовые станции.

— Нет времени, — неопределенно сказал Ройлант и был вознагражден подозрительным взглядом усатого солдата, который всегда так реагировал на это слово.

Поэтому он и упавший духом Ройлант не обернулись на шум, раздавшийся за их спинами. Его источником, как и прежде, оказался мудрец.

Очаровательная брюнетка, проходившая раньше мимо Ройланта, теперь возвращалась, плывя по комнатах в тумане из ароматов, сверкая жемчугами. Миниатюрная горничная осторожно шла следом, неся цветы. При виде этого довольно эффектного шествия мудрец забормотал в пивную кружку:

— Городская блудница, она ходит в багрянице и драгоценных каменьях, и святые камни запачканы ее беззаконием.

Вместо смущения или смятения леди выказала веселое любопытство и, лениво повернувшись, произнесла голосом пантеры:

— Я не ношу красного и ничего не пачкаю, в отличие от тебя. Я настоятельно советую хозяину постоялого двора продезинфицировать его и окурить сильными благовониями, как только ты уйдешь.

Молодая женщина с серебряными веками хихикнула. Все три купца разразились оглушительными возгласами. Мудрец, страшно побагровев, подобрал свои неаппетитные рукава и, издавая булькающие звуки, вскочил из комнаты.

Всеобщее одобрение усилилось. За красивую брюнетку произносили тосты и обещали клетки с голубями и флаконы с редкими духами. Ученый тем временем встал и поспешил за своим пергаментом. На некоторое время он застыл над ним, обнаружив пролитую на него чечевицу.

Посреди этого шума вскочил белокурый солдат Фой.

— Ну же, усач. Он ушел, и мы должны последовать за ним.

— Что? — спросил усатый, как теперь выяснилось, пьяный на самом деле.

— Возмутитель спокойствия, безумный пророк. Пойдем, дурак! — И, подняв усатого солдата на нетвердые

ноги, чему способствовал невысокий рост последнего, Фой повел его к выходу.

Дойдя до дверной занавески, Фой остановился. Усач, храбро пытаясь принять боевую стойку, опрокинул табурет.

— Благодарю за пир и сожалею, что не в состоянии выполнить свою часть сделки, но долг дерзко бросает вызов. Спросите, знает ли кто-нибудь из них историю об убийстве в крепости Клув. Она очень важна.

Усач прорвался сквозь занавес, Фой шагнул за ним. Затем послышался приглушенный завесой звон статуи пчелиной богини, подвергшейся любовному объятию коротышки, и раздраженный голос Фоя:

— Мы снова потеряли старого дьявола.

— Я не хочу больше слышать никаких историй, — глухо обронил Ройлант.

— Бедный юноша, — почувствовала серебровечная путана и за свои старания была быстро отправлена купцом за другой стол.

— Не стоит отчаиваться, — ободрил вернувшийся ученьи, осторожно просушивая пергамент. — Так всегда случается, когда дело касается Сайриона. Один человек видит его здесь, другой там. Скажите, господин, — обратился он к караванщику, — вы можете поклясться, что человек, которого вы встретили по дороге в Бакрад, точно Сайрион?

Караванщик показался оскорблённым, затем задумчивым. Наконец он произнес:

— Честно говоря, он пронесся мимо в клубах пыли. Мы оба выкрикнули приветствия. Он, кажется, узнал меня, но при моей профессии меня многие знают. Я принял его за Сайриона. Однако он был верхом, а это редкость для Сайриона, теперь я размышляю об этом... Кстати, я знаю об убийстве в Клуве. Если хотите...

Ройлант издал звук не то чтобы невежливый, но явно не одобрительный.

Ученый, однако, сказал:

— Простите, но я не слышал этой истории. Полагаю, теперь моя очередь покупать вино. — И предложил караванщику: — Садитесь. Расскажите мне о Клуве. Молодой джентльмен не откажет мне в удовольствии.

Ройлант выглядел так, будто его предали, но не сдвинулся с места.

Пока они разговаривали, вернулся трактирщик и понял, что мудрец не заплатил. Это вызвало его возмущение. Также прибыл толстый священник. Рабы метались вокруг, подавая свежие блюда или раскладывая их по тарелкам, вся комната была охвачена новой лихорадочной активностью. Ройлант, казалось, слишком устал, чтобы продолжать разговор. Хотя с его стороны было заметно полусформировавшееся желание уйти.

Караванщик сел.

— Ну, в общем, Клув. Это абсолютная правда. Очень странное дело.

— Вы меня удивляете, — произнес Ройлант в слабой попытке сарказма, впрочем проигнорированной.

Налив себе вина, караванщик начал что-то говорить, и вскоре все три купца и их дамы гурьбой направились к столу Ройланта.

Брюнетка на другом конце комнаты, кажется, тоже прислушалась, аккуратно разделяя жареного козленка в яблоках своими довольно крупными, но изящными руками...

ПЯТАЯ ИСТОРИЯ: СМЕРТОНОСНЫЙ ГОЛУБЬ

СТЕРВЯТНИКИ МЕДЛЕННО КРУЖИЛИСЬ тремя черными пятнышками в бело-голубых просторах неба. Падая обычный безошибочный сигнал о смерти где-то внизу, в пустыне.

Второй сигнал был еще более очевиден.

Перевалив через гребень последней дюны, сразу можно было увидеть источник, а за ним сквозь вечное пыльное марево пустыни поднимался зловещий дым.

Сайрион остановился на склоне, темный на фоне бледной пустыни. Широкий капюшон его одежды кочевника был надвинут на белокурую голову, чтобы защитить от солнца. Никто не шевелился ни на травянистой лужайке вокруг колодца, ни у одинокого дерева. Маленькое жилище представляло собой почерневшие развалины, скрытые только дымом, огонь уже погас. Между руинами и деревом оказалось что-то еще. Там лежал распростертый на земле человек, а вокруг него — россыпь маленьких серых, белых и рыжих фигурок, странно похожих друг на друга, в которых Сайрион вскоре узнал около десятка мертвых голубей.

Ключ к разгадке происходящего заключался в кружящих, но не спускающихся вниз стервятниках. На земле их ждала великолепная еда. Но если они держались в воздухе, то у них была на это причина. Очевидно, благодаря своему воздушному преимуществу они видели по ту сторону дыма кого-то живого и потенциально опасного.

Сайрион мог уйти. Хотя особого выбора не было, так как вода закончилась и он все утро добирался к этому оазису.

С привычным изяществом он вытащил меч из красных кожаных ножен. Потом спустился по дюнам к источнику, словно не обращая внимания на обгоревшие руины.

Небрежно воткнув сталь в песок, Сайрион начал поднимать со дна колодца кожаную сумку, вытягивая веревку узанной кольцами левой рукой и правой без колец.

Возникшее движение оказалось удивительно плавным и безупречным. Пустое, если не считать трупов, пространство между руинами и водой вдруг перестало быть пустым.

Сайрион поднял взгляд.

Прибывший не был ему знаком, но тем не менее его нельзя было ни с кем спутать. Он сидел на белом мерине в упряжи из белой кожи и серебра, одетый в стальную кольчугу, белоснежный плащ поверх нее, шлем из тусклой стали с носовой перекладиной, вытянутой горизонтально под глазами, как маска, и гребнем из белых перьев наверху. На спине у него покоялся посеребренный щит с гербом — белым голубем. Можно поклясться этим голубем, что любой бы его узнал. Он был одним из Рыцарей-Ангелов, иногда называемых «Голубями», иначе известных как Белые Всадники.

Сайрион продолжал вытаскивать мешок с водой из колодца. Он улыбнулся.

— Могу я предложить вам выпить, друг мой?

Рыцарь застыл, как немыслимая на жаре глыба льда. Теперь ничто в нем не шевелилось, даже лошадь не прядала ушами.

— В конце концов, — обезоруживающе произнес Сайрион, — ударить человека ножом в спину и сжечь его дом — тяжкий труд. Не говоря уже о голубях.

Рыцарь заговорил:

— Как тебя зовут?

Некоторые, отвечая на этот вопрос Белому Всаднику, могли бы поддаться искушению солгать. Сайрион не стал этого делать.

— Сайрион.

— Это твое имя или место рождения? Ты из Сайромана?

— Может — да. — Сайрион слегка помедлил. — А может, и нет.

— Ты одеваешься как кочевник, но у тебя бледная кожа. — На этот раз Сайрион не ответил. — Куда ты направляешься?

— Да никуда особо.

— Ты знаешь о крепости Клув, которая находится в полудне пути на северо-восток?

— Конечно, — подтвердил Сайрион. — Вы едете туда?

Клув был собственностью Рыцарей-Ангелов. У них было несколько таких замков-крепостей в пустыне, помимо крепости в Херузале на юго-западе.

Рыцарь по-прежнему не шевелился. Его неподвижность выглядела угрожающе. Он сказал:

— Да, я посланец из Святой Херузалы в Клув. Если ты обеспокоен тем, что здесь произошло, ищи возмездия в крепости. Расскажи обо мне у ворот. Если ты пожалуешься им на меня, они встретят тебя доброжелательно.

Произносимые вслух слова не имели никакого смысла. Еще меньше — или, возможно, больше — смысла имело следующее событие.

Бывшее до этого полностью неподвижным, тело рыцаря вдруг взорвалось движением. Сайрион ожидал увидеть длинный меч, но вместо него из закованной в кольчугу руки рыцаря вылетел небольшой смертоносный обломок зазубренного мрамора.

Сайрион бросился в сторону, но оказался недостаточно быстр. Камень пронесся мимо него, сорвав капюшон кочевника и разбросав светлые волосы под ним. И Сайрион беззвучно опустился перед мускулистыми, неподвижными, словно каменными, передними ногами белого коня.

КРЕПОСТЬ КЛУВ НАХОДИЛАСЬ В ста пятидесяти милях от Херузалы и на некотором расстоянии вглубь пустыни. И все же скалистый холм, на котором стоял замок, покрывала трава, пробивавшаяся между желтоватыми валунами. В долине внизу ярко зеленел водоем, снабжавший водой крепость наверху и поселение, раскинувшееся вокруг крепости. На берегу водоема с блеянием паслись овцы и козы. Женщины приходили и уходили со кувшинами. Мужчины трудились в кузнице, в кожевенной мастерской и на других производствах, необходимых для поддержания крепости. Белые Рыцари не утруждали себя такой работой. Столетие назад Ангел Божий явился одному лорду в какой-то далекой западной стране. Этого оказалось достаточно для основания ордена Рыцарей. Они были священниками, давали обет безбрачия, добросовестно молились, постились в определенные календарные периоды. В остальное время они воевали. Они сражались против всех разбойников, всех армий, принадлежащих соперничающим королевствам, угрожающим Херузале, и любых наемников внутри самой Херузалы. Потомки светлокожей западной расы, они не ограничивались белизной одной одежды. Смуглые кочевники пустыни звали их Голубями, а у прибрежных народов с оливковой кожей были свои названия для Голубей. Их братья по расе тоже

относились к ним настороженно. Они были известны тем, что практиковали причудливые тайные ритуалы богопочтания, предписываемые их кодексом. И поговаривали, что они ведут незримые тайные войны. Их магические ритуалы, как рассказывали, могли сделать их невосприимчивыми к страху и боли. Управляющие действиями и мыслями безумцы, они находили своих жертв, тех, кто посягнул на их честь или причинил вред их кошельку, и убивали их безжалостно и неизбежно.

О Рыцарях-Ангелах никогда не было известно ничего, кроме слухов. Молодой король в Херузале считал их, по-видимому, полезными. Или же он тоже их боялся. Очевидно, он выделял в их казну большие суммы. Их крепости стояли желтыми отметинами по всему периметру пустыни, от Херузалы и до самого Даскириома на севере.

Над Клувом пламенел маково-красный короткий пустынный закат, горели костры за пределами обожженных глинобитных жилищ, а высоко на скале, подобно раскаленному углю, пылал замок-крепость. Над башнями кружило несколько птиц — пухлые ручные почтовые голуби.

На окраине деревни, где стояли последние жилища, женщина, наклонившись, помешивала варево в котелке на костре — и вдруг застыла, вглядываясь в пески. С западной стороны, где тьма уже поднялась подобно горе цвета индиго, приближался человек. Коня у него не было, он передвигался пешком, часто спотыкаясь. Одет он был в одежду кочевника, но его лицо, обрамленное светлыми волосами, было белым и с правой стороны потемнело от крови. Пока женщина смотрела, он вошел в деревню и сразу направился к ней. Встревоженная женщина, поднявшись, позвала из дома своего мужа.

Незнакомец остановился в паре ярдов от нее, слегка покачиваясь.

— Мне нужна ваша помощь, — проговорил незнакомец. — Вы мне поможете?

— Кто это? — спросил муж женщины, появившийся рядом с ней.

Незнакомец осел на землю, как падает нетвердо стоящий на ногах ребенок.

— Ты хочешь сначала услышать мою историю? — спросил он. — Тогда слушай. В оазисе с одиноким деревом я встретил Белого Всадника. Он разбил мне голову булыжником, заранее предупредив, что меня здесь полюбят благодаря его проступку.

Женщина вскрикнула. Ее муж принес кожаную флягу с водой и поднес ее ко рту незнакомца. Когда незнакомец выпил, мужчина настойчиво поинтересовался:

— А как же хижина в оазисе?

— Сожгли, а ее хозяина убили. Не говоря уже о его голубях.

Мужчина втянул в себя воздух, женщина тоже.

— Это многое объясняет, — сказал он. — Господин незнакомец, — обратился он к распростертыму на земле человеку, — вам нужно пойти со мной.

— Меня зовут Сайрион, — представился незнакомец. — Куда пойти?

— В крепость. И быстро.

— Значит, это правда? Он сказал, что меня хорошо примут в Клуве за то, что я пожалуюсь на него... кем бы он ни был...

— О, мы знаем о нем, — подтвердил мужчина. Он поднял незнакомца на ноги, и они начали взбираться по тропе к высокой крепости.

По пути многие бросали свои дела, чтобы поглазеть на них. Некоторые задавали непонятные вопросы своим

односельчанам, отвечавшим так же загадочно. Несколько человек бросились на помощь, но их отослали обратно. Дорога вверх по скалистому склону была крутой, и дело бы осложнилось, если бы раненый потерял сознание.

Они подошли к неясному силузту внешних ворот. Наблюдавшие за подъемом часовые в белых плащах, неподвижные, словно фигуры, сделанные из того же материала, что и стена, теперь зашевелились. Один крикнул вниз с двадцатифутовой надвратной башни:

— Чего надо?

— Этот человек, — крикнул в ответ селянин из Клува, — принес вести, которые ожидает Великий магистр Хулем.

На зубчатой стене зашевелился еще один белый плащ. Он что-то сказал первому, а тот, в свою очередь, заорал селянину:

— Пускай войдет.

— ТЕБЯ ЗОВУТ САЙРИОН? — спросил Младший магистр крепости Клув. — Это потому, что ты родом из Сайроама?

— Может — да. А может, и нет.

В освещенном факелами и хранимом высоким очагом от холода пустынной ночи квадратном каменном зале, вмещавшем стол, уставленный мясом, фруктами и вином, и застывших как копья Белых Рыцарей, с раненым незнакомцем обошлись благородно. Он ожидал чего-то сурового или откровенно грубого, но солдатские руки почти нежно ощупали рану на его лбу и перевязали ее. Последовавшая за этим трапеза была не то что хороша — превосходна. Только частокол охранников, все до единого наготове, создавал атмосферу скорее настороженного ожидания, чем

гостеприимства. Однако Великий магистр Хулем, который, по общему мнению, жаждал новостей, так и не появился. Только что вошедший Младший магистр, кажется, был склонен скорее к вежливой болтовне, чем к расспросам.

Однако гость знал, что в этом печально известном святыище нельзя проявлять нетерпение или сарказм.

Младший магистр имел кожу и волосы цвета песка. Сейчас его песочные глаза стали тверды, как кремень, и он велел:

— Расскажи мне про встречу с этим рыцарем, человек по имени Сайрион. Всем нам, пожалуйста.

Человек по имени Сайрион повиновался. Он рассказал о сгоревшей хижине, о зарезанных голубях, о человеческом трупе; о Белом Рыцаре, о его словах, о том, как тот метнул камень. Он рассказал о том, как пришел в себя и изо всех сил поспешил в Клув, чтобы попросить воздаяния, как предложил рыцарь. Когда он закончил, песочный Младший магистр некоторое время стоял в задумчивости.

— Это дела Голубиной ложи Херузалы и нашей. Они тебя не касаются. И все же мы благодарны тебе за то, что ты принес нам подробные вести.

Он резко взмахнул рукой. Один из рыцарей шагнул вперед и положил у локтя принесшего вести недвусмысленно звякнувший мешочек.

Принесший вести посмотрел на мешочек. Затем левой рукой с кольцами он спокойно отодвинул его в сторону.

— Как я понял, — пробормотал он, — я должен сообщить свою весть Великому магистру Хулему.

— В самом деле? И как ты это понял?

— Человек из деревни выразился ясно: мои сведения — это именно то, что хочет услышать Хулем.

При этих словах у Младшего магистра вырвалось удивленное фырканье, похожее на смех.

— Может быть, это новость, которую он не желает слышать? Как бы то ни было, друг мой, это тебя не касается, — отчеканил Младший магистр. — Тебе оказали помощь и заплатили. Сегодня ты можешь поспать здесь на тюфяке. Завтра тебе дадут осла, и ты отправишься в путь.

Светло-желтое лицо отвернулось.

Снова услышав тихий голос за спиной, он обернулся.

— Господин магистр, — сказал Сайрион, — я все думаю, не потому ли рыцарь, которого я встретил, сжег хижину в оазисе и убил человека и его птиц-гонцов, чтобы известие о его приезде не дошло до вас? И еще я удивляюсь, почему, раз он сказал мне, что поедет сюда, он еще не приехал, ведь у него хорошая лошадь. Как вы думаете, он приехал тайно? Помню, когда меня привезли в ваш замок, случился какой-то переполох... Возможно, под его прикрытием... — Он не закончил фразу. Она произвела странное впечатление на Младшего магистра. — Возможно... В конце концов, мне следует поговорить с Великим магистром, — продолжал блондин. — Может быть, он захочет узнать подробности из моих уст.

Младший магистр нахмурил брови.

— Посмотрим. А пока ты отправишься в отведенную тебе келью. Завтра я побеседую с тобой более подробно.

СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО МИНУТ после этого обмена репликами тридцать вооруженных до зубов Рыцарей-Ангелов верхом на лошадях и с факелами в руках вылетели из крепости Клув и направились к деревне внизу. Какое-то время они скакали взад и вперед по грязным

улицам, потом выехали на окраину оазиса и углубились в окружающую пустыню. Ближе к полуночи они вернулись в Клув, ведя за собой белого мерина без седока. Кроме мерина, они не нашли никаких признаков присутствия чужеземного рыцаря. И никаких других незнакомцев, кроме старого чудака, одного из бродячих святых людей пустыни, время от времени приходивших в деревню неизвестно зачем — и снова уходивших.

Святой человек, привычно сгорбившись, сидел у одного из уличных деревенских костров. Несмотря на уродливую осанку, в молодости он выглядел стройным. Может быть, тогда он лучше следил за собой. Теперь же, как и большинство святых мужей, он был грязен, его волосы, спутанные и седые, хотя и недавно подстриженные, свисали на лоб. Его постаревшее лицо в сумеречном прыгающем свете костра являло множество мелких подвижных морщин, покрытых запекшейся грязью. Его грязный плащ был порван на спине, он прятал грязные руки в длинные рукава, бормоча что-то себе под нос. Когда проезжающие рыцари мимоходом пытались его расспросить, он впал в буйное неистовство. После того как они ушли и шум его буйства утих, он снова сел у огня. Там, в ответ на мольбы постепенно столпившихся возле него людей, он согласился изложить свою мудрость. Мудрость оказалась навевавшим сон воспроизведением экзотических притч пустыни и мифов древней страны, населенной львами. Мерзкий скрипучий голос старика звучал в гипнотическом ритме.

Рыцари вернулись, ведя белого коня в крепость, и люди у костра смотрели им вслед и перешептывались. Старый святоша оборвал свой монолог. Как только последний факел исчез в воротах, он начал орать на своих слушателей, требуя, чтобы ему объяснили, что происходит в Клуве. Уважая его миссию и, более того, стремясь освободиться его нападок, они рассказали ему.

В каком-то смысле Клув был в состоянии войны. Голубиная ложа против другой Голубиной ложи — Белых Рыцарей Херузалы. Само собой, это была тайна. Причиной послужил акт жалости, совершенный великим магистром Хулемом из Клува, когда месяц назад он простил вора, умолявшего сохранить ему жизнь. Об этом каким-то образом узнали в Херузале. Поступок, признанный великим магистром Херузалы непростительной слабостью, надлежало исправить смертью самого Хулема от меча избранного рыцаря из городской ложи.

Эти магически подготовленные к выполнению своей задачи рыцари-убийцы подобны хитрым механизмам, и их невозможно остановить. Как только судьба несчастного Хулема была объявлена, он перестал выходить из крепости Клув, ожидая мстителя за запертymi воротами. А за окнами крепости также застыла в ожидании деревня, охваченная страхом беспощадной, беспорядочной мести. Местные голубиные посты, верные Хулему, дали клятву предостеречь его, посылая особо окольцованных птиц в знак приближения убийцы. Но ни одна птица не привлекла. Из свидетельских показаний людей, ранее приходивших в деревню, стало известно, что все посты уничтожены. Однако, к счастью — благодаря незнакомцу по имени Сайрион, — Клув знал, что опасность приближается. В крепости составили план, как расправиться с убийцей: поскольку такой ритуально подготовленный человек невосприимчив к боли и ранам, а следовательно, к ударам копья, меча или стрелы, пока не совершил убийство, они планировали вылить на него котел кипящей смолы с надвратных башен. Даже закаленный рыцарь не выдержал бы такого натиска. Пожилой святоша слегка улыбнулся.

— Предположим, — предположил он, — хитрый убийца догадывается о возможном применении такой меры. Разве он как-нибудь не защитится от этого?

— Но его же увидят, если он придет, — возразили люди. — Как можно пропустить человека в стальной кольчуге и белом плаще, даже если он не верхом на коне?

— Действительно, как? — эхом отозвался святой. Он прятал подбородок в складках разорванного плаща и сейчас уже определенно улыбался.

Вскоре после этого святоша закатил истерику, привлекая внимание. Он растянулся на земле, колотя кулаками по воздуху и обильно истекая слюной. Люди почтительно отошли, с ужасом и благоговением наблюдая за этим проявлением божественной одержимости. Наконец приступ закончился, и святоша сел.

— Мне надо в крепость, — тоном, не терпящим возражений, сказал святой. — Небеса даровали мне предвидение судьбы великого магистра Хулема.

Жители деревни Клув, у которых кружилась голова от недосыпания, общего беспокойства и рассказывания историй, решили, что воле Небес следует повиноваться.

Под черным холодным полуночным небом, густо испещренным звездами, деревня проводила святого человека к воротам крепости.

Последовала небольшая перебранка между жителями деревни и часовыми.

Грязный, надменный и молчаливый святой человек с презрительным видом сел на землю.

На зубчатую стену, проталкиваясь сквозь людей и факелы, вышел привлеченный криками Младший магистр и наклонился, чтобы взглянуть на мудреца. Песчановолосый Младший магистр был все еще полностью одет; его беспокойная бдительность не давала ему уснуть на жестком рыцарском тюфяке.

— Вы говорите, у старика было видение? — спросил Младший магистр. Никто бы не подумал, что он склонен терпимо относиться к бродячим эпилептикам, но,

вероятно, он уже дошел до того, что хватался за любую соломинку.

Тем не менее святоше было предложено ответить на этот вопрос.

— Я узнал судьбу Великого магистра, — проревел мудрец из удивительно широких легких.

— Неужели? — Младший магистр повернулся к капитану часовых. Неслыshно для толпы внизу он заметил: — О боже, может быть, этот старик послан направить нас? Конечно, нас учат никогда не отвергать знамение, каким бы незначительным оно ни казалось. Я имею в виду, что сам Бог замечает даже падение воробья...

Капитан кивнул. Прозвучал приказ, открылись ворота крепости, и поднялись стальные зубцы решетки.

Мудрец прошел сквозь толпу, и его окружили рыцари. Жители деревни развернулись, разочарованно гудя.

Под строгой охраной отвратительного святошу, не обращавшего внимания на стражу, провели через внешний двор крепости, через внутренние ворота, вверх по ступеням и, наконец, оставили одного в личных покоях Младшего магистра.

Без сомнения, для святого человека, привыкшего к суровому существованию среди пещер и оазисов пустыни, комната была впечатляющей. Действительно, она не очень походила на кельи низших духовных чинов. На стенах висели gobelены и ковры. На конторке покоилась большая религиозная книга, красиво украшенная цветными иллюстрациями и инкрустированная драгоценными камнями, поблескивавшими в свете огня в резном очаге, как и мечи и щиты на подставке.

Младший магистр отпил вина из чеканного серебряного кубка и посмотрел на второго за ночь нежданного гостя.

— Ладно, уважаемый. Теперь ты можешь рассказать о своем видении.

Святой человек не смутился. Он громко откашлялся и сплюнул в очаг.

— Я расскажу все Великому магистру.

— Я действую от имени Великого магистра.

— А я действую от Бога.

— Неужели? — Лицо Младшего магистра приняло выражение глубокого внимания. — Ты утверждаешь, что являешься глашатаем Бога?

— Его гласом и мечом.

Младший магистр едва сдержался. Его щеки побледнели.

— Тебе лучше объяснить.

— Я — меч дурных вестей для Хулема. Мы одни. Я все обдумал и доверю тебе свое видение. Твой Великий магистр умрет сегодня ночью, и никто не сможет этому помешать. Но тебя ждет слава. Твоя звезда взойдет вместе с закатом Хулема.

— Это серьезное заявление, — произнес Младший магистр. Его голос задрожал, но он быстро взял себя в руки. — В любом случае, тебе лучше навестить Великого магистра — у меня нет полномочий иметь с тобой дело.

Он резко отодвинул гобелен и постучал по стене. Стена раздвинулась, открыв узкую лестницу.

— Этот ход соединяет мои покои с покоями Великого магистра Хулема. Это самый быстрый путь.

— Разве ты не должен, — вкрадчиво прошептал мудрец, — сначала обыскать меня в поисках смертоносного оружия? Под этим одеянием можно спрятать целый арсенал.

Младший магистр поежился. Вероятно, при мысли о близком контакте с отвратительно грязной одеждой святого.

— Я видел многих таких, как ты. Они не носят оружия.

— Нет, определенно не носят.

Младший магистр поднялся по лестнице, мудрец осторожно последовал за ним. Лестничный пролет преграждала массивная дверь. Песчановолосый трижды ударил по ней кулаком и крикнул в замочную скважину:

— Великий магистр, это я — Младший магистр.

В ответ луженая глотка произнесла единственное слово:

— Подожди.

Через несколько секунд внутри поднялся засов, и тяжелая дверь распахнулась.

Все произошедшее потом выглядело диким и сумбурным.

Могло показаться, что Младший магистр попытался отскочить в сторону, в то же мгновение толкнув мудреца вперед, в пространство за дверью. На самом деле мудрец, неожиданно ставший проворным и сильным, схватил Младшего магистра, метнул песчаную фигуру в комнату, перекинув через себя, и, войдя следом, пинком захлопнул дверь. В следующее мгновение мудрец по-кошачьи прыгнул к распостертому песчановолосому и аккуратным ударом в челюсть привел его в бессознательное состояние.

Затем мудрец выпрямился, чтобы встретиться лицом к лицу с Великим магистром крепости Клав.

Хулем был несомненно ошеломлен; возможно, даже напуган. Длинная белая мантия, скрепленная золотым голубем, не скрывала кольчуги, а на столе лежал меч — явное свидетельство готовности к битве. Однако суровое лицо и холодные глаза излучали отвагу и ярость.

Святоша грациозно склонился в глубоком поклоне. С дружелюбной улыбкой он добавил:

— Вам не нужно беспокоиться о том, как дотянуться до меча. Если бы я был тем, кем вы меня считаете, ваш клинок вряд ли остановил бы меня. Кроме того, мне уже следовало бы наброситься на вас, не так ли?

Хулем продолжал смотреть на эту старую развалину, вдруг заговорившую приятным юношеским голосом.

— Значит, ты не тот, кого Херузала послала убить меня? — твердым, как скала, тоном подытожил Хулем.

— Он думал, что именно тот, — стариик-юноша указал на бесчувственного Младшего магистра. — И как только он поверил в это и остался без свидетелей, которые могли бы раскрыть его злодеяния, он поспешил привести меня к вам. Он гадюка у вас за пазухой, магистр.

— Я знаю, что кто-то донес в Херузалу о моем милосердии к вору. Я не ожидал, что этот ублюдок окажется так близко. Но если мой Младший магистр — гадюка, то кто же ты? И где, если уж на то пошло, рыцарь-убийца?

И мудрец рассказал ему следующее.

КОГДА БЕЛЫЙ РЫЦАРЬ вышел из-за сгоревшей хижины у источника, Сайрион уже имел некоторое представление о его мотивах. Убийство голубей, настолько прирученных, чтобы подлетать к мечу, а не спасаться от него, означало желание не допустить, чтобы послания дошли до места назначения с голубиной почтой. Убийство хозяина голубей и сожжение хижины были проявлением аккуратности, дабы весть об убийце не распространилась из уст в уста. Сайрион, прибывший к колодцу, чтобы напиться, оказался просто еще одним свидетелем, которого нужно убить. Поэтому, когда рыцарь бросил камень, Сайрион был готов увернуться от всего, с чем на него нападут, по-

тому что это в любом случае окажется смертельным. За долю секунды Сайрион вернулся на траекторию полета камня, поскольку он понял, что глыба в итоге не убьет его: замах оказался слишком велик. Он сумел приподняться так, чтобы камень разметал его волосы и порезал висок. Продолжительное знакомство с кочевниками научило Сайриона полному расслаблению мышц и еле заметному дыханию, что создавало впечатление бессознательности. Теперь он применил эти навыки, рухнул на песок и с интересом ждал дальнейшего развития событий.

Оно тоже оказалось весьма любопытным.

Рыцарь спешился и методично раздел Сайриона до гола, забрав даже пояс с мечом и кольца. Затем рыцарь снял с себя кольчугу, плащ, шлем, щит и меч — словом, все, что на нем было, — и облачился в одеяние Сайриона, с той лишь разницей, что меч в красных кожаных ножнах он пристегнул под одеждой кочевника.

Все это Сайрион наблюдал из-под прикрытых век, пока позволяла ситуация. Он не удивился, когда рыцарь прикрыл его от солнца своим белым плащом и когда поднял зазубренный камень рядом с Сайрионом, разбив им себе лоб до крови.

Человек, принадлежащий к светлокожей западной расе, как и все Рыцари-Ангелы, был почти таким же светловолосым, как сам Сайрион. Кровь эффектно оросила его лицо, но он, очевидно, не чувствовал боли от нанесенной себе ужасной раны. Отсутствие боли в сочетании с его поведением указывало, что он именно тот, за кого себя выдавал, — один из печально известных магически подготовленных убийц на пути, по его собственному признанию, к Клуву.

Когда он скрылся из виду в одежде Сайриона, но верхом на своем белом коне, Сайрион «ожил».

Ему уже стал понятен смысл происходящего.

Рыцаря-убийцу в Клуве боялись и для защиты от него предприняли необходимые меры. Рыцарь, найдя похожего на него красивого человека, решил схитрить и оставить его в живых в качестве своей подмены.

Он знал, что сделает любой мужчина, очнувшись обнаженным и избитым в жаркой пустыне. Для начала он наденет единственную доступную ему одежду — кольчугу и плащ рыцаря, так удобно оставленные под рукой. А после этого станет преследовать напавшего до Клува и поднимет шум. Тогда его примут за самого напавшего и убьют каким-нибудь надежным способом, например, выльют на него кипящую смолу с крепостных стен. Идеальный козел отпущения. А истинный убийца придет в Клув с опережением. Взяв имя своего козла отпущения и притворившись, что его обидело нападение безумного рыцаря, он получит доступ в крепость как вестник. Он продемонстрирует, как сильно беспокоит его рана на лбу, и это станет дополнительной гарантией того, что он не закодованный убийца, неподдающийся боли. В конце концов, когда рыцарь — козел отпущения — придет и будет уничтожен, предполагаемая жертва убийцы выйдет из укрытия прямо в объятия смерти.

Поняв это, Сайрион мог бы сбежать в противоположную от Клува сторону, но у него не было привычки оставлять плод не сорванным. Умный рыцарь-убийца тоже кое-что забыл. Его одежда оказалась не единственной, доступной Сайриону. Осталась еще одежда мертвого хозяина голубятни.

Вскоре Сайрион отмыл одежду от крови водой из колодца, а затем запачкал ее грязью, песком и золой сгоревшей хижины. Там, где меч пронзил спину, осталась дыра, но она могла сойти за очередное проявление неопрятности праведников. Затем Сайрион обработал

кожу и волосы жиром мертвых птиц, а также пеплом и сажей. Вскоре солнце припекло его лицо, стягивая кожу в морщины, а волосы превратились в обесцвеченные сероватые лохмотья.

Сайрион проник в Клув в облике святого человека, а не Белого Рыцаря, и завоевал его сердце своими историями. И все это время он представлял себе фальшивого Сайриона, с нетерпением грызущего ногти в ожидании настоящего.

Попасть в крепость не составило труда. Бурный припадок, провозглашение пророчества. Гораздо труднее было бы добраться до Великого магистра, если бы Сайрион не обнаружил по дороге говнюка с песочными волосами.

Мудрец уже вовсю пользовался серебряным кувшином и тазом Великого магистра. Великий Магистр ошеломленно смотрел на невероятное превращение этого существа, которое теперь и бесстрастно взирало на него, выглядя так же, как, должно быть, ангел, живший начало Ордену Голубя.

— Твои действия невероятны, твоя история — тем более.

— Тогда поверьте, — посоветовал Сайрион.

— Я вынужден. Ты, незнакомец, кажется, единственный человек, которому я могу доверять.

— О, таких гораздо больше, чем вы думаете. Ваш Младший магистр побоялся раскрыть свое предательство перед остальными вашими людьми. Так что можете считать их преданными вам.

— И в крепости находится убийца, выдавая себя за тебя. Я бы сказал, что в данный момент нет никаких шансов поймать его на горячем. Как правило, я не прошу советов, но не в этот раз. Скажи, что мне делать?

— На что надеется ваш несостоявшийся убийца? Пусть кто-нибудь пойдет к нему и скажет, что рыцарь прибыл и умер у ворот и что теперь вы поговорите с Сайрионом и поблагодарите его. Дайте ему аудиенцию, которой он жаждет.

— Но он убьет меня. Его невозможно остановить, он неуязвим, пока не совершено убийство.

— Знаю. Неуязвимый, неудержимый, хитрый — и небрежный в мелочах. У меня есть план.

Менее чем через полчаса фальшивый Сайрион, приняв приглашение с видимым спокойствием, был превозведен в покой Великого магистра Клува, и дверь за ним закрылась.

Убийца не стал останавливаться на пороге. Один взгляд на выпрямленную фигуру в шлеме и мантии — и безмолвное коварное существо, являвшееся всего лишь машиной для разрушения, бросилось вперед, на бегу выхватив меч из-под одежды. Подняв клинок обеими руками, убийца нанес один стремительный смертоносный удар, перерезавший горловые связки и трахею сидящей фигуры и почти отделивший голову от тела.

Затем, выронив меч, убийца упал на колени, его глаза остекленели, язык вывалился, он превратился в идиота: его цель была достигнута, его неуязвимость исчезла.

Когда он опустился на колени, другая фигура подкралась сзади и обезглавила его.

Великий магистр, стоял над телом своего обезглавленного противника, держа в руке обагренный меч. Лицо Хулема не дрогнуло, даже когда он посмотрел вверх — на окровавленный труп, лежавший в кресле в его одеянии. Песчаное лицо Младшего магистра под скрывавшим его шлемом с гребнем из чистого золота ничего не выражало. Он так и не пришел в себя, что в некотором роде вызывало сожаление, потому что он

получил то, чего хотел, хотя и ненадолго и не так, как предвкушал. Десять минут он был великим магистром Клува.

Наконец Хулем заговорил.

— По крайней мере, первую битву я выиграл. Хотя мы все еще в состоянии войны с Голубиной ложей Херузалы.

Сайрион взглянул на него.

— С этим можно поспорить. Я полагаю, они устроили вам испытание. Они сказали, что это наказание за вашу слабость. Пошлите им эти две головы в красивой коробке с запиской: «Так слабый человек встречает своих врагов».

ПЯТАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

К ТОМУ ВРЕМЕНИ, КАК закончился рассказ о Рыцарях-Ангелах, брюнетка уже покончила с едой. Пока остальные обитатели комнаты, включая даже дородного священника, подтягивались к столу Ройланта, она со своей миниатюрной служанкой сохраняла дистанцию. Обеих красиво обрамляли принесенные ими букеты гиацинтов и тигровых лилий.

Купленное ученым вино было выпито, и купцы заказали еще пару кувшинов. Шла дискуссия о том, что Сайрион искусен не только в фехтовании и разгадывании тайн, но еще и мастер импровизированной маскировки.

Ройлант, сидевший в задумчивости на протяжении всего рассказа, не присоединился к этой дискуссии. Что-то его явно беспокоило. Что-то ему показалось, но он не был уверен что.

Принесли вино и поставили на стол вместе с черной флягой, которую никто не заказывал.

— Что это?

— Наш самый лучший сбор, — поспешил ответить трактирщик. — Это для рыжеволосого господина.

— Я этого не заказывал, — смущенно возразил Ройлант.

— Нет, но к двери кухни только что подошел мальчик с деньгами и сообщением, что вам нужно подать это прекрасное вино.

Все за столом пришли в восхищение.

— Кто послал мальчика? — спросил учений.

— Он сказал, что в переулке его остановил какой-то блондин и послал сюда.

— Белокурый дурень доверил деньги уличному мальчишке, — со знанием дела усмехнулась одна из путан, возможно, вспоминая собственное детство. — Однако, похоже, этому ребенку можно доверять.

— А можно ли как-нибудь узнать про этого господина с вином? — поинтересовался ученый.

— Нет, насколько мне известно, — ответил хозяин «Медового сада».

Ройлант разглядывал флягу так, будто она могла заговорить с ним, но сам ничего не говорил.

Торговец, украшенный драгоценностями, объявил:

— Может быть, он слышал, что вы искали его, и послал вам это в качестве компенсации? Или это шутка?

— Похоже, он хочет разыграть вас, — спокойно произнес священник. — Как я слышал, этот юноша — обладатель искрометного, хотя и не всегда доброго юмора.

Ройлант схватил трактирщика за руку.

— Мальчик еще на кухне?

— Нет, он убежал. Украв пирог, оставивший у двери. Это было тяжелое утро, господин. Пожилой пророк, не заплативший по счету. Презренные королевские солдаты, которые никогда ни за что не платят и сеют хаос, куда бы они ни пришли. Теперь еще вороватые дети. И проклятые рабы жалуются... — Трактирщик поспешил прочь.

Пока сотрапезники Ройланта рассматривали черную флягу с вином, он сидел словно окаменевший, но в конце концов открыл ее для них, разливая напиток всем и каждому. Ройлант, казалось, ничего не замечал. Постепенно на его пухлом лице появилось выражение ужасного подозрения. Он глянул на пустую нишу раз, другой, уставился в пространство...

Ведь это же невозможно, не так ли?

— Мудрец, — наконец выдавил он.

— Вонючая скотина, — откликнулась путана с фиолетовыми веками. — Называл нас телками.

— Но если Сайрион раньше маскировался именно под такого странствующего святого человека, то как вы думаете, возможно ли... — предположил Ройлант. Он в отчаянии повернулся к караванщику, рассказавшему историю рыцаря-убийцы.

Эта мысль поразила всех сразу. Послышились дикие замечания и ругательства, вежливо приглушенные из уважения к покашливающему священнику.

На их фоне раздался голос ученого:

— Однако оба солдата, кажется, знают его таким, какой он есть: мудрецом и смутьянином. Я сам, — продолжал ученый, — имел сомнительное удовольствие долго спорить с ним. Его познания не безошибочны, но, в сущности, глубоки. Думаю, в такой близости я должен был увидеть какой-то намек на то, что он не тот, кем кажется.

— Как бы не так, — сказал священник. — Сайрион — король маскировки и несравненный актер. Хоть я и не могу предположить какой-либо веской причины, он все же мог довольно легко оказаться среди нас и одурачить каждого. А потом послал это вино, чтобы подразнить нашего благородного молодого благодетеля.

Оживленная беседа продолжалась еще несколько минут, пока благородный молодой благодетель не встал и его снова не потянули вниз.

— Нет-нет, оставайтесь с нами. Все равно вы его никогда не поймаете.

Они занесли купленную для него флягу с вином над бокалом и уговаривали его выпить. Ройлант сдался и выпил.

— На самом деле, — добродушно утешил толстый священник, — шутка может не ограничиться мудрецом. Сайрион все еще может быть здесь, сидеть среди нас. Почти любой в зале может оказаться им, переодетым.

— За исключением, конечно, дам, — заметил богатый торговец.

Священник не стал придираться к этому термину. Он, очевидно, решил притвориться ради компании, что «дамы» — это дамы. Торговец действительно имел в виду исключительно пол.

— Даже в этом случае мы не можем быть полностью уверены.

Раздались приближающиеся пьяные выкрики.

— Когда я был с братьями в Андрике, я случайно услышал об очень странном событии. Это касалось вечной битвы Добра со Злом, в которой невинность и благочестие были странным образом извращены, дабы помочь силам дьявола. Имя Сайриона связано с этой историей.

Окружающие расселись в предвкушении дальнейшего развлечения.

Ройлант осушил флягу и решительно потянулся к одному из соседних кувшинов.

— Давным-давно, — начал священник, поглаживая подбородок, — жил один богатый человек, у которого была прекрасная дочь...

ШЕСТАЯ ИСТОРИЯ: КОВАРНЫЙ ЯНТАРЬ

— ПОГОВАРИВАЮТ, ЧТО КОЛЬЦО ПРОКЛЯТО, — тихо сказал молодой человек. — Но я на такие вещи не обращаю внимания. Я не верю в демонов.

— Вряд ли вы не заметите, если когда-нибудь встретите одного из них, — грустно улыбнулся Сайрион.

— И что же мне делать? Я растратил свое семейное состояние из-за глупых излишеств моей юности. Меня сбили с толку беспутные знакомые. Горько сожалея об этих ошибках, я постарался восстановить свое исчезнувшее богатство. Проходя однажды утром по городу в разгар моих стараний, я увидел ангела, которого несли на носилках, — самую красивую девушку в Андрике, Бердис, дочь торговца шелком Сармуря. Сармур был богат, а у меня в ту пору не было ни гроша. Но, учитывая мое происхождение, он разрешил мне жениться на его дочери и назначил ей отличное приданое. Что я мог предложить взамен? Ничего. Естественно, я подумал об этом кольце, единственном имуществе, которое я сохранил. В моей семье оно передавалось из поколения в поколение. Стоит ли ему пытаться в шкатулке — или оно украсит руку моей изысканной жены?

Светловолосый, привлекательный и, по-видимому, слегка заскучавший Сайрион рассматривал кольцо, о котором шла речь.

Оно покоялось на лазурном бархате, что делало его цвет, по контрасту, еще более насыщенным: оправленный

в тяжелое золото янтарь с выгравированным на поверхности рисунком летящей ласточки, лилии и лучистого солнца. Несомненно, оно было великолепно. Конечно, Сайрион слышал о нем. Его называли «Прощальным».

— Что скажете, Сайрион? Что вы мне посоветуете? Я знаю легенду о проклятии, но на протяжении уже ста лет никто из-за него не умер.

— Но никто и не носил его все это время.

Молодой человек вздохнул. Он обладал волевым, привлекательным лицом, дополненным ярко-голубыми глазами и широким ртом. Звали его Вольфом. Он имел западное происхождение, хотя и его невеста, и кольцо были родом с востока. Он встретил Сайриона в дорожной таверне на Небесной улице. Встреча была случайной, но Вольф, кажется, узнал Сайриона. Вполне возможно, что он нарочно разыскивал Сайриона, чтобы посоветоваться, потому что тот повсюду имел репутацию непогрешимого мудреца.

— Меня заинтересовала гравюра, — признался Сайрион.

— О, да. Летящая ласточка — символ свободы, лилия — символ души, солнце — символ неба.

— Я вижу, вы думали над этим вопросом, — мягко заметил Сайрион. — А теперь расскажите мне, что вы знаете о самом проклятии.

Вольф усмехнулся.

— То, что я знаю, доказывает, что легенда — это просто сказка, чтобы отпугнуть воров, не более. Предположительно, кольцо создала восточная царица в знак своей любви к мужу. Но для того чтобы достичь лучшего результата, ей потребовался демон. Отсюда и символы, каждый из которых связан с силой Добра: ласточка, лилия, солнце. Она велела демону вырезать их в янтаре, чтобы они отвели любое зло, которое тот мог замыслить.

Однако на демона эти символы не подействовали. Царица отдала кольцо своему мужу, когда тот отправился на битву, надеясь, что оно будет охранять его. Но едва царь поднял меч и пришпорил коня, чтобы встретить врага, как упал с седла мертвым. На нем не было ни одной раны, но на лице его застыло выражение крайнего ужаса. Битва была проиграна, и кольцо перешло к победителю. Тот успешно носил кольцо в течение трех лет, хотя и являлся безбожным негодяем. И вот однажды он отправился в пустыню охотиться на льва. Он был один, вдруг его лошадь споткнулась. В следующее мгновение он умер. И снова никакого видимого противника, никакой раны и выражение ужаса на лице. Но это явный абсурд, оскорбляющий наш разум. Стоит ли продолжать?

— Если это утомляет вас, в этом нет необходимости.

Сайрион поднялся.

— Нет, нет. Подождите. Я полагаюсь на ваш совет, уважаемый господин. Я продолжу. Кольцо унаследовал сын завоевателя, но сын боялся его носить. Столетие спустя кольцо было украдено из его сокровищницы магом, заинтригованным его магическими свойствами. Он носил его без вреда в течение нескольких месяцев. Затем его дом разрушило землетрясение, и он погиб. Кольцо извлекли из руин разбойники. Их предводитель носил кольцо всего один день. Он был захвачен в плен воинами князя тех мест, но упал замертво на пути к месту своей казни. Кольцо присвоил один из воинов и подарил его своей беременной жене. Во время родов она умерла: ее лицо застыло в ужасе, а ребенок родился мертвым. После этого кольцо было похоронено вместе с ней и перешло в мою семью в качестве добычи из разграбленной могилы. Считается, что из-за него умерли трое моих предков, но я бы отнес их смерть к несчастным случаям. Один из них встретил свой конец, упав со

стены, когда обрушился парапет. Другой погиб во время шторма на море. Третий умер от припадка во время солнечного затмения. С тех пор кольцо не носили.

— И вы никогда не надевали его? — невинно поинтересовался Сайрион.

— Мне это и в голову не приходило, когда я испытывал нужду. Но я не боюсь его дурной славы. — Вольф вытащил из бархата янтарное кольцо и надел его на мизинец левой руки. Он рассмеялся, но без всякой нервозности. — Если в кольце обитает злой рок, пусть он казнит меня. Но я в это не верю. Людям свойственно умирать. Кончину моих предков можно объяснить, не прибегая к проклятиям. Даже описанные в легенде смерти вполне объяснимы.

— Тем не менее, — отметил Сайрион, — смерть и кольцо идут рука об руку.

— Но без видимых совпадений: люди умирают через три года, три месяца, день или меньше! И такие разные смерти. Некоторые без видимой причины, некоторые из-за землетрясения, воды, а одна женщина — во время родов. Совпадений нет, Сайрион. И я тоже когда-нибудь умру. Я надену это кольцо, а потом сниму. Если мы признаем, что всех, кто носит янтарь, убивает демон, то у демона не будет выбора, кроме как убить меня в этот период. Вы согласны?

— Возможно, — предположил Сайрион.

— Сегодня в полночь, — сказал Вольф, сверкнув глазами, — я сниму кольцо. В этот час я отдам его жене. Вы приедете к нам сегодня вечером? Пируйте с нами и оставайтесь до полуночи. Я не рассчитываю на какую-либо опасность, но даже если и так, говорят, что вы сильнее демонов или что-то в этом роде. В вашей компании Бердис будет защищена вдвойне.

Сайрион направился к двери.

— Тогда до вечера. При условии, что вы готовы остаться наедине с демоном кольца.

— Еще как готов, — сказал Вольф и снова рассмеялся. Сайрион ушел.

ДОМ ВОЛЬФА, ЧАСТЬ ПРИДАНОГО дочери Сармутра, изобиловал богатством. Кованые железные ворота вели с улицы во двор с цветами и фонтанами. За ним, скрытые колоннами пальмовых деревьев, следовали два этажа из белого и розового камня.

Нигде не было столько шелка, сколько в покоях Бердис. Тонкие, как дым, и тягучие, как сироп, драпировки крепились на кольцах, стянутые синими, зелеными и пурпурными шелковыми веревками. В серебряных рамках висели зеркала из настоящего стекла. В богато украшенных плетеных клетках щебетали радужные птицы. Внутри дома щебетала и сама Бердис.

Она отличалась бесспорной красотой. Черные как смоль волосы свободно ниспадали до тонкой талии. Безупречный цвет лица нежнейшего оливкового оттенка переходил в нежно-розовый на ее щеках и губах. Глаза газели, изящные руки, полные груди — все это свидетельствовало о совершенстве. Однако с тринадцати лет она была парализована ниже своей тонкой талии.

Несмотря на характер Бердис, ее физические данные и богатство, болезнь оказалась преградой в вопросе о замужестве. Красавец Вольф, бедный, но с благородным именем и полезной западной кровью, поразил Бердис. Узнав правду, он плакал на плече Сармутра, говоря, что это делает ее еще более дорогой для него, что в конце концов его страсть может излечить ее от беды, что даже если это не так, она — единственная женщина,

которую он когда-либо сможет любить. К счастью для Бердис, она была недалекого ума. Это помогало ей не думать о своих бедах. Она щебетала без умолку, почти никогда не останавливаясь. Это раздражало и утомляло, несмотря на ее изящество и стойкость.

ЩЕБЕТ НЕНАДОЛГО ПРЕРВАЛСЯ. Вошла служанка и сообщила:

— У ворот стоит женщина. Она желает читать по вашей ладони. Я никогда раньше не видела никого настолько высокомерного, как она. Сказать ей, чтобы она убиралась?

— Скажи ей, чтобы она немедленно пришла, — прощебетала Бердис.

Она любила чем-нибудь занимать себя в течение долгих часов, пока ее муж отсутствовал. Дом посещали всевозможные шарлатаны. Теперь пришел кто-то, не похожий на других.

Это оказалась очень высокая женщина с властными точеными чертами. Их она искусно, но густо подчеркнула краской и пудрой, что не скрывало мужеподобности ее лица, почему-то при этом не менее красивого, чем у Бердис, а может быть, и красивее. Она куталась в мешковидное одеяние, а голову повязала черным шарфом, расшитым жемчугом. На ее запястьях звякали эмалевые браслеты, на крупных, но изящных кистях сверкали кольца. Она склонилась перед дочерью Сармутра почти до земли с ослепительной учтивостью человека, тайно правящего королевством.

— Прекрасная госпожа, — прошептала она хриплым, но удивительно музыкальным голосом, — ты позволишь мне открыть тебе тайну Вселенной?

— Конечно, — согласилась Бердис. — И что это за тайна?

— Я поведаю ее тебе, о девственная госпожа. — Высокая гадалка уселась у ног Бердис и взволнованно взяла девушку за руку. — Ты страдаешь, — произнесла женщина.

— Нет. — Бердис выглядела удивленной.

— Да, — настаивала гадалка. — Ты не можешь ходить.

— Как ты искусна, — выдохнула Бердис. На мгновение ее газельи глаза стали беззащитными и несчастными. Потом они остекленели, и она снова защебетала: — Ты лучше всех в Андрике знаешь о дочери Сармутра.

— Я умелая гадалка, — скромно пробормотала женщина. — Но, — прошипела она, — что могло спровоцировать эту трагедию? Несчастный случай...

— Это была... кошка, — выпалила Бердис, побледнев.

— Я вижу у тебя на руках кошку, — быстро перебила ее гадалка. — Ты боишься кошек. Кошка напугала тебя.

— Я спала, — призналась Бердис. — Проснувшись, я обнаружила, что у меня на коленях спит кошка. Я попыталась ее прогнать, но она зыркнула на меня злыми горящими глазами, потом укусила и исчезла. С тех пор я не могу ходить. Я всегда терпеть не могла кошек. — Бердис вздрогнула и закрыла глаза. — Спаси меня, Боже! — простонала она.

— Знает ли твой муж о твоем страхе? — спросила гадалка.

— О да, — призналась Бердис. Она повеселела, прощебетав: — Так что же будет завтра?

— Ночь настанет раньше, чем обычно, — ответила гадалка. — Госпожа, я прочла по звездам, что ты в опасности, на краю могилы.

Горничные возмущенно зароптали. Шарлатанка заставила их замолчать взглядом своих сверкнувших глаз.

— Выгони этих летучих мышей, — велела гадалка.

Бердис приказала им удалиться.

— Я говорю это ради спасения твоей жизни, — сказала гадалка Бердис.

— Спаси меня, Боже! — повторила Бердис.

— Эти амулеты защитят тебя. Носи их и никому не рассказывай, ни откуда они у тебя, ни для чего. Благодаря их действию ты останешься в живых.

Бердис посмотрела на амулеты и попыталась что-то сказать, но тут же затихла.

— Но... — начала Бердис.

— Делай, что я сказала, — отрезала гадалка, — или я снимаю с себя всякую ответственность.

Поцеловав Бердис в лоб и украсив его таким образом отпечатком двух накрашенных губ, гадалка поднялась.

— Сколько я должна тебе? — спросила Бердис.

— Я возьму это. — И, небрежно развязав пурпурный шелковый шнурок с одной из портьер, гадалка вышла из комнаты, не обращая внимания на водопад высвободившегося шелка, обрушившегося на голову Бердис.

НОЧЬ ОДЕЛА АНДРИКУ В ТРАУР. Андрика отомстила ей, ярко украсив себя огнями. Дом Вольфа не стал исключением: вспыхивали и благоухали ароматные смолы, тлели золотые ажурные лампады.

Вольф приветствовал Сайриона как давно потеряянного брата, которого не видел десять лет, но по чьей компании постоянно тосковал. Сайрион, разодетый в аскандрийский атлас и даскириомское серебро, не говоря уже о собственном безупречном великолепии, был готов затмить весь дом.

Войдя в столовую, Вольф показал левую руку. Янтарная печатка растеклась на мизинце, словно большая капля меда.

— Взгляните еще раз на мое кольцо, Сайрион. Оно все еще на мне, и я благоденствую. До полуночи осталось всего два часа.

— Поздравляю вас, — ответил Сайрион.

— Простите, — сказал Вольф, — но, судя по вашему внешнему виду, вы никогда не испытывали недостатка в деньгах. У меня есть только то, что дала мне жена. И мне не терпится приподнести ей что-то от себя.

В этот момент вошли двое слуг, неся жену Вольфа в богато украшенном кресле, которое они поставили у открытого окна. Она была роскошно (даже чересчур) одета. Платье, расшитое благими символами, золотые монеты неизвестной чеканки на шее, браслеты из маленьких нефритовых и малахитовых овалов, сапфировые серьги-амулеты, пояс из полосатого шелка, скрепленный золотой змеей на счастье, роза в волосах, заколотая другой змеей, и пара довольно плотных шелковых перчаток.

— А вот и свет моей любви, Бердис, моя любимая жена! — восторженно воскликнул Вольф.

— Госпожа, вы, кажется, чего-то боитесь, — заметил Сайрион, кланяясь. — Надеюсь, не меня?

Бердис, которая была довольно бледна, резко покраснела. Ее глаза тревожно расширились, глядя на Сайриона.

— Моя голубка ничего не должна бояться, — сказал Вольф. — В полночь я подарю ей это янтарное кольцо, которое впоследствии защитит ее от всех бед. Вот видите, Сайрион, я верю в улыбающееся лицо Фортуны, а не только в его хмурое выражение.

Бердис взглянула на кольцо и снова побледнела.

— Это кольцо называют «Прощальным». О Вольф, оно причинит тебе вред!

Вольф громко рассмеялся и объяснил свой план.

Бердис отпрянула.

— Спаси меня, Боже! — запричитала она.

При этих словах Вольф расхохотался еще громче.

— Верь в меня, возлюбленная, — пропел он. — Давай докажем миру, что суеверия — это идиотизм, а все демоны — прах. Кроме того, у нас есть Сайрион, чтобы обеспечить наше здравие. Сайрион — герой, обладающий непревзойденным остроумием и галантностью.

— Вы заставляете меня краснеть, — высказал свое мнение Сайрион.

Бердис смотрела на него, смущенная подозрением.

Подали ужин.

Они съели несколько блюд — Бердис молча, Вольф, безудержно болтая. В открытое окно светили звезды, обрамляя Бердис блестками. Оттуда же доносились запахиочных цветов и трели сумеречного соловья. В углу комнаты тем временем золоченая клепсидра отсчитывала минуты: четверть часа, полчаса, час... Шел последний час, до полуночи оставалось совсем немного.

Внезапно Бердис принялась отчаянно щебетать:

— Сегодня днем, Вольф... Так странно. Какая-то высокая женщина, читающая по ладони и по звездам, ворвалась в мои покой и сказала, что я умру...

Вольф подскочил и выронил свой кубок. Вино разлилось по салфеткам, мозаичному столу, затекло в щели.

— Но самое глупое, — пронзительно щебетала Бердис, безумно глядя на Сайриона, — что я воображаю, будто эта женщина...

— Простите меня, мадам, — вежливо вмешался Сайрион, — но мне кажется, что ваши водяные часы опаздывают. Разве это не полуночный колокол из цитадели?

Вольф и его жена замерли. И действительно, раздался звон.

Когда звон затих, Вольф вскочил и сжал правую руку Бердис в перчатке.

— Моя дорогая, я ношу кольцо — и жив. А теперь, — он снял с пальца янтарь, — я больше не ношу кольцо. Демоны побеждены. Этих демонов никогда не существовало. Вот, мой ангел. Кольцо совершенно безобидно. Прими его вместе с моим сердцем. — И с этими словами Вольф надел янтарную печатку на ее указательный палец. Затем он засмеялся, воздев руки в экстазе.

Где-то в темном дворе снаружи послышались приглушенные ругательства и возня.

Что-то влетело в окно.

Оно завертелось и запрыгало, шипя и воя.

В самый разгар шипения и воя зверь вскочил на колени к Бердис, и к симфонии звуков добавился звук скребущих когтей и ужасный вопль.

— А-а! Кошка! — в ужасе закричала Бердис. — Кошка... Кошка! Спаси меня, Боже!

— Бердис! — крикнул Вольф, и экстаз сменился мукой. Он бросился к ней и обнял ее обмякшее тело. Он безудержно заплакал: — Сайрион, даже вы не смогли спасти ее. Я был идиотом! Проклятие — правда. Демон кольца поразил ее, и это моя вина. Я сам виноват в своей глупости. Вы же меня предупреждали — демоны существуют. Теперь я остался ни с чем.

— Не совсем, — тихо ответил Сайрион. — Ее состояние станет вашим после ее смерти.

Вольф обратил к нему мертвенно-бледное, залитое слезами лицо.

— Какая мне польза от богатства, если моя любовь мертвa? Я сломлен.

Сайрион, в свой черед, занялся кошкой. Поначалу разъяренная своим стремительным вторжением через окно, теперь она превратилась в мурлыкающую драпировку на его плече. Сайрион задумчиво произнес:

— Ваше горе преждевременно, Вольф. Ваша жена не умерла.

— Это жестокая шутка!

— Отнюдь. Она потеряла сознание и скоро придет в себя. К вашему большому огорчению, дорогой Вольф.

Вольф с трепетом вгляделся в лицо Бердис и восхликал:

— Вы правы — она жива! Но...

Кошка лизнула Сайриона в губы.

— Кстати, — заметил Сайрион, — ваш беспутный знакомый, человек, которому вы заплатили за то, чтобы он бросил кошку в вашу жену, вероятно, уже арестован. Сегодня вечером я предупредил ночную стражу.

Вольф усадил Бердис обратно в кресло и выпрямился. Сейчас его взгляд выражал настороженное недоверие.

— О чем вы говорите?

— О чем я говорю? — спросил Сайрион кошку.

— Вы утверждаете, что я заплатил человеку, чтобы он напугал мою жену до смерти?

— Откровенно говоря, мой дорогой, — упрекнул его Сайрион, — будь вы достаточно умны, чтобы разгадать тайну печатки, вы организовали бы лучший заговор, чем этот.

— Объяснитесь.

— А я должен? Почему бы и нет. Это как раз займет время, пока стража спешит к вашим воротам. Начнем с того, что, несмотря на ваше отрицание, Бердис оказалась бременем, которое вы никогда не собирались взваливать на свои плечи. Женившись на ней, вы хотели

затем избавиться от нее, таким образом унаследовав все ее богатство, не говоря уже о богатстве ее отца после его смерти. Единственной вашей проблемой было найти подходящий способ — какой-нибудь инструмент, который оставил бы вас якобы невиновным. Это оказалось легко. Сармур и его дочь очень суеверны, в то время как вы сами изо всех сил старались показать, что не верите во все неосозаемое. Следовательно, это должна быть янтарная печатка, которая, как вы слышали, могла убить кого угодно, учитывая соответствующие обстоятельства. Легенда о кольце верна, поскольку о нем было написано в гробнице женщины, которую разграбила ваша семья, не так ли? Смерти ваших предков также четко задокументированы. Хотя, как может показаться, в них нет никакой закономерности, тем не менее смерти неизменно происходили. Сколько времени вам понадобилось, чтобы разгадать загадку? Позвольте мне еще раз напомнить о погибших. Король, спешащий на битву. Победитель на споткнувшемся коне. Маг во время землетрясения. Разбойник на пути к виселице. Женщина в родах. А в вашей собственной семье — человек, упавший со стены, человек, попавший в шторм на море, человек, получивший удар во время солнечного затмения. Что же в этом общего? Сколько, вы сказали, вам понадобилось времени, чтобы разгадать эту тайну?

— Два года, — прорычал Вольф.

Сайрион расплылся в улыбке. У него это заняло чуть меньше двух минут.

— Опасность — вот ключ, — сказал Сайрион. — Опасность и ее дополнение — страх. И еще одна вещь, зависящая от опасности и страха.

Сайрион замолчал.

— Договаривайте.

— Нужно ли?

— Я хочу услышать... правильно ли вы поняли. Вы должны мне сказать.

— Я вам ничего не должен. Это будет подарок. Итак, еще одно. Я помню, как легко вы объяснили символы, выгравированные на янтаре: ласточка — свобода, лилия — душа, солнце — небо. Но, как и большинство символов графического письма, они могут иметь несколько более pragматическое значение. Ласточка означает не только свободу, но и освобождение — спасение. Алилия души может также представлять наше «я». Что касается солнца, то оно издревле символизирует не только небо, но и Бога. Итак, как вы, несомненно, согласитесь, ласточка, лилия и солнце предлагают нам написанную картинками фразу, которую можно перевести как «Спаси меня, Боже». Устоявшаяся религиозная фраза в большинстве языков — как ранее, так и сейчас. Царь ехал на битву, шепча последнюю молитву. Человек на споткнувшейся лошади выкрикнул ее в тревоге. Маг ощущал, как дом рушится от колебаний земли, кто мог догадаться, что он умер прежде, чем стены погребли его? Разбойник произнес традиционную молитву по дороге к виселице. Женщина орала ее, страдая от боли при родах. И твой предок, свалившись с разбитого парапета, умер еще до того, как упал на землю. Второй погиб прежде, чем вода сомкнулась над его головой, и задолго до того, как его вытащили в безопасное место. Третий — потрясенный темнотой затмения. «Спаси меня, Боже», — воскликнул каждый из них. И кольцо убило их мгновенно, как и предупреждает гравировка. Эти слова, произнесенные носителем, активируют устройство под камнем. Тонкий, как волосок, щип вонзается в кожу пальца, выпуская яд. Демонический яд, настолько сильный, что способен убить за считанные секунды. Жертва падает замертво с выражением ужаса на лице и без видимой раны. Зная

все это, вы могли бы носить кольцо и избегать смерти. И вы знали, что, когда кошка набросится на вашу жену, она выкрикнет роковую фразу и тут же умрет. И я, обладая тем, что вы по глупости считаете героической репутацией, должен был присутствовать при этой сцене в качестве свидетеля неизбежной Судьбы.

— Но Бердис не умерла, — сказал Вольф. Он выглядел скорее опустошенным, чем злорадным. Его широкий рот задрожал, и притворные слезы по жене превратились в настоящие слезы, пролитые о самом себе.

— К счастью для госпожи, — сказал Сайрион, — сегодня днем ее посетила колдунья и уговорила надеть два амулета. Вот эти.

Он указал на шелковые перчатки на руках Бердис, пальцы которых изнутри были отделаны тонкой, но непробиваемой пластинчатой сталью Даскириома — непроницаемой для любого ядовитого шипа, каким бы тонким он ни был.

Бердис зашевелилась. Сайрион осторожно освободился от кошки, наклонился над девушкой и взял ее за локти. Внезапно он рывком поднял ее на ноги.

— Потрясение, пережитое от второй кошки, вылечило вас, — строго сказал Сайрион. — Теперь вы можете ходить. Идите!

Бердис уставилась на него, потом неуверенно шагнула.

Она вскрикнула и шагнула еще.

Все еще вскрикивая и продолжая идти, она позволила Сайриону помочь ей выйти из комнаты. На пороге он вложил ей в руку пурпурный шелковый шнур, но она едва заметила это. Она, казалось, уже забыла про Вольфа, и эта забывчивость вскоре сослужила ей хорошую службу.

КОГДА САЙРИОН ВЕРНУЛСЯ В столовую, стражники уже стучали в ворота.

Вольф съежился в кресле.

Сайрион положил кольцо на мозаику рядом с собой.

— Повешение — штука медленная и неприятная, — брезгливо пробормотал Сайрион.

Когда стражники добрались до столовой, они обнаружили в ней единственного человека, абсолютно мертвого. Вольф лежал поперек стола с янтарной печаткой на руке, с выражением ужаса на лице и без видимых ран.

ШЕСТАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

ПОДНОШЕНИЕ СВЯЩЕННИКА ВЫЗВАЛО небольшой шум.

Большинство сидевших за столом уже слегка опьяняли. Даже ученый размяк: его глаза были полуприкрыты длинными ресницами, легкая улыбка играла на четко очерченных губах. Пухлый молодой человек с рыжими волосами, практически трезвый, хотя и раскрасневшийся от вина, был не в духе. Он выглядел подавленным. С того момента, как в рассказе появилась гадалка, он начал ерзать и озираться по сторонам, словно боялся сойти с ума.

Когда ближе к концу рассказа напоминающая пантеру брюнетка в жемчугах и кружевах вышла из-за дальнего столика и поднялась со служанкой по лестнице в дальнем конце зала (очевидно, решив для себя, что рассказ уже окончен), Ройлант промедлил в бездействии.

Когда повествование закончилось, он встал, извинившись и сославшись на нужду в ответ на протесты окружающих. На этом основании ему было позволено отлучиться, и один из купцов пошел вместе с ним за занавес, восхваляя при этом несчастную Бердис.

— Эта пташка — сокровище. Я бы все отдал за такую милую, простодушную жену.

— Я сочувствую ее участи, — ответил Ройлант. Его тон казался чрезмерно мрачным. Остановившись у медной статуи, Ройлант, волнуясь, спросил: — Вы видели ту женщину?

— Великолепная стать. Но, я уверен, она вовсе не так проста.

- Однако высока и ширококостна.
- Воистину желанное и сладострастное существо.
- Вы не поняли, о чём я. Ведь она может оказаться мужчиной, не так ли?

Купец расхохотался. Он так смеялся, что ему пришлось опереться на медную бабу. Он похлопывал по колышущимся бокам и хохотал. Вскоре, из-за угрозы обмочиться, он отступил в коридор, все еще кряхтя от удушающего веселья. Его собеседник почувствовал одновременно неудобство и беспокойство. Если эта женщина — Сайрион, должен ли он, Ройлант, преследовать ее? Если она — не Сайрион, то как будет выглядеть, если он галопом помчится за ней по лестнице?

Кроме того, его охватило ужасное смятение: священник сказал правду — много кто из них мог оказаться переодетым Сайрионом. Неопрятный и запыленный караванщик — с его самообладанием. Изысканный ученый — с чертами, словно сошедшиими с полотен позднего средневековья. Или трое купцов, у одного из которых, как заметил Ройлант, лицо слишком худое, чтобы соответствовать его комплекции. Сам священник, по-видимому, вряд ли был кандидатом в Сайрионы. Он действительно был очень толстым человеком, не претендующим на изящество. Но даже это могло оказаться какой-то невероятно сложной маскировкой.

Дальше — рабы. Ройлант почти не смотрел на них, однако они были хорошо одеты и повсюду в трактире окружали его. Вот, например, Эсур. Возможно, белоногий Эсур — это Сайрион, а хозяин гостиницы подыгрывает ему.

Ройлант принял расхаживать по залу. Он все еще расхаживал взад и вперед, когда второй купец вернулся из уборной и, увидев его, снова весело захохотал.

Ройлант выругался в ответ, потом покаянно извинился. Купец ласково похлопал его по плечу. Пока это происходило, дверь с улицы отворилась, и по ступенькам спустился спотыкающийся солдат с каштановыми усами.

— Вы арестовали это старое чучело — святошу? — спросил купец.

Усач икнул и энергично закивал. Он проскочил мимо них и ворвался в главный зал, так раскачав неуправляемую занавеску, что и Ройлант, и купец отпрянули от нее. Для человека, серьезно отставшего в росте, усач казался способным нанести внушительный удар.

Ройлант взглянул на гонг в руках медной тетки, страстно желая яростно ударить в него и крикнуть: «Пожар!» В дьявольской суматохе Сайриона можно попытаться разоблачить. Как раз к такому трюку прибегнули бы и сам Сайрион. Но Ройлант? Никогда.

Ненавидя собственную робость и отсутствие самолюбия, Ройлант буркнулся:

— У меня есть дела в городе.

— Пусть они подождут. День еще только начинается.

Ройлант обнаружил, что его ведут обратно в главный зал.

Картина, по существу, осталась такой же, как и прежде. Вернувшийся усач, несмотря на приветственные крики, не присоединился к общему столу. Он развалился на том месте, где сидела черноволосая женщина, положив голову на руки и готовясь довольно шумно всхрапнуть после выпитого вина. Вырывающийся из-под усов храп становился все громче, пока собеседникам не пришлоось его перекрикивать. А потом он внезапно стих.

— Как досадно, — сказал украшенный драгоценностями торговец. — Я ожидал известий о пленении мудреца и, надеюсь, о пытках в гарнизоне Малбана.

В зал вошел Эсур, посмотрел на всех с непреходящей неприязнью и принял убирать остатки их ужина. За ним последовали двое других рабов. Ройлант осмотрел их всех. Стойные, молодые и смуглые. Что значило очень мало. Его внимание привлек общий вздох. Он повернулся и увидел то, что с восхищением, недоверием и благоговением наблюдали все сидевшие за его столом. На дальней лестнице, держась прямо и откровенно забавляясь, стоял молодой щеголь среднего роста, крепко сложенный, модно одетый, опоясанный мечом и вызывающе красивый. Меч, однако, был вложен в ножны из белой кожи. На его левой руке не имелось колец, а волосы до плеч были цвета ночи. На ступеньке выше стоял стройный паж с тигровой лилией и гиацинтом за ухом.

Несомненно, двадцать минут назад эти видения были не кем иным, как элегантной леди и ее горничной.

Теперь всех мучил очевидный и на удивление неразрешимый вопрос: были ли они мальчиком и мужчиной в роли девушки и леди или девушкой и леди в роли мальчика и мужчины? Кем же?

Они спустились по лестнице, глядя на всех широко раскрытыми глазами. Когда щеголь проходил мимо Ройланта, тот отвесил ему поклон по всем правилам этикета.

— Доброго дня, — произнес безупречный тенор, когда-то бывший соблазнительным контрабалто. Человек и паж прошли сквозь занавес и исчезли.

— Черт бы побрал моих рисовальщиков, — взорвался священник и покраснел, как роза, пытаясь оправдаться, пока его поздравляли и хлопали по спине.

Толстяк плюхнулся на свое прежнее место. В этом странном трактире все было не тем, чем казалось. Перестал ли он нервничать? К сожалению, нет. Эсур

подкрался к нему, держа в руках блюдо с обглоданными костями, и выдохнул:

— Я вспомнил еще одну историю о Сайрионе...

— Исчезни, — велел Ройлант.

Эсур заворчал, но повиновался.

В ОКНА ПРОБИВАЛИСЬ ПРЯМЫЕ лучи золотого света. Ворковала и прыгала птица в клетке, а сонный храп солдата возобновился и теперь звучал ритмично, как раскаты грома.

Компания, исчерпав байки и желание в них разобраться, с сожалением разошлась, потирая слезящиеся глаза. Трое купцов поднялись в свои покой вместе с висевшими у них на руках девицами, подмигивающими серебряными и фиолетовыми веками. Караванщик, за чей обед должен был заплатить богатый торговец, вышел, зевая и потягиваясь, навстречу яркому полудню. Ученый тоже удалился, чтобы упаковать свои сумки со свитками и книгами. Завтра на рассвете он должен присоединиться к каравану, направляющемуся в королевство Кирос и город Аскандрис. Огрызаясь друг на друга и подхватывая тарелки, убежали рабы. Скоро в зале остались только раскатисто хранивший усач и бескураженный Ройлант. Торопливо подошел трактирщик.

— Ваш трактир — это сумасшедший дом, — проворчал Ройлант, допивая вино.

— Вы не сказали мне ничего, о чем бы я и так не знал.

Ройлант уставил в его широко раскрытые глаза, гадая, не подделка ли его лысеющая макушка...

— Однако, милостивый государь, — буднично произнес трактирщик, — я вспомнил человека, о котором вы спрашивали. Вы ошиблись с его репутацией.

— Я... что?

— Именно так. Его же зовут Сайрион?

Ройлант крепко зажмурился.

— Как небрежно с моей стороны, — холодно заметил он, подавив искушение облить мужчину остатками вина.

— В таком случае, — продолжал трактирщик, не подозревая о его намерениях, — я чувствую, что вас следует предупредить. Это безжалостный авантюрист. Страшное дело — иметь врага в его лице, как я слышал. По секрету...

— По секрету вы хотите рассказать о нем историю, иллюстрирующую это несчастье.

— Нет, — удивил его трактирщик. А потом все испортил: — Есть один старик, который просит милостыню, и сейчас он стоит у кухонной двери. Он иногда приходит сюда, и я даю ему еду — на счастье. Его глаза плохо видят, но ум его ясен. Он провел много времени с кочевниками и утверждает, что в его иссохших жилах течет их кровь. Если вы пожелаете...

Ройлант уже готов был отказаться. Сверху донесся звонкий похотливый смех, словно порвались и рассыпались бусы. Почему-то это встревожило молодого человека.

Ройлант осторожно произнес:

— Пусть войдет. Я заплачу ему.

Трактирщик кивнул и снова вышел.

Пока Ройлант нетерпеливо и встревоженно ждал, едва не выпрыгивая из кожи, спящий усач снова выдал громкое крещендо. В наступившей за этим тишине почти зловеще зазвучал стук палки. Затем за занавеску просочился высокий старик в черном одеянии, ощупывая посохом пространство перед собой. Капюшон кочевника был низко надвинут на его забинтованные

глаза на непроницаемом лице, чисто выбритом, сморщенном возрастом и солнцем пустыни.

Пока старик не опустился в кресло, Ройлант держал себя в руках. Затем он подошел к старику и встал над ним, тяжело дыша.

— У меня есть золото, — сказал Ройлант. — В обмен на это золото мне нужна правда. Клянусь, моя жизнь в величайшей опасности. Я пришел сюда в поисках... в поисках Сайриона, чтобы нанять его на любых условиях, которые он укажет, ради моей безопасности. Ты слышишь?

— Я слышу, — произнес преувеличенно старческий голос.

— А теперь, — рявкнул Ройлант, — прекрати этот обман и стань собой.

— Я это я.

— Неправда. Ты — Сайрион.

Нищий рассмеялся. У него были редкие зубы и сморщенная, как и все остальное, внутренняя часть рта.

— Сайрион? Бог не благословил меня так. Я отец Эсурра, который однажды разбогатеет и купит себе свободу. Меня освободили, выгнав как бесполезного, и только после долгих и трудных поисков я нашел моего мальчика, отнятого у меня в Хешбеле много лет назад. Я свободен и без гроша, а он раб и богат. Но как раб может содержать своего бедного старого родителя? Меня здесь кормят по доброте душевной, да благословит бог этот постоянный двор. Но я никогда даже не прикасался к золотой монете...

Ошибившийся дворянин чуть не задохнулся от смущения, гнева и жалости. Он достал две монеты, как и обещал. Затем покаянно сел слушать рассказ о Сайрионе, но в самый последний раз...

СЕДЬМАЯ ИСТОРИЯ: РЫСЬ СРЕДИ ЛЬВОВ

ИЗБИТАЯ ПОЧТИ ДО ОСНОВАНИЯ молотом солнца полуденная пустыня раскинулась в совершенном подобии близкой смерти. Но то был обман. Прямо под кожей пустыни таилась и процветала жизнь: скорлупа, погребенные развалины, потерянные сокровища, водные жилы и магия. В сумерках умирающее существо поднимется, встряхнется и потягнется, поглощая холодный звездный бальзам.

Каруил-Изем повернул голову в черном капюшоне и, казалось, стал внимательнее прислушиваться к тому, что говорил дозорный. Черные глаза старого, жестокого и непогрешимо мудрого Каруил-Изема были полузакрыты, символизируя обманчивую безжизненность и покой изможденной пустыни.

— И ты говоришь, что он следовал за нами со вчерашнего восхода?

— Именно так, Каруил.

— Пешком и в одиночку. И одет так же, как наши люди пустыни.

— Так же, Каруил.

— И седой?

— Или с очень светлыми волосами. Человек с Запада. Не из городов и не из нашего народа. И все же он идет по пескам уверенным шагом кочевников, так же беспечно и ловко. Он носит меч. Сегодня утром гадюка выползла из-под камня рядом с его рукой, когда

он спал. Она поднялась, чтобы ужалить его, но он ударил первым. Он метнул нож, и тот отделил ее голову от тела, прежде чем я успел перевести дыхание. Он также нашел скрытый оазис, о котором знают только наши люди. Кто это может быть, Отец, кто знает наши пути, но не принадлежит ни нам, ни нашей земле?

Каруил медленно моргнул орлиными очами при упоминании царского титула «Отец», как он всегда делал, словно все еще удивляясь, что к нему применяют это обращение. Он снова обернулся назад, чтобы посмотреть на недавно разбитые черные шатры среди подобных колоннам деревьев оазиса. Там вяло текла жизнь, отдавая дань временному умиранию пустыни.

— Мне кажется, я знаю, кто он, — сказал Каруил-Изем. — Я отправлюсь с тобой. Посмотрим, мудр ли я еще или стал глупцом.

Дозорный пришпорил лошадь так, что она взбрькнула и помчалась прочь, лишь красноватый песок брызнул из-под ее неподкованных ног. Лошадь Каруила двинулась не менее охотно. Они исчезли.

Некоторые из кочевников, высокие мужчины, одетые в одинаковую длинную черную одежду с капюшонами, по большей части надвинутыми для защиты от солнца, сидели под влажными тенями пальм, наблюдая, как Каруил и дозорный исчезают.

— Что случилось? — спросил один.

Сын Каруил-Изема, Иземид, изобразил жест кочевников, сравнимый с подмигиванием.

— Дозорные говорят, что кто-то выслеживает нас. Возможно, один из Рыцарей-Ангелов, Голубь, покинувший свое гнездо.

— Тому, кто преследует Львов Пустыни, следует беспокоиться о своем мясе, — процитировал пословицу другой человек.

Иземид кивнул. Он был красив, молод и горд, одно ухо его украшал сапфир. На покрытом пятнами теней песке можно было увидеть еще больше его сокровищ. Одна из трех его прекрасных жен, одетая в черное, но с увешанными драгоценностями поясом, запястьями, ушами и лбом, в расшитой золотыми блестками вуали, закрывавшей ее губы и подбородок, подала ему напиток в чаше из рифленого стекла на подносе из чеканного серебра.

— Мой отец... наш Отец, — сказал Иземид, — привезет нам его труп, если это враг. А если нет, тогда поглядим.

СИДЯ НА ЛОШАДЯХ, КАРУИЛ и дозорный смотрели вниз с хребта дюны.

Преследователь, теперь уже появившийся в поле зрения, безусловно, направлялся к ним. Он, вероятно, тоже их видел, но пока не подавал виду.

— Смотри, как он ступает, Отец. Он знает песок.

— Так и есть.

— И его волосы...

— Да.

Еще минута, и объект их пристального внимания поднял свою белокурую голову. Он смотрел прямо на них, продолжая идти, и вскоре оказался достаточно близко, чтобы они могли различить черты лица, слегка загорелого, но в остальном безусловно прекрасного.

— Божий адамант, — с презрительным трепетом заявил дозорный. Этот термин обозначал великую красоту и обычно употреблялся с презрением. Кочевники, неутомимые скитальцы, беспощадные воины, придерживающиеся жесткого, а иногда и кровавого свода законов, склонны

были верить, что по-настоящему прекрасное — это и по-настоящему бесполезное.

— Адамант, — согласился старик. — Но оправленный в сталь. Да, именно так я и предполагал.

Каруил-Изэм спрыгнул с коня — он оказался на удивление ловким. Он явно ожидал, когда незнакомец с невозмутимым и бесстрастным лицом поднимется на последний из холмов.

Когда молодой человек приблизился на двадцать шагов, Каруил поприветствовал его на языке кочевников:

— Пустыня расцветает под ногами желанного гостя.

При этих словах пришелец остановился и безукоризненно ответил на том же языке:

— И вода течет из камня по возвращении друга.

С оскорблением изумлением дозорный отметил, что голос незнакомца так же прекрасен, как и все остальное. Его изумление еще больше усилилось, когда Каруил без особых церемоний раскрыл объятия и белокурый житель Запада, преодолев дистанцию, оказался в них.

— Ну здравствуй, Сайрион! — воскликнул Каруил.

— Здравствуй! — ответил Божий адамант, которого звали Сайрион.

— Как ты нас нашел? — полюбопытствовал Каруил.

— Обычным способом. Следя знакам, оставляемым людьми Каруила для тех, кто с благими намерениями ищет с ним встречи.

— Мой дозорный удивлен.

Сайрион взглянул на дозорного и улыбнулся ему с ужасающим очарованием.

— Есть много дорог к мудрости, одна из которых — удивление, — скромно процитировал Сайрион пословицу кочевников.

Каруил рассмеялся. Этот веселый сухой треск был большой редкостью.

— Сайрион провел много времени среди нас. Он также мастер меча и искатель приключений, известный в прибрежных городах и в самой желтостенной Херузале, ставшей игральной доской для жителей Запада.

— А он тоже, — спросил дозорный, — прислушивается к учению пророка Хесуфа, как это делаем мы и как это делают западные люди?

— Я нахожу в учении Хесуфа проницательность и добродетель, — дружелюбно ответил Сайрион. — Но, возможно, как и вы, я иногда спотыкаюсь о ту фразу, где говорится, что мне должно понравиться, если меня дважды ударят по лицу.

Глаза дозорного расширились, потом он ухмыльнулся.

— Пойдешь с нами в шатры? — спросил Каруил.

— Если позволишь.

— Позволю.

Каруил не стал снова садиться в седло, и Сайрион сам повел коня царя пустыни, взяв за украшенные кисточками поводья. Дозорный шел чуть впереди.

На какое-то время воцарилась тишина, нарушаемая лишь приглушенным шуршанием нагревшегося песка. Наконец, когда они спустились с последней дюны и увидели оазис, Каруил спросил:

— Что тебя беспокоит? Какой-то поворот судьбы?

— Поворот, — музыкальный голос заколебался, — своего рода. Я вернулся в пустыню, испытывая острую нужду в дисциплинах, которым когда-то здесь обучался. Некоторые навыки подводят меня из-за недостатка практики.

— Ты был искусен в духовных практиках. Что произошло?

Снова пауза. Дозорный ехал не так далеко впереди, чтобы их нельзя было услышать сквозь неподвижный жаркий воздух.

— Моему дозорному можно доверять, — развеял опасения Каруил. — Но все же давай поговорим в моем шатре.

— Отец, — пробормотал Сайрион, — у меня нет причин не доверять ни одному из твоих людей. Лучше я скажу тебе сейчас. Боюсь, это в любом случае понадобится, и очень скоро. — И снова он слегка запнулся. Затем заговорил холодно и твердо: — Существует некая болезнь мозга и глаз. Она начинается с легкого нарушения зрения, прогрессирует до слепоты и заканчивается разливающейся на полголовы непрерывной болью, как будто в голове застряло лезвие топора. Причина этого недуга неизвестна и, возможно, она не одна. Лекарства, как правило, облегчают боль тем, кто ведет спокойный образ жизни. Однако, Отец, ты можешь судить о его опасности для человека, который, как ты знаешь, живет с мечом в руке.

Каруил застыл. Внизу, в источнике оазиса, блестела вода. Дозорный остановил лошадь неподалеку. Он отвел взгляд и смотрел вниз, на становище, откровенно прислушиваясь к тому, что говорили у него за спиной.

— Для тебя? — обратился Каруил-Изем к Сайриону.

— Сыпал ли ты когда-нибудь о такой хвори? Ремусанские императоры тоже страдали от нее. Похоже, у меня благородная компания. Но поговорим о моем затруднительном положении.

— В чем может быть его причина?

Сайрион пожал плечами, улыбаясь, как будто ничего особенного не говорил.

— Понятия не имею. Может быть, удар по голове — мне досталось несколько. Или какая-то форма колдовства — я вставал на пути одного-двух колдунов... Моя распутная жизнь. Кто бы из этих моих спутников ни открыл ей дверь, гостья уже вошла. И хотя я могу пронзить клинком почти

любую беду, мне трудно будет сражаться с противником, которого я не вижу.

ШАТЕР КАРУИЛ-ИЗЕМА СТОЯЛ особняком, очень близко к воде, в зеленой сетке теней. Со сложного переплетения цепей, натянутых между шестами шатра, низко свисала бронзовая ажурная лампа с благовониями. Сложность переплетения цепей была обусловлена тем, что они не должны пересекаться в форме креста. Сотни лет назад пророк Хесуф чуть не умер на таком приспособлении, пока возмущенные люди не спасли его. По этой причине все, что напоминало крест, вызывало у кочевников отвращение. Свою неприязнь они проявляли даже в отношении своих мечей: их лезвия, были изогнуты, как серп луны, дабы избежать проклятой формы.

Каруил-Изем устроился под лампой среди шелковых подушек, лицом к открытому входу в шатер, откуда светило солнце. Рядом с ним сел Сайрион. Им подали вино, финиковый сок и разнообразные сладости. Эти сладости и вино, заметил Каруил, являлись плодами щедрости его сына — Иземид проводил много времени в городах. Сквозь мерцание воды виднелся шатер Иземида. Когда полуденная жара спала, люди в черных одеяниях устроили там лошадиные скачки: в выцветшее небо взметались пыль и крики.

Вежливо угостившись дарами Даскириома и Хешбеля, Сайрион уселся с видимой непринужденностью, положив подбородок на левую руку с кольцами. Каруил же все жевал и жевал с удивительным аппетитом.

Наконец Сайрион небрежно обронил:

— Я так понимаю, нас здесь больше не станут подслушивать?

— Нет, — заверил Каруил, выбирая пирожное.

— Пока твой занятой дозорный уже распространяет весть о моем печальном несчастье.

Каруил моргнул. Веки из змеиной кожи застыли. Это был знак предельного внимания.

— Дозорный? Я же говорил, что он ничего не скажет.

— Тогда с какой целью ты предложил мне выступить перед ним?

Каруил отложил печене. На старом лице появилось недобродуше выражение. Очень медленно показались его длинные зубы.

— То, что я говорил тебе, и то, что является правдой, может оказаться не одним и тем же.

— Ты действительно восхищаешь меня. Мысль о создании новых слухов показалась мне неинтересной, если не сказать грубою.

— Тогда ты тоже играешь с истиной. Твоя болезнь — ложь.

Сайрион несколько мгновений смотрел на Каруила, потом перевел взгляд на бурлящую пыль и движение в шестидесяти футах от нее, над водой.

— Болезнь, — тихо сказал Сайрион, — оказалась полезным совпадением. Не ты ли попросил меня явиться, вооружившись предлогом?

— Тогда этот предлог... эта слепота...

— Она появляется время от времени. Я не забыл практики вашего народа и не нуждаюсь в повторном изучении. Ты можешь представить, что я заболел бы и не применил бы их? Но, возможно, они не помогут.

— Тогда, — сказал Каруил, — ты здесь только... — последовала долгая пауза, — потому, что я послал за тобой.

— Что, как я понимаю, довольно странно с моей стороны, поскольку ты, кажется, очень мало мне доверяешь.

— То, что я вообще послал за тобой, доказывает, что я никому так не доверяю. Как ты нашел мое сообщение?

— В одном из часто посещаемых мной мест, которое вы оставили. А как еще? Если я правильно его расшифровал, ты хотел, чтобы я понял, что ты в опасности.

Каруил, снова взявшийся за пирожное, положил его на стол. Его глаза погрузились в обманчивую дремоту.

— Ох, я предполагал, что ты истолкуешь его именно так.

— Я ошибся?

— Нет. Он мой враг. — Теперь слова вылетали быстро, с мрачной и горькой резкостью. — Он придерживается городских обычаяев. Он упивается растлевающей роскошью городов. Он обвешивает своих женщин золотом, а шатер — драгоценными камнями. И посыпает мне много пирожных, чтобы разрушить мои крепкие зубы... — внезапно выпалил Каруил, и сладости раскатились, как цветные кости. — Иземид держит меня за дурака. Он надеется усыпить меня, как старого льва, а потом захлопнуть капкан.

— Среди людей отцеубийство — худшее из всех преступлений, и убийцу ждет самое страшное наказание. Станет ли Иземид рисковать?

— Не знаю. Да, я верю, что он это сделает. О, не сейчас. Но скоро. Среди нас есть те, кто любит его, те, кто восхищается его идеями. Он разбил бы шатры у городских стен, устроил бы из нас базарное представление, а сам валялся бы на кровати со своими женщинами, в то время как кости наших сыновей превращались бы в труху, а наши дочери становились бы потаскухами... — Каруил замолчал. Он не повышал голоса. Фразы были яростными, но все его тело оставалось неподвижным. Он был подобен орлу, наблюдающему с высокой скалы. — И только я, — признался он, — стою на пути зверя. Да. Он убьет меня. Поэтому я

послал за тобой. Ты когда-то жил среди моих людей и был мне как сын. Ты помнишь это?

— Я помню, — тихо ответил Сайрион. — Без Каруила-Изема я был бы чем-то гораздо меньшим, чем я есть сейчас. Что ты хочешь, чтобы я сделал, Отец племени?

— Пока — ничего.

Старик пил вино Иземида, смакуя его, словно это была кровь врага, которую кочевники древних времен иногда пили, подобно демонам.

— Тогда, — сказал Сайрион, — я подожду.

— Они приготовят тебе шатер. Ты снова станешь одним из нас. Но эта болезнь твоих глаз беспокоит меня.

— Не беспокойся о моих глазах. Когда они тебе понадобятся, я буду в твоем распоряжении.

На порог упала тень. И Сайрион, и Каруил-Изем уставились на нее. Внезапно из-за края шатра вышел человек, которому предшествовала тень. Бряд ли он услышал что-нибудь, даже если бы прислушивался. Их голоса звучали слишком тихо, да и шум над водой, только сейчас начавший стихать, мог многое заглушить.

Человек поклонился Каруилу по кочевому обычаю и уставился на Сайриона.

— Принц Иземид просит тебя, Отец, даровать ему счастье приветствовать твоего гостя.

Сайрион поднялся и взглянул на лампу, висящую теперь на уровне его лба. Каруил сказал ему:

— Да, иди к моему сыну, Сайрион. Молодой лев должен идти своим путем.

Сайрион вежливо согласился.

ВЕДЯ САЙРИОНА ПО ОАЗИСУ, гонец Иземида попытался провести нарочитый, отчасти язвительный допрос.

— Принц недоумевает, кем ты можешь быть — одетый в наши одежды, но с бледной чужеземной кровью. Говорят, ты жил среди нас. Почему мы тебя не помним?

— Либо мы тогда не встречались, либо я постыдно непримечателен.

— Ха! Жил с нами — неужто твоя собственная мать, оскорбленная твоим появлением, бросила тебя в пустыне и убежала?

— Матери, как известно, пристрастны. Они готовы мириться почти со всем. В противном случае нас выжило бы слишком мало.

Они двигались среди сонма черных жилищ. Там на медленном огне уже поджаривалось мясо. У источника бездельничали женщины с кувшинами, делясь сплетнями. При приближении двух мужчин они переглянулись и захихикали. Разглядывая Сайриона, они стреляли глазами и таяли — им не часто доводилось видеть людей Запада. Волосы, подобные раннему рассветному небу, светлая кожа, глаза с позолоченными ресницами длиннее их собственных делали Сайриона похожим на существа из другого мира.

На дальней стороне оазиса закончились скачки. Иземид расположился на ковре перед своим шатром, отпивая из стеклянного бокала. Его приверженцы сидели и стояли вокруг, шутили и пили. Рядом три прекрасные женщины блистали нарядами с золотыми нитями и драгоценными украшениями. Когда солнце коснулось их лиц, стало видно, что их черные вуали, в нарушение традиции, прозрачны как дым.

Заметив Сайриона, Иземид встал, подняв руки в жесте приветствия и радушия. Дозорного нигде не было видно, но, без сомнения, он побывал здесь, прежде чем вернуться к своей вахте за пределами становища.

— Слушайте все! — объявил Иземид, — Белый кот — мой друг, иначе мой отец — Отец — убил бы его. Пойдем, друг племени Каруила.

Сайрион шагнул вперед и позволил обнять себя. Свита Иземида, в свою очередь, принялась трогать его, прикасаясь к светлым волосам. Сверкали серьги и зубы, и склоняющееся к закату солнце освещало эту картину ровными косыми лучами. Иземид протянул Сайриону кубок с вином. Сайрион вежливо попробовал его и отставил в сторону. Один из мужчин снова осторожно потрогал него.

— Тебе оно не понравилось? — обеспокоился Иземид.

— Малость терпковато. Вина Андрики гораздо приятнее, если ты готов платить за них такие цены.

— Да ты торгаш! И знаток вин. Что еще чудесного ты умеешь, друг племени Каруила?

Сайрион ослепительно улыбнулся.

— Не нужно так переоценивать меня.

— Но ты же гений и провидец. Пойдем, — позвал Иземид, обнимая Сайриона за плечи, — мы пригнали лошадей из Хешбеля. Иди и посмотри. Расскажи, что ты о них думаешь.

Молодые люди, хохоча, рванули вперед, и Сайриона повлекло вместе с ними. Две жены Иземида скромно потупили глаза, когда он проходил мимо. Третья смотрела ему вслед со странной задумчивостью.

В ухе Иземида сверкал сапфир. Отраженные лучи солнца вновь и вновь выстреливали из него, казалось, одновременно притягивая и отталкивая взгляд Сайриона.

Лошади стояли в тени пяти пальм, кроме удерживаемого несколькими мальчиками жеребца, который вырывался и брыкался, вскидывая голову.

— Что же, по-твоему, случилось с этим жеребцом? — спросил Иземид. — Он сбросил двух моих лучших всадников.

Сайрион промолчал под смех свиты. Конь встряхнул головой, словно пытаясь высвободить ее.

— Может быть, — сказал Иземид, — ты, почтенный гость моего отца, захочешь испытать свои способности?

— Нет, — сказал Сайрион, — сожалею, но я не стану.

Все веселые лица очистились от улыбок, словно пропертые одной тряпкой.

— Стоит ли мне думать, что ты боишься?

— Стоит думать, что я достаточно осведомлен о том, что жеребец не привязан, а поблизости есть брачные кобылы.

— Разве я не хвалил его как гения? Вино, лошади... — радостно воскликнул Иземид.

Позади толпы донесся голос мальчика:

— Для чужестранца устроили жилище под чахлой пальмой, недалеко от шатров.

Сайрион отвесил Иземиду степенный восточный поклон и попросил разрешения удалиться в шатер.

Иземид радушно отпустил его:

— Иди, благословенный Божий адамант.

Он, несомненно, заметил, что житель Запада, пересекая оазис, шел довольно медленно. Он, казалось, не был склонен оглядываться по сторонам и, достигнув отдельного шатра, отведенного ему Каруилом, вошел прямо внутрь, опустив за собой полог.

Иземид сплюнул на песок — редкий поступок среди тех, кто рано научился уважать воду.

РАСКРЫЛСЯ, РАСЦВЕЛ И УВЯЛ красный цветок заката. В черной ночи пылали скопления звезд пустыни. Когда в стане кочевников погасли звезды костров, Иземид вышел из своего шатра, потянулся и улыбнулся,

услышав внутри сонное женское бормотание. Вскоре Иземид бесшумно двинулся через становище вокруг источника, ответив по пути на два коротких окрика приглушенной шуткой, заставившей часовых хихикнуть. Перед тем как подойти к шатру Каруила, принц зачерпнул пригоршню воды из источника и выпил.

Молодой человек остановился у закрытого полога и очень тихо позвал.

Через мгновение из палатки послышался в ответ старческий голос:

— Кто это?

— Я не помешаю? Это твой сын, Иземид. Что-то гнетет меня. Можно мне войти?

— Старики спят чутко. Входи.

Иземид проскользнул в шатер.

Взгляд его встретил, пожалуй, весьма любопытное зрелище. Сидя на подушках под тускло горящей бронзовой лампой, Каруил-Иzem, Отец племени, жадно поглощал сладкое желе, глотал шербет и ароматные вина. Вокруг него стояло множество подносов и бокалов, когтистые пальцы нетерпеливо тянулись к ним. Он не прекратил трапезу с появлением сына.

Все еще улыбаясь, Иземид очень тихо заметил:

— Отвратительная свинья!

Каруил, даже сейчас не отрываясь от пира, парировал:

— Раз уж я раб, я стараюсь наслаждаться своим жалованьем.

— Рабам не платят жалованья.

— И сколько еще я должен быть твоим рабом?

— Пока я не закончу.

— Когда это будет безопасно? — Старые глаза сверкали, как острия ножей. — Но разве ты можешь быть уверен в своей безопасности, дорогой сынок? Как ты

можешь ощущать себя в безопасности, играя против нас?

— Я в безопасности. Ты забываешь, что у меня есть охрана.

— Однажды ты останешься без нее.

— Вряд ли. А теперь... Скажи мне, что поведал тебе человек с Запада в этом шатре.

Молодой человек хмурился и нервничал, пока Каруил-Изем засовывал в рот мятый кусок лакума и жевал его. Наконец Каруил закончил и ответил:

— Он сказал то, что ты ожидал, поскольку за ним послали, как ты и ожидал. Он сказал, что знает, что ты представляешь для меня опасность и что он поможет мне справиться с тобой. Я велел ему ждать моего слова. Но есть и еще кое-что.

— И что же?

Каруил поднес к губам нугатин, и Иземид, выругавшись, шагнул вперед. Каруил, криво улыбнувшись ему, опустил сладость.

— Он признался, что его заявление о болезни — истина. Иземид кивнул, отвлекшись от раздражения.

— Так я и подумал, хоть это и звучит странно. Он едва добрался к своему шатру. Теперь он там. Посланный мной человек обнаружил, что этот Сайрион спит как убитый... или одурманенный наркотиками. Да я вообще никогда не боялся этой белой кошки.

— Да что ты говоришь, мой милый сын?

Иземид резко дернулся. Он яростно ударил старика по лицу, так что тот откинулся назад, упав между сладостей и подушек. Лежа там, Каруил прошипел:

— Я хрупкий и могу сломаться. Это нарушило бы твои планы.

— А ты, убожество, веди себя осторожно. Сладости могут причинить не меньшее вреда, чем мой кулак.

— Ерунда, — сказал поверженный царь. — Я жажду новизны. Я твой раб. Ты должен мне кое-что позволять.

— Очень скоро ты получишь то, чего действительно жаждешь.

Каруил заставил себя выпрямиться — движение было странно плавным и волнистым.

— Ты имеешь в виду свободу? Да, я жажду ее. Как и моя сестра. Связываться с такими, как мы, отродье, — все равно что разводить огонь в сосуде из сухого тростника.

— Так ли это? Посмотрим.

Иземид вернулся к пологу шатра. Вынырнув, он посмотрел вверх на звезды, потом снова на распростертую на подушках фигуру.

— Да благословит тебя Бог, отец мой.

Скорчив отвратительную гримасу, Каруил ответил:

— И свет небес позолотит тебя, Иземид.

ИЗЕМИД НЕ ПОШЕЛ СРАЗУ к своему шатру. Он отправился на край оазиса, где заканчивались пальмы и жилища кочевников. На окраине виднелось последнее дерево, искореженное и умирающее, а под ним — последний шатер. Иземид тихо подобрался к нему, поднял полог и заглянул внутрь. В свете звезд смутно виднелся спящий человек, закутанный в черное одеяние кочевника, прядь белокурых шелковых волос выбивалась из-под капюшона, падая на руку с блестящими кольцами. Под этой рукой покоился вложенный в ножны меч. Однако Сайрион, казалось, спал мертвым сном. Его было бы так легко убить, но такая смерть выглядела бы подозрительно. Существовали и более надежные способы.

Иземид отпустил полог и ушел. Сайрион смотрел ему вслед из переплетения теней между двумя соседними пальмами.

САЙРИОН С ВЫМАЗАННЫМИ САЖЕЙ волосами, одну прядь которых он предварительно отрезал, одетый в западную одежду из черного шелка, скрытую под одеждой кочевника, едва виднелся в безлунной темноте. Даже кольца не блестели на его левой руке; на этот раз он снял их и оставил на разложенных на мече пяти срубленных стеблях камыша под пучком остриженных волос, рядом со скатанной валиком одеждой. С ним остался только нож. Однако эти тщательно продуманные меры предосторожности увенчались великолепным успехом. Сайрион убедился, что они обманули одного из приверженцев Иземида, пришедшего навестить Сайриона примерно за час до этого. К тому же в этом помог сымитированный Сайрионом приглушенный храп спящего.

По ту сторону вод источника было слышно, как Иземид перешучивается с одним из часовых. Сайрион, бесшумно двигаясь между деревьями и шатрами подобно блуждающей тени, добрался до Каруил-Изема и вошел к нему без предупреждения.

Отец гурманствовал, как и до этого, судя по подслушанному ранее разговору. Старик уставился на него, держа в одной руке бокал с вином, а в другой — конфету.

— Доброй ночи, — поприветствовал Сайрион. — Ты все еще голоден?

Каруил медленно пришел в себя.

— Я слышал, что ты лежишь больной.

— Иногда приступ можно задержать или предотвратить. Сейчас я не чувствую боли и могу видеть очень ясно.

— Почему ты здесь?

— Я видел, как Иземид подошел к твоей палатке.

— Ты опасался за меня?

— А какая еще у меня может быть причина? — слегка удивился Сайрион.

Каруил откинулся на подушки, поставил на стол кубок с вином и потянулся за бокалом шербета. Сайрион шагнул вперед, взял бокал и вежливо протянул ему. Когда он наклонился ближе к Каруилу, произошло нечто, казалось, имевшее отношение к левой руке Сайриона. Между горлом и поясом Каруила сверкнула неяркая молния. В то же мгновение кубок отлетел, разбрызгивая сильно пахнущий напиток, и Сайрион тоже отскочил назад, сверкая ножом в руке.

Каруил сидел, разинув рот. Его одежда и тело оказались рассечены от ключицы до пояса. Клинок Сайриона вскрыл его, обнажив бугристую смуглую грудь очень сильного и очень старого мужчины. И кое-что еще. Над сердцем виднелись две неровные, глубокие и совершенно бескровные черные дыры. Смертельные раны, нанесенные месяц или более назад.

Трудно было сказать, стал ли Сайрион еще бледнее, чем уже был. Но он помянул Бога так, что служитель божий, возможно, не одобрил бы.

Затем мертво-живая тварь набросилась на него, прыгнув с ловкостью, которой ей не полагалось обладать, и сжимая во все еще липкой от сладостей правой руке кривой меч Каруила.

Сайрион, вооруженный только ножом, пригнулся и схватил валик, выставив перед собой. Валик встретил первый стремительный выпад меча, пострадав от него.

Второй удар оказался еще сильнее и разрубил валик почти надвое.

Когда большой клинок застрял, запутавшись в шелке, Сайрион полоснул ножом по лицу Каруила. Каруил выдернул меч и рефлекторно отскочил — движение ножа было всего лишь финтом. Ясно, что Каруила невозможно ранить или убить: и то, и другое уже произошло, хоть при этом он и скакал, как саранча. Однако это не было Каруилем.

Глаза того, что было человеком, вспыхнули, полные ненависти и яростного замешательства. Ему еще нельзя убивать Сайриона, час его смерти должен выбрать Иземид, являвшийся хозяином этого существа...

Сайрион увернулся от третьего взмаха меча, отбросив остатки валика. Его целью была груда подушек. Добравшись до нее и при этом грациозно избегая низко висевшей лампы, он снова повернулся и показал мертвому существу недвусмысленный жест. Оно рвануло вперед с возбужденным рычанием, меч разбрзгивал паутину белого шелка. Сайрион смотрел, как оно приближается. Затем он взвился подобно пламени.

Его руки нашупали бронзовую лампу и метнули ее на всю длину цепи. Еще секунда, и Сайрион рухнул на подушки. Казалось, будто его ударило, но лампа не задела его и именно так он уклонился от удара. Она мгновенно прошла над ним, со свистом рассекая воздух, а серповидное лезвие пронеслось сквозь пустое пространство, только что занятое его телом. Затем послышался другой звук: неумолимый приглушенный лязг громоздкого металлического предмета, врезавшегося в человеческий череп на большой скорости.

С гнусавым ворчанием существо, которое было Каруилем, оказалось отброшено назад и упало. Сайрион тут же вскочил с подушек и прыгнул следом. Меньше чем

за мгновение он выхватил огромный меч из скрюченных пальцев с длинными ногтями. Еще через полминуты меч взметнулся вверх — и застыл, отражая колеблющийся свет, когда женский голос, похожий на скрежет костей, тихо и резко произнес:

— Нет. Не надо...

Сайрион не опустил меч и не оглянулся. Он смотрел только в горящие и теперь испуганные глаза, все еще живые на мертвом лице Каруила. Лампа опалила его брови. Будь плоть над ними живой, она оказалась бы покрытой синяками.

Сразу за Каруилом с лампы упала и уныло горела капля масла. Не глядя, Сайрион вытянул ногу и погасил ее.

— Обезглавливание, — сказал он как бы между прочим, — одна из немногих смертей, которых демон действительно боится.

— Да, — прошептал голос в дверях шатра, — мы с братом — демоны. Если ты знаешь о нашем роде, ты должен помнить, что ночью и в темных местах наши силы возрастают. Убей его, и тебе придется иметь дело со мной.

— Видишь ли, — тихо ответил Сайрион, — кажется, твой брат убил того, кто был мне в некоторой степени дорог. Этого человека, чьим телом он теперь пользуется как перчаткой. Возможно, я не поддамся голосу разума.

— Ни он, ни я не убивали Каруил-Изема. Это его сын заколол его кинжалом за много дней и ночей до того, как ты пришел сюда. Кажется, он послал за тобой, но ты прибыл слишком поздно. Выслушай всю историю, прежде чем судить.

Еще мгновение Сайрион не двигался. Затем он опустил меч. Отойдя от тела Каруила, он воткнул клинок в подушку, поднял оброненный нож и вложил его в ножны. Только после этого он окинул взглядом шатер.

Находившаяся за закрытым пологом шатра молодая женщина вошла так же бесшумно, как и он, несмотря на одежду, густо расшитую дорогими побрякушками, и украшения, болтавшиеся на поясе. Ее открытое лицо было очень красивым, а ее волосы, где с них соскользнула вуаль, пламенели персиково-золотым цветом, обычным среди женщин-демонов. Однако ее длинные ногти покрывала позолота — она была третьей женой Иземида.

Каруил-который-не-был-Каруилом попытался подползти к ней. Труп, казалось, охватила внезапная агония, и с резким вздохом женщина опустилась на колени, чтобы помочь брату.

— Ну ладно, — заметил Сайрион, — телу старика можно придать гибкость и молодость, но оно пострадает от этого. Меня удивляет, как много ощущений остается в нервах и как много информации — в мозгу. И вкусовые ощущения тоже. Для того, кто обычно питается исключительно сырой плотью и кровью, вкус залежалых сладостей отдает новизной.

Демоническая женщина прижала живой труп к груди.

— Я слышала о человеке, носящем твоё имя, — с неохотой призналась она.

— И я слышал о вас, — любезно ответил он. — О вашем роде.

— Да. Кочевники знают о нас и верят в нашу магию.

— И кочевники устроили подмену.

— Ты сразу понял.

— Не сразу. — Сайрион, казалось, смотрел куда-то вдаль, в пустоту. Но она не допустила ошибки, посчитав его неосторожным. — Я догадывался. Говорят, только демоны владеют заклинаниями, позволяющими вселяться в мертвых и оживлять плоть.

— Племя Каруила считает его живым.

— Они могли бы заметить, что у него нет сердцебиения, когда он их обнимает.

— Это тебя и насторожило?

— Это и многое другое. Позаимствованный мозг передал твоему брату память о том, что когда-то я был духовным сыном Каруила-Изема, — но память не простиралась до нужных областей. Информация предала его, оказавшись отрывочной и полустертой. Это его выдало. Есть и другое. Во-первых, Каруил не любил сладкого и пил мало вина. С возрастом у него мог бы развиться вкус к ним. Но доверять снабжение ими человеку, которого он боялся больше всего? Отец племени не был таким болваном.

— Ты обязан Каруилу сыновней любовью и жаждой мести, — заявила женщина, глядя на Сайриона сквозь золотисто-розовые волосы.

Сайрион уставился на нее, снова спокойный, невинный.

— Неужели? Так ли это?

— Мы можем отомстить, объединившись. Он сделал нас рабами, этот Иземид. — Ее раскрашенные ногти царапали пол, когда она произносила это имя.

— Ты упомянула про историю. Расскажи ее.

— Тогда слушай. Далеко в пустыне есть древнее место — разрушенное святилище. Иземид пришел туда. Он охотился и, видимо, последовал за каким-то зверем к водоему во дворе, но тот исчез. Вместо того чтобы уйти, он набрал воды и напился. Был полдень. Мой брат спал. Я увидела Иземида, и его красота пробудила во мне одновременно похоть и голод. Я напялила на себя человеческую личину и вышла к нему в лохмотьях, как нищенка, изгнанная из святилища. Мы немного поговорили, а потом он предложил мне поесть, если я возлагу с ним. Я знала, что у него нет еды. Он пытался

обмануть меня, но я с радостью согласилась, так как это соответствовало моим планам. Мы вместе легли под стеной... — Демоница в ярости оскалила зубы. — Замечу, что он не был одет в одежду кочевников, которые мудро опасаются нас. Если бы он был в ней, я бы избегала его. Но на нем была городская одежда — я подумала, что он сын какого-нибудь купца, легкая добыча. Когда солнце сядет и мой брат проснется...

Она стиснула острые зубы. Труп, явившийся тюрьмой для ее брата, с ненавистью зашипел у нее на руках.

— Иземид носит магический защитный амулет, — сказала она. — Я думала, что это не более чем драгоценный камень. Помнится, я собиралась оставить его себе в качестве безделушки, когда мы с ним покончим. Потом, когда он растянулся на мне, что-то коснулось моего плеча и... обожгло. Он тут же отстранился, а потом рассмеялся, как будто его это очень позабавило. Наконец он заговорил на языке кочевников. Он сказал: «Ты именно такая, как я и подозревал», — и коснулся амулета, произнеся заклинание. И подчинил меня. Вскоре он нашел моего брата и подчинил его тоже. Тогда я поняла, что Иземид пришел охотиться на нас, а не на какое-то животное. Он нуждался в нашем роде. Ты представляешь силу этого амулета? Мы не можем выступить против него и должны повиноваться ему во всем. Вскоре мы узнали его план...

На следующий день жители Каруила разбили лагерь в нескольких милях от руин. Началась настоящая охота, и Иземид уговорил отца поехать с ним. Когда настутили сумерки, отряд укрылся в святилище, и Иземид отвел отца во внутренний двор, сказав, что на этот раз они должны поговорить. Между ними было много споров. Среди кочевников власть любого отца была абсолютной, а царя — верховной. Иземид стремился

установить иноземные порядки и получать прибыль в городах, используя в качестве товара сокровища людей пустыни. Каруил не позволял этого и вряд ли когда-нибудь передумал бы. Вариантов у Иземида было всего два. Либо бежать ни с чем — ограбить племя означало бы спровоцировать неистовую погоню, которая забросает камнями даже принца, — либо подчиниться и жить так, как жили его предки, пока Каруил в конце концов не умрет. А Каруил не подавал никаких признаков надвигающейся смерти. Он отличался силой и отменным здоровьем — и мог оставаться здоровым еще лет десять, а то и больше. Его убийство было единственной надеждой Иземида, но убить значило подвергнуть себя риску жестокой смертной казни. Даже те, кто поддерживал Иземида, его приближенные, не посмели бы этого сделать.

Похоже, Каруил-Изем догадывался, что его сын задумал как-то обойти правосудие, иначе зачем он послал за Сайрионом? Тем не менее он вошел во внутренний двор храма наедине со своим сыном, и там Иземид ударил его ножом, причем дважды. А демон, подчиненный Иземиду, как и его сестра, должен был использовать свою магию, поместив себя при помощи сверхъестественных демонических средств внутрь свежего трупа Каруила, прежде чем тот окочнеет. Они с братом умоляли, сказала демонесса, чтобы вместо этого мерзкого метода он позволил им использовать свои заклинания иллюзии и таким образом совершить подмену. Но Иземид не согласился. Слишком долго удерживаемая иллюзия могла ослабнуть, кроме того — ее молги бы разоблачить многочисленными способами.

Утром все заметили, что царь смягчился по отношению к своему наследнику и начал признавать его точку зрения. Иземид хорошо заморочил голову людям,

и вместо того, чтобы удивиться и что-то заподозрить, они только обрадовались перемене настроений, предвкушая преимущества жизни в роскоши и считая, что это не может радикально повредить их традициям или ослабить их сильные стороны. Словно в предзнаменование надвигающейся беды, Иземид нашел в святилище нищенку, прелестную, как распустившаяся золотая роза. Вскоре он сделал ее своей женой.

Это случилось больше месяца назад, и с тех пор люди Каруила все ближе и ближе подходили к городам. Иземид все больше и больше жил по городским обычаям. Ходили разговоры о дворце неподалеку от Хешбеля. Каруил, внезапно впавший в легкое старческое слабоумие, казалось, смирился с этой мыслью.

— И когда все станет так, как он хочет, — закончила демоница, облизывая губы, — Иземид позволит моему брату притвориться, что Каруил умер естественной смертью, а затем выйти из тела перед погребением. Однако мы должны наложить еще одно заклинание на плоть, чтобы предотвратить ее мгновенный распад. Со мной он разведется. Но до этого часа мы должны служить ему. Мой брат, получив человеческие ощущения, пристрастился к сладостям, которыми давился бы в своей истинной форме. Но я, делившая ночи с Иземидом — теперь, когда я пресытилась этим смертным, — я жажду вкусить его разорванную плоть и его дымящуюся кровь.

Наступило молчание, после чего Сайрион спросил:

— Амулет — это сапфир в его ухе?

— Да, — вздохнула она.

— Почему же ты до сих пор не украла его ночью, пока Иземид спал рядом с тобой? — произнес он с видимым равнодушием.

— Он действует обжигающее на плоть моего рода. Он обуглил бы мои пальцы до костей. Но неужели ты

думаешь, что меня бы это остановило? Однако драгоценный камень закреплен в ухе Иземида и обвит тремя нитями золотой проволоки. Мне придется выдрать его, и Иземид сразу почувствует рану. И даже если бы амулет оказался у меня, он бы все равно излучал его заклятие и я так же оставалась бы бессильной. Неужели ты ничего не знаешь о таких вещах?

— Так расскажи мне, — предложил Сайрион.

Но на этот раз сухим незнакомым голосом ответил демон, заключенный в теле Каруила.

— Пока Иземид собственоручно не вынет драгоценный камень и не отдаст нам, его колдовство не разрушится — и мы останемся его рабами, выполняя все его приказы. Этот выродок наслаждается властью над нами. Он любит играть с нами, как кошка с мышью, грязный извращенец.

— А вы, конечно же, чисты и добропорядочны. Исходя из того, что вы мне рассказали, едва ли можно найти какой-либо способ приблизиться к нему.

— Ты можешь заставить его отдать нам камень, — настаивала женщина-демон.

— Сомневаюсь. Иземид, несмотря на амбиции, — дитя своего народа. Если он садист, он будет благоразумен в таких вопросах. Поэтому он предпочтет любую пытку, которую я могу ему причинить, играм, в которые станет играть с ним ваш род. С другой стороны, если я раскрою его действия, любой из вас будет вынужден поддержать его ложь.

— Его люди знают, что и он, и мы умеем пользоваться магией.

— Они также знают, что я иностранец, а иностранцы всегда лгут.

Демон Каруил сел.

— Возвращайся, сестра моя. Иземид может войти в твой шатер и обнаружить твоё отсутствие.

Она усмехнулась, но все же поднялась, ее наряд звякнул. Возможно, часовые лагеря слышали, как она прошла мимо них, но никого не увидели. Будучи тем, кем она была, она могла скрыть себя не хуже, чем сама ночь.

— Я вернусь. А тебе, ангеловолосый и прекрасноглазый, — обратилась она к Сайриону, — тебе лучше бежать.

Сайрион вытащил из подушки изогнутый меч и бросил его рядом с ними.

— Да, пожалуй.

С ВОСТОКА НАХЛЫНУЛА ЗАРЯ, поджигая воду озера и превратив бесцветные волосы Сайриона в сплав золота и серебра, когда его швырнуло лицом в песок.

Один из приближенных Иземида уперся пяткой в спину Сайриона. Другой освободил упавшего от пояса с оружием. На лицах у остальных виднелись мрачные улыбки, не имевшие никакого отношения к шуткам.

— Переверните его на спину, — донесся властный голос Иземида. Сайриона схватили за серебряно-золотые волосы и руки в черных рукавах и перевернули, подняв пыль. Иземид велел: — Теперь снимите с него одежду кочевников, львиную шкуру, которой прикрывается этот шакал. Ищите доказательства его преступления.

Пока этот приказ неуклюже выполняли, Сайрион лежал неподвижно, как кукла, и совершенно бесстрастно. Вскоре исчезло кочевое одеяние, а за ним и шелковая туника, оставив его в модных облегающих бриджах и мягких кожаных сапогах жителя Запада, над которыми по привычке стали насмехаться люди Иземида.

— Ой, да ладно вам, — откликнулся Сайрион, — когда ваш господин будет жить в Хешбеле, вы станете носить такие же...

И замолчал от удара по голове.

Помимо полированного смертоносного ножичка, при обыске одежды обнаружился закупоренный флакон. Все это Иземид показывал своим фаворитам и тем, кто, услышав шум, собрался у шатра Сайриона.

— Видите эту штуку? Это было частью колдовства. — Он наклонился к Сайриону. — Для чего это?

Сайрион посмотрел на него, и Иземиду не понравился этот взгляд. Иземид снова ударил его.

— Отвечай, шакал!

— Это лекарство.

— Которое ты используешь в своих смертоносных целях.

— Которое я мог бы использовать, чтобы заглушить боль.

— Ах, да. Ты что-то говорил про головную боль и слепоту, дьявол. — Иземид ударил Сайриона более энергично, и тот закрыл глаза, явно скучая.

Иземид выпрямился. Он снова поднял пузырек. В другой руке он держал что-то еще. Он медленно показал оба предмета, и воцарилась тишина, плотная, как спекшийся песок.

— Видите это? — спросил Иземид у людей. — Маленькая деревянная фигурка с выгравированным на ней символом — именем моего отца. Мы знаем, для чего предназначены такие игрушки. Этот навоз архидемона, это испражнение дьявола пришло к нам, прикинувшись другом, для того чтобы свести счеты с Каруилом, нашим царем. И если бы я не нашел этот предмет колдовства в шатре незнакомца, кто знает, может быть, Каруил умер бы и мы остались бы без Отца.

Далеко, очень далеко послышалось тихое ровное рычание. Сайрион не стал искать его источник. Вероятно, он знал, что они будут выглядеть, как львы, за что их так часто и называли, — черные львы с черным пламенем в глазах.

Это было неумелое заклинание, но он сработало. Сайрион был чужаком, а чужаки, как известно, плохие. Кроме того, вот и окончательное доказательство.

Имя было произнесено шепотом: Каруил, Каруил. Затем снова воцарилась убийственная тишина. И в наступившей тишине ясно, как удар кинжала, прозвучал голос Каруил-Изема:

— Я доверился змее и чуть не умер от ее яда. Мой сын спас мне жизнь. Убей эту гадюку так, как мы караем занимающихся злой магией. — И, произнеся приговор, голос добавил, как реальный Каруил-Изем: — Я призываю.

Лежащий на песке Сайрион тихо засмеялся. На этот раз удар, которым они наградили его, принес передышку во тьме.

ЗА НОЧЬЮ БЕСПАМЯТСТВА, ОДНАКО, наступил болезненный рассвет.

Обычно кочевники привязывали осужденного преступника в центре лагеря на весь день, а в сумерках оттаскивали его на четверть мили от становища, где он встречал смерть, которой к тому времени зачастую желал.

Сайрион — не то в сознании, не то нет, — висел, привязанный к столбу. Все вокруг навевало покой: и шатры, и прохладные чернильные тени под пальмами, и поблескивающая среди них вода, словно опрокинутое небо. Но этот клочок открытого песка к полудню раскалился добела, и

солнце нескончаемо пульсировало, как огненное умирающее сердце, в клочке неба над ним. Иногда, конечно, на него падала освежающая тень, прелюдия к неизбежному. Кто-то бросил камень — кровь быстро высохла на жаре. Кто-то крикнул. Иголка поцарапала ему бок, другую воткнули под один из ногтей его левой руки с кольцами — они не посмели украсть их у него. Посыпался дождь пинков и ударов, ему бросали пыль в глаза или натирали ей губы. Кочевники, жившие в суровом крае, хорошо изучили ремесло наказания. Отсутствие более серьезных истязаний объяснялось исключительно тем, что Сайрион должен был оставаться в здравом уме до самой смерти. Он и сам много знал об этом, предсказывая каждое действие, прежде чем его к нему применяли...

Тонкий ободок чаши вынырнул у его губ из тошнотворного пульсирующего тумана, и это удивило его.

— Пей, — прошептала женщина ему на ухо. — Быстро. Прежде чем они увидят, что я делаю.

Сайрион не терял времени на бессмысличные расспросы. Он выпил воду, которую она предусмотрительно подогрела. Затем он открыл глаза, слегка разогнулся и посмотрел на нее сквозь запорошенные брошенным песком длинные-предлинные ресницы.

Перед ним стояла демоница под изысканной вуалью.

— Спасибо, — поблагодарил он. — А теперь ты отпустишь меня из этого пекла?

— Глупец! Если я это сделаю, он убьет и меня тоже. Он сделает с нами все, что захочет.

— Зачем тогда тратить воду? — пробормотал Сайрион.

— Чтобы увидеть, как ты разрастешься и разорвешь свои путы, о прекрасный цветок, — пошутила она. Губы Сайриона слегка изогнулись, и она добавила: — У тебя есть сила. Твоя кожа светлая, но не покрылась волдырями...

— Нет. Просто у меня достаточно кочевых навыков для избавления от этого неудобства.

— Сильная воля. Вырвись, — пробормотала она. — Убей Иземида.

— И быть самому немедленно убитым преданными ему людьми? В любом случае это случится на закате.

— Трусливый пес.

— Ты восхитительно прекрасна. — Сайрион сделал паузу. — Поразительно обаятельна... Упоительна...

— Я прокляну тебя, — перебила она. — Мы найдем твою могилу и оскверним ее.

— Ах.

— Тогда сдохни, — бросила она, собираясь уходить.

— Только один вопрос, — сказал он, и она остановилась. — Будет ли твой брат, царь Каруил-Изем, наблюдать за моей смертью?

— Он обязан. Это их закон. И ты это знаешь.

— Тогда следуй за ним, — выдохнул Сайрион, снова обвиснув в своих путах.

Она сразу же насторожилась. Схватив его за руку, она впилась когтями в обнаженную безупречную кожу и твердые мышцы под ней.

— Это еще зачем?

— Ради бога, — прошептал Сайрион, — поцарапай или ударь меня. За тобой наблюдают пять человек.

Она яростно зарычала:

— Я увижу, как ты захлебнешься в своей крови. Это утолит мой голод, даже если я не смогу ее выпить.

К ее пущей ярости, он даже не вздрогнул, когда ее ногти впились ему в грудь. Затем, спрятив стеклянную чашу, она убежала.

КОГДА ПЕРВАЯ ПРОХЛАДА спустилась с раскаленного докрасна закатного неба, связанный человек посмотрел вверх, затем снова опустил позолоченную голову. К благословенной прохладе присоединился звон колокола, возвещавший о его смерти.

Вместе с тенями пришли его палачи.

Они отвязали его, все еще связанного, от столба и потащили прочь из становища. Взоры женщин, раньше таявшие при его виде, теперь застыли и стали подобны тем камням, которые они бросали в него днем. Хотя им было разрешено мучить его, они не увидят, как он умирает. У него не было никаких шансов. Вероятно, они представляли себе, как это будет: довольно неприятная судьба, предопределенная обычаем.

Большинство мужчин покинули становище. Они двигались, как извивающееся черное стадо, следя за своим пастухом. Каруил-Изем ехал на своем коне, рядом с ним шагал Иземид, гордый сын, радующийся тому, что спас своего царя и отца от убийцы.

Когда они достигли выбранного места, в красном воздухе повисли первые звезды. Это место было похоже на любое другое — просто песок под закатным солнцем.

Мужчины образовали широкий круг, в центр которого провели Сайриона. В основном он шел сам. Иногда он падал, и ему помогали подняться на ноги кулаки и обувь его конвоиров. Столб тоже принесли, воткнули в песок и снова привязали к нему веревки. Каруил смотрел на это, сидя на коне.

Над пустыней дул ветер. Солнце почти зашло, скоро должна была наступить ночь. А потом — вечная тьма.

Зажгли и расставили по кругу факелы. Им нужно было видеть то, что они станут делать дальше.

Иземид подошел ближе. Он посмотрел на склоненную голову Сайриона и гибкий торс, который, несмотря

на все духовные практики, наконец-то начал краснеть на бледно-золотом фоне солнечного загара.

— Ну... — Голос Иземида прозвучал тихо, чтобы услышал только Сайрион. — Надеюсь, ты меня слышишь, изнеженный домашний котик.

— Я слышу тебя, — откликнулся Сайрион.

— Вот и славно, мой домашний котик. Вот и славно.

— Разве тебе никогда не рассказывали эту притчу? — спросил Сайрион. Его собственный голос был прерывистым, но все же Иземид заинтересованно прислушался: — Историю о рыси, которая оказалась среди львов.

— Хочешь рассказать мне сказку про ничтожную рысь? Ну, расскажи.

— И расскажу. Кажется, рысь объяснила львам, что она — редкое животное с необычайно сочным мясом и что только лучшие из них достойны ее съесть. Тогда львы принялись спорить о том, кто из них лучше, а затем приступили к состязаниям и битвам. Никто из них не выжил, поскольку все они были уверены в себе и свирепы. Мораль этой притчи в том, что рысь так и не съели.

— А мораль притчи о тебе в том, что мы не будем драться за тебя, а просто убьем.

Иземид придвинулся еще теснее. Сапфир в его ухе казался каплей сумрака.

— Видишь меня, сказочный мечник? — сказал Иземид. — Взгляни на меня и увидь меня. Помнится, отец нечасто, но красноречиво говорил о тебе. Посмотри, как мы похожи. — И, начиная терять терпение, Иземид схватил Сайриона за челюсть и поднял его лицо, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. Что-то было не так, Иземид увидел это сразу. Лицо не выражало ожидаемого отчаяния, а глаза — что случилось с глазами? — Посмотри на меня! — повторил Иземид.

— Сожалею, — сказал Сайрион, — но я не могу.

Иземид вытаращил глаза. Потом он выругался с недоверчивым удовлетворением.

— Значит, это правда. Эта болезнь глаз — это она.

— Сейчас у меня очередной приступ.

— И как долго продлится это несчастье?

— Час, может быть, чуть больше.

— Тогда ты можешь умереть слепым.

— Вряд ли это имеет значение. И если ты когда-нибудь испытаешь эту болезнь на своей шкуре, ты узнаешь, что от такой головной боли иногда хочется умереть. Ты окажешь мне услугу.

— Услуга за услугу, — сказал Иземид. Если бы Сайрион мог видеть его, он бы заметил, что принц лучится от радости. Ему не давала ему покоя довольно предсказуемая садистская игра, зародившаяся в его сознании: — Мне рассказывали о твоем мастерстве владения мечом. Об этом постоянно говорил отец. А дозорный доложил мне о твоих словах, когда тебя привели в лагерь. Вот этих: «Трудно будет сражаться с противником, которого я не вижу».

— Клянусь кодексом твоего племени, что бы ты со мной ни делал, ты лишь избавишь меня.

— Моего племени, кот-рысь-шакал. Моего. Не твоего. И моего отца, а не твоего. И это мое желание, а не твое. — Иземид выпрямился. — Я скажу им, будто ты похвалялся передо мной, что, не связанный и вооруженный, сможешь убить меня. Я скажу им, что должен принять такой вызов. Моя доблесть под вопросом, и я должен подвергнуть тебя унижению, прежде чем ты будешь убит должным образом. Они согласятся и станут свидетелями того, как я буду драться с тобой, а ты будешь спотыкаться, как слепой.

— Как только начнется бой, любой человек, стоящий в этом кругу достаточно близко, увидит, что я не смогу сражаться именно по этой причине.

— Тогда я отошлю их подальше. Я скажу, что ты ожидаешь нечестной игры. И что я хочу показать, что могу победить тебя без посторонней помощи.

— И Каруил-Изем тоже, — быстро добавил Сайрион. Отправь его с остальными.

Иземид нахмурился. Он изучал ненавистно прекрасное пустое лицо Сайриона, даже сейчас похожее на маску, его блуждающие безнадежные глаза.

— Почему? Что ты затеял? Думаешь, можешь выкинуть какую-то шутку... — кивнул Иземид. — Нет. Стариk выйдет вперед и будет наблюдать. Но только он. Ты обнаружишь, что он не попытается тебе помочь. Или ты знаешь об этом и боишься чего-то другого? Тебе нужно бояться только Иземида, бедный мечник с больными глазами.

Иземид повернулся и направился к кругу людей, крича им. Сайрион, должно быть, услышал некоторые слова и ответ с оттенком неуверенности, вскоре перешедшей в согласие. Затем послышался звук шагов удаляющихся людей. По прекратившимся звукам можно было судить об отделявшем их расстоянии. Если кто-то из расширявшегося кольца захочет прийти на помощь человеку в центре круга, сомнительно, что он доберется до него вовремя. Но кому это могло понадобиться? Только Каруил спешился и подошел ближе, опираясь на плечо мальчика. Каруил, который был демоном.

Нож перерезал веревки, и Сайрион пошатнулся, потеряв опору. Иземид с проклятием подхватил его, затем снова оттолкнул. Что-то легло в правую руку Сайриона. Знакомый прямой западный меч.

Когда Сайрион неловко поднял его — возможно, впервые за все это время, — Иземид двинулся к нему. Он приближался неторопливо, пританцовывая, дразня своей медлительностью. Шум песка под его ногами

дал бы подсказку даже слепому... Сайрион уклонился. Его рука взметнулась вверх и дернулась, меч неуклюже скользнул под другую. Он закончил движение, отскочив в сторону, подобно пьяному. Свободной рукой он пошарил в потемневшем воздухе, пытаясь удержать равновесие.

Иземид стремительно атаковал. Песок ответил на выпад лишь едва слышным шипением. Сайрион внял его предупреждению и увернулся, едва не упав. Он на дюйм обманул резвый меч Иземида. Сайрион продолжал отступать, неуверенно поворачивая голову, чтобы уловить хоть какой-то звук от песка, его единственного друга. Иземид начал топать и метаться по песку, беззвучно смеясь над растерянным, испуганным Сайрионом.

Внезапно Сайрион, пошатываясь, направился к нему. Иземид аккуратно отступил в сторону, взмахнув мечом, а затем, разъяренный такой безрассудной дерзостью, замахнулся, чтобы рубануть Сайриона слева. Удар должен был попасть точно в цель. Только предельная настороженность спасла Сайриона, заставив распластаться прежде, чем клинок достиг его. Пытаясь подняться, он едва не схватился за изогнутую сталь, которая рассекла бы руку до кости. Какая-то случайность спасла его и от этого: когда меч кочевника скользнул вверх, песок сдвинулся, и у Сайриона подогнулся локоть. Смех уже звучал далеко не так тихо.

Обнаружив, что у него есть пространство, чтобы подняться, но, видимо, не доверяя ему, Сайрион вскочил на ноги. Иземид пристально смотрел на развернувшегося к нему обезумевшего белокурого человека, пытающегося прочесть в ночи все, чего лишили его бесполезные глаза. Упоение на лице Иземида было очевидно любому, кто мог его видеть. Затем он рванул вперед, вращая издающий металлическое пение изогнутый меч в кольце

света факелов, и намеренно промахнулся мимо жалкой фигуры перед собой. Сайрион нелепо пригнулся без причины. Иземид решил, что с него достаточно. Испустив злобный вопль полного удовлетворения, наследник Каруила бросился вперед и снова повалил Сайриона на песок. Даже кошка в конце концов вонзает зубы в позвоночник мыши.

Склонившись над Сайрионом, Иземид схватил его за волосы левой рукой. Правой он перехватил клинок, готовясь нанести первую рану смертного приговора — оскопление.

Где-то в дымке песка между двумя мужчинами загорелись два уголька ледяного огня, две звезды — факелы двух горящих глаз. А потом почти такой же пламенеющий клинок поднял волну песка.

Иземид обнаружил, что не закончил оскопляющий удар. В замешательстве он посмотрел вниз, пытаясь найти причину неудачи. И увидел свою кровоточащую руку, отрубленную чуть выше запястья, лежащей под острием меча Сайриона.

Прежде чем крик успел вырваться из губ Иземида, кулак с кольцами ударили его в челюсть. Зубы Иземида сомкнулись на его языке, как пыточные тиски. Он рухнул в ревущую темноту.

За этой болью возникла другая — ужасная боль в мочке уха.

Взяв отрубленную руку Иземида в свою, Сайрион сжал ее пальцы, подобно клыкам, на сапфире и вырвал амулет. Используя золотую проволоку, которая раньше удерживала драгоценный камень в ухе Иземида, Сайрион ловким движением привязал его к лишенной продолжения кисти. Операция заняла несколько секунд. Затем, без труда поднявшись на ноги, Сайрион швырнул окровавленную руку с драгоценным камнем

на песок перед Каруил-Иземом. Тот хищно наклонился к ней и застыл.

Со всех сторон бежали люди племени. Их вопли и оскал клинов наполнили ночь.

— Он отдан тебе его собственной рукой. Возьми его, черт бы тебя побрал, и используй.

Мальчик, на которого опирался Каруил, присел на корточки и поднял руку с трофеем. Когда мальчик выпрямился, из-под его капюшона зазмеилось золото. Ненакрашенная демоница в украденном либо иллюзорном мужском наряде поднесла кусок плоти к губам, затем остановилась.

— Значит, ты не слепой, — обратилась она к Сайриону.

— Нет. Однако через несколько мгновений я буду мертв.

— И мы должны спасти тебя, раскрыв правду?

Сайрион пожал плечами. Его глаза были ясными и спокойными.

— Если вы будете так добры.

— Из уважения к твоей красоте, — сказала она. А рядом с ней Каруил-Изем раскрыл рот в странном ужасающем зевке.

Бегущие к ним кочевники остановились в нескольких шагах. Сквозь вопли и вой, сулящие неизбежное возмездие, казалось, пробился высокий пронзительный аккорд, а затем все звуки смолкли. Люди застыли в позе тех, кто знал оочных путях, уважал и ненавидел их, не испытывая страха, но лишь отвращение к этому знанию.

Каруил-Изем, Отец племени, начал расползаться, как расползлась его мантия под ножом Сайриона. Разошлись кожа и сухожилия, и одежда целиком соскользнула с разломившейся под ней грудной клетки. Крови не было. В мешке расползающейся плоти послышалось копошение, стон боли, а затем смертельный кокон был

сброшен полностью. Обнаженный и хорошо сложенный мужчина, физически даже моложе Сайриона, склонился до земли, обхватив руками тело, его рассыпавшиеся дождем волосы были черными, как ночное небо.

Сайрион коротко обратился к племени Каруил-Изема. Одновременно демоница обняла своего брата, за jakiав между ними окровавленную руку тирана, чтобы оба могли видеть искру поверженного камня и чувствовать запах теплой крови. Рассказанная Сайрионом история получила признание, и когда он закончил, что произошло очень скоро, люди застыли вокруг него, как статуи, избегая демонов взглядом и словом и ожидая неизбежного ее окончания.

Сайрион тоже ждал, когда за его спиной зашуршит песок, который сообщит ему, что Иземид пришел в себя.

— Он подчинил демонов, — сказал Сайрион. — Мы знаем, как они любят развлекаться. Возможно, для отцеубийцы это более подходящая смерть, чем законный приговор. Оставьте его им.

Ответа не последовало. Если не считать того, что люди, которые верили Иземиду, начали отворачиваться от него десяток за десятком, даже его приближенные, а затем словно вся ночь повернулась к нему спиной, унося с собой факелы. Тело царя они оставили. Выбора не было — он стал единственным целым с песками.

Сайрион слышал бормотание возбужденных грядущим развлечением демонов над рукой и драгоценным камнем. Он обернулся, вытащил из песка одежду Ка-руил-Изема и легкими, неторопливыми движениями стряхнул с нее серый порошок без запаха, который когда-то был человеком.

Вскоре Сайрион оделся и затянул его поясом с ножнами из красной кожи, в которые теперь был вложен его меч. При этом он, казалось, не обращал внимания

ни на плаксивые стоны и мольбы, ни на пронзительные крики ужаса, ни на предсмертные вопли осужденного.

Под безжалостным холодом звездных скоплений Сайрион пошел прочь.

Он прошел уже милю, когда крики прекратились. То, что крики прекратились, ни в коей мере не означало, что смерть уже наступила.

ВЗОШЛА МОЛОДАЯ ЛУНА. Казалось, она снова и снова вышивала на песке символы последнего послания Каруил-Изема. Ясные глаза и мозг Сайриона, которых никогда не поражала никакая болезнь, следовали за этими лунными миражами, искали их, задерживались на них.

Так писал Каруил:

К тебе придет за помощью человек из племени, отличного от моего или твоего, но этот человек — мой посланник. Если помнишь меня, приходи. Мне угрожают. Со мной приключилась хворь, но это не возрастной недуг. Я пал жертвой адского наваждения, которое разрушает мое зрение раз в час и заканчивается постоянной и мучительной болью, заливающей половину головы. Я применяю практики и не выказываю никаких признаков этой болезни, но думаю, что кто-то действует на меня через куклу или какое-то другое колдовство, дабы поразить меня неизвестным мне проклятием, от которого нет никакого лекарства, если только ты не найдешь его и не принесешь мне. Я подозреваю, кто мой враг. Он удивил меня своей внезапной заботой о моем здоровье. И если это правда, то он применяет ко мне свое мастерство случайным образом,

ибо кажется, будто он выискивает признаки моей болезни, но не знает, какую форму она должна принять.

У меня есть план, чтобы подтвердить мои подозрения и разоблачить его.

Ты помнишь мой сапфировый амулет, который я всегда носил при себе под одеждой и который мог влиять на демонов и тому подобных духов? Об этом талисмане знали только ты и моя любимая жена, которая умерла, но которая, как я теперь думаю, передала тебе это знание. Я собираюсь намеренно потерять этот камень, оставив его там, где он может наткнуться на него, потому что только он обучен использовать его так, чтобы натравить на меня демонов. Только он. Я сомневаюсь, что он покажет его, пока я жив, но если он найдет способ убить или подчинить меня, то может в шутку выставить напоказ эту тайну. Так что ты его узнаешь.

Я должен сообщить тебе, что если он так ненавидит меня, то в великом горе я отдам свою жизнь ему и Богу. Но если так случится, то ты, сын мой, хотя и не по крови, но по духу, — ОТОМСТИ ЗА МЕНЯ.

СЕДЬМАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

- ОМЕРЗИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, — СКАЗАЛ наконец Ройлант. — Но история о правосудии.
- Вы, конечно, признаете, что это правда.
- Я не знаю, правда ли это.
- А как же отношение Сайриона к кочевникам?
- История этого не объясняет. Только то, что догадки нечестивого сына ошибочны.
- Довольно.

Ройлант угрюмо поднялся. Пожилой нищий, отец Эсура, остался сидеть, радуясь двум золотым монетам, которых он якобы никогда не видел. Усатый солдат опять перестал храпеть, возобновив свою службу во время самой напряженной части повествования. Под неким ракурсом создавалось впечатление, что ноги у него гораздо длиннее, чем на самом деле. Возможно, он бессознательно располагался таким образом даже в состоянии алкогольного опьянения. Таковы люди — всегда пытаются обмануть других или самих себя.

Ройлант с раздражением поймал себя на том, что впадает в бессмысленную философию — верный признак того, что его мнение о жизни находится на самом низком уровне.

Оставив нищему лишнюю монету (состояние Ройланта все равно скоро пропадет, зачем жалеть монету?), пухлый молодой человек отошел к занавесу. Найдя трактирщика, наблюдающего, как ворчащий раб полирует медную статую, Ройлант рассчитался.

— Если Сайрион придет завтра, — произнес Ройлант, — можешь сказать ему, чтобы он шел на виселицу.

— Не думаю, что скажу это ему или он согласится, — ответил трактирщик, с поклоном пряча деньги в карман.

Ройлант поднялся на три ступеньки, еще раз споткнувшись на них, хотя и менее драматично, чем раньше, и вышел за дверь.

В СЕРЕДИНЕ ДНЯ УЛИЦА была погружена в дремоту. Тенты отбрасывали тень на светло-коричневые стены с обеих ее сторон, и ни бахрома, ни кисточка не шевелились. Из узкого решетчатого окна напротив доносилась печальная мелодия восточной лиры, а из соседнего сада — крик павлина. Ряд зданий поднимался вдали, к белоснежной крепости Херузалы, где слиновые с золотом знамена Мальбана, как увядшие цветы, безжизненно висели на фоне безоблачного неба. Нигде ни ветерка, и все, чего можно было ожидать спустя несколько часов, — это жаркий западный ветер, дующий из пустыни. Находясь Ройлант в Кассирее, благоухающая прохлада летела бы с моря в глубь материка, сплетая паутину вокруг лесистых холмов...

РОЙЛАНТ НА МГНОВЕНИЕ ЗАСТЫЛ в трансе, неодолимо представляя себе место, к которому он приближался всего три раза в своей жизни, но которое за последние недели приобрело для него такое зловещее значение. Раскидистые садовые деревья, темное оперение кипарисов, поднимающихся между ними. Теперь

все, что от него осталось, — разрушенная внешняя стена ремусанского форта, за исключением отремонтированной бани. За стеной располагался зеленый склон и особняк. Он был построен в восточном стиле, и, когда раздвигались створки ворот, можно было увидеть разукрашенный внешний двор, окруженный стройными колоннами. Полоска воды отражала их и десять древних пальм, ветви которых расходились из гигантских оснований, так похожих на чешуйчатые панцири ананасов. А потом, еще дальше, в стиле этого края смешанных народов прошлого и настоящего, на краю обрыва возвышалась четырехгранная башня, каменный бастион Запада. А за ней — море.

Скала была опасна — Валия знала это. Башня покосилась. Черепица дождем осыпалась со стен дома, застоялась вода...

— ВАМ ПОНРАВИЛОСЬ ВИНО?

Ройлант вздрогнул, его сердце сжалось. Высокая стройная фигура появилась из переулка впереди и прислонилась к фасаду дома напротив.

— Вино?..

— Вино в черной фляге, которое я купил для вас. Вы хотите сказать, что этот мальчишка все-таки сбежал с деньгами? Похоже, королевские солдаты больше не умеют пугать маленьких детей.

Ройлант уже пришел в себя и заметил светловолосого солдата, с которым познакомился ранее, — Фоя, так превосходно притворявшегося пьяным.

— Это вы прислали вино? Да, я его получил. Благодарю вас, — осторожно сказал Ройлант.

Фой улыбнулся.

— Мы поймали вонючего подстрекателя толпы, и мне понадобилось два помощника, чтобы увести его, потому что он извивался как угорь. Я чувствовал, что должен вам. Усатый, разумеется, оказался бесполезен в драке и теперь отсыпается после выпитого. Официально он допрашивает свидетелей.

— Вы и в самом деле солдат? — спросил Ройлант.

— А кто же еще?

— Тогда моя последняя надежда рухнула, — вздохнул Ройлант. — Я подумал, что вино, возможно, от Сайриона. — Ройлант кивнул, соглашаясь с недоброй судьбой, которая, как он чувствовал, преследовала его. — Между прочим, ваш друг спит в «Медовом саду».

— В самом деле? — Фою стало смешно. — Вернулся за добавкой. Воинственный малый, не так ли? Когда я покидал усатого, он валялся под навесом кондитера на Душистой улице. И он доверил ему страшную тайну, прежде чем потерял сознание. — Фой усмехнулся. — Презренный цирюльник отстриг ему половину усов. У бедняги усача не оставалось другого выбора, кроме как остричь вторую половину — для симметрии. Затем он застращал брадобрея, чтобы тот приkleил обе половинки обратно обувным kleем. Я видел доказательство своими собственными изумленными глазами, так как усатый сорвал эту штуку и размахивал ею, напугав продавца сладостей и всех его людей.

Ройлант продемонстрировал вежливое изумление. Ему не было никакого дела до судьбы волос на лице усача — обрезанных, приклеенных обратно, сорванных или приклеенных снова. Ройлант еще раз поблагодарил Фоя за вино и пошел прочь по улице.

Свернув в извилистый переулок между двумя стенаами, отмечавшими конец улицы, Ройлант быстро пошел вперед. Днем в лучших кварталах Херузалы

поддерживался закон, но воры встречались в любое время. Ройланту, которому в ближайшем будущем предстояла смерть, показалась нелепой его невольная осторожность. Разве он и без того уже не началходить без сопровождения и одеваться, как смертник? Потому что если кто-то всадит ему нож между ребер, какая разница? На самом деле есть некое горькое наслаждение в том, чтобы умереть вот так и таким образом избежать...

ШАГИ ПОЗАДИ НЕГО зазвучали очень отчетливо, как будто предназначались для того, чтобы быть услышанными. Они могли оказаться как безобидными, так и нет. Оставался выбор: бежать или повернуться лицом к тому, кто преследует его. Переулок был длинным. Все вооружение Ройланта составлял щегольской кинжал, с которым он не умел обращаться. Ройлант мог лишь выхватить его и угрожать.

Смирившись, он обернулся. И, несмотря на всю иронию открывшейся картины, облегченно вздохнул.

По узкому пространству, образованному высокими стенами, к нему бесшумно приближался усатый коротышка. За вычетом усов.

Поглощенный созерцанием этого изъяна, Ройлант не мог оторвать глаз от чисто выбритой верхней губы и четко очерченного рта, избавленного от растительности. Только когда солдат приблизился к нему на два ярда, Ройлант заметил, что что-то изменилось. Чрезвычайно малорослый усач теперь был на несколько дюймов выше самого Ройланта.

Ройлант издал вопросительный звук, который, к счастью, можно было принять за кашель.

Солдат, однако, остановился, ангельски улыбнулся ему, а затем худой точеной левой рукой, на длинных пальцах которой сверкало по меньшей мере семь колец, снял с головы легкий стальной шлем.

Эти волосы было ни с чем не спутать: не просто светлые, а почти белые — белый атлас с золотыми нитями. Теперь, когда он снял шлем, они доходили ему до плеч и падали на кольчугу, намного превосходившую кольчугу бедного усача. Ореол божественных волос обрамлял потрясающее божественное лицо, узнаваемое сразу, ибо кто еще мог так выглядеть? Один из адских ангелов Люцефайла, о которых каменщик упомянул в своем рассказе, — возможно, единственное подходящее для него описание.

Большие ясные, прекрасные глаза, напоминающие своим цветом даскириомскую сталь, остановились на Ройланте и теперь не отрывались от него.

Ройлант открыл рот и решительно заявил:

— На этот раз — вы Сайрион.

— На этот раз, — произнес мелодичный голос, как будто знакомый, — так оно и есть.

— И я надеюсь, вы довольны вашим трюком. Очень умно.

— Спасибо. Пожалуй, мне следует признаться вам, что их было несколько.

— Удивите меня, — предложил Ройлант, удостоившись мелодичного смеха.

— Я играл в эти игры совсем не для того, чтобы огорчить вас. Когда я узнал, что какой-то человек отчаянно спрашивает обо мне по всей Херузале, это вызвало мое любопытство.

— И вы подкинули мне подсказку?

— Возможно.

— И тогда я бросился в «Медовый сад» и стал предлагать золото. Признаюсь, я бы и сам не доверял всему

этому, будь я на вашем месте. Могу ли я сделать вывод, что каменщик — либо ваш сообщник, либо ваш шпион, и, рассказав свою притчу, он ушел, чтобы сообщить вам?

— Вы, конечно, можете сделать такой вывод. Но с другой стороны, это мог быть хозяин гостиницы. Или один из его рабов. Или дама, которая покинула гостиницу сразу после того, как вы вошли, — дама, которая иногда носит мужскую одежду. А может быть, это господин, который иногда одевается как леди, да еще с такой роскошью?

— Я больше не буду спорить на эту тему. Я вижу, что вы вернулись в костюме этого усача и с его усами. Полагаю, вы их у него отняли.

— Нисколько. Я их временно позаимствовал у нашего друга, предложив ему хорошую плату. Остальное снаряжение — мое.

— И я, ища вас повсюду, думал, что вижу того же, кого видел раньше.

— Распространенная ошибка. Но вы и до него меня не заметили.

— Ученый.

— Кто-то попроще, чем ученый.

— Караванщик.

— Боже мой! Это прямо какая-то игра в угадайку. Ладно, это я подал вам ужин. Моим главным секретом была туника поверх кольчуги и головной платок. Вы не обратили на это внимания, даже когда я поблагодарил вас за добрые слова о моих делах в Теборасе.

Ройлант вспомнил и поморщился.

— Полагаю, вы подкупили трактирных рабов.

— Нисколько. Рабы тоже не замечали меня. Они были заняты ссорой из-за того, кому из их многочисленных домашних собак достанутся кости.

— И что, каждая из историй является правдой? — довольно воинственно поинтересовался Ройлант. — Даже ремусанские призраки?

— О, я думаю, вы верите в значительную часть этих историй и в любые другие, которые вы, возможно, слышали. Иначе зачем так упорно меня искать? И, как вы, несомненно, будете рады услышать, в настоящее время я точно так же верю в вашу искренность.

— Я просто падаю от радости, — мрачно сказал Ройлант.

— Вы вполне можете упасть от утомления. Давайте отправимся в гостиницу, где я остановился. Вас освежит прохлада внутреннего дворика, где вам подадут вино со льдом.

— «Орел»? — предположил Ройлант, почти не опасаясь ошибиться.

ВТОРОЙ ПРОЛОГ: ОЛИВКОВОЕ ДЕРЕВО

ГОСТИНИЦА «ОЛИВКОВОЕ ДЕРЕВО» расположилась на склоне холма, в полукилометре от старых городских стен. Они добрались до места на повозке, направлявшейся к оливковым рощам, окружавшим постоялый двор со всех сторон.

Ройлант, понимая, что Сайрион легко мог бы пройти это расстояние, радовался, что ему самому не придется этого делать. Как и следовало ожидать, он ошеломленно и несколько мрачно изучал новообретенный объект своих поисков. Сайрион устремил острый, как меч, взгляд в синеву неумолимого неба. Полулежа на каких-то мешках и закинув руки за позолоченную голову, он выглядел по-кошачьи расслабленным. Ройлант уже знал, что, как и кошка, он может изменить позу в мгновение ока.

Он также заметил металлическую полосу, сжимавшую загорелое левое предплечье Сайриона, о которой не упоминалось в рассказах. На треть длины и половину ширины она состояла из странного старого зеленоватого золота, остальная часть была из серебра. Чем больше Ройлант смотрел на нее, тем больше она напоминала ему женский браслет, вставленный в большой браслет, сделанный для мужчины. Значит, более тонкий предмет — это украшение с узкого запястья Сабары?

Побеленная и обманчиво скромная гостиница могла похвастаться тихим внутренним двором, увитым виноградными лозами. Принесли вино, на дне кувшина

лежали кристаллы горного льда. Ройлант выпил, собираясь с мыслями. Он потратил столько времени на восхищения о своей настоятельной необходимости найти этого искателя приключений, что теперь ему стало трудно говорить связно. Напротив него сидела сказочно яркая легенда, какими редко бывают легенды во плоти. Тем не менее он был настоящий и — предположительно — являлся человеком.

Сам Сайрион ничем ему не помог в раскрытии этой загадки.

Наконец из тени выскользнула рыжая кошка и, мурлыча, начала теряться об обутые в сапоги ноги Сайриона. Сайрион занялся ей, по-видимому, поглощенный мыслями о судьбе Бердис.

— Я должен признаться, зачем пытался найти вас, — прервал молчание Ройлант.

— Я весь внимание, — откликнулся Сайрион, умиленно играя с кошачьими лапками.

— Позвольте мне сначала сказать, что я готов заплатить. Все, что вы пожелаете: монеты, драгоценные камни, другие вещи или услуги. Что угодно. Позвольте мне также сообщить, что моя семья связана с королевским домом. Секретность будет оценена по достоинству.

Сайрион смотрел на него, поглаживая кошку.

— Вы боитесь сами стать персонажем очередной «истории»?

— Возможно. В действительности я хочу сказать, что, хотя ваша помощь мне может снискать одобрение короля Мальбана, я не могу ожидать ее от его величества.

— Вам следовало обратиться к королеве-матери.

— Той, что правит молодым королем, поскольку это только кажется, что король правит городом и королевством Херузала? Если, конечно, печально известные фанатичные Рыцари-Ангелы не правят вместо всех. Да,

я знаю эти версии. Я не буду обращать внимания на ваши выводы. В любом случае это дело выходит за рамки управления государством. Видите ли, в двух словах, я имел несчастье вступить в дьявольский брак... — Ройлант замолчал. Сайрион ждал. — Я начну по порядку. С самого начала.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С ЭЛИЗЕТ. Прекрасной кузины Элизет. Началось и, вполне вероятно, закончится.

Жили некогда (как сказал бы священник) три брата из знатного рода Бьюселеров — отец Ройланта и два его дяди. И оба дяди недальновидно позволили вовлечь себя в некий придворный заговор здесь, в Херузале, в котором предыдущий король, отец Мальбана, их уличил. Дело уладили. Преступников пощадили, последовали повторные клятвы. (Во всяком случае, через несколько лет после того, как старый король погиб в битве, последней битве между Херузалой и Киросом, еще до того, как Мальбан взял власть в свои руки под покровительством королевы.) Однако оба брата, помилованные и вновь принесшие присягу, все равно впали в немилость — и милость никогда не возвращалась к ним, даже после смерти старого короля. Их богатство уменьшалось, а статус падал.

Только третий брат, отец Ройланта — который держался в стороне от заговора, — сохранил королевскую благосклонность и преуспел.

Когда родилась Элизет, Ройланту был год. Элизет была законной дочерью дяди Герриса, хозяина Флора. Следует подчеркнуть эту законность, поскольку двумя годами ранее у Герриса родилась еще одна дочь, дитя его любовной связи со служанкой. Этую женщину он

впоследствии поселил по соседству в Кассирее, в маленьком домике, который, когда долги навалились на него, превратился в лачугу. Дочь он назвал аристократическим именем Валия, признал и взял в особняк во Флоре. Там она выросла в непосредственной близости от Элизет, возможно, ревновавшей к этой вторгшейся кукушке, которую, как ей казалось, отец предпочитал ей. Обе девушки оказались настолько непохожими друг на друга, насколько это возможно. Восточную кровь Валии выдавал оливковый цвет ее лица, темные локоны и ранно оформившаяся женственная фигура. Элизет была белокурой, светлокожей, по-мальчишески стройной. Однако прекрасны, по общему мнению, были обе.

Затем сравнение перестало иметь значение.

Когда Валии было одиннадцать, а Элизет девять, Валия исчезла.

Считалось, что она упала со скалы за домом, хотя ходили и слухи, часто сопровождавшие исчезновение ребенка или молодой девушки: ее украли призраки, демоны или бродячие маги в качестве жертвы или рабыни. Тем не менее незадолго до исчезновения слуги видели, как она играла на скале, и сделали ей замечание. Ей всегда говорили, что здесь небезопасно, а море под утесом очень глубокое. Элизет тоже всегда предупреждали об этом месте, и в тот час она была далеко — розвилась под грабом со своей нянькой.

Валию оплакивали ее мать, которая вскоре умерла от горя, и Геррис, не доживший впоследствии до четырнадцатилетия Элизет. К тому времени у него оставалось только поместье Флор, его предпринимательская деятельность ни к чему не привела, его богатство практически исчезло, а королевское уважение стало миражом прошлого.

Поместье близ Кассиреи в полном упадке перешло к брату Герриса, второму дяде Ройланта, Мевари. Каким бы незначительным ни было это наследство, оно оказалось больше, чем сохранил сам Мевари. Он стал опекуном Элизет, а ее двоюродный брат, сын Мевари, носивший то же имя, стал ее братом. Они были ровесниками и жили в гармонии друг с другом. Они избегали интеллектуальных занятий и устраивали бешеные скачки по холмам, поскольку во Флоре все еще оставались лошади. Жаль, что эти двое, так мило дополняющие друг друга — его смуглость рядом с ее белокожестью, его сила рядом с ее хрупкостью, — не могли пожениться. В этом не было никакого смысла: отсутствие финансовых преимуществ одной из сторон не предоставляло этому браку никакой выгоды. Ее собственная бедность свела на нет все шансы выйти замуж за кого-то из сверстников. Если только... не пойти другим путем.

Геррис перед смертью все-таки обратился к отцу Ройланта. Единственный оставшийся в запасе Бьюсeler оказался великодушным к своим обездоленным родственникам и, несомненно, чувствовал некий отеческий долг по отношению к невинной девушки, если не к заблудшим братьям Геррису и Мевари.

В детстве Ройлант дважды ненадолго останавливался во Флоре. Валия к тому времени была уже мертва. Элизет, на год младше его, показалась ему скучной маленькой девочкой, с которой он почему-то всегда чувствовал себя неловко.

Тем не менее он наслаждался особняком и дикими угодьями. Они обладали определенной магией для пухлого маленького мальчика, потерпевшего неудачу во всех мужских искусствах и предпочитавшего сидеть и читать о других людях. Еще ребенком Ройлант понимал, что разочаровал всех, включая самого себя. Он

никогда не станет ни воином, ни государственным деятелем, он даже не обладал мало-мальским хитроумием для ведения торговли. И еще, в отличие от двух других кузенов, он был грузным и некрасивым и у него были смешные рыжие волосы — по крайней мере, над ними всегда смеялись.

Когда Геррис умер, старший Мевари, написав отцу Ройланта, снова поднял вопрос о браке. Отец Ройланта послал к ним своего надоевшего сына со словами:

— Иди посмотри на эту девку. Если она тебе понравится, можешь взять ее. Нам не нужно приданое.

Итак, Ройлант совершил свой третий визит во Флор и в этот раз почувствовал запах застоя в водоемах, увидел смерть, терзающую пальмы, и взбесившиеся сады. Он больше не хотел воображать себя ремусанским трибуном. Взобравшись на разрушенную стену, он признал, что и сторожевую башню над утесом ждет та же участь.

За ужином в тот вечер он познакомился с дядей Мевари и его сыном Мевари — и сразу возненавидел их обоих. Мевари I был нездороно озлоблен и лукав. Мевари II был красив, заносчив и невыносим. Он позабочился о том, чтобы пятнадцатилетний Ройлант почувствовал себя восьмилетним, да еще и некомпетентным. Потом пришла Элизет, подобная восходу солнца. Она прорвалась сквозь ядовитые пары и все преобразила. Один Мевари жаловался на отсутствие хороших вещей во Флоре, добавляя при этом: «Без сомнения, вы скучаете по домашней роскоши». Другой Мевари предложил настольную игру «рыцарь-и-замок» и победил Ройланта пять раз. Элизет была добра и обаятельна. В последующие два дня она даже уводила Ройланта от остальных, находя предлог за предлогом побывать с ним наедине, даже горничную отсылая с каким-то поручением. Это могло показаться неподобающим, и Ройлант, помня о

рамках приличий, иногда нервничал. И все же Элизет оставалась образцом благопристойности. Она намекнула, что доверяет его галантности. Она побуждала его чувствовать себя галантным: ощущение было настолько новым, что он не совсем понимал, что это такое. Она побуждала его чувствовать себя умным, а однажды, когда он убил преследовавшую их зловредную осу, — еще и храбрым. И он считал ее скучной? Да она была восхитительной! Она смеялась над его случайными смутными вспышками юмора, будто звенели колоколчики. Она призналась, что несчастна и все еще тоскует по отцу. Она была храброй. Она походила на статуэтку из драгоценного камня. Она была совершенством. И когда он ушел, так ничего и не сказав ей о предполагаемом браке, она все еще плакала.

Ройлант вернулся домой и объявил: о да, он в восторге от нее. И провел следующие три месяца, сочиняя ужасные стихи о ее солнечных волосах и сумеречных глазах.

Их помолвка была заключена письменно. Кажется, она была так деликатно воспитана, что следовало бы подождать год или около того. Ройлант, потрясенный и одновременно испытавший некоторое облегчение — женитьба на своей любви представлялась ему пугающей перспективой, — согласился с этим. Прошел год, другой. До него дошло несколько засушенных цветов с записками из двух-трех слов, подписанными «Элизет». А однажды — дешевые перчатки, которые ему не подошли. Он знал, в каком положении она находится, и дорожил ими. Ройлант отправился на Запад для завершения своего поверхностного образования, углубился в культуру этого холодного края и долгое время отсутствовал. Вернувшись в отцовское поместье в Херузале, он почувствовал себя аристократом и с нетерпением

принялся обдумывать свой брак. Те немногие женщины, рядом с которыми он чувствовал себя таковым, только усиливали память о прелестях Элизет.

Были кое-какие новости. Старший Мевари умер. Младший Мевари методично растрачивал то немногое, что осталось от Флора.

Ройлант уже собирался отправиться спасать Элизет, когда его планы были нарушены. Его отец, в то время служивший при дворе молодого короля, выехал вместе с ним на охоту. Он упал с лошади и оказался на пороге смерти. Это происшествие сильно озадачивало, поскольку он являлся отличным наездником.

Торопясь в город к умирающему отцу, Ройлант окутал себя ореолом почтительной скорби. Между отцом и сыном не было ни любви, ни взаимопонимания. Однако, согласно нормам поведения, им обоим следовало принять подобающий случаю вид, и они должным образом притворялись.

Они немного поговорили в темных покоях дворца. Затем Ройлант получил поразительное откровение.

— Послушай, мальчик, — пробормотал отец Ройланта, корчась от боли на мягкой постели и сдерживая проклятия, — ты мой наследник, и я хочу дать тебе искренний совет.

— Да, отец?

— Ты помнишь помолвку с твоей кузиной Элизет?

— Да, конечно, милорд. Я как раз собирался...

— Не делай этого.

Ройлант изумленно уставился на него.

— Не делать? — пробормотал он.

— Неужто я вырастил попугая? Говорю тебе — не делай этого. Помолвка не была должным образом оформлена. Дав несколько взяток, ты освободишься от нее.

— Но она — Бьюселер, и к тому же бедная. И ты обещал ее отцу и дяде...

— В прошлом месяце я послал этой девушки письмо, сказав, что расстрою этот брак.

— Почему?

— Почему? — Отец Ройланта нахмурился. — Ты достоин гораздо большего. Я наблюдал за тобой и кое-что узнал про тебя. Ты юноша с сильным характером. В глубине души мы всегда понимали друг друга. Доверься мне. Найди себе милую невзрачную девушку с приличным приданым, которая оценит тебя по достоинству.

Ройлант начал было протестовать, но отец снова перебил его.

— Будь проклята эта боль, — выдохнул он и умер.

Ройлант пролил две-три слезинки, в основном потому, что так было принято, отчасти потому, что потеря кого-то, кого ты никогда не знал, зачастую более горька, чем потеря друга.

Долг — совсем другое дело. Поэтому из чувства долга перед отцом Ройлант в то лето больше не приближался к своей кузине Элизет. Когда из Флора прибыл дешевый талисман из гагата низкого качества, чтобы «смягчить его потерю», он ответил вежливо, но уклончиво.

Только зимой, когда ему исполнилось девятнадцать, до него дошло множество слухов как о молодой леди, которая должна была стать его невестой, так и о жизни, которую она теперь вела во Флоре.

Эти слухи содержались в письме, доставленном посыльным от высокопоставленного и уважаемого при дворе человека. Само письмо было без подписи. Оказалось, Элизет нельзя было назвать ни милой, ни целомудренной, поскольку она была любовницей своего темноволосого кузена, да и других тоже. Но это не шло ни в какое сравнение с другими ее занятиями. Информатор

Ройланта ничего не понимал в этом и оправдывался, время от времени отмахиваясь от всего этого как от «суеверий невежд», даже не называя их. Читая между строк, Ройлант понял, что Флор населен призраками, а сама Элизет принадлежит к тайному ведьмовскому сестринству, в котором состояла и ее старая няня. Поговаривали — эта фраза повторялась с раздражающей частотой, — что смерть Валии была вызвана колдовством, когда Элизет было всего девять. И что смерть матери Валии и даже отца и дяди Элизет спланировали в подходящий момент. Даже смерть отца Ройланта оказалась под вопросом. Его, несравненного наездника, сбросила лошадь — сразу же после того, как он лишил девушку богатства своей ветви рода Бьюселеров, расстроив ее брак с Ройлантом. Письмо закономерно заканчивалось замечанием, что любой богатый человек, женившийся на Элизет, вероятнее всего, умрет довольно быстро, не оставив потомства, а его состояние перейдет к жене.

В то время Ройлант не верил в колдовство. И все же в нем росло мучительное, необъяснимое сомнение, зародившееся после смерти отца. Он не слишком задумывался над этим вопросом, но решил для себя три вещи. Во-первых, он пока не скажет Элизет, что хочет расторгнуть помолвку, во-вторых — он ее все-таки расторгнет, и в-третьих — он назначит ей содержание, чтобы смягчить свою вину.

В данном случае он то ли сделал слишком много, то ли слишком много не сделал. Элизет, со своей стороны, поблагодарила его за назначенное содержание с искренней любезностью. Лишь одна короткая фраза потрясла его: она с нетерпением ждала их будущей встречи.

Прошло еще несколько лет. Ройлант решил, что ему нравятся не слишком красивые и, соответственно, не

слишком требовательные женщины, и он находит истинное счастье в женском обществе. В конце концов он понял, что его идеальная пара — это одна дама благородного происхождения с заурядной внешностью и скучным приданым, но с отменным здравым смыслом, спокойной жизнерадостностью и милой склонностью к шуткам, поднимавшим настроение Ройланта, ибо они никогда не были направлены на него самого. Не потрудившись написать этой даме хоть одно стихотворение, Ройлант однажды обнаружил, что говорит ей, словно они беседовали о каком-то гипотетическом путешественнике, запутавшем в пустыне: «Я заблудился в прелестном запущенном саду ее отца, мне нужно как-то выбраться оттуда. Я так скучаю по вам...» И, увидев, как леди неожиданно, но мило покраснела, он понял, что пришло время для определенных приготовлений. Поэтому он завел знакомство с одним-двумя адвокатами и собрался расторгнуть непрочную помолвку, заключенную девять с половиной лет назад.

ПОСЛЕДОВАЛА ДОЛГАЯ ПАУЗА.

Рыжеватая кошка сидела на плече Сайриона и пристально разглядывала Ройланта. Сайрион не смотрел на него, но и не отворачивался.

— Потом, — наконец продолжил Ройлант, — произошло много событий, о которых я не решился бы рассказать, если бы вы, как я понял, не были знакомы со сверхъестественным.

Во-первых, письмо, составленное адвокатами и отправленное в поместье во Флоре, вернулось ночью в дом Ройланта, в поместье Бьюселер близ Херузалы, с нарочным, которого никто не мог описать. Вскрыв конверт,

Ройлант обнаружил в нем юридический документ в несколько измененном виде. Он был разорван на множество мелких кусочков, и когда они посыпались на пол, то внезапно загорелись. В мгновение ока от них остался только пепел.

— Я подумал — может, мне это почудилось? — предположил Ройлант.

— Возможно, отчасти.

Ройлант пробормотал:

— Но это и в самом деле случилось. В самом деле.

За этим происшествием последовало другое. Дешевый талисман с гагатом каким-то образом вынырнул из одного из сундуков Ройланта и влетел ему прямо в лоб через незакрытое ставнями окно. Когда он поднял эту вещь с пола, она обожгла ему руку. Сильно встревоженный, он поспешил прочь из комнаты, но через час вернулся с предположением, что кто-то украл талисман и бросил в него, предварительно разогрев на огне. Он нашел осколки талисмана, собрал их и попытался выбросить этот случай из головы. Что было довольно легко, поскольку в ту же ночь случилось нечто гораздо худшее. Проснувшись около полуночи, он подумал сначала, что его разбудил шумевший снаружи сильный ливень. Но тут он ощутил нечто мерзкое: по его лицу словно ползали полчища насекомых, задевая его своими крыльями. Вскочив и схватившись за кожу, он стряхнул их — только для того, чтобы при свете поспешно зажженной свечи понять: это не что иное, как с годами побуревшие и напоминающие моль лепестки засушенных цветов, которые Элизет послала ему после их первой встречи. Пока Ройлант, задыхаясь, разглядывал их, они поднялись в воздух и рассыпались в пыль. Когда пыль стала оседать, сквозь нее пропустила фигура.

Ее было сложно рассмотреть. Мерцание свечи, буйство бури за окном, его собственное потрясение еще больше затрудняли наблюдение за бесформенной гостью. И все же она была здесь, призрачно запечатленная в воздухе, как туман на зеркале. Худощавая и бледная, лицо в ореоле волос цвета нарцисса словно размыто. Затем она заговорила с ним. Не вслух, а медленно проступающими в темноте за пламенем свечи словами.

«Связь создана и не может быть разорвана. Ты мой и должен прийти ко мне до конца месяца».

— Наутро я решил, что это был кошмар, — признался Ройлант.

— Еще бы! — добродушно ответил Сайрион.

И впервые в жизни Ройлант почувствовал, какой он дурак, что не верит в сверхъестественное.

— Это происходило каждую ночь, в течение семи ночей. Тогда я действительно поверил. Признаюсь, я был в ужасе. Странная погода и нескончаемый дождь угнетали меня, как никогда раньше. Я позвал человека из соседней деревни, известного своим знанием магии. Он осмотрел мою спальню и сказал, что повсюду чувствует запах колдовства. Я чувствовал только запах дождя. Но я спросил, что мне делать, и он предложил изучить этот вопрос. Он ушел, и больше я его не видел, даже когда ездил в деревню. Мне показалось, что он был напуган так же сильно, как и я. Что же было дальше? Через семь дней видения прекратились, и ничто другое не пришло им на смену. Хотя к тому времени я уже постоянно был начеку, чего-то ждал. Однако если я отправлюсь во Флор, то то же самое колдовство, которое привело меня, вероятно, будет использовано, чтобы убить меня. Я посчитал, что безопаснее остаться на месте и ждать новостей из города.

Леди из Херузалы, так понравившаяся Ройланту, спокойно сидела на террасе дома своего отца, когда часть крыши над ней отвалилась и с грохотом упала. Она осталась невредима, но лишь ширина пальца отделяла ее от смерти. Это было очень странно: каменная кладка всегда считалась прочной. Ее отец прислал эту информацию якобы для того, чтобы Ройлант не волновался, услышав об этом событии из другого источника, а на самом деле — чтобы подстегнуть рвение жениха. И был сильно оскорблен ответом Ройланта. Ройлант выразил великую радость по поводу спасения молодой женщины и подосадовал, что не появится у них еще какое-то время; в следующий раз он надеялся приехать со своей новой женой.

— У меня никогда не было особого выбора. Элизет убила бы меня при помощи колдовства, женился бы я на ней или не женился. Но когда моя дорогая... когда дама, о которой я упоминал, тоже подверглась угрозе, я не осмелился медлить дальше. В тот же вечер я отправил письмо Элизет и заплатил гонцу, чтобы он добрался до Флора как можно скорее.

— И в послании говорилось?..

— Что я буду рядом с ней в последний день месяца.

— У вас в запасе почти не осталось времени на дорогу туда.

— Все это время я искал вас.

— И вот я здесь, — подтвердил Сайрион.

Ройлант нахмурился.

— Я не мученик. Я не хочу умирать. Или быть одурченным. Но я не стал бы рисковать жизнью дамы. И с тех пор, как я пообещал кузине приехать, все было спокойно.

— Правильно ли я понимаю, — уточнил Сайрион, потерев щеку о рыжую кошку, — что в письме о разрыве

помолвки, отправленном твоей кузине, ты также упомянул о своей dame?

— Да. Идиотский поступок. Я думал, что она лучше перенесет отказ из-за этой причины. Разумеется, я добавил, что, не видясь с Элизет более девяти лет, я уже почти позабыл о ее красоте.

— Очень тактично, — подметил Сайрион. Ройлант пристально посмотрел на него, догадываясь, что это могло означать обратное, как он сам в последнее время подозревал. — По крайней мере, — добавил Сайрион, — Элизет узнала о вашем новом интересе не благодаря магии. Если бы она это сделала, то знала бы то же самое, что и вы.

— Да защитит нас Господь.

— Именно так. Я думаю, однако, что эти силы другого рода. Мысли защищены энергией воли. Заклинание действует только через то, что и так на виду.

Пухлый господин с облегчением взмахнул руками и задел свой кубок. Он с отвращением посмотрел на пролитое вино. Однако рыжая кошка довольно запрыгнула на стол и принялась его лакать.

— Вы видите, какой я. Ни ловких движений, ни острого и стремительного ума, — откровенно признал Ройлант. — Но пока мое богатство не отняли, я богат. Вы поможете мне?

— И как, по-вашему, я это сделаю? — спросил Сайрион.

Вспомнив подобные вопросы из слышанных им историй, Ройлант не удержался.

— Вы — легенда. Поэтому решать вам, — твердо ответил он.

Кошка допила вино. Нетвердой походкой она добралась через стол к Сайриону и упала в его объятия.

— Три кутежа — большое везение, — сказал Сайрион. — Но я все же предсказываю, что завтра вам придется отправиться во Флор. И поспешить.

НОВЕЛЛА: САЙРНОН В КАМНЕ

ГЛАВА 1

ТАМ, ГДЕ ДОРОГА СВОРАЧИВАЛА К КАССИРЕЕ, от нее незаметно ответвлялась второстепенная тропа, которая, извиваясь, поднималась в гору, огибала скалы, леса и случайно пересекала две беспорядочно разбросанные деревни. Во второй деревне тропа обрывалась, устав от приключений.

Милей дальше в расселине между двумя холмами виднелись фруктовые сады Флора, а за ними поднимался поросший травой холм, который венчали дом и башня на обрыве над морем.

В давно минувшие эпохи эти две деревни были одним поселением. Когда над сельской местностью господствовал ремусанский форт, деревня стояла у его подножия. Но теперь маленькие поселения благоразумно соскользнули вниз по склону, забрав своих коз и рыжих быков, и словно отправившись на рынок в город, где когда-то над ярко-голубыми водами залива был построен дворец императора Кассиана.

Для путника, не являвшегося императором, путешествие в Кассирею оказалось утомительным. Свернуть на тропу, пройти мимо деревень, где на тебя будут глязеть, добраться до расселины между холмами и спуститься вниз, потом подняться наверх, во Флор, — все

это еще более утомительно и тревожно, если этот путник — Ройлант из Бьюселеров, едущий сюда за своей невестой. Теоретически с невестой он получал и сам Флор, ее единственное приданое. Если бы мысль о ремонте этих руин вообще появилась в голове прибывшего, она бы тут же улетучилась при виде скопления мертвых фибовых деревьев в запущенных садах. Везде царили упадок и непоправимые разрушения. Далее шел унылый кипарис, давно убитый молнией. А потом налетела волна здоровых деревьев, которые росли слишком быстро, не считаясь друг с другом. Ветви наклонялись к земле, кидались друг на друга, ища опоры, мясистые плоды манили рои насекомых, так что все вокруг бешено пульсировало и гудело в густом зеленом свете. Ройлант на спине мула с трудом пробился сквозь джунгли. Чтобы наконец, миновав последние деревья, подняться по склону к ремусанской стене, почти такой же незыблевой, как и девять лет назад. Однако сам особняк, к которому он приближался по бурой траве, вызывал в нем тревожные мысли.

Лишенные многих металлических шипов ворота были открыты и выглядели так, словно никогда больше не закроются. Внутри находился двор с бассейном, колоннами и пальмами — увядшая роза, чьи лепестки быстро опадали. Обвалившаяся разбитая черепица валялась в пустом бассейне — некогда это было мутное водное зеркало. Синие от лишайника каменные львы уныло стояли по углам. Львы, стены, колонны, деревья были повсюду.

Под мертвой пальмой спал оборванный мальчик-слуга, из сада доносилось слабое жужжение диких ос и мух. Других живых существ видно не было.

Прибывший всадник остановился у ворот, озираясь по сторонам; заходящее солнце пылало на его огненных волосах. На мгновение он почти забыл о своей неловкости

в седле из-за замешательства и возмущения. Знать — это одно, а видеть — совсем другое.

Позади него на мулах топтались двое слуг-херузальцев с поклажей. Наконец один из мужчин спросил:

— Это Флор, милорд?

— Мне очень жаль, но это он.

Тот едва слышно фыркнул.

— Разбудить мальчишку?

— Видимо, придется.

Первый мужчина, более грузный, чем Ройлант, но со скрытыми мускулами, соскочил с мула и подошел к спящему мальчику. Мужчина взял его за плечо и потряс. Мальчик очнулся и тут же принялся колотить нападавшего, вцепившись зубами в рукав и отказываясь отпускать. Второй херузалец спешился и бросился на помощь. Последовало что-то вроде стычки. Еще два непрятных подростка выскочили из-за деревьев и с гиканьем влетели в середину схватки. Пухлый молодой человек ошеломленно взирал на драку, сидя на мule. И все это продолжалось бы до бесконечности. Однако одна из створок центральной двери за колоннами очень медленно приоткрылась, и вскоре из тени на свет шагнула фигура. Сверкнули резко сведенные белые ладони.

— Хармул, Дассен, Зимир, прекратите немедленно!

Двое мальчишек отскочили в сторону и упали лицом в расколотые плиты за бассейном. Третий мальчик, казалось, колебался, прежде чем броситься прочь и скрыться в узкой арке в конце двора. Херузальские слуги, нахмурившись, застыли в нелепых позах.

Очевидно, белорукая девушка являлась хозяйкой дома. И она, несомненно, обладала властью, потому что один неуправляемый юноша убегал, а двое других лежали перед ней неподвижно, словно испытывая страх. Когда она заговорила снова, ее молодой голос походил на острый нож.

— Стыдитесь. Вас следовало бы высечь. Если бы мой отец был жив, вас бы выпороли. Встаньте. Подойдите к господину и его слугам. Просите у них прощения.

Юноша, затеявший драку, поднял голову и подергал ее за платье. Платье было из блестящего шелка цвета топаза, точно такого же, как ее волосы.

— Он ударил меня, — пожаловался мальчик.

Девушка с топазовыми волосами ничего не сказала, она просто смотрела на него. Мальчик медленно поднялся, сопровождаемый своим спутником. Они обошли вокруг пустого бассейна и упали на колени перед рыжеволосым мужчиной на муле.

— Простите, господин!

— Простите нас!

Рыжий был явно взволнован.

— Прощаю, — пробормотал он. — А теперь вставайте и уходите.

— Увы, они не уйдут, — крикнула ему девушка. — Зимир убежал, а эти пусть присмотрят за твоими мулами. Они у нас единственные слуги.

Пухлый молодой человек, нескладный и неуклюжий, соскочил со своего коня и сдал его мальчишкам с явным недоверием.

— Но багаж пусть останется здесь — мои собственные слуги позаботятся о нем.

Когда мускулистый слуга-херузалец проследовал за мальчиками и тремя мулами под узкую арку, а другой херузалец принялся разгружать багаж с четвертого животного, их хозяин повернулся и остановил свой взгляд на леди, тонком нарциссе на фоне залитой солнцем картины разложения. Он, казалось, не мог и слова произнести, и она сама пошла к нему. Ее движения были легкими и плавными, как у танцовщицы.

— Ройлант, — тихо спросила она, — это действительно ты?

— О да, — глупо заверил он.

Она улыбнулась, глядя на его круглое лицо.

— Как ты вырос. В последний раз я видела тебя мальчиком, а теперь ты мужчина. А я — неужели я так сильно изменилась?

Он снова покраснел и разволновался, и его бегающие глаза впервые заметили протертые места на ее платье, не видные издали. Значит, она тратила пособие из Херузалы на другие нужды.

— Ты прелестна, как всегда, — произнес он с усилием.

Ее глаза расширились, возможно, из-за его неумелой лести, но она все еще улыбалась.

— Это от радости, что я тебя вижу, — сказала она, — Я думала, ты забыл меня. Я так рада, что ты этого не сделал.

Его собственные глаза были усталыми, опухшими и растерянными.

Не слишком благоразумно было говорить ей: ты сама послала за мной, принудила с помощью черной магии, и я не мог отказаться. Он сказал только:

— Это было адски тяжелое путешествие.

— Извини. Я пошлю кого-нибудь приготовить баню — в ремусанском стиле, помнишь? Ты ведь помнишь ту историю? О том, что ремусанский легион зарыл там золото... Мы с тобой искали его. И не нашли, не так ли? — Она протянула белую руку, словно хотела дотронуться до него, но потом робко отдернула пальцы. На ней не было никаких драгоценностей, кроме ее собственных глаз, волос, жемчужных зубов и белой нефритовой кожи. — Твоя хозяйка, боюсь, много болтает. Но она так рада... О, Ройлант, как чудесно, что ты вернулся. Пожалуйста, войди в дом. И... — Она опустила длинные золотые стрелки

ресниц: — Не обращай внимания на то, с чем ничего нельзя поделать. Сейчас все не так, как было во времена лорда Герриса. Или даже как при моем дяде.

— Если ты выйдешь за меня замуж, это тебя больше не будет беспокоить.

— Нет, — сказала она очень тихо. Она являла собой образец очаровательного унижения, безмолвно умоляя избавить ее от необходимости принимать его жалость и помочь слишком открыто. Даже Ройланту, возможно, в такой момент захотелось бы дать ей пощечину. Но даже если ты достаточно проницателен, не стоит рисковать своей шеей, играя с колдуньей. Руки Ройланта остались крепко сцепленными за пухлой спиной. Он прошел за ней в дом, слуга с багажом последовал за ним.

Вход — нечто вроде коридора, когда-то раскрашенного и богато декорированного, а теперь заросшего сорняками и заваленного пылью и всяkim мусором, — вел прямо во второй, внутренний двор, вокруг которого громоздился корпус особняка.

Когда Ройлант приезжал сюда в пятнадцать лет, фонтаны все еще были, хотя и с перебоями. Теперь в чашах подсыхали болотца с россыпью мха. Под ногами похрустывали мертвые листья, а рядом с каменной лестницей, которая вела на верхний этаж, а оттуда на крышу, росло безумно перекрученное апельсиновое дерево. Столбы из резной слоновой кости поддерживали террасу, тянувшуюся вдоль второго этажа. Некоторые из них потрескались подобно больным зубам либо вовсе отсутствовали.

— Не смотри на него, — сказала она. — Я стараюсь этого не делать. Я пытаюсь помнить его таким, каким он был.

Толстый пожилой человек, по-видимому, раб, вразвалку вышел из проема, ведущего на кухню и в

помещения для слуг. Любопытно, за счет чего он сохранял свою полноту?

— Иobelъ, — позвала Элизет, — приготовь баню для лорда Ройланта. Потом принеси вина, если он захочет.

Толстый раб издал беспокойное ворчание и неохотно пошел в указанном направлении, многократно оглядываясь через плечо, словно надеясь, что ему прикажут вернуться.

— Полагаю, это займет какое-то время? — спросил предполагаемый купальщик.

— Боюсь, что так и будет. Те, кого ты видел, — единственные наши слуги. У меня еще есть одна служанка — роскошь, которую Мевари добыл для меня; я редко пользуюсь ее услугами. Насколько я понимаю, ее жизнь была тяжелой.

— Мевари добыл ее... добыл каким образом? — Фраза закончилась прежде, чем Ройлант смог оборвать ее. Он выглядел подавленным или, возможно, нервничал.

Элизет уже приоткрыла рот, чтобы ответить, когда твердый мужской голос обрушился на них, как еще одна падающая черепица.

— Ты все еще точен, кузен Пудинг. Да уж точно не за наличные. Я выиграл ее в кости у погонщика мулов, который держал ее для своих извращенных нужд и хлестал как мулов, когда объезжал.

Рыжеволосая голова резко поднялась, а опухшие глаза остановились на молодом человеке, который смотрел на него сверху вниз — во всех смыслах этого выражения, — довольно неразумно облокотившись на оставшиеся перила террасы. Мевари из Флора был гибок, имел атлетическое телосложение, обладал здоровым загаром и волосами орехового цвета, а также двумя желтыми волчьими глазами. Его одежда блистала новизной. Теперь стало понятно, куда делась часть пособия. Элизет засмеялась.

— Мевари, спускайся и будь повежливее. На твое зрение влияет расстояние. Наш кузен уже не маленький мальчик, а высокий и сильный мужчина.

— Мне он кажется таким же, как всегда, — ответил Мевари.

Он ни с того ни с сего подошел к тому месту, где отсутствовали перила, внезапно спрыгнул, словно огромный бурый кот, и, спружинив, безупречно приземлился перед ними. Элизет всплеснула руками и тут же весело рассмеялась.

— О, разве он не умен? — спросила она третьего человека, который явно никогда в жизни не занимался подобной акробатикой, в противном случае сломал бы себе шею.

— Весьма.

— А ты, — усмехнулся Мевари, — ты умный, кузен Пудинг?

— Полагаю, — медленно проговорил тот, — что я не совсем дурак.

— Просто вылитый пудинг. Если он когда-нибудь попадет в лапы диких зверей, им достанется столько отменного сочного мяса!

— Мевари! — резко оборвала она. Но он встретил ее взгляд и улыбнулся. Они были любовниками, и он, в отличие от тех трех мальчишек, мог не бояться ее колдовского гнева, пока доставлял ей удовольствие. А он явно доставлял ей удовольствие. Линии их тел, видимо бессознательно, потянулись навстречу друг другу, как растения под водой.

Затем взгляд желтых глаз переместился дальше.

— Я так понимаю, что этот олух — ваш слуга.

Рыжая голова снова резко повернулась. Слуга Ройланта действительно стоял у одного из мертвых фонтанов, а у его ног лежал багаж.

— Со мной пришли двое.

— Тогда пусть уходят. Им нельзя жить здесь, пусть живут в деревне, ты можешь заплатить, чтобы их там кормили. Неужели ты думаешь, что мы можем позволить себе прilаскать и тебя, и твоих жалких прихлебателей?

— Ладно. — Ройлант задержал дыхание, пока его пухлое лицо не покраснело до самых волос, и уставился на Мевари: — А мне предоставляют жилье или я буду спать в бассейне?

— Бассейн уже обжит большим количеством ящериц. Ты получишь комнату, принадлежавшую моему отцу. Надеюсь, тебе понравится, — ласково сказал Мевари.

БАНЯ В РЕМУСАНСКОМ СТИЛЕ, хотя и задержалась надолго, оказалась весьма освежающей. В бане произошел только один по-настоящему неловкий инцидент. Внезапно вошел Мевари, встревоженный счастьем и комфортом своего кузена. Но, похоже, рыжий идиот обладал острым слухом; к этому моменту он уже закутался в объемистый халат. Очевидная попытка Мевари застать его врасплох в обнаженном виде провалилась. Казалось бы, одно дело — быть убитым, и совсем другое — униженным.

— Иobelъ должен был прийти соскрести тебя. Помоему, пара было маловато, — поддел Мевари. — Какой гнусный дом! На закате мы будем обедать на террасе на крыше. Я заметил, что ты не выпил ни капли вина. Ты боишься, что мы тебя отравим?

Купальщик в халате сердито посмотрел на него.

— Да.

— Ну что ж, тогда у тебя будет дегустатор. Это сделает Дассен. Если ты будешь неосторожен, он съест всю

твою еду. Однако, дорогой мой Пудинг, яд мог быть в воде бассейна. Или на этом халате. Или разбрзган по дельфинам на полу, только и ждущим, чтобы по ним потопали твои маленькие бесформенные розовые ножки.

Ступни, о которых шла речь, на самом деле не маленькие, не бесформенные и не розовые, стояли на поверхности поврежденной зеленой мозаики.

— Почему моя невеста, — удивился хозяин ног, — не использовала свое содержание на ремонт дома или на приличную одежду?

— Неужели ты думаешь, что того жалкого ежегодного кошелька, который ты ей присыпал, хватило бы на это?

— Однако для себя ты оттуда кое-что наковырял.

— Это так. Но она любит меня. — Мевари как странный кото-волк рыскал около бассейна вокруг напряженного свертка одежды, являвшегося его кузеном. — Печально, что ты все еще хочешь жениться на Элизет. Я бы сам мог... — Мевари сделал многозначительную паузу, — побывать с ней. Ты, конечно, знаешь, что тебе придется жить здесь с ней, когда вы поженитесь? С Элизет и со мной, дорогой кузен Ройлант.

Дорогой кузен Ройлант ответил, что ничего такого не знает.

— Ты убьешь ее, если заберешь. Разобьешь ей сердце. Здесь похоронен Геррис, не говоря уже о моем собственном оплакиваемом родителе. Родня живая, родня в земле — как она сможет расстаться со всеми нами?

Мевари вышел из бани, не дождавшись ответа или протеста.

Однако на середине каменного коридора он на мгновение остановился, словно в раздумье. Полузасыпанный коридор, который когда-то был узким двориком, вел прямо во внутренний двор к безводным фонтанам. У одной из стен посередине коридора-двора располагался древний

колодец, старше самого дома, — великолепие гигантских витых каменных колонн и мозаичной задней стены, смутно видимой, когда дневной свет пробивался сквозь отверстия в крыше наверху. Мевари, казалось, размышлял о цветах и рыбах мозаики. Сама шахта колодца была давно сухой, мертвой, как и многое другое во Флоре.

Неясно, что именно заставило Мевари ухмыльнуться.

К КОНЦУ ДНЯ СТРУЯЩИЙСЯ огонь потек вглубь острова от моря, где солнце плавало над горизонтом. Багровые облака, подобно флоту, громоздились у кромки воды. Сам океан, от изогнутого горизонта до извилистой береговой линии, приобрел вишневый оттенок, и поверхности всего, что смотрело в ту сторону, были окрашены точно так же: стены дома, неприступная башня, каскад утеса. Даже фигура Элизет, уже далеко не мальчишеская, но определенно привлекающая внимание, стала карминной. Она сменила платье.

Мевари наблюдал за ней, входя и выходя в двери павильона на крыше. Восьмиугольный павильон имел восемь дверных проемов и восемь дверей. Теперь их осталось только пять, из тонких, покрытых пятнами пластин слоновой кости, и они стояли открытыми, чтобы павильон мог насладиться закатом и ожидаемой ночной прохладой.

— Что ты о нем думаешь по прошествии десяти лет? — наконец спросил Мевари.

— Он стал лучше. Он оказался выше, чем я думала.

— Выше?

— Я не думала, что он вырастет таким высоким, как сейчас. У него красивые руки. И подбородок стал тверже.

— В отличие от его брюха.

— Что ж, не все мужчины так красивы, как ты. — Она развернулась, платье и распущенные волосы повторили ее змеиное движение.

Мевари улыбнулся. Он вышел из павильона и пересек верхнюю террасу. Приблизившись настолько, что его тело коснулось ее, он положил одну руку на ее талию, другую на грудь.

— Он может увидеть, когда придет сюда, — заметила она.

— Он сразу же умрет от шока.

Элизет засмеялась глубоким страстным смехом и, подняв руки, обвила ими его шею.

— Сначала он должен жениться на мне, не так ли? Но, — пробормотала она, — о, как же я взгляну с другим после тебя? Как?

— Помни о том, что необходимо получить. Ты сделаешь это.

— Я справлюсь — ради тебя. Ты мой единственный бог, Мевари.

Он очень медленно наклонил голову и еще медленнее наслаждался поцелуем, полученным от нее. Когда он оторвался от ее губ, солнце внезапно исчезло и прозрачный голубой ветер, поднявшийся с моря, взмыл вверх, задев крышу, и направился к лесистым холмам в глубь материка.

Из сумрака послышались спотыкающиеся шаги. Мевари и Элизет отодвинулись друг от друга.

Внизу стукнула, качнувшись, расшатанная каменная ступенька, и через некоторое время на верхней площадке лестницы, покачиваясь и пыхтя, появился их гость.

— Эти ступеньки опасны.

— Увы, да... Элизет.

— О, увы, да, действительно... Мевари.

— Но у них есть одно преимущество: по шуму можно определить, что кто-то идет.

Судя по стуку, приближался кто-то еще.

Не успел Ройлант взобраться на крышу, как в поле зрения появился Хармул. Он принялся бегать по павильону, расставляя низкие столики и раскидывая подушки, находя и разжигая лампы, выпускающие большое количество дыма.

Когда обед начал подниматься на крышу в руках двух слуг и брюзгливого Иобеля, в неясном свете показалось платье Элизет. Кремовый шелк был вручную расшит замысловатым рисунком, покрытым россыпью перламутра и гелиотропа. Пурпурно-жемчужный пояс трижды обвивал талию и один раз бедра, прежде чем спуститься к ногам.

Элизет тихо сказала:

— Это платье от твоих щедрот, Ройлант. Я ношу его в знак почтения и благодарности.

Зимир сорвал колпак с огромного блюда с легкими закусками, и из темноты вылетела большая моль, врезавшись в лампу.

Обед представлял интерес не сам по себе, а в сопутствующих деталях. Дассен, приглашенный Мевари в качестве неофициального дегустатора Ройланта, с жадностью набросился на еду. Элизет, казалось, встревожила и шутка, и скрытый за ней смысл. Но чем чаще рыжий гость отрицал, что ему нужен дегустатор, тем чаще Мевари махал Дассену. Дассен радостно подчинялся. Пока, очевидно смирившись, его невольный хозяин не перестал протестовать и сам не протянул Дассену кубок с вином.

— Так что, как видишь, — сказал Мевари, — нам придется обойтись без яда как средства избавиться от него. Или в придачу потерять одного из наших драгоценных слуг.

Элизет колебалась между улыбкой и отчаянием.

— Ты действительно так думаешь о нас? — спросила она. — Что мы, твои кровные родственники, Ройлант, пытаемся причинить тебе вред?

— О такой возможности меня предупреждали.

— И кто тебя предупредил? — воскликнула она. Она казалась уязвленной и на этот раз была очень внимательна.

— Однако, — сказал непривлекательный гость, ополаскивая свои удивительно прекрасные руки в потускневшей миске для омовения, — я отмахнулся от таких низких сплетен. Иначе зачем мне сюда приходить? Я хочу сделать тебя своей женой. Тебе будет интересно узнать, что я часто видел тебя во сне. Странные сны, напоминавшие мне о моем долгे и... э... э... естественно, о моем желании проявить уважение к помольке, устроенной для нас нашими отцами.

— Сны, — повторила Элизет. Она повернулась от Мевари к нему. Ее лицо, казалось, было из того же кремового шелка, что и платье, а взгляд холден и тверд, как гелиотропы. — Не верю, что ты, Ройлант, поддаешься влиянию снов.

— Этот, однако, был совершенно отчетлив. Один и тот же сон несколько ночей подряд. Что-то связанное с засушенными цветами, которые ты прислала мне давным-давно, и маленьkim талисманом в честь безвременной кончины моего отца. Ты стояла передо мной, неподвижная и бледная. Связь не может быть разорвана, сказала ты. Приходи ко мне до конца месяца.

Элизет выдавила из себя смешок. Сторонний наблюдатель заметил бы, что она выдавила его из себя с трудом, хотя он прозвучал звонко и естественно, как журчащий поток.

— Я оказалась настолько напориста?

Пухлый рассказчик, кажется, осознал неуместность своих слов и фыркнул в салфетку.

— Возможно, какое-то скрытое желание послало тебя, Элизет, навестить его во сне, целомудренно напомнив ему о его клятве.

— Я не верю в такие вещи, — отмахнулась она, волнуясь и пытаясь взять себя в руки.

В конце концов, противостоять ведьме и ее колдовству было интересно.

— И все же ты веришь в призраки этого дома, — заметил Мевари, сменив тему. — Ройлант, у нас здесь больше призраков, чем людей. Неугомонные мертвецы превосходят нас в численности. Давайте подсчитаем. Предположительно, мой отец. Старая нянька Элизет, Таббит. Затем целый легион трубящих и распевающих военные строевые песни ремусанцев. Баня — это, несомненно, рассадник призраков. Слуги и близко не подойдут к ней после наступления темноты, а днем делать этого не любят. Разве я не прав, Дассен?

Дассен проглотил большую часть большой смоквы и сказал, закатив глаза:

— Я видел свет в коридоре, который раньше был старым двором, и почувствовал поток поднимающихся духов.

Ужас Дассена казался вполне реальным. Он побледнел, но эта бледность также могла указывать лишь на расстройство желудка или, возможно, первые симптомы отравления.

— Месяц назад, — лихорадочно продолжал Дассен, — старый Иobelь заснул за работой неподалеку. Когда он проснулся, в темноте на стене горел свет. Он подошел, заглянул в колодец и внезапно увидел там воду, а на ней — крошечное суденышко, не больше моей ладони,

с пылающими маленькими факелами и с маленьким красным парусом...

Мевари разразился хохотом. Он катался по подушкам, пока его голова не упала на великолепные колени Элизет.

— Не стоит пренебрегать этими явлениями, — тихо сказала Элизет. — Мир полон странностей. Я тоже иногда слышала голоса этих призраков, трубящих в рог... и знаю, что сверхъестественные вещи существуют.

— Крохотные кораблики, прячущиеся в колодце... — смеясь, пролепетал Мевари.

— Да, да, господин, — взволнованно подтвердил Дассен.

— Успокойся, — велел Мевари. — Поди вон. Лорд Ройлант закончил с твоими услугами. Иди болей или истекай ядом.

Дассен схватил со столов две пригоршни хлеба и фруктов, вылетел из павильона и спустился с крыши.

Наступила тишина, из нее до них донесся шум моря и тихое чудесное пение — не только из-за стен, но и каким-то образом из-за пределов дома. В глубине острова тоже пел соловей. Изящная музыка, наполнявшая чашу ночи, ясная, как хрусталь Флора.

— Это место прекрасно, — вдруг отстраненно промолвила Элизет. Ее глаза горели синим пламенем. — Я сделаю все, чтобы сохранить его. Даже когда рухнут все крыши, когда не останется камня на камне, я буду жить здесь, в развалинах. И когда я умру... Да, мой дух тоже будет бродить здесь. Я не хочу отдохновения.

— Ройлант решил, что ты будешь жить в Херузале, — сказал Мевари.

Ее взгляд поблек. Она смотрела на своего будущего мужа не с неприязнью, а с отстраненной нежностью.

Он видел такое выражение на лицах палачей перед тем, как они поднимали меч.

— Тогда, конечно, я должна ему повиноваться. Это говорит мое сердце, а не мозг. Не обращай на меня внимания, Ройлант. Я уеду без возражений, если найдется кто-нибудь, кто позаботится о могиле моего отца — он лежит здесь, рядом с башней. Завтра, если позволишь, я покажу тебе это место.

При этой радостной перспективе Ройлант, казалось, едва ли воспрянул духом.

— Разве я не видел ее раньше, во время моего последнего визита?

— Тогда еще не было каменного надгробия.

Очевидно, это имело значение.

Вскоре после этого гость сослался на тяготы своего путешествия и извинился.

— Если мой покойный отец разбудит тебя, — крикнул ему вслед Мевари, — передай ему мой сыновний привет. Спи спокойно, Ройлант.

В ПОЛНОЧЬ РОЙЛАНТ, ОТНЮДЬ не спавший спокойно, сидел под грабом, росшим между фруктовыми садами и особняком Флор. Луна уже давно миновала дом и теперь стояла на якоре в открытом море, ее свет сюда не пропускала каменная кладка. Поэтому под деревом царила тьма-тьмущая, не слишком радовавшая Ройланта. Поздно поддавшись суевериям, он не был готов к такой жутти, как боязнь темноты. Вид Флора тоже вызывал странные чувства.

Ожидая договорившегося встретиться с ним здесь Сайриона, Ройлант исполнился юношеских воспоминаний об Элизет и сильных дурных предчувствий.

Возможно, в конце концов, сон не был угрозой, просто он истолковал его так. Обвалившаяся крыша — совпадение: в тот день сильно лил дождь. Возможно, Элизет, надеясь на спасение от нищеты, на получение статуса и респектабельности, каким-то образом невольно отправила ему это послание. И это вовсе не колдовство, а энергия сильной воли, пронизанная неистовой тоской.

И возможно...

Ройлант замер, и так уже сбитый с толку.

Позади него из-за деревьев бесшумно появилась темная фигура и села рядом с ним на траву.

— Доброй ночи, — поприветствовал Сайрион.

— Вы пришли не с той стороны, что я ожидал.

— Мои глубочайшие извинения. Я проложил окольный маршрут.

— На случай, если кто-нибудь следил?

— Думаю, никто не знал. Дассен, который должен был охранять вашу дверь, поддался действию порошка, который сегодня вечером упал в ваше вино. Это сделало его довольно разговорчивым, но позже он заснул с очаровательной безмятежностью. Что касается окольных путей, то я просто исследовал местность.

— Как вам удалось подсыпать порошок?

— Из кольца, — ответил Сайрион. — Старый трюк. Помните Сабару? У меня был еще план на тот случай, если Мевари расскажет об одном из тех трех.

Ройлант слегка пошевелился. Он пристально осмотрел Сайриона, позволяя своему тусклому ночному зрению исследовать то, что можно было разглядеть. В конце концов он сказал:

— Так я выгляжу в ваших глазах?

— Нет. Полагаю, это они думают, что именно так вы и будете выглядеть.

— Значит, это преувеличение. Я не тщеславный человек, но...

— Но это скорее клоунада — и нарочно. Мы с вами не похожи, а они видели вас один или два раза, недолго и давно. То, что я выше, чем они ожидали, вполне правдоподобно: молодые люди действительно растут. Хотя Мевари не очень нравится, что вы теперь на целый дюйм выше него. Подозреваю, что завтра я встречу его в сапогах на высоких каблуках. Что касается остального, то я перестарался с подложкой на теле и почти поплатился за это в бане, за исключением того, что я рассчитывал быть застигнутым врасплох. Набивка щек у меня во рту вряд ли намного надежнее, да и не всегда к месту. Мне пришлось разыграть страх перед тем, что они хотят отравить меня, усилив его нежеланием есть с ними. Мешки под глазами зудят. Я уверен, что вы будете рады узнать об этом.

— И, я полагаю, вы покрасили волосы так, чтобы они напоминали апельсин?

— Пародию на апельсин, уверяю вас.

Ройлант улыбнулся, потом невольно рассмеялся.

— Наверное, я заслужил удар по своей ограниченной самооценке. Вы рискуете своей жизнью ради меня.

— А вы? — Сайрион, вынув из-за щек набивку, принялся есть один из недозрелых персиков Флора. — Как продвигается ваша сторона дела?

— Мой слуга нашел монаха, о котором вы мне говорили. Я устроил все так, как вы сказали.

— Двух других ваших слуг отправили собирать вещи для отъезда в деревню, как я и предполагал. Мевари не хочет лишних свидетелей того, что происходит. Я велел им принять печальный вид и немедленно отправиться в Кассирею, предварительно выслушав местные сплетни.

— Я играл роль странника в капюшоне в обеих деревнях. Но единственная сплетня, которую я слышал, была откровенно поэтической. Существуют, по-видимому, демонессы, вроде сирен, которые с пением поднимаются из моря рядом со скалами. Они топят корабли, заманивая их в ловушку, а также крадут маленьких детей и приносят мужчин в жертву своей богине.

— Скучная, хотя и мерзкая жизнь. А что с зарытыми во Флоре кладами?

— Какими кладами?

— Ваша кузина Элизет упоминала об одном. Клад призрачного ремусанского легиона, удобно расположенный в бане.

— Я думаю, — рассеянно пробормотал Ройлант, — что речь об игре, в которую я играл в детстве, не больше. — Он помедлил, сомневаясь. — Вы считете это странным, а может, и нет. Я только что вспомнил. Однажды мне показалось, что я видел привидение, когда был в бане, — мальчика с повязанной на голове тряпкой. Он быстро исчез в коридоре. Я сам был всего лишь мальчишкой, приехавшим в гости. Я никогда не упоминал об этом. — Ройлант сделал еще одну паузу, потом, опасаясь, что его не слушают, спросил: — В этом ведь нет смысла? На этом этапе игры ходы, в основном, принадлежат им. Просто будьте готовы. Надеюсь, вы точно помните свою роль?

— Ну разумеется. В ней есть определенный горький юмор.

— Вы уходите?

— Я оставляю вас прекрасной ночи.

— Подождите...

Сайрион остановился с величайшей элегантностью, несмотря на новый неподобающий силуэт, который придавала ему подложка.

— А что, она... — начал Ройлант, — разве Элизет такова, как о ней судят?

— Я слышал обрывок разговора на террасе на крыше между вашими кузенами. Она сказала ему, что он — ее единственный бог, а их последующее объятие было совсем не братским. Она также упомянула, что вы не должны умереть, пока не женитесь на ней.

— Ох... — Ройлант склонил голову. — Дело не в том, что она нужна мне. Но мне неприятно думать, что она такая.

— Тогда, друг мой, — ответил Сайрион, — не думайте о ней так.

С едва заметным шелестом травы он исчез.

САМЫЙ ПРОСТОЙ ПУТЬ, по которому можно было выйти из дома, лежал через небольшое строение, примыкавшее к бане, и сравнительно невысокую стену, чьи обветшальные неровные камни теперь служили хорошей опорой для ног. Возвращаясь, Сайрион изменил маршрут, лишь на мгновение задержавшись, чтобы осмотреть башню примерно в восьмидесяти футах от него, почти на краю обрыва. Последний взгляд луны придал зданию рельефность: ярко выраженный наклон, зазубренный парапет, две-три черные щелочки бойниц. Оно выглядело призрачнее, чем все остальное. Рядом на ближайшем склоне перед ним разбросанные каменные плиты выдавали кладбище Флора. Идеальное дополнение.

Неуклюжая фигура взобралась по стене подобно струящейся воде, перекинула во двор бани, а из его тускло-серого лунного освещения — через боковой вход в мрачное нутро самой бани.

Внутри все быстро угасло, за исключением едва заметного мерцания жидкости в кальдарии, отраженного высоким окном.

Сайрион обошел декоративный бассейн с выгравированным морским змеем и свернулся в каменный проход, который вел обратно во внутренний двор дома.

Сайрион, как и Мевари ранее, остановился посреди него у внушительного, давно не действующего колодца.

Еще раньше он заметил лампу, висевшую на медном крюке над колодцем, поскольку отверстия в потолке давали не слишком много света. Вместо них использовались кремень, трут и кусок свечи. Вскоре в рассеянном свете на заднике колодца проявились эмалированные и мозаичные рыбы и цветы.

Сайрион тщательно, хотя и безрезультатно, исследовал верхнюю часть колодца. (Реакция Мевари на колодец, хотя и замеченная настолько, насколько он и не предполагал, не дала никаких подсказок.)

Витые колонны поддерживали крышу, в которой больше не было необходимости, поскольку сам двор с этой стороны был закрыт. Цепи для спуска больших ведер исчезли, хотя медное крепление, удерживавшее цепи, все еще было на месте: головы двух скалящихся львов с огромными кольцами в челюстях. Через кольца проходила толстая петля плетеной веревки, которая затем уходила вниз, в шахту колодца, и была натянутой, словно под грузом, но заканчивалась ровень с темным краем голого каменного дна примерно в тридцати футах внизу. Дно сияло чистотой, было гладким и пустым. Никакой таинственной ряби на воде, никакого крошечного призрачного корабля. Сайрион лениво поднял один из мертвых листьев, упавших сверху и замусоривших коридор. Он уронил лист в колодец и наблюдал, как тот медленно, по спирали, беспрепятственно опускается на дно.

Еще несколько мгновений, и Сайрион погасил свечу. Удивительно, но свет не погас вместе с пламенем.

Призрачное свечение плыло по коридору-двору в его сторону. Посреди свечения внезапно возникла темная фигура.

Свеча скользнула в складки туники — подложка служила полезным хранилищем, — и Сайрион пошел навстречу этому второму свету. Он почти дошел до арки, ведущей во внутренний двор, когда свет и темнота внутри него столкнулись с ним.

Темнота окружила его, распахнула крылья, и что-то блеснуло. Леденящий голос прошептал: «Демон или дух, разведись и исчезни, я повелеваю тебе властью этого».

Рыжий полуночник Сайрион оказался пленником круга света от маленькой старинной масляной лампы, плавающий фитиль которой испускал яркий желтый свет. Лампу несла тонкая твердая рука. Другая тонкая рука уверенно держала большого скарабея из полированного зеленого камня с выгравированными на нем магическими глазами и подобными символами: талисман, эффективность которого его обладательница, казалось, очень ценила. Это оказалась очень красивая женщина.

Сайрион посмотрел ей в лицо и взволнованно приоткрыл рот. Она посмотрела ему в глаза и вскрикнула. Лампа задрожала, и масло закапало на мертвые листья под ногами.

— Милорд... Вы ведь милорд Ройлант, не так ли? Простите меня, милорд.

— О... — растерянно произнес Сайрион, все еще разевая рот.

— Милорд, я увидела движущийся свет. Вам сказали, что эта часть дома подвержена... сверхъестественным вещам? Мне стало страшно. Вместо того чтобы позволить

твари преследовать меня, я побежала к ней навстречу, доверившись этому талисману, защищавшему меня в прошлом.

— Я не мог уснуть, — объяснил Сайрион. — Вспомнив, что оставил в бане кое-какую одежду, я пошел за ней. Вы увидели мою свечу. Увидев вашу, я растерялся.

Женщина внимательно наблюдала за ним. Неизвестно, поверила ли она ему, но она склонилась в грациозном восточном поклоне, выглядя теперь гораздо эффектнее при свете лампы, освещавшей ее сверху. Она была не только очень красива, но и имела необычный, завораживающий окрас: гладкую оливковую кожу и глаза очень холодного, серебристо-серого оттенка. Густой мрак струящихся волос свободно стекал до колен, и лампа, раскачиваясь взад-вперед, отбрасывала на них неуловимый медный отблеск.

— Милорд, — прошептала она, — я Джанна, рабыня госпожи Элизет. Милорд... — Она еще раз взглянула ему в лицо, закрыла глаза, словно молилась, потом широко их открыла и быстро проговорила: — Умоляю вас, не говорите ей, что я здесь бродила. Я... боюсь ее, милорд. Она побьет меня или еще хуже. Гораздо хуже. Я умоляю вас... — Внезапно она оказалась на коленях в листве и пыли, не теряя ни капли достоинства и великолепия, ее ночная рубашка соскользнула с атласного плеча, веки задрожали, а запястья дрогнули. — Я слышала о вашей доброте. Сжалитесь.

Сайрион, нахмурившись, подбирал слова. Наконец слова нашлись.

— Встань. Не надо становиться передо мной на колени. Я ничего не скажу.

Она тотчас же поднялась и выпрямилась, как императрица.

— Я верю вам, господин. Вы настоящий друг для того, кто беспомощен и одинок в гадючьем гнезде.

Сайрион нахмурился еще сильнее.

— И кто же эти гадюки?

Она свирепо улыбнулась, показав ярко-белые зубы.

— Вы же знаете, милорд. Ваши кузены. Он — злой вор. Она — шлюха. И колдунья.

Джанна произнесла это с шипением, так же она прошипела колдовское прощание со щитом скарабея. Ее взгляд, как у молодого воина, встретился с более серыми и не настолько очаровательными глазами Сайриона.

— Пойдемте, — сказала она, — я в вашей власти. Я меньше, чем ничто, но вы честны со мной. Вы не отважились бы войти в эту пещеру зла, если бы ее злые чары не заставили вас сюда явиться. Я слышала о вас. О вашей порядочности, вашей мудрой отрешенности. Что вы хотели жениться на другой, на чистой деве из Херузалы. Как еще вы могли оторваться от своей невесты и оказаться здесь? Ваша кузина околдовала вас своей волей, а теперь продолжает это делать с помощью своих телесных прелестей. Вы запутались, господин? Или вы все еще можете сбежать от нее? Есть ли какой-нибудь способ?

— Едва ли, — высокопарно начал Сайрион. Затем его манеры изменились под ее бесстрашным взглядом: — Едва ли это та арена, на которой я смогу сражаться, — запинаясь, закончил он.

Джанна опустила взгляд, потом снова подняла. Она походила на принцессу. Гордо, даже высокомерно она произнесла:

— Вы можете следовать за мной в мои покои, господин. Надеюсь, вы не причините мне вреда. И даже если так, то что? Давным-давно мое целомудрие было поругано милейшим лордом Мевари, который надругался надо мной и до сих пор держит своей невольной любовницей. Однажды я пыталась его убить. И вот результат. — Она

резко повернула голову и, откинув назад волосы, обнажила правое ухо, прелесть которого сильно портило отсутствие мочки.

Сайрион тихо выругался.

— Он сделал это ножом, которым я хотела его убить, — пояснила Джанна. — Заметьте, господин, как он справедлив.

— Идем в твою комнату. Будь уверена, тебе незачем меня бояться.

— Тогда пойдемте. Признаюсь, я солгала. Сегодня вечером я пошла искать вас и, благословение Богу, нашла. Я обещаю помочь всем, чем смогу, защитить вас и уничтожить тех, кого ненавижу.

При этих последних словах лицо ее исказилось. Ни один человек в здравом уме не усомнился бы в ее словах. Сайрион тоже не сомневался. Исходящая от нее сила была подобна удару.

Джанна поднесла талисман ко лбу и погасила лампу.

— Не отставайте. Они не узнают. Сейчас они вместе в ее постели.

Сайрион не стал благодарить ее за эту информацию. Он уже и так был хорошо осведомлен об этом. Они краудучись бесшумно прошли через внутренний двор, огибая ближайшую чашу фонтана и держась ближе к стене. Когда они миновали короткий коридор, ведущий к пустому кухонному двору, Сайрион неуклюже споткнулся об истертый камень. Даже тогда он издал минимум шума.

В глубине двора находился колодец — последний действующий колодец Флора, а вокруг двора располагались кухня, умывальня и затемненные комнаты слуг и рабов. Когда-то это было оживленное место, даже ночью, а из другой арки, возможно, доносилось ржание лошадей. Но теперь только сухая лоза шелестела на стенах. Ни огонька...

Девушка провела его через низкий дверной проем в кромешную тьму — здесь она знала дорогу на ощупь — и закрыла дверь, а потом задернула занавеску. Снова зажглась лампа. Эта комната не имела окон. Келья рабыни. В ней присутствовало несколько предметов: сундук, кувшин, миска, табурет. Кровать оказалась единственной роскошной вещью: матрас и подушки, коврики и ворох из трех-четырех покрывал, верхнее из которых отбрасывало бледно-желтым. Джанна указала на кровать и холодно заметила:

— Когда он здесь, он любит лежать на мягком. Я не могу предложить вам другого места.

— Я постою. И не останусь здесь надолго. Все, как я сказал: тебе не нужно беспокоиться, что я предам тебя. Действительно, в некоторых отношениях я в затруднительном положении — как ты и говорила. Я почувствовал принуждение: меня позвали, и я должен был приехать. Но, — добавил Сайрион, — это все равно был мой долг. Я уклонялся от этой помолвки. Я надеюсь, что когда я выполню свою часть долга и женюсь на ней...

— Тогда, — с жалостью заметила Джанна, — она убьет вас. Богатство Бьюселеров — это все, чего она хочет. Чтобы они вдвоем могли растратить его и погубить все остальное, как они погубили это поместье. Так же, как их благородные отцы разрушали его до них.

Сайрион посмотрел на нее с озабоченным вниманием.

— Ну, — он запнулся, — мне кажется... кажется, я не могу избежать своей судьбы.

Она быстро задышала.

— Вы можете убить ее.

— Я не...

— Угрозыния совести против ее грязного колдовства? Не испытывайте угрозений совести, милорд. Она — ведьма.

— Что ж... но как же противостоять ее колдовству?
И как избежать разоблачения?

— Вы оказались сговорчивее, чем я думала.

— Я в отчаянном положении.

Он пожал занемевшими плечами.

— Простите мою дерзость, но вы соображаете быстрее, чем я ожидала. — Она была подобна низко стелящемуся пламени, припавшему к самой земле, но горящему. Ее глаза больше не видели его: — Возможно, есть способ подчинить и наказать ее. Вы меня выслушаете?

Полная фигура направилась к двери. И устроилась там на табуретке.

— Я слушаю тебя.

ГЛАВА 2

В БЕЛОМ ПЛАТЬЕ И С великолепной белой кожей Элизет была подобна ясному утру. Тонкая восточная вуаль, как бледный сияющий пар, струилась по золоту ее волос. Должно быть, Мевари предупредил ее после замечания Сайриона о несоответствии одежды кузины при первом появлении. Но также возможно, что она тогда понадеялась тронуть его сердце. (Странная мысль — тронуть сердце своей испуганной жертвы. По-видимому, это часть их общей игры — ее обмана и его самообмана.) Глупое кокетство и жеманство сейчас тоже исчезли.

Элизет стала более уверенной относительно своего покладистого кузена Ройланта. Или нет.

Она стояла под рассеянной тенью маленького деревца с шафрановыми цветами, протянув руку и положив пальцы без колец на продолговатый серый камень.

— Вот здесь он и лежит, мой отец, Геррис.

— Ах, да.

— Рядом с ним нашлось бы место и для моей матери. Но она умерла в западных землях, далеко отсюда, и похоронена там.

Он молчаливо стоял рядом с ней над могилой, словно проверяя, есть ли там кто-нибудь. Единственным доказательством этого была одинокая каменная фигура над ней.

— Это кладбище всегда отличалось скромностью, — заговорила она. — Мой отец хотел построить часовню там, в башне. Но он потерял свое состояние. Часовня так и не появилась. А когда мне было тринадцать...

— Да. Конечно.

— Его смерть, — сказала она. — Это было необъяснимо и жестоко. Вызвали врача из Кассирии. Мы заплатили ему золотом. Отдали все, что смогли. И даже больше. Но он ничего не мог поделать. Ничего. Без сомнения, нелепо было бы говорить о колдовстве, Ройлант.

Если эти фразы задумывались как угроза, то явно завуалированная. Ее приятный голос произнес их гармонично, почти без эмоций. После тактичной паузы она подняла голову. Ее взгляд остановился на нем, и она спросила:

— Ты намерен жениться на мне?

Он покраснел. (Как и многие женщины, Сайрион давным-давно овладел этим трюком, особенно прекрасным в его исполнении.)

— Прости меня, — поспешила добавить она, — я знаю, что мне не стоит так говорить с тобой. Но в моем положении...

— Элизет, моя... дорогая... Да, я действительно намерен выполнить обет. Несмотря на юридический документ, который я послал тебе и который ты вернула таким необычным образом — и о котором у меня был такой любопытный сон...

— Документ? — Она была простодушно озадачена. — Я не получала от тебя никакого письма, кроме того, в котором ты обещал приехать ко мне.

— Письмо было. Однако теперь это не имеет значения.

— Юридический документ? Ты говоришь, я его вернула?

— Возможно, мне это тоже приснилось. Я же говорил тебе, что мои сны были странными, искаженными чувством вины за этот разрыв между нами.

— Однако, Ройлант... — Она вдруг улыбнулась. Партия, казалось, была сыграна до конца. Она была довольна. — Пусть будет так, как ты хочешь. Мы забудем про это письмо.

— Да, но... — Он откашлялся, разглядывая каменную фигуру на могиле, ее длинные ноги, руки, сжимающие меч, и бородатое лицо с закрытыми глазами. От основания могилы по нему поднимались влажные пятна и белесый лишайник, жаждущий соткать саван для статуи. — Есть одна сложность. Наша свадьба, которой я очень жажду, должна быть благоразумной. Я сожалею, что ходят... слухи о твоей жизни во Флоре. Сам факт того, что вы вообще жили здесь с Мевари после смерти твоего опекуна...

Она больше не выглядела бесхитростной. Ее взгляд стал колким.

— А где еще мне было жить? У меня нет других родственников, кроме тебя.

— Возможно, в какой-то сестринской общине.

— В сестринской общине? Флор перешел к моему дяде Мевари, но после свадьбы Флор должен стать моим. Оставить его на попечение сына Мевари? Никогда!

— Когда ты станешь моей женой, ты будешь жить в Херузале.

— Да, — вспомнила она. — Да, я потеряю Флор на всегда, не так ли? Мое законное приданое, в котором будет жить мой кузен. И разбазаривать его.

Она отдернула руку от могилы и поднесла ее к глазам. Стоит признать, что как актриса она была весьма выразительна.

— Я должен прояснить этот момент, Элизет, хотя и не хочу огорчать тебя, — упрямо настаивал он. — Ты должна согласиться на скромную свадьбу, даже тайную. Исходя из того, как ты живешь, невозможно, чтобы все было иначе, не так ли?

Она опустила руку. Она уже не улыбалась. Предполагалось, что чародейка может навязать ему любую волю, какую пожелает. Но, возможно, чародейка позволила своей жертве выиграть в мелочах, обманув Ройланта, делая из него дурака, каковым он, по ее мнению, и был, внушив ему, что управлявшие им чары, были не более чем сновидениями и голосом совести. Можно было представить, как она обдумывала все это. А затем она перевела на него удивленный взгляд.

— Я с благодарностью сделаю все, что ты захочешь, — ответила она. — И буду тебе хорошей женой. Достойной женой. Ты не пожалеешь.

Они шли мимо скопления обветшальных могил. Их было немного; семья владела Флором всего лишь столетие. Башня была совсем близко, стала видна причина ее заметного наклона: две стены поднялись, две опустились. Сайрион и Элизет миновали ее и подошли к краю обрыва. Считалось, что здесь, среди высохшей травы, небезопасно. Можно было представить себе девочку, одиннадцатилетнюю Валию, признанную незаконнорожденную дочь Герриса, бредущую к краю обрыва, заманивающую ее синими и желтыми цветочками, и упокоенную морем цвета индиго за тем роковым краем...

Возможно, в памяти ведьмы всколыхнулись воспоминания о том дне. Что за колдовство тогда случилось? Может быть, в воздухе возникло видение морского

демона, несущегося к девочке с цветами, — и она с криком падала все ниже и ниже в бездну, а ее черные волосы были похожи на рассеивающийся дым.

Мнимые кузены смотрели на океан. Внизу не было никакого пляжа, который мог бы задержать бег волн, голубизна простиралась до скалистого основания отвесного утеса. С севера, свернув белый парус, шел веселый корабль, окантованный сверкающими брызгами, — скорее всего, он направлялся в бухту и порт Кассиреи. Он находился не более чем в одной восьмой мили от берега, давая представление о глубине воды внизу, и казался маленьким, как игрушка, демонстрируя также высоту утеса.

— Сны и прощания, — проговорила Элизет. — Однажды мне приснилось, что такой корабль увез меня из Флора. Я протягивала руки к земле, но земля упывала прочь.

Она попыталась украсить свою речь жестом, так же как Сайрион до того воспользовался румянцем, и сделала шаг вперед. Травянистая почва прогнулась в том месте, куда она наступила. Пучок фиолетовых цветов взметнулся вверх вместе с корнями и, разлетевшись, упал за край, словно брошенный в море букет. За ними хлынул поток камней и жидкой грязи — и Элизет, потеряв равновесие, последовала за ними.

Разбухшая фигура Ройланта размылась в движении со скоростью, которая была ему не свойственна. В ту же секунду, как Элизет упала, ее подхватили, крутанули в воздухе и вернули на землю в нескольких футах от края. Она даже не вскрикнула, выглядя вполне спокойной, и вежливо поблагодарила его. Затем она задрожала в его руках — реакция, казавшаяся и, вероятно, являвшаяся вполне искренней.

Рыжий молодой человек, все еще державший ее, промолчал.

— Этот утес опасен, — произнесла она дрожащим голосом, — Земля неровная, даже могилы сдвинулись. Когда-нибудь башня упадет в море.

— Как вовремя мне удалось тебя поймать, — сказал он с неуместной напускной высокопарностью, приводящей в бешенство.

Она засмеялась. Дрожа от потрясения, она подняла на него взгляд, презрительный и веселый одновременно, а он, в свою очередь, посмотрел на нее. Что-то, что она увидела в выражении его лица, заставило ее замолчать и постепенно успокоило дрожь. Она сделала внезапную попытку отодвинуться, но он, вместо того чтобы отпустить, притянул ее к себе. Рыжая голова склонилась к белокурой.

Ее тело напряглось, одно мгновение сопротивляясь. Затем она уступила, вспомнив о своем долге. А потом, удивляясь самой себе, растаяла, растворилась, унеслась, словно по морским волнам.

Его маскировка была лишь видимостью. Органы чувств Элизет, вне ее осознания, обнаружили это в течение нескольких мгновений. И, утонув в одном-единственном безумном поцелуе, она, даже если и умела вызывать духов, вполне могла решить, что они оба сами одержимы.

Когда он снова отстранился, она открыла глаза и увидела те же пухлые щеки, припухшие глаза, морковные волосы. Она пристально посмотрела на него и, к своему ужасу, обнаружила, что снова дрожит, но теперь от страха иного рода.

Вскоре он смущился, и она смогла взять себя в руки. С бешено колотящимся сердцем и беспечной невозмутимостью она повернулась и направилась вниз по склону к особняку.

Вскоре он догнал ее.

— Я сделал кое-какие приготовления, — пробормотал он. — Если ты готова вступить со мной в брак, я попрошу тебя завтра утром сопровождать меня в Кассирею. В подень мы должны быть в назначеннем месте, и там нас будут ждать священник и свидетели. Оттуда мы, как муж и жена, отправимся прямо в Херузалу.

Любовной сцены как не бывало. Элизет потребовалось мгновение, чтобы понять, что он говорит, и она почти невольно вскрикнула:

— Нет!

Ее отрицание прозвучало яростно, с оттенком паники.

— Нет? — Он остановился.

Она ждала, стоя к нему спиной, потом повернулась. Лицо ее стало еще бледнее, чем после спасения от смерти.

— Ройлант, я не могу так быстро покинуть Флор. Зная, что, возможно, никогда не вернусь сюда, — не могу. Ты должен отнестись к этому с некоторым пониманием.

— Тогда что же нам делать? — холодно спросил он.

— Все остальное я принимаю. Просто обвенчаться, а потом без всяких тонкостей отправиться восвояси. Да, для меня это мало что значит. Я вижу, что так нужно. Но я должна вернуться во Флор, хотя бы на одну короткую ночь. Нам нужно поговорить с Мевари. Он останется здесь моим управляющим. Я надеюсь...

— Надеешься на что?

— Что ты подкрепишь его управление какой-нибудь формой благодарности. Таким образом, Флор не так сильно пострадает в мое отсутствие. Но помимо всего этого, Ройлант, я буду твоей новобрачной. Первая ночь, когда мы вместе... Я бы предпочла, чтобы это случилось здесь, во Флоре. Я была здесь ребенком, здесь же я стану женщиной. Позволь мне это, проявив свое несомненное великодушие.

Интересно, неужели она считает его таким идиотом, который думает, что она придет к нему в постель девственницей. Возможно, она и впрямь считала его идиотом, и это был голос скорее пугающей наивности, чем ностальгии.

Сайрион тупо, неохотно кивнул.

— Ладно. Одна ночь.

Ее лицо разгладилось, по крайней мере на губах снова появился румянец.

— Мой дорогой, ты очень добр ко мне. Обещаю еще раз, что я не опозорю тебя, хотя ты и считаешь меня такой несовершенной партией.

Он проворчал что-то неуклюже-галантное. Они прошли остаток пути вниз по склону. Пробираясь между карликовыми тамарисками, сгрудившимися у внешней стены бани, они внезапно услышали странный шум.

Послышились крики, то усиливавшиеся, то замиравшие, то снова усиливавшиеся. Раздался оглушительный грохот, словно разбилась глиняная посуда, и тонкий визг. Затем снова раздался тот же самый звук — ужасный непрерывный вопль и визг.

— Боже, что это? — прошептала Элизет.

Она собрала рукой свои длинные юбки и легко, словно белое пламя, побежала вдоль стены. Ее пухлый спутник последовал за ней с удивительной быстротой, лишь изредка неуклюже отступаясь.

Незапертая дверь вела в старую конюшню. Распахнув ее, она пробежала конюшню насквозь, пересекла заброшенный двор, нырнула под арку и ворвалась во внутренний двор. Казалось, она безошибочно знала источник звуков, и он действительно был здесь.

При дневном свете кухонный двор представлял собой такую же пыльную, заваленную листьями площадку, как и ночью. Из кухни на него вывалили разную

утварь — корзины и кастрюли, — и сложили у колодца и разделочной доски.

Во дворе их взорам предстала картина, как будто специально на мгновение застывшая, чтобы вновь прибывшие могли оценить ее. У открытого входа в кухню стоял мальчик Хармул, сжимая в руке длинный смертоносный мясницкий нож. Неподалеку другой мальчик, Зимир, лежал ничком среди осколков разбитого кувшина с маслом, масло и глина разлетелись во все стороны. Третьего мальчика, Дасссена, видно не было. Рабыня Джанна свернулась калачиком у двери в свою комнату, почти прижавшись к стене, и как будто ничто не могло сдвинуть ее с места. Ее глаза расширились от ужаса, а длинные-предлпные волосы, похожие при солнечном свете на чистую медь, спутались и казались рваными. Спереди в ее домашнем платье зияла большая прореха, которую она прикрывала руками.

На краю колодца замер Иobelъ.

Когда Сайрион вбежал во двор, толстый пожилой раб застыл на kortochkax. Он тут же вскочил, едва не упав в колодец, но каким-то образом заставил себя сделать мощный прыжок, вернувшись его обратно на двор. Выпятив живот и размахивая руками, он снова стал издавать ужасный визгливый звук, который они слышали из-за внешней стены. При этом изо рта у него выступила розовая пена. Его глаза горели.

Увидев Элизет, Хармул бросился к ней, все еще крепко сжимая нож.

— Госпожа, в нем демон!

Элизет застыла как вкопанная.

— Нет, — ответила она. — Я уже видела такое раньше. Это бешенство, которое может заразить других. Я видела, как умерла собака, а потом и ребенок, которого укусила эта собака.

— Он напал на нее. — Хармул указал на Джанну. — Он разорвал ее платье и выдрал волосы. А потом побежжал в ту сторону, поднял кувшин с маслом и швырнул его в Зимира.

Старый толстый раб Иobelъ, визжа, бросился на стену, колотя и кроша ее.

— Хармул, — позвала Элизет. Она, казалось, пытаясь отдохнуться. — Бедняга, он все равно умрет, но до тех пор представляет угрозу для всех нас. Он уже лишен разума и находится в агонии, которая может только усиливаться. Ты должен убить его, Хармул. Кинь нож.

Хармул уставился на нее, вытаращив глаза. Затем он кивнул.

Его тощая рука взметнулась вверх, и из нее вылетел мясной нож.

Он попал Иobelю в спину. Лезвие оказалось достаточно длинным, чтобы, погрузившись по самую рукоять, пробить весь этот жир и войти в сердце.

С булькающим визгом Иobelъ рухнул на землю. Он дернулся, перекатился. Пена, стекавшая с его губ, стала красной. Словно какой-то кошмарный акробат, он невероятным образом ударил себя пятками по затылку. И умер.

Хармул тихо вскрикнул. Джанна закрыла лицо руками, стоя в дверном проеме. Зимир начал выползать из-под развалин кувшина с маслом.

— Будьте осторожны, — предупредила Элизет. — Не прикасайтесь к слюне, которая вылетела у него изо рта. Это яд. Полейте маслом, там где он упал, и подожгите его. Если он задел вас зубами, рану надо прижечь. Бедняга. Нельзя раздевать или мыть его, рискуя заразиться. Заверните его в пледы или мешки, как есть. Пусть воздух сделает свое дело, не кладите его в землю до завтра. — Ее лицо оставалось бледным и спокойным. Она положила руку на плечо Хармула: — Ты молодец.

Он стал таким же бледным, как и она.

Элизет вышла через проход в другой двор. Сайрион двинулся за ней.

Когда они подошли к пустой чаше фонтана, она вытянула руку и прислонилась к ней.

Сайрион поднял взгляд и увидел Мевари, который сбегал вниз по лестнице с верхней террасы, издавая легкие постукивающие звуки. Их источником были надетые им сегодня сапоги на высоких каблуках с кисточками, по ауксийской моде, прибавлявшие ему два дюйма роста.

Несмотря на свою обувь, он успел подскочить к Элизет и поймать ее, прежде чем она упала на землю в одном из самых великолепных притворных обмороков, которые Сайрион когда-либо имел удовольствие видеть.

— ОНА ПОСЛАЛА МЕНЯ К ВАМ С ЭТИМ.

Сайрион с сомнением посмотрел на янтарную розу в тонкой смуглой руке Джанны. Когда он неохотно принял ее, оказалось, что к стеблю розы привязан листок бумаги.

*Мой дорогой, прости меня, я не буду обедать с тобой. Чтобы набраться сил для нашего путешествия в Касирею, я должна отдохнуть сегодня ночью. До завтра.
Элизет.*

Прочитав записку, он уронил ее и осмотрел розу. От нее исходил сладкий аромат, подобный тихой музыке, и смешивался с другим, более мрачным ароматом, исходившим от волос рабыни. Гладкие и уложенные в прическу, они соответствовали ее теперешнему самообластианию. Даже когда она очень тихо сказала:

— Старый раб Иobelь умер отвратительной смертью. Я тоже видела, как люди умирали от этой болезни. Но — холодность, с которой она приказала мальчику убить его! И даже позаботилась о том, чтобы упасть в обморок сразу после этого, дабы ввести вас по возможности в заблуждение. Она — зло.

— Да, — ответил он и отложил розу.

— Хорошо, что она послала меня сюда, в вашу комнату. Она ничего не подозревает о нашем сговоре, как и этот шакал Мевари. Вот, я принесла вам то, что обещала.

Сайрион протянул руку и взял у нее маленький черный флакон.

— Ты считаешь...

— Мой господин, не сомневайтесь. Я уже говорила вам, как это зелье действует. Жаль, что вы с ней не разделили трапезу сегодня вечером. Но завтра, когда вы с ней поженитесь, наступит опасный момент, и тогда вы сможете действовать. А я, лорд Ройлант, сделаю все, что в моих силах, рискну самой жизнью, чтобы обманом лишить их вашей смерти и вашего богатства и отдать под суд. Как вы уже убедились, я рискнула, воруя это зелье из ее ведьминых сундуков.

— Не обнаружит ли она пропажу?

Джанна отмахнулась от его слабых страхов.

— Среди такого количества мерзких зелий, как у нее? Никогда.

В лучах заходящего солнца волосы Джанны вспыхнули ореолом пламени.

— Ты несколько раз упомянула про риск, — сказал он. — Зачем рисковать?

— Ради вас.

— Я полагаю, ты имеешь в виду, что хочешь получить свободу и определенные средства в качестве компенсации?

Она улыбнулась, почти рассмеялась.

— Теперь это для меня мелочи. Живя так, как жила я, терпя то, что я терпела, — я лишь хочу отомстить за беззаконие. Я желаю их гибели во имя справедливости.

КУЗЕНЫ МЕВАРИ И РОЙЛАНТ обедали на крыше вдвоем, не считая прислуживавшего Хармула, который, казалось, отвлекся и вскоре исчез.

Оказалось, что Дассен сделал то же самое, но гораздо более надолго.

— Смерть Иобеля испугала их. Они не понимают причины таких вещей. Они думают, что это демоны убивают жертву, а затем оживляют ее тело. Какая нелепость!

— Да, действительно, — серьезно ответил кузен Ройлант.

— Или это так, или Дассен испустил дух в какомнибудь укромном месте из-за медленно действующего яда, которым я пичкал тебя прошлой ночью и которого он, жадный дегустатор, наелся больше, чем ты. Кстати, надеюсь, ты не потребуешь, чтобы твою еду сегодня опять попробовали? Ты, кажется, очень мало ешь, дорогой кузен. Как ты можешь оставаться этаким видным круглым пудингом на таких ничтожных мышиных порциях?

— Я бы попросил тебя не оскорблять меня. Хотя бы ради Элизет.

— Потому что завтра днем она станет твоей любящей женой?

— Да. И есть еще кое-что, что нам нужно обсудить, Мевари.

В глазах Мевари появился выжидательный едкий блеск, исчезнувший, когда Сайрион продолжил.

— Вопрос о твоем управлении Флором.

— А я подумал на одно восхитительное мгновение, что ты собираешься расспросить меня о моих отношениях с Элизет, — предположил Мевари. — Я, конечно, был ей как брат.

— Ты, конечно, делил с ней постель, и это я знаю достаточно хорошо, как и половина Кассиреи, и даже королевский двор в Херузале, если уж на то пошло. Мне все равно, — парировал кузен Ройлант. — Если бы это было не так, можно было бы предположить, что меня бы здесь сейчас не было.

— А я-то думал, что тебя сюда притягивают сверхъестественные сны и желания, — злорадно сказал Мевари.

— У меня нет времени на суеверия. Я здесь потому, что намерен выполнить договорные обязательства. При условии, что моя жена будет вести себя безупречно после того, как мы поженимся, я не стану затевать ссору и распространяться о ваших прошлых приключениях. И по этой причине, помимо всего прочего, я ожидаю, что ты будешь держаться от нее подальше. Ты будешь присматривать за Флором, ее и моей собственностью. Я вышлю деньги на ремонт поместья, а сам ты получишь щедрое жалованье.

Мевари зевнул. Честно говоря, он не был в большом восторге от жалованья, надеясь на несколько иной выигрыш.

Кузен Ройлант выглядел оскорблённым.

— Ты можешь сделать вывод, что будешь жить лучше, чем до сих пор.

Мевари рассмеялся. Он выпил и снова рассмеялся.

— Я верю, что так и будет. Ну, я никогда не ожидал такой доброты, дорогой Пудинг. Я предлагаю тост. За жалованье! — Мевари едва сдерживал смех.

— Благодарю. А теперь я вернусь в свою комнату.

— Ох, как досадно. Я хотел бы, чтобы ты остался и поиграл со мной в «рыцаря-и-замок» — у меня сохранилась доска и фигуры со времен нашего детства. Ты их помнишь? Все эти захватывающие поражения...

— Прошу прощения.

— Или тебя привлечет тренировочный бой на палках или затупленных мечах? Я все еще предаюсь рыцарским забавам. Нет?

— Нет.

— Я уступаю. Завтра тебе рано вставать. Да благословит Господь твою ночь. Пусть ангелы летают над твоей кроватью и так далее.

Мевари встал, возвышаясь теперь над Сайрионом на поддюйма в своих ауксийских сапогах, дабы посмотреть, как сородич спускается по лестнице.

Имитируя на лестнице неверный шаг и спустившись таким образом с террасы, Ройлант-Сайрион бесшумно вернулся в отведенную ему комнату.

Войдя внутрь, он почувствовал приятный запах. Закрыв дверь и обойдя резную ширму, он увидел, что в просторной комнате ничего не изменилось. Если не считать целую эскадрилью горящих свечей и того, что ставни на окнах были закрыты из-за ночных насекомых.

Неглубоко дыша, Сайрион подошел к окнам и открыл их. Повернувшись, он быстро погасил свечи. Подойдя, наконец, к кровати, он поднял янтарную розу, которую уронил туда, — знак, присланный ему Элизет. Она раскрыла свои лепестки, и ее изысканный аромат необычайно усилился, пронизывая всю комнату. Вернувшись к ближайшему окну, он выбросил розу и смотрел, как она падает. И после этого еще долго и внимательно осматривал крыши и стены Флора вокруг, склон за ними, облако потемневших садов и расколотые холмы на востоке, где только что взошла светлая луна.

Сноторное в розе, возможно, было активировано жаром горевших рядом свечей. Очевидно, он должен был войти и, наслаждаясь очаровательным ароматом, погрузиться в глубокий сон. Угроза его жизни этой ночью не имела никакого смысла. Следовательно, леди, которая колдовала с цветком, сделала это по какой-то другой причине.

Заснуть — значит что-то упустить. Наблюдавший за кругом луны Сайрион предполагал, что именно.

Полчаса спустя, когда в комнате не осталось никаких запахов, Сайрион закрыл ставни. Затем он разлил по кровати флакон сладко пахнущего бальзама, устроился среди подушек и стал ждать посетителей.

Гости не заставили себя долго ждать.

Сначала тихонько постучали. Потом дверь приоткрылась. Затем за ширмой прошелестели почти бесшумные шаги. Зажгли лампу или свечу, и по ширме заметался свет.

— Кузен, — настороженно позвал Мевари и встряхнул его.

Сайрион глухо фыркнул и наградил молодого человека выразительным грозным храпом.

Мевари коротко рассмеялся.

— Он спит как свинья, как ты и говорила, — пробормотал Мевари. — Неудивительно. Я даже сейчас чувствую запах сноторного.

— Да, — прозвучал с порога голос хитрой колдуньи. Он больше походил на шипение кошки.

Свет потускнел и погас. Еще через полминуты ведьма и ее любовник ушли, оставив глупого пудингообразного кузена в свинцовой неподвижности. И бодрствующим.

СМЕРТЬ ИОБЕЛЯ НАВЕРНЯКА являлась убийством. Хотя безумие с пеной у рта во многом напоминало тот неизменно смертельный недуг, который переходил от животных к людям, некоторые существенные детали указывали, что это не он. Например, не было ни одного из предшествующих симптомов, обычно связанных с болезнью. Да и самих животных, пораженных этим недугом, не было заметно поблизости. Наиболее вероятно (и несомненно), что в действие был приведен какой-то яд, воспроизводящий эффекты этой болезни.

Убийство человека, обреченного на гибель, при помощи точного удара ножа было проявлением милосердия. Или дополнительной страховкой. Иobelъ поступил очень неразумно, рассказав Дассену о том, что он видел той ночью в колодце с привидениями. Дассен столь же неразумно сообщил об этом, будучи под влиянием вина, предназначенного для Сайриона. Мальчик осознал, что он в опасности, о чем красноречиво свидетельствовало его бегство.

КРУГЛАЯ ЛУНА ПОДНИМАЛАСЬ по небосводу. Оставшись один, Сайрион стал прислушиваться, чтобы уловить любой самый смутный звук за шумом моря.

Когда звук раздался, он оказался ни разу не смутным. Он был низким, но вполне определенным. И без сомнения, любой человек, спавший в доме сном праведника, проснувшись и услышав его, натянул одеяло на уши и вздрогнул. Призраки, особенно жившие в бане ремусанские привидения, были шумными соседями.

Где-то в самом сердце особняка затрубил рог. Затем возникло пение — воинственный гимн с неразборчивыми словами, заглушаемыми прибоем. Ремусанцы или, может быть, сирены — местные прибрежные морские

девы, похищающие детей. И Валия, несомненно, в буквальном смысле стала их жертвой.

Когда Сайрион бесшумно спустился по каменной лестнице во внутренний двор, из чах двух высохших фонтанов донесся ужасный лязг.

Вокруг никого не было.

Разумеется, ведь те, у кого имелись причины бояться, благоразумно попрятались. Те, у кого причин не имелось, находились в другом месте.

Он увидел мерцающее свечение еще до того, как вошел в крытый коридор-двор.

Звук рога раздался снова, громче — он вырвался из под ног Сайриона и разнесся в воздухе. Каменные плизы глухо завибрировали.

Сайрион вошел в сияние, прошел сквозь него к колодцу и, остановившись там, взглянул в конец коридора. В бане тоже просачивался слабый свет откуда-то из пустого бассейна кальдария. Однако сейчас вокруг был тусклый призрачный свет, похожий на дым, исходивший из огромного старого колодца, заставлявший рыб и цветы ярко сиять всеми красками.

Лампа над головой не горела. Из колец в пастиах двух львиных морд в колодец все еще свисала веревка, ее нижние концы были туго натянуты, как будто утяжелены под поверхностью воды, в которую упали.

Вода.

Там, в светящемся колодце, где раньше виднелся только лишенный влаги каменный пол, будто сверкал черный драгоценный камень.

Отсутствие на дне колодца мертвых листьев или мусора уже выдало Сайриону часть его тайны. Пол сдвигался, открывая шахту и позволяя спускаться или подниматься по ней. Прямо под фальшивым полом шахта колодца расширялась, сливаясь с тем, что лежало под ней.

Песнопения плеснули ему в лицо, как брызги. Из колодца донесся тягучий рыбный запах, а затем — безошибочно угадываемый запах благовоний, невидимым шлейфом струившийся сквозь каменную воронку. Внезапно в колодце возник и усилился свет.

Наклонившись, наблюдатель увидел в черной воде длинные золотые полосы, а за ними — пламенеющий парус. Корабль появился из ниоткуда, из-за края шахты колодца. Крошечный дьявольский корабль, который увидел раб и тем заслужил смерть.

Огненно-алый парус цветом — и размером — напоминал осенний лист. На его носу и вдоль бортов горели факелы, отбрасывая на воду отблески пламени. На палубе что-то закружилось, и в колодце заклубился столб душистого пара, который, достигнув коридора, словно окутал его туманом. Когда туман над колодцем рассеялся, крошечный корабль исчез из виду. Как по волшебству.

Но волшебство, конечно, здесь было ни при чем. Размер корабля объяснялся исключительно перспективой. Расстоянием от высокого гребня скалы до ее основания, отделявшим устье колодца от дна пещеры внизу. Внезапное расширение шахты под круглым отверстием, ранее закрытым каменным выступом, создавало впечатление, что прямо под ним находится вода. На самом деле это было море, заполнившее пещеру примерно в двухстах восьмидесяти футах внизу. С другой стороны, натяжение висящей веревки способствовало иллюзии, что вода заполняет шахту в тридцати футах внизу — ибо здесь веревка таинственно натягивалась и обрывалась.

Большая часть особняка Флор должна находиться над пещерой, полым камнем утеса. Звуки, зарождавшиеся в резонаторе этой полости, проникали через

каждую трубу в особняке: фонтаны, бассейн, действующий колодец в кухонном дворе. Даже баня стояла на нем, и поэтому бассейн с горячей водой, в котором образовались прозрачные отверстия, никогда полностью не опорожнялся. Только когда пещера наполнилась светом факелов, кальдарий раскрыл свою тайну так же, как открытый колодец.

Что-то промелькнуло рядом. Может быть, ящерица. Сайрион, похоже, так не считал.

Он исчез в темной нише между одной из витых колонн у колодца и стеной за ней.

Появилась еще одна тень, которой не было несколько мгновений назад. Она появилась из бани на фоне беслесого мерцания, набухла и прошла в дверной проем. И, как ни странно, она не рассеялась в свете сияющего пара, поднимающегося из колодца. Тем не менее она стала видимой как бы за счет какой-то другой, внутренней силы.

Это оказался мужчина средних лет, хорошо одетый, с хищным волчьим лицом, обрамленным рыжевато-серыми волосами. Он прошел мимо укрытия Сайриона, мимо освещенного колодца, даже не заглянув туда. У него были большие, голодные и странно подслеповатые глаза. Тело двигалось медленно. Но услышанный ранее шум, должно быть, и впрямь исходил от ящерицы или какой-нибудь другой ночной живности, обитавшей в доме, потому что этот человек, не отражавший света и не отбрасывавший тени, не издавал ни звука.

Пение в пещере под колодцем превратилось в шепот, неотличимый от шума моря.

Дойдя до конца коридора-двора, человек обернулся и, кажется, впервые заметил колодец. На его лице застыл какой-то бессмысленный оскал. Затем, снова повернувшись, он прошел во внутренний двор дома.

Сайрион, который сначала собирался прогуляться в противоположном направлении, вместо этого так же молча последовал за ним.

У края внутреннего двора Сайрион остановился. Его сомнительная добыча стояла в дальнем конце двора, рядом с замшелой впадиной, где когда-то на фоне звезд струился фонтан. Мужчина повертел головой, глядя на сломанные столбы террасы и комнаты за ней. Потом вытянул шею в другую сторону. Он сделал шаг к проходу, ведущему в кухонный двор, остановился — и исчез.

Он действительно исчез. Это не было каким-то трюком. В его личности тоже почти не было сомнений. Судя по его виду, посетитель был не кто иной, как покойный отец Мевари.

Минут через двадцать откуда-то с кладбища Флора донесся новый шум: настойчивый скрежет и звяканье.

ГЛАВА 3

ДЛЯ ПОЕЗДКИ В КАССИРЕЮ утро выдалось восхитительное. На придорожных деревьях весело свистели и чирикали птицы. Дорога шла под уклон, со всех сторон открывались прекрасные пейзажи, ясное небо обещало погожий день. Для разнообразия то здесь, то там дорога ныряла в сухие зеленые леса. Когда широкая древняя дорога делала последние изгибы, показались белые стены города и буйная темная синева моря за ним.

Двое слуг Ройланта, как выяснилось чуть ранее, уже совершили это путешествие, сбежав из деревни близ Флора. Явно смущенный, кузен Ройлант сам раздобыл мулов и нанял людей нести изъеденный молью мусор, найденный в особняке. (Только Мевари, казалось, не

удивился, что двое слуг ушли. Можно было подумать, что он уже спрашивал о них в деревне.)

Элизет, защищенная от солнца изношенной вуалью, заняла носилки. Неуклюжая фигура Ройланта страдала на переднем муле, страдавшем под ним. Костлявый Хармул замыкал шествие. Из него, не считая наемников, состояла вся их прислуга. Даже Джанна осталась в особняке.

— Вряд ли она мне понадобится, — объяснила ее отсутствие Элизет. На самом деле Джанна редко бывала рядом с ней. — К тому же, раз уж мы должны быть так осмотрительны, то чем меньше путешественников, тем лучше, верно?

Никто не прокомментировал, даже косвенно, сверхъестественный шум прошлой ночью.

В результате ночного бдения Элизет выглядела бледной, но уравновешенной. На ее лице не было никаких следов того, что она делала, или желала, или над чем работала в те часы, когда светился колодец и бродили беспокойные духи. Часто зевающий, раздраженный Мевари с коричневыми кругами под глазами являл собой более забавный указатель на колдовское буйство, о каком он, возможно, знал и на котором, вероятно, присутствовал. С другой стороны, будучи сторонним наблюдателем черного искусства своей возлюбленной, он мог и не принимать в нем участия. Его разврат, в конце концов, мог протекать и иначе — сначала в винном погребе, а позже в постели одной подневольной, но прекрасной подданной, которая с ненавистью приютила его, потому что у нее не было выбора.

В то утро, когда они отправились в путь, Джанны нигде не было видно. За конюшнями копал яму Зимир — недоброе предзнаменование в день свадьбы.

Они вошли в Кассирею через высокие ворота. Каменные стены в солнечном свете казались белыми, как очищенный миндаль.

Их поглотила огромная рыночная площадь с запахами сырого и жареного мяса, свежей рыбы, ароматических масел, жженого меда и спелых фруктов, с облаками порошков, муки и мух, с пронзительными звуками музыки и ругани. По пути Хармул затянул короткую перебранку с погонщиком мулов. Они обогнули тележку с глиняной посудой, преодолели вздымающееся море овец и свернули в боковой переулок под названием Улица Шелков, где с витрин магазинов золотыми водопадами струились сверкающие золотом одеяния.

Город балансировал между прошлым и настоящим. Оглядевшись, можно было увидеть возвышающиеся полуразрушенные дворцы. Вот тот крошащийся пирог воздвигнут рабами первого царя Грауда, а вот еще один, воздвигнутый в честь Грауда, являвшегося отчиком Зилуми, танцующей колдуньи. А вдоль синей кромки моря тянулись колоннады императора Кассиана, пылавшие на закате императорским пурпуром.

За улицей Шелков начиналась улица Птиц, а за ней — улица Дымов, откуда наполовину одурманенная маленькая процесия вышла в туннель. Туннель выходил на небольшую площадь с водоемом. Конюшня и пара постоянных дворов теснились рядом с лавкой продавца пирогов и шатром гадалки. На другой стороне площади возвышалась изящная резная усыпальница и маленький храм со светлым мозаичным куполом и входом с колоннами. Храм был заново освящен и благословлен, ибо поперек портика золотыми буквами на двух языках были написаны слова, общие для Востока и для Запада: «Нет других богов, кроме единого Бога».

Носилки поставили под тенистым портиком, и Элизет вышла. Наёмников с мулами за компанию отправили в один из трактиров, а Хармула, позорную фигуру в лохмотьях, с величайшей неохотой оставили около уютной колонны.

Кузен Ройлант ввел свою невесту в храм, задержавшись на пороге, где они, по восточному обычая, сняли обувь.

В помещении было прохладно, на алтаре сверкали золотые и серебряные сосуды. На занавесе были нарисованы голуби, ветви маслина и радуга — символы первого наказания и первого прощения. Элизет и Сайрион свернули в боковую комнату.

Здесь, у второго алтаря, их уже ждала небольшая группа людей. Один из них поклонился и представил нанятых свидетелей, заверив в их надежности. Сайрион кивнул, и Элизет застыла, ожидая, когда в окно ворвётся один из ярких лучей света. Она была одета просто и без драгоценностей, закутана в тонкую вышитую вуаль, и теперь эта вуаль закрывала ее лицо, почти полностью скрывая его. Только сложенные на талии руки выдавали ее.

Наконец через боковой проход вошел священник с мальчиком, несшим пергаментные свитки.

Прозвучала несколько пасторальная молитва, и как раз в тот момент, когда колокол в цитадели прозвонил полдень, церемония бракосочетания началась.

Ритуал, как вскоре стало ясно любому, кто имел о нем представление, был урезан до минимума и проводился в спешке. Священник, человек в белом одеянии, с густой бородой, густыми темными прядями, выбивавшимися из-под капюшона, кое-где бормотал, а кое-где запинался. Рыжеволосый жених ему, казалось, совершенно не нравился, а невеста под вуалью

вызывала жалость. Когда он символически связывал им руки полоской шелка с бахромой, то неловко упустил ее. Мальчик-слуга подхватил шелк прежде, чем тот коснулся пола. При обмене кольцами промахнулся уже жених, и метал зазвенел по полу. Элизет оставалась непроницаемой по отношению к криворукости и священника, и кузена. Вероятно, она знала, что сказанного достаточно, чтобы соединить их, и когда неуклюжий ритуал подошел к концу, пусть даже лишенный своего величия, она все же решила, что теперь защищена его законностью.

Документы были подписаны. Представителю от свидетелей вручили их общий гонорар, и те блеющим стадом высыпали из храма на площадь.

Пока медленно проходя вдоль святого храма, кузен Ройлант, явно нервничавший из-за своих новых отношений, сообщил Элизет, что он снял комнату в гостинице напротив, где она сможет побывать и отдохнуть, прежде чем они вернутся во Флор. Элизет вежливо поблагодарила его и вежливо кивнула в ответ на все остальные тихие бормотания, связанные с ее утешением, и приглашенное заверение, скорее подразумеваемое, чем произнесенное, что у него будут дела в городе на час или около того и он не будет делить с ней комнату. Примерно в десяти ярдах от церковной двери Элизет разразилась диким хохотом, который эхом разнесся под куполом.

Муж встревоженно посмотрел на нее, явно раздумывая, не слишком ли много было волнений за этот день.

Придя в себя, она только спросила:

— Ты хорошо спал прошлой ночью, Ройлант?

— О да, очень глубоко.

Глядя сквозь вуаль, она, казалось, ждала какого-то откровения, какого-то зловещего обещания, но сдержалась.

— Я голодна, — сказала она.

Они дошли до гостиницы, и там он оставил ее, отправившись по своим городским делам.

ЧАСТЬ, ЕСЛИ НЕ ВСЕ, ЕГО городских дел сидела в другой гостинице через дорогу, перед ней стояла чаша вина, рядом лежали свернутое священническое облачение и темный спутанный куст фальшивых волос и бороды.

Когда Сайрион сел, Ройлант-праведник в еще одном парике, быстро натянутом на покрытую испариной голову, поднял глаза.

— Мне это не нравится, — заявил Ройлант.

— Вы хотели быть осторожным. Чем меньше игроков, тем лучше, поэтому вам нужно было самому сыграть одну из ролей. Кроме того, мне показалось, что вы хотели этого. Наслаждайтесь этим в некотором роде «черным юмором».

— Я ошибся. К тому же это было чертовски трудно. Старый священник согласился на час молитвы за меня в часовне, а когда я пришел, начал возражать.

— Поэтому вы удвоили ему взятку.

— Устроил.

— Ах.

— Нет, я не нахожу это забавным. Это был первый раз, когда я увидел ее с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать. И то сквозь вуаль, Сайрион!

— Ну?

— Я не могу поверить, что она способна на такое злодейство.

Сайрион положил круглый подбородок на худую руку.

— Вы всегда можете вернуться вместо меня и полностью признаться, мой дорогой. Она, без сомнения, будет в восторге. У нее самой хорошо развито чувство юмора. С другой стороны, если прочие ваши подозрения верны, сегодняшний вечер должен их подтвердить.

— Они попытаются убить вас.

— Нет, они попытаются убить вас, как я радостно предвкушаю. Их способ действовать интригующе груб для убийц. Я не думаю, что они будут более утонченными в выборе времени.

Ройлант хмуро уставился в свое вино.

— Я испортил богослужение.

— Конечно. Так ведь и надо было сделать, верно? Вся суть в том, что оно должно быть формально правильным — и недействительным. Тем не менее, оно выполнено достаточно достоверно, чтобы неспециалист в него поверил. Между прочим, я был восхищен вашей молитвой. Сравнить наш союз со спариванием пчел... Вы, естественно, знаете, что после спаривания самец пчелы сбрасывается, как перчатка, и падает замертво на землю?

Ройлант побледнел.

— Я не... Вы полагаете, вам следует продолжать? Это очень опасно.

— Это каждый из нас уже давно знает. План движется к завершению. И было бы стыдно испортить им веселье.

— Но Элизет... — Ройлант замолчал. — С сегодняшнего дня она считает себя вашей женой. Сайрион, вы этого не сделаете...

Длинные лохматые брови поднялись, как крылья ангелов. Этот взгляд, даже в маскировке, был настолько типично Сайрионовским, что Ройлант оказался сражен им наповал и ухмыльнулся.

— Предполагаю, — согласился Ройлант, — что она вряд ли невинна.

— Вы можете также предположить, что мне вряд ли позволят так далеко зайти.

ОСТАВШИСЬ ОДНА В СВОЕЙ КОМНАТЕ, Элизет сняла вуаль, но отдохнуть не стала. Она подходила то к столу с недоеденной едой, то к узкому окну, из которого открывался непримечательный вид на внутренний двор. Ее походка была легкой и изменчивой, а в глазах горел скрытый огонь. Лишь раз она взглянула на кровать, приготовленную, если ей захочется прилечь.

— С кем бы я ни переспала сегодня ночью, кузен Ройлант, это будешь не ты.

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДНЯ, примерно за четыре часа до заката, свадебная процессия покинула гостиницу, чтобы предпринять двухчасовое путешествие домой. Порядок продвижения оставался прежним: Сайрион, плюхнувшийся на мула, следом четверо наемников с носилками Элизет и замыкающий шествие Хармул. Четверо наемников были не совсем трезвы. Воспользовавшись их примером, Хармул тоже напился. Поэтому маленький кортеж несколько неравномерно двинулся по площади, повыпisyвал зигзаги в туннеле и мечтательно побрел по Улице Дымов среди паров ладана и мака. Оттуда он выехал на Улицу Птиц, где Хармул счел нужным подражать каждому посвисту и чириканью, и далее прошелствовал по Улице Шелков, где Хармул тщетно пытался стащить развевающийся полосатый шарф с

вышитыми на нем серебряными звездами. Разразились крики и проклятия, и кузен Ройлант, строго нахмутившись, возместил лавочнику ущерб и громко спросил, зачем Хармулу мог понадобиться такой предмет. Хармул высокомерно не удостоил его ни ответом, ни благодарностью. Они продолжили путь.

Под полосатыми навесами рыночной площади поднялась новая суматоха.

Это произошло очень неожиданно. На их пути упала корзина с финиками, еще одна — с инжиром и еще одна — с апельсинами. За ними в панике выскочил продавец фруктов и принялся подбирать липкий товар, а следом свалилась клетка, полная переполошившихся голубей. Мул и кузен Ройлант почувствовали себя неловко — вокруг их голов кружились перья и летали обломки, наемники размахивали свободными руками, и носилки тряслись, а Хармул хулил весь мир и Бога. В самый разгар ругани, проклятий и смеха в мешанине фруктов и пуха из толпы выскочил мясистый мускулистый мужчина и одним рывком стащил кузена Ройланта с мула.

Они приземлились на финики, хлюпнули и, кряхтя, покатились. Большинство зрителей отступили назад, чтобы полюбоваться забавной сценой и ободрить державшихся. Но тут в воздухе мелькнул длинный тусклый нож. Послышились крики, однако помогать никто не спешил. Сильный грузный мужчина прижал к себе мотающуюся рыжеволосую голову, заставив ее покориться. Он вскинул руку, сжимавшую нож, подобный ужасному железному клыку, готовому впиться в плоть.

Клык понесся вниз.

Из толпы послышался еще один вопль, за которым последовал вздох.

Рыжий молодой человек, который, казалось, уже не мог спастись, каким-то невероятным образом вывернулся.

Острие ножа со всей силы ударились о твердую поверхность земли — и лезвие отломилось от рукояти.

Громила с криком вскочил. Он бросился в толпу, отбрасывая с дороги людей и неодушевленные предметы. Вскоре он скрылся из виду, и если кто-то и преследовал его, то не догнал.

Сайрион, изображавший Ройланта, встал на колени. Он поднялся на ноги, поднеся ко рту испачканный финиками платок. Приглушенным голосом с необыкновенной сухостью он поблагодарил носильщиков и Хармула за помощь.

Элизет наконец убедила носильщиков, до этого слишком увлеченных боем, опустить носилки. Она раздвинула занавески и подошла к кузену, не обращая внимания на изумленные взгляды толпы.

— Ты ранен?

— Не смертельно. К сожалению.

— Что? — удивилась она.

— Я лишился пары зубов. Он не убил меня, как ты надеялась.

Ее лицо под вуалью стало ослепительно холодным.

— Не самое подходящее время и место для шуток, — отрезала она.

— Ты хочешь сказать, что это не входило в твои планы? Действительно, это выглядело грубо. И немножко преждевременно. Я думал, ты скромно дождешься темноты... Прохладная освежающая сталь между простынями...

— Ройлант, — прервала она, — этот человек был вором.

— Который ничего не украл и не пытался украсть.

Толпа была в восторге. Вокруг стояли зеваки и улыбалась им — сердитой молодой женщине-аристократке с золотыми волосами, щеки которой горели так, словно

хотели поджечь ее вуаль, и высокому, но коренастому молодому человеку, чьи волосы уже загорелись.

— Ты хочешь сказать, — протянула она, — что я вышла за тебя замуж только для того, чтобы убить?

— Почему нет? Именно это обещали все слухи.

— Мы уже говорили об этом раньше. Я думала, ты не принимаешь слухи всерьез.

— А ты?

— Если нет, то разве ты настолько глуп, чтобы приехать сюда и жениться на мне?

— Может, я жажду смерти? — пробормотал Сайрион. — Конечно, женушка, дорогая, теперь мы с тобой одно целое. — Он посмотрел на свои ободранные сапоги, сделал неприличную паузу перед очевидным и добавил: — Но хрен ты получишь мою жизнь.

А затем, ошарашив ее еще сильнее, чем если бы он дал ей пощечину, он отнял платок от губ и одарил ее самой ослепительной и злой улыбкой, какую она когда-либо видела. Улыбка эта была так прекрасна, что все его лицо изменилось и перестало быть лицом Ройланта, и так страшна, что она отступила на полшага, прежде чем поняла, что делает. И, к своему абсолютному и неуместному ужасу, наступила на упавший апельсин, который тут же лопнул, заставив толпу практически задохнуться от радости.

С трудом сдерживая себя, но все же преуспев, Элизет сначала побелела, потом покраснела и, наконец, посерела.

— Если ты так думаешь, — сказала она, — или если это твоя шутка, то ты достоен презрения. Ущерб нанесен, но может быть возмещен. Я твоя жена только на словах — и останусь ею только на словах. Подойди к двери моей комнаты — и увидишь, что она заперта. — Несколько человек в толпе радостно закричали. Она

не обратила на них внимания. — Возвращайся в свое прекрасное поместье в Херузале без меня, — закончила она. — Пойди поухаживай за какой-нибудь безмозглой женщиной, которая захочет слушать твои жалобы, если она окажется достаточно глупой. Да, ты получишь развод. С удовольствием. И больше ничего. — После чего она крикнула таращившемуся на них пьяному Хармулу: — Слезай!

Хармул, кивнув закружившейся головой, попытался спешиться и свалился с мула. Элизет в одно мгновение с акробатической ловкостью совершила три действия: взметнула морскую волну юбок, замерла в боковой посадке с одним стременем и соблюла при этом все приличия, — чем бесспорно завоевала сердце своей большой аудитории. Взбешенная, она пустила мула в галоп, расчистив выход через рынок к воротам под градом цветов.

ФЛОР БЫЛ ФОРМАЛЬНО УКРАШЕН для празднования. В урнах стояли коричневые пальмовые ветви и цветы, а в павильоне на крыше горела ароматическая свеча, окруженная мертвыми мотыльками.

— Это было еще до того, как он сообщил это половине города. — Голос девушки дрожал то ли от тревоги, то ли от стыда, то ли и от того, и от другого.

— К восторгу Кассиреи.

— Но ты понимаешь, что я имею в виду?

Пауза.

— Никто не вспомнит сути, только зрелище, — утешил Мевари.

— Если он вдруг умрет, — ее голос стал твердым, как стальной клинок убийцы, — если это случится, Мевари, они вспомнят.

— Тогда, — ответил Мевари, — мы должны пожелать нашему дорогому кузену Ройланту долгой и здоровой жизни. Ей-богу, каким он становится занудой. Как жаль, что этот несчастный нож сломался.

После этого наступила полная тишина, и в сумеречном воздухе над крышей, наряду с запахом духов и трепетом тусклых огоньков, раздался какой-то треск, знакомый всем, кто когда-либо поднимался по лестнице на террасу.

ИЗМУЧЕННАЯ НОВОИСПЕЧЕННАЯ ЖЕНА вернулась домой во Флор одна, почти за целый час до того, как появился ее муж, прикрывая платком нижнюю часть лица. Хармул угрюмо плелся в четверти мили позади, и ни носильщиков, ни носилок с ними не было.

Элизет к тому времени уже была у себя. Мевари, перегнувшись через выщербленные перила и обломки рассохшейся мебели, забросал кузена расспросами. Все признаки разгула исчезли с его лица. Кузен Ройлант, казалось, нуждался в лекаре.

— На меня напал какой-то фанатик или грабитель. Потрясенный, я ляпнул что-то неразумное.

— Понимаю.

— Надеюсь, она простит меня. Я иронизировал, но был принят всерьез. Подозреваю также, что у меня сломан зуб. Я едва могу шевелить губами от боли.

— Тогда лучше прибереги свои слова для Элизет. Я думаю, она собирается заморозить тебя до смерти сегодня ночью.

Губы Ройланта надулись под тканью платка.

Сайрион, выживший после покушения в Кассирее, — теперь вымытый, причесанный, надевший кольца и неподобающие пышно наряженный, — стоя под каменной лестницей, подслушал короткую драму наверху, а затем стал подниматься своей обычной спотыкающейся походкой, объявив о себе.

— Ну и лестница, — пропыхтел кузен Ройлант, поднимаясь на террасу.

— Ты в порядке? — услужливо спросил Мевари. Его фигура выглядела элегантно и угрожающе, подсвеченная решетчатым павильоном позади. Он был одет в четвертый по счету комплект безупречной новой одежды. Его глаза казались желтыми, как пламя лампы, и их яркость усиливалась на фоне чернеющего темно-синего неба.

Кузен Ройлант прошел вперед.

— Неужели она?..

— Здесь? Да. Я ее уговорил. Я сказал ей, что ты со-жалеешь.

— Я тоже сказал ей, что мне очень жаль.

— Что ж, — смутился Мевари, — она знает меня дольше.

— А я — ее муж.

— Да! Так и есть. А как поживает это несчастное лицо, подвергшееся нападению?

Кузен Ройлант нервно прикоснулся к нему.

— Десна распухла. Я наверняка потеряю зуб.

Мевари фыркнул.

Круглое лицо под теперь уже чистым, непрерывно прикладываемым платком и впрямь казалось еще круглее, губы вздулись от отека и не могли сомкнуться. Говорил Сайрион-Ройлант тоже с трудом.

— И первую брачную ночь тоже.

Сайрион прошел мимо Мевари и вошел в павильон.

Элизет в платье из кремового шелка с гелиотропами сидела, глядя на лампу. Она ответила на его бормотание холодным кивком.

— Тост, — сказал Мевари, входя и наполняя свой кубок. — За любовь.

Холодные блюда уже ждали на столах, возможно, поддерживаемые при нужной температуре взглядами Элизет. Вскоре вместе с Зимиром прибыли и остальные гости. Голова Зимира была небрежно забинтована из-за пореза, полученного от разбитого кувшина с маслом. Как заметил Мевари, вместе с ним и распухшим кузеном Ройлантом это место стало напоминать больницу.

— Он боится, что потеряет зуб, — сообщил Мевари Элизет.

Элизет ничего не ответила.

— Он боится, что потеряет и жену, — сказал Мевари. — Что ж, моя душечка, раз ты притянула его сюда с помощью магической силы, тебе действительно придется с ним мириться.

Она вскинула голову, уставившись на Мевари. Он отвел глаза.

— Посмотри, как ты расстроила беднягу. Он ничего не ест и не пьет.

Элизет встала и вышла из павильона на террасу. Она стояла, освещенная фонарем в темноте, и не обращала на них внимания.

Мевари усмехнулся.

— Попробуй этот хлеб с изюмом. Это действительно почти съедобно.

— Думаю, мне будет очень трудно...

— ...его съесть. Тогда выпей. Тупая боль, разбитое сердце и кровь виноградной лозы.

Бесшумно, как газель, на крыше появилась вторая женская фигура, темная, в отличие от золота первой.

Джанна несла в руках большое фигурное блюдо с жареным мясом. Она вошла с ним в павильон и поставила его посреди одного из столов.

Мевари, казалось, был недоволен, его спокойствие исчезло.

— Иди и жди Элизет, только не здесь.

Джанна низко поклонилась на восточный манер. Поклон был настолько вычурным, что показался издевательским.

— Моя госпожа хочет уволить меня.

Джанна встала перед ним, неподвижная и прямая, как Элизет.

— Значит, так и будет.

Мевари вышел на крышу.

Джанна, черная лилия, скользнула к столу, коснувшись Сайриона своими надушенными волосами.

— Господин, у вас с собой флакон, который я вам дала?

— Ах да, где-то он у меня был.

— При вас? Если так, то подлейте зелье в кубок колдуньи. Сейчас, пока они не вернулись.

— Я уже использовал его, — осторожно произнес Сайрион с распухшим лицом.

Она глубоко вздохнула. Ее руки скользнули по столу, и она предложила ему в качестве предлога блюдо с хлебом.

— Вы мудры, господин. Мудры.

Сайрион бросил взгляд в сторону одной из дверей. Голос Мевари разливался в звездном воздухе:

— Я... забочусь об этой шлюхе?

— Шлюха, — прошептала Джанна. — Да, шлюха, когда он рядом. Смотри за ними внимательно, господин. И следи за своим кубком.

Она выскользнула наружу и исчезла, как привидение.

Теперь Сайрион сам наклонился вперед, делая краткий подсчет, как могло показаться, тарелок и кубков, расставленных на трех местах. Хотя все кубки были из одного сервиса, однако каждый из-за износа имел какой-то отличительный знак. У того, что стоял перед Мевари, не хватало большого куска с краю, а у того, что стоял перед Элизет, на кубке красовалась белая отмечина. Кубок, приготовленный Зимиром для Ройланта и наполненный Мевари — и то и другое до его прихода,— имел невидимые, но хорошо различимые на ощупь за зубрины высоко на ножке.

Поскольку Ройлант ничего не ел, а кувшины были общими, убийца должен был проследить, чтобы зелье попало в его кубок. Теперь, после фиаско при Кассирее и публичного заявления Ройланта, у рассудительного убийцы были все основания позаботиться о том, чтобы смерть кузена Ройланта выглядела естественной. С состоянием вдовы правосудие можно было бы подкупить, но для этого требовалась некое прикрытие. Что означало смерть без раны, смерть от яда. И, несомненно, правдоподобная история, чтобы добавить весомости: злополучный Ройлант подвергся воздействию заразного безумия, от которого погиб раб Иobelъ. В таких случаях никто не найдет ничего необычного в том, что погибло больше одного человека.

Все еще пребывая в одиночестве, Сайрион воспользовался возможностью понюхать свой кубок. Кажется, ничего необычного в нем не было, но все заглушал все-поглощающий запах ароматической свечи. Он прикинулся, кто из них мог ее зажечь.

Снаружи, в гудящей, мерцающей темноте Мевари и Элизет подошли совсем близко друг к другу. Раздался слабый треск хрустяля — развязался и упал жемчужный пояс.

Сайрион поменял свой кубок на шершавой ножке на выщербленный кубок Мевари. И стал ждать.

Вскоре вернулся Мевари; Элизет без пояса — минутой позже. Трапеза возобновилась. Мевари продолжал есть. Элизет и Сайрион продолжали молчать.

Через мгновение Мевари потянулся за кубком. Подняв, он взглянул на него и, вместо того чтобы выпить, приподнял брови. Поставив кубок на место, он с лукавой улыбкой повернулся к Сайриону.

— В самом деле? — спросил Мевари.

Сайрион был озадачен.

Элизет застыла как изваяние.

— Похоже, — сказал Мевари, — это не мой кубок.
У тебя твой кубок, Элизет?

Изваяние опустило глаза и покрыло вино слоем инея.

— Я понятия не имею.

— А ты, мой имбирный пудинг, чей у тебя кубок?

— Чушь, — пробормотал Сайрион уголком распухшего рта.

— Хм... — Мевари не стал пить.

Без всякого предупреждения снизу донеслись ужасные скрипучие звуки, извлеченные, судя по качеству шума, из драной кошки.

Поднявшийся с проклятием Мевари вышел из павильона и что-то крикнул во двор: отвратительная какофония прекратилась.

— Ройлант, — ледяным тоном произнесла Элизет, — я вижу, ты все еще сосредоточен на идее считать себя нашей жертвой. — Ловким движением она сменила кубок Мевари, стоявший перед Ройлантом, на свой. — Значит, мы хотим тебя отравить? — Она подняла кубок Ройланта, ее глаза оставались устремленными на него. Она отпила вино, потом встала. — Тогда, если это было подстроено, я умру, не так ли?

— Да, — согласился он.

— Значит, я дура. Как я была дурой, выйдя за тебя замуж. Но мы женаты, я полагаю... Нет, я не стану запирать перед тобой дверь. Мевари убедил меня, что я должна быть послушной. Так что можешь прийти ко мне, когда захочешь. Если ты не слишком меня боишься.

Прихватив с собой холод, она вышла, миновав вернувшегося Мевари. На этот раз она спустилась по лестнице.

Мевари посмотрел на кубки.

— Что ж, — сказал он. — Позволь мне исправить ситуацию. У тебя мой кубок, у меня — Элизет, а у Элизет — твой. Поскольку мы с ней отправители, а Элизет, очевидно, отпила из твоего кубка, мы можем сделать вывод, что он безопасен. Мой, который теперь у тебя, тоже должен быть безопасен, так как я пью из него с заката. Впрочем, теперь ко мне перешел напиток Элизет — он кажется немного мутноватым. Неужели, дорогой Пудинг, ты увлекся ядами?

И Мевари выплеснул вино из кубка Элизет на пол и подушки.

— Вот так, — закончил Мевари с не обещающей ничего хорошего веселостью. Вернувшись к двери павильона, он крикнул: — Зимир, Хармул, принесите еще кубки. Их осталось еще довольно много, — ободряющее добавил он, обращаясь к Сайриону. — Ты действительно гораздо сообразительнее, чем я думал.

Сайрион выглядел оскорбленным.

Он стал выглядеть еще более оскорбленным, когда оборванные слуги побежали вверх по лестнице с десятью или около того кубками — все они были из одного набора и все выщербленные и шершавые, — и свалили их на центральный стол. Отодвинув тарелки с едой в сторону, Мевари наполнил кубки из кувшина. Разливая вино и звеня кубками, он много раз передвинул их друг

относительно друга — свой, Сайриона и даже Элизет, теперь снова наполненный и включенный в звенящую мешанину.

— А теперь, — предложил Мевари, — каждый из нас возьмет по кубку, дорогой кузен, и выпьет.

Сайрион поднялся, бормоча слова прощания.

Мевари щелкнул пальцами.

Удивительно сильные руки Зимира опустились на плечи Сайриона и толкнули его обратно в кресло. Сайрион сел. В этот момент в двух дюймах от его левого глаза появилось острое лезвие грязного ножа.

— Теперь это может быть любой кубок, не так ли? В любом кубке может содержаться тот смертельный ингредиент, который я ловко подсыпал тебе. — Поскольку, — заметил Мевари, — ты считаешь меня преступником, я больше не буду издеваться над тобой, притворяясь. Она вышла за тебя замуж и получит твоё добро, когда ты умрешь. Все твоё восхитительное состояньице. Так что пей.

— Нет... — Кузен Ройлант попытался вырваться, и грязный нож приблизился на дюйм.

— Кажется, это должно быть «да», — сказал Мевари, весь как будто сотканный из шелка.

Сайрион перестал сопротивляться.

— Ладно. — Он обмяк. — Какой?

— О, любой, любой. Это игра, помни. Ты будешь пробовать из каждого кубка на столе, пока не достигнешь смертоносного.

Хармул нервно хихикнул. Зимир, кажется, улыбнулся.

Сайрион наугад взял кубок. Это оказался не кубок Мевари — на нем был скол, но в другом месте. Он поднял его и швырнул через плечо в лицо Зимира.

Позади Сайриона случился взрыв активности, и угрожающий нож исчез. Вскочив со стула, Сайрион

последовал за мальчиком, выхватив клинок из его дрожащей руки. Мевари с презрительным ревом обнажил меч.

— Нож против моего меча? Дорогой Ройлант, тебе следовало прийти к столу вооруженным, как это принято у древних варваров.

Он встал между Сайрионом и столом, и его меч заставил Сайриона отпрянуть.

— Хочешь пролить все вино? О нет. Слишком просто, милый Пудинг.

Изящное движение меча, во-первых, и движение по дуге, во-вторых, сразу же указали на то, что умение Мевари фехтовать близко к совершенству. Сайрион отступил назад, защищаясь бесполезным ножом, как в недавней истории. Меч ударили в его направлении, и он уклонился. Хармул с визгом нырнул в сторону. Мимо промелькнула гарда.

Сайрион, отступив, вышел из павильона. Мевари, оттолкнув с дороги Зимира и стол, поспешил за ним.

Оба мужчины, словно оценивая свою новую арену, остановились на крыше перед аудиторией звезд, усыпавших огромное черное небо, на свежем воздухе, приятном после выветривания аромата погасшей свечи.

— Разумеется, мой меч тоже может оказаться отравлен.

Мевари взмахнул в ночи клинком, как соколиным крылом, указал им на звезду, а затем резко опустил вниз.

Кузен Ройлант с неожиданной ловкостью увернулся от его лезвия. Затем он метнул нож.

Снаряд должен был попасть в Мевари, и попал бы, если бы кузен-волк сам не оказался таким же проворным. Он мелькнул, как мысль, и нож перелетел через парапет террасы в ночь. Мевари, слишком надменный, чтобы смеяться, прыгнул вперед, меч запел, выдавая свою траекторию.

Кузен Ройлант, легко отскочив, ускользнул от него и столкнулся с чем-то другим. Что-то тускло поблескивало, начинаясь от парапета на высоте щиколотки и пересекая террасу, как длинная тонкая змея. Зацепившись ногами, кузен Ройлант упал, и Мевари, замешкавшись, но все-таки рассмеявшись, подошел к нему. Послушные рабы Зимир и Хармул выскочили из павильона и упали на распостертого человека, не обращая внимания, что его ноги в сапогах запутались в пурпурно-жемчужном поясе Элизет.

Кузен Ройлант перестал сопротивляться. Он лежал, и над ним смеялись, а Мевари ушел в павильон. Но когда Мевари вернулся с кубком вина, кузен Ройлант начал проявлять новое стремление к бегству.

Мевари опустился на колени и протянул кубок.

— Я нашел то, что нужно. Мой кубок. Который ты обменял на свой. Как, очевидно, намеревался сделать я. Либо я отравил его тогда, когда закончил пить, либо только сейчас. Интересно, когда. Как бы то ни было, пей. Наслаждайся, праздной. Это твоя брачная ночь.

Кузен Ройлант сражался еще какое-то время. Мальчики повисли на его руках, скулили как собаки и ругаясь, пока обнаженный меч Мевари не коснулся его горла.

— Или ты это выпьешь, — сказал Мевари очень серьезно, — или я вскрою тебе шею и волью это тебе в горло.

Кузен Ройлант, казалось, сдался.

Отпущеный слугами Мевари, он сел и, мертвенно-бледный, с достоинством протянул руку за кубком.

— Выпей все, сейчас же, — велел Мевари. — Как хороший мальчик.

Запрокинув рыжую голову, Сайрион выпил все содержимое кубка в рот, закрыл его и сделал сухой напряженный глоток.

Мевари отступил назад.

И отошел еще дальше, когда пухлая фигура, встряхнувшись, вскочила на ноги, пронеслась мимо него и, на этот раз уверенно ступая, бросилась вниз по лестнице во внутренний двор.

Двое слуг с гиканьем бросились за ним. Через мгновение внизу послышалась возня.

— Он у нас! Пытается засунуть пальцы в горло...

Мервари посмотрел сверху вниз.

— Одного глотка было достаточно, — заявил Мевари. — Слишком поздно, ему уже не спастись. Лучше пусть отправится к Элизет и умрет с комфортом.

Хармул и Зимир, отпустив несчастного, побежали между пустых фонтанов, весело улюлюкая.

На крыше Мевари вложил меч в ножны элегантным экономным жестом фехтовальщика.

ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА СПУСТЯ ЖЕНИХ постучал в дверь спальни своей невесты и, когда его впустили, выдохнул:

— Я погиб.

— Нет, — резко ответила она, — это я погибла.

Сайрион закрыл дверь и прислонился к ней. Опухоль, казалось, спала, и лицо вернулось в свое обычное пухлое состояние.

— Благородный кузен Мевари открыто угрожал мне и — как это сказать? — предложил выпить вина из кубка, первоначально принадлежавшего ему. Похоже, он предвидел все мои ходы. Он рассчитывал на этот обмен.

— Если только мы не отравили и твой кубок.

— Ты бы не пила из него, если бы это было так.

— Разве? — Она смотрела на него с презрением. — Нужели моя жизнь так прекрасна, что мне стоит цепляться

за нее? Возможно, меня больше не волнует, что со мной будет.

— Если ты рассчитывала умереть, почему ты одета для брачного ложа? — спросил Сайрион.

Элизет с минуту смотрела на него, потом опустила глаза и отвернулась. Прозрачный пеньюар и яркая вуаль волос повернулись следом за ней.

— И если ты ожидал смерти, Ройлант, то почему ты здесь?

— Нужно где-то провести свои последние минуты, — рассудительно заметил Сайрион. — Почему я должен избавлять тебя от зрелища моей последней агонии? Возможно, в предсмертной агонии мне даже удастся повредить кое-что из твоей скучной мебели.

— Это неважно. Скоро я получу в утешение все твое имущество в Херузале.

— Ты так считаешь?

Она обернулась и посмотрела на него.

— Или все это было ложью? Может быть, у тебя нет никакого поместья. Возможно, твоя вдова останется без гроша.

Она выглядела великолепно среди янтарного сияния свечей, наполнявшего комнату, которая, даже имея признаки упадка и разрушения, черпала из него странную глубинную красоту — посредством колдовской иллюзии?

— Почему бы, — сказал Сайрион, усаживаясь в кресло с высокой спинкой, — не осветить мои последние мгновения несколькими захватывающими истинами? Почему бы тебе не рассказать мне о Мевари?

— Мевари — это Мевари.

— Прошу прощения, я имел в виду первого Мевари, его отца. Твоего дядю.

Странным жестом, ибо прежде в ней не было ни намека на скромность, она запахнула внахлест полы свободного пеньюара, так что они перестали просвечивать.

— Он был моим опекуном, пока мне не исполнилось семнадцать.

— И тогда он умер. Как это произошло?

— Он утонул, — тихо ответила она.

— В море?

— В бане. В кальдарии. Он... — Она снова отвела взгляд и подошла к окну. — Он был пьяницей и, напившись до омерзения, пошел в баню и утонул там. Отвратительно, верно?

— Ты была его наложницей.

— Ты понятлив.

— Ты его убила?

— Нет. Я мечтала об этом время от времени. Но я этого не делала.

— Его призрак ходит по дому, ты знаешь?

— Я слышала про это. Его призрак, старая Таббит, бывшая моей нянькой, многочисленные ремусанцы и морские демоны, которые ночью карабкаются на утес... — Она повернулась и, поспешив к нему, упала на колени, склонила голову и пробормотала сквозь водопад блестящих волос: — Ты заслуживаешь правды. Твоя проклятая глупость заслуживает этого. Стоит ли говорить об этом Ройланту? Да, ему надо сказать. Я никогда не собиралась обманывать его. — Она подняла глаза и встретила его язвительный взгляд. — Я расскажу тебе. Мевари намекал, что я не девственница. Но, думаю, не потому, что его отец сделал меня своей наложницей в тот день, когда мне исполнилось четырнадцать. Это было меньше чем через месяц после смерти моего отца. Это произошло здесь, в этой комнате. Вон там, возле сундука. Дядя вошел в комнату и пять минут спустя овладел мной. Когда все было сделано,

он спросил, понравилось ли мне и люблю ли я его. Когда я сказала «нет», он ударил меня. Потом он снова спросил меня, и я ответила «да». Я быстро училась, понимаешь ли. В течение трех лет я поддерживала словами то, чего требовало его тщеславие. И то, чего требовала его плоть, я тоже поддерживала. Я всегда приветствовала его с радостью. Я познала на себе все его пристрастия. Ты это обнаружишь, если решишь испачкаться.

— А второй Мевари, — настойчиво произнес Сайрион. — Как он тебя нашел?

— Как ты сам утверждаешь, он мой любовник.

— Которого ты любишь как своего бога.

Какое-то время она изучала его пристальным синим взглядом.

— Так ты и это слышал? И верил в это так же, как и он? Нет. Он не мой бог. Я не люблю его, не наслаждаюсь им и даже не люблю его общество. Поддержав традицию своего доброго отца, он изнасиловал меня. К тому времени я уже привыкла. Как и у его отца, его любовные ласки немногим лучше изнасилования. И, как и его отец, он мелочен, ревнив, любит избивать женщин и лошадей и падок на лесть. Поэтому я поклоняюсь ему.

— Почему?

— Разве я только что не сказала почему? Как еще я могла здесь выжить? Как еще мне было жить?

— Ах, да. Ты не могла позволить себе бросить наследство, ни единого его обшарпанного дюйма. Поэтому ты терпела. И ждала, когда я выполню свою клятву.

— Ты... — Она сверкнула глазами. — Я надеялась, что брак принесет мне покой.

— После того, как ты отправила бы меня.

Она покачала головой, словно в замешательстве.

— Я почти боялась, что Мевари до этого додумается. Но решила, что ему привычней металл для убийства. Или что-то, что потребует применения какой-то мерзкой силы, о которой я не могу судить. — Она села на пятки, хмуро глядя на Сайриона, а затем замерла. Наконец она спросила: — Что с тобой?

— Как ты думаешь, что?

— Ты болен.

— Я сказал тебе в дверях.

— Яд? Я не верю этому.

— Он сказал, что мне от него не спастись. Похоже, он был прав. С эстетической точки зрения тебе не о чем беспокоиться. Это не будет похоже на кончину Иобеля. Какая великолепная удача для нас обоих.

Теперь ее взгляд был серьезен. В свете низкой лампы и свечей засияли струйки пота, медленно стекавшие по его волосам, по щекам и шее. Его руки вцепились в подлокотники кресла. Его губы, так быстро излечившиеся от припухлости, сильно побледнели.

— Что я могу сделать? — спросила она.

— Прочитать подходящую молитву, — предложил он. Теперь говорить становилось заметно труднее. — Я бы не советовал тебе целовать меня на прощание.

Боль, а она явно была, должно быть, усилилась. Его тело вытянулось и перекосилось, рот искривился, глаза застыли. Из уголка его губ, сложившихся в улыбающуюся гримасу, потекла струйка крови. Последнее, что увидел Сайрион, когда сильная агония затмила его зрение, — это ее выпрямленная фигура, удаляющаяся по комнате, золотая в золотом. Затем связь с окружающим миром оборвалась внутри него, как сорванный стебель. Мир польхнул черной молнией, и в этот момент он закричал. Элизет, снова добравшись до окна, остановилась. В ушах у нее звенел резкий крик. Она, казалось, ждала.

Когда она вернулась к нему, чтобы проверить, он обмяк, упал боком на подлокотник кресла, закрыл глаза, слабо улыбнулся, его дыхание прервалось, а сердце остановилось.

ГЛАВА 4

ФИГУРА ОДИНОКОГО ВСАДНИКА, двигавшегося рысью через сады Флора в прозрачном полуденном солнечном свете, была не в состоянии скрасить вид разрушавшегося особняка. Накануне вечером его обитатели с необычайной прытью ходили туда-сюда, открывали и закрывали двери. В поле зрения показались не все. Те, кто показался, не пылали оптимизмом. Одинокий всадник, у ворот попавший вместе со своим скакуном в бесхитростные руки Зимира, действительно оказался предвестником судьбы.

Когда Зимир направился к арке конюшни, его внезапно схватила довольно грозная смуглая фигура. Она потребовала прибывший с посыльным конверт. Надпись на конверте указывала, что это собственность Ройланта Бьюселера, поэтому Мевари немедленно вскрыл письмо. По той простой причине, что кузен Ройлант больше не мог проявить к нему никакого интереса. В конверте лежали две бумаги. Первый пергамент, подписанный и скрепленный печатью трех адвокатов, свидетельствовал о действительности второго документа, который был всего лишь копией другого, спрятанного в подвалах некоего здания в Херузале. Второй документ, запечатанный личной печатью Ройланта, тоже был вскрыт.

Учитывая предыдущие события, вероятно, не нужно быть гением, чтобы угадать его содержание. В документе

Ройланта, снабженном множеством витиеватых юридических фраз, сообщалось, что в случае его внезапной смерти — если она наступит — все его имения, деньги и движимое имущество перейдут ни много ни мало к королю Мальбану, его уважаемому сеньору, на содержание армии, на благотворительность и для процветания его королевства Херузала.

Единственный способ, которым богатый человек мог лишить своих наследников и иждивенцев любого права на свое богатство, — это оставить все либо Богу, либо королю. Король, будучи реальным человеком, являлся более надежным наследником.

Примерно через час в зарослях сада под облепленной осами шелковицей зашептали голоса. Сложно было разглядеть двух человек — мужчину и женщину, — гудевших в душной тени, как пара ос. Но эти голоса были удивительно похожи на голоса Мевари и Элизет.

— Я ничего ему не давал. Этот трус умер от страха, — прошептал человек, похожий на Мевари, со всей раздражительностью Мевари.

— Неужели, любимый? — ласково откликнулась женщина с тем же ядовитым оттенком, который был замечен в ее голосе той ночью, когда они говорили о якобы одурманенном спящем.

— Нет, я этого не делал. Он только думал, что я сделал. И задохнулся от страха. Если только ты...

— Я? — произнесла она с невинным изумлением.

— Почему не ты? О милая кузина, у тебя странный образ жизни.

— Ты же знаешь, я тебя обожаю. Ты знаешь, что я благотворю тебя. Могу ли я пойти против твоей воли? Разве я не отвергаю все — и всех людей, и всякую веру, — чтобы ты мог осуществить свои желания?

— Ну... ладно. Но я получил эту проклятую юридическую чепуху — состояние Бьюселера достанется королю.

— И мы его все-таки не получим?

— Взгляни немного глубже. Если Пудинг составил такое завещание, отняв все у своей вдовы и родственников в пользу короля, значит, и сам кровавый Мальбан поймет, что Ройлант подозревает нас. Не успеет Ройлант умереть, как нас заклеймят его убийцами.

— Его вдову заклеймят раньше, чем тебя.

— Тонко подмечено. Если в наши планы привнести любой неопределенный элемент...

— Тогда не привноси ничего.

— Что?

Междуд ветвями, густо усеянными листьями, плодами и жалящими насекомыми, мелькнули две пары бледных глаз, уставившихся друг на друга, чувственных, враждебных, нетерпеливых.

— Если смерть Ройланта принесет нам неприятности, — пояснила она, — пусть он пока не умирает.

— Ты опоздала.

— Нисколько. Он либо в поместье, либо уехал — в зависимости от того, кто за ним пошлет. А пока похорони его тело и забудь.

— Чтобы еще одна новая могила нас выдала?

— Нет. В каменной гробнице моего отца Герриса есть лишнее незанятое местечко, не так ли? Сегодня ночью положи туда труп и снова закрой крышку. Хармул и Зимир все равно не посмеют заговорить. Судя по твоему рассказу, их тоже можно обвинить. И пока эта женщина, эта жеманная сучка у тебя в рабстве, ты можешь приказывать ей и заставлять молчать. Ведь так?

Смех.

— Да. Ты очень умна, сладкая моя.

Посыпались другие звуки, потом ее колкий голос:

— Здесь? Мой любимый пастушок. Помнишь, как ты меня впервые изнасиловал?

— А ты помнишь, — спросил он, — как тебе это понравилось?

Ее смех был очень похож на потрескивание искр, пробежавших по кошачьей шерсти.

ОБДАВАЯ СКАЛЫ ПЕННЫМИ ВОЛНАМИ, синее сверкающее море искало пещеры, гроты и скрытые протоки, наполняло их, а затем снова отступало прочь. Солнечный свет вытекал из-за края земли и разливался по воде. Горизонт разрезал солнце, принося морской богине кровавую жертву.

В ту ночь во Флоре был слышен шум прибоя, один-два соловья, металлический звон движущихся рычагов, три-четыре неприятных скрежещущих звука, глухой стук, снова скрежет, звон рычагов и хруст камней.

ЗА ХОЛМАМИ, В КАССИРЕЕ, подобный эпизод был бы почти не замечен: среди ночи хлопали городские двери и ставни, всадники скакали в попыхах по делам губернатора, веселились или рыгали пьянчуги, скулили собаки и безумствовали петухи, постоянно сбитые с толку бесконечным зажиганием огней и случайными мелкими поджогами. Ройлант вслушивался в этот оркестр, как он делал это и во время других бессонных ночей в гостинице «Замок». Когда забрезжил рассвет и снова закричали петухи — не то в смятении, не то от обиды, — он сел и начал писать письмо утраченной им

госпоже из Херузалы. Но слова не приходили. Между ним и успокаивающим, заурядным образом вставал другой, похожий на острый нож. Элизет.

Рассвет, согласно писаниям пророка Хоканнена, являлся временем чистоты и непорочности для созданий земли. Лев крался к источнику в пустыне и плескался там, не причиняя вреда оленю. Птица летела навстречу возвращавшемуся солнцу — обетованной Божьей любви и прощению. Восход солнца, подобно глубокой воде, принес омовение всех грехов. Можно было начать все заново.

В пустыне, где сей пророк, как и большинство пророков, долго жил, может, даже сопровождаемый бронзововолосой Зилуми, все это так и могло быть. Наступление дня требовало только размышлений, молитв и внутренних диспутов, время от времени дополняемых вылазками с целью ограбления пчелиных гнезд или пожирания беззащитной саранчи.

В Кассирее рассвет принес лишь новую какофонию, и вскоре Ройлант отложил ненаписанное письмо.

Тяжелые шаги на лестнице свидетельствовали о мудрости и своевременности этого поступка. Громкий стук в дверь добавил уверенности. Ройлант открыл ее, и в комнату вошел крупный мужчина, состоящий из плотного жира и мускулов и отягощенный долгой ездой.

В нем можно было узнать более крупного слугу-херузальца, который сопровождал Сайриона, притворявшегося Ройлантом, во Флор, потом отправился в деревню, а потом и вовсе уехал в город. Поскольку теперь он был не так подвижен, в нем также можно стало опознать безумца, который стащил Сайриона с коня на рынке и не смог нанести ему удар заранее подготовленным сломавшимся лезвием ножа. По настоянию Сайриона, он был наемным слугой Ройланта в течение пяти дней.

— Что случилось? — спросил Ройлант.

— Самое худшее, что могло случиться, — ответил наемник. Он просто проявлял вежливость, выполняя свою работу. Ему было все равно, пока ему платили.

— Что значит... Худшее?

— Во время первой брачной ночи происходило что-то странное. После нее было много всякой беготни. На следующий день Мевари был чем-то занят. А потом я потерял его. Я снова застал его, когда он возвращался через один из садов — у него там были какие-то другие дела. Я думаю, и у него, и у нее. Забавно, как они любят гулять на свежем воздухе... Потом наступил вечер, и, наконец, зашла луна. Вскоре после этого четыре человека вышли через заднюю дверь, прошли мимо бани, вышли на кладбище и железными рычагами открыли одну из гробниц. И положили туда свежее тело.

— Боже мой! Чье?

— А вы как думаете, чье?

— Ты имел в виду его...

— Света было очень мало, но я засел в этой покосившейся развалюхе, башне, и увидел его сверху. Обзор загораживало небольшое деревце, но такое ажурное, что сквозь ветви легко было разглядеть. Я узнал твоего кузена Мевари и двух мальчиков. Она тоже была там, я узнал ее даже без луны: ее светлые волосы развевались как знамя. Тело завернули в простыню, но она была вся в дырах, и лицо оставалось незакрытым. Я разглядел достаточно, чтобы узнать его, а затем, даже при свете звезд, увидел тусклый блеск кольца на левой руке. Он был тяжелым. Они немного повозились из-за крышки. Она помогала. Потом Мевари и оба мальчика задвинули крышку и ушли.

— Боже милостивый. Ты уверен?

— Полностью. Я находился довольно близко к тому месту и всего в пятнадцати футах над ним. Это Сайрион, и он мертв, как только может быть мертв человек.

Ройлант снова сел. Руки у него тряслись.

— Он допускал, что это будет рискованно.

— Значит, он оставил вам запасной план.

— Да. О боже. Я надеялся держаться в стороне.

А Сайрион — я считал его несокрушимым.

— Хитрый дьявол, — согласился наемник. — Но даже лис ловят.

— Я виню себя.

Наемнику стало скучно. Он был солдатом и привык, что внезапная смерть — обыденность, а не выдающееся событие.

Расспросив его еще немного, Ройлант отпустил наемника в условленное место, а сам принялся расхаживать по комнате. Он с ужасом почувствовал себя человеком, который нечаянно вызвал крупное бедствие. Сайрион. То, что Сайрион мертв, невероятно. Ройлант не верил. Он лихорадочно вспомнил рассказ караванщика о Рыцарях-Голубях. Как Сайрион притворился мертвым, впав в глубокое беспамятство. Если предположить, что такая магия возможна, не мог ли он и теперь так же симулировать смерть?

Если бы Ройлант был свидетелем последовательности действий на крыше террасы, он, возможно, отложил бы даже эти надежды в сторону. Вино было определенно отравлено, кто бы ни признался в отравлении. И Сайрион вылил все содержимое чашки в рот, сопроводив его большим болезненным глотком. Небольшое количество жидкости можно было бы оставить во рту и не глотать. Но Сайрион поглотил большую часть. Глупо игнорировать и шутливые слова Мевари: «Одного глотка будет достаточно». Если отрава действительно настолько сильна, то даже

если ее немедленно выплюнуть, смешавшийся со слюной остаток на ротовой полости и языке окажется смертельным.

Более поздняя драма, разыгравшаяся за закрытой дверью покоеv Элизет, могла бы дополнительно лишить Ройланта уверенности. Во время этой драмы тело Сайриона подверглось многим видам испытаний для обнаружения признаков жизни. Его били, щекотали, прижигали, кололи булавками, но оно оставалось вялым, и поднесенное к лицу зеркало ни разу не запотело от дыхания.

Еще один аргумент против сомнительного выживания Сайриона: заживо погребенный, он бы очень быстро задохнулся. Потребовалось три пары рук и инструменты, чтобы сдвинуть крышку гробницы. Каменная кладка была прочной, а сверху располагалась каменная фигура, удерживая того, кто захочет уйти. Живой он был или мертвый, будущее Сайриона не выглядело таким уж радужным.

Джанна плакала сильно, но практически молча — способ, которому она волей-неволей научилась давным-давно. Она все это время сдерживала неистовство слез; это была ее первая передышка после смерти Ройланта из Бьюселеров и возможность дать волю своим чувствам в полной уверенности, что ее никто не потревожит.

Ее рыдания закончились, однако, с той же внезапностью, с какой и начались. Она привыкла к обману, он был для нее жизненно необходим. Она также обладала огромным самоконтролем. Достигнув вершины своей истерики, она тут же свела ее на нет. Еще минута, и она с сухими глазами и непроницаемым выражением лица повернулась к занавешенной двери своей комнаты. Как только она это сделала, у ее порога раздался едва слышный хруст. Это могла оказаться не более чем

кучка разбросанной листвы, шелестящая на вечернем ветерке. Искушенная во многих вещах, Джанна знала, что это не так.

Она бесшумно пересекла комнату и откинула занавеску. Там никого не было, но на пороге за ширмой лежал маленький сверток. Широко распахнув светлые глаза, она осторожно взяла его, пощупала, перевернула, потом понюхала и медленно открыла.

На землю упал комок блесток. Джанна посмотрела на него, потом наклонилась и подняла. Длинный шелковый шарф, расшитый звездами, блестел у нее в руках. Таким могла бы украсить свое платье или волосы леди. Не обращая внимания на свое бедное платье, зашитое и залатанное на груди после безумного нападения Иobelля, Джанна подбросила шелк в воздух и позволила ему упасть ей на голову. Серебряные звезды мигнули, в отличие от ее немигающих серебряных глаз, она пересекла двор и вошла в открытую кухню.

Хармул возился с печами, убирая сгоревшие угли. Или притворялся. Через некоторое время, в течение которого девушка не произнесла ни слова и не издала ни звука, Хармул с явной неохотой повернулся.

— Тебе нравится моя вуаль? — спросила Джанна.

Хармул замялся и уставился на свои грязные пальцы.

— Это похоже на вуаль знатной дамы? — ласково поинтересовалась Джанна. — Я только что нашла ее у своей двери. Соблазнительный дар. Там никого не было. Могу ли я принять такую вещь?

Хармул смущался.

— Я слышал, как ты говорила, что хотела бы... хотела бы... могла бы... — Он запнулся.

— Вуаль, вышитую серебром, — прошептала Джанна. — Но откуда у тебя такая вуаль?

— Из Кассиреи. Я ее украл ее на улице Шелков.

— Ах! — оценила она, вспомнив свое рабское детство. — Для меня?

— Да.

— Тогда я благодарю тебя. Но чего ты хочешь взамен?

Хармул, неистово кланяясь, упал лицом вниз. Джанна снова рассмеялась, и этот смех был холодным.

— Это что, плата за мою любовь?

Хармул не смотрел вверх, поэтому он не видел, а только слышал, как ее сильные руки разорвали вуаль на два рваных клочка, тут же бросив их перед ним на грязный пол.

— Меня так просто не купишь, — отрезала она. — Я знаю, кому ты действительно служишь. Берегись меня.

Тут кто-то закричал с внешней стороны особняка. Оба узнали голос Зимира.

Хармул вскочил и помчался во двор у конюшни, а оттуда через раскрашенную арку — во двор перед особняком. Джанна медленно последовала за ним.

ЗИМИР, КОТОРОМУ НАСКУЧИЛО БРОСАТЬ камни в одного из синих львов рядом с бассейном, забрался на умирающую пальму. С этой позиции он осмотрел стену особняка и оглядел сады. Он не искал ничего особенного и поэтому был весьма удивлен, когда что-то особенное появилось.

Оглянувшись, Джанна заметила, что к одному из полуразрушенных длинных окон над входом с колоннами стремительно подошел Мевари. На нем был очередной новый наряд, желтый, как выжженный тростник, возможно, под цвет его глаз, и он стоял там, великолепный даже в неуверенности. Он не

смотрел на нее, и она, глядя на него, наслаждалась в этот момент представлением его смерти, кровавой и окончательной.

Потом она тоже выглянула из двойных ворот, чтобы посмотреть, кто или что приближается.

Девять всадников довольно быстро попали в поле ее зрения. Выехав из фруктового сада, они перестроились по три в ряд. Их возглавляли еще два человека. Один из них, обладающий холодной красотой, с кольцами на руке, несомненно являлся великолепным наездником. Другой, пухлый и одетый в парчу, имел нетвердую посадку и неуклюжий вид, его кольца поблескивали, когда он тяжело подпрыгивал в седле. Солнце отбрасывало оранжевый от свет на его волосы.

Их вида оказалось достаточно, чтобы сердце Джанны словно огнем обожгло. Она пожалела, что с ней нет талисмана из зеленого камня, защищавшего ее от призраков.

Первым заговорил наемный солдат. С отпущененной за две недели эффектной бородкой он стал неузнаваем для любого, кто видел его раньше в роли слуги или импровизированного убийцы. Однако наемнику поднадоел Флор, в который он уже трижды приезжал верхом и за которым шпионил между своими визитами.

Он с брезгливостью обратился к оборванным подросткам, с которыми когда-то дрался, поскольку они снова оказались единственными обитателями двора со львами — Мевари и Джанна исчезли.

— Ступайте к своему господину и своей госпоже и скажите им, что здесь лорд Ройлант.

На этот раз оборванцы не рвались в бой.

Они уставились на пухлого молодого господина с рыжими локонами и тут же бросились врассыпную.

На первый взгляд было трудно определить, кто больше нервничал: Хармул с Зимиром или Ройлант.

Из коридоров, дворов и покоев особняка теперь доносился беспорядочный поток жутких воплей и хлопанье дверьми. Наконец вернулся Зимир. Он поманил Ройланта из-за створок входных дверей и снова скрылся.

Ройлант спешился. Он выглядел не так неуклюже, как изображавший его Сайрион. Но похоже. Трое из девяти охранников тоже спешились. Остальные шестеро ожидали в состоянии суповой готовности. Они действительно были воинами. Поскольку ношение стандартной кольчуги было строго запрещено, не считая случая защиты королевства под предводительством короля, эти люди носили безрукавки из стеганого полотна, способного противостоять даже стрелам, железные шишаки и привычно оттопыривающиеся клинки. На всей амуниции был начертан герб Херузалы. Не просто телохранители, а специально выделенная Ройланту королем личная охрана, вооруженная до зубов и явно способная убить.

Ройлант с наемным солдатом и тремя стражниками протиснулся через приоткрытые двери в коридор и оказался во внутреннем дворе.

Мевари стоял у дальнего из мертвых фонтанов. Его загар тоже выглядел желтоватым. Он отвесил оскорбительно напыщенный поклон, выпрямился и остался стоять. Молча. Его взгляд скользил по Ройланту снова и снова. Несмотря на тактичное отрицание под грабом, Сайрион имел весьма убедительное внешнее сходство с пухлым кузеном Пудингом, способное в этих обстоятельствах вызвать легкий ужас.

— Господин, вы Мевари из Флора? — поинтересовался наемник.

— Возможно, — сказал Мевари. — Но я хотел бы знать, кто этот человек и почему он сам не спросит.

Уязвленный Ройлант вновь впал в гнев, который привел его сюда.

— Я могу представиться. Я — Ройлант. Твой кузен.

Взгляд Мевари дрогнул. Потом он улыбнулся.

— Мы ждали тебя несколько дней назад.

— И я приехал несколько дней назад, не так ли?

Мевари застыл, потом овладел собой и взмахнул рукой.

— Правда?

— Ты считал, что это я. Человек, называющий себя моим именем и чем-то похожий на меня.

Мевари сделал вдох и решился.

— Ты хочешь сказать, — осторожно произнес он, — что это был самозванец?

— Нет. Он был моим агентом. Он приехал сюда, чтобы выдать себя за меня перед тобой и твоей кузиной... — Ройлант заколебался, но все же произнес имя: — Элизет. Он действовал так, как я ему велел. А теперь я хотел бы знать, где он.

— О... — Мевари замолчал. Он глянул в светлое небо, потом посмотрел в глаза Ройланту. — Он вчера уехал. Нам это показалось странным. Ведь он «со всей предусмотрительностью» сделал Элизет предложение руки и сердца.

— Я тебе не верю.

— Это истинная правда. Думая, что это ты... — что за извращенное представление ты устроил, Ройлант, дорогой? — она приняла его.

— Я хочу сказать, — холодно произнес Ройлант, — что не верю, будто этот человек уехал. Мне кажется, он все еще здесь.

Мевари развел руками.

— Ищи.

— Я так и сделаю.

У Мевари отвисла челюсть.

— Человек, посланный мной сюда, — сказал Ройлант, — действовал как мой агент, потому что у меня были определенные опасения. Я считал их недостойными, но предостережения оказались настолько конкретными, что я прислушался к ним. Мне сказали, что ты и... и Элизет попытается убить меня, как только я женюсь на ней, чтобы заполучить себе мое богатство. Как я теперь понимаю, вы поверили, что мой агент — это я, она вышла за него замуж, а затем его убили.

Мевари, казалось, был оскорблен, поэтому ничего не сказал.

— Если мне понадобятся доказательства вашего злодейства, — продолжал Ройлант, с каждой фразой приобретая все более зловещий вид, — их обеспечит смерть этого несчастного молодого человека, выдававшего себя за меня. Согласись, мне нужно только найти его тело. Затем эти господа сопроводят тебя и твою... и Элизет в Кассирею, где я уже предупредил судей губернатора.

Мевари определенно побледнел, но, оскалив волчьи клыки, ухитрился ухмыльнуться в ответ на последний вызов.

— Как скажешь. Тебе нужно только найти тело.

Девичий голос зазвенел в воздухе, как рассыпанный хрусталь:

— Мевари, неужели ты такой оптимист? Если он так много знает, то знает и это.

Мевари запрокинул голову и посмотрел на Элизет, стоявшую на верхней террасе.

— Замолчи, потаскуха.

— Нет, — прервал Ройлант с необычайной силой, — ты помолчи, бесхарактерный пес. Знаю. — Он посмотрел на Элизет, бледную и неподвижную рядом с потрескавшейся слоновой костью, затем отвел глаза. — Ты

бросил тело рядом с ее отцом, даже не успев как следует завернуть его.

Мевари попятился, забыв, что стоит спиной к фонтану. Выругавшись, он отошел в сторону.

— Ты ненормальный, Ройлант. Сумасшедший.

— И она, конечно, потворствовала этому, — добавил Ройлант более спокойно.

— Да, — признала Элизет. Пройдя по террасе, она стала уверенно спускаться по каменной лестнице. Она выглядела мертвенно-бледной и непривычно жалостливой. — Я потворствовала этому ужасному, грубому похребению. Я так же виновна, как и он. — Спустившись во двор, она заколебалась, затем сделала шаг к Ройланту. — Я провожу тебя как своего гостя.

Ройлант побледнел. Мевари сделал то же самое.

Элизет, бледнее их обоих, пересекла двор, и они последовали за ней через конюшню на склон холма.

РОЙЛАНТ ШЕЛ В ПЯТИ-ШЕСТИ шагах позади Элизет, наемный солдат — на шаг позади него. Мевари, поначалу почти собравшийся бежать (оказалось бы — лишь один внезапный рывок в сторону сада), был прехвачен тремя охранниками. Зная, что рядом все девять, Мевари согласился с планом и теперь шел чуть впереди своих трех фактически конвоиров. Он насмешливо улыбался, оскалив зубы, пребывая в крайнем ужасе. Быть уничтоженным идиотами было явно не в его стиле.

Они поднялись по выжженному солнцем склону, где, как маяк, сияло маленькое шафрановое деревце.

Войдя в его кружевную тень, Элизет встала у изголовья каменной фигуры и уставилась на нее, не говоря ни слова.

Ройлант, Мевари, наемник и стражники расположились вокруг плиты и замерли в ожидании, словно вокруг стола для совещаний.

— Милорд? — наконец спросил наемник.

Ройлант сглотнул.

— Открывайте.

Когда рычаги, лязгая и скрежеща, начали свою работу, далеко внизу, среди тамарисков у стены бани появилась еще одна фигура — Джанна, подобная тени с глазами.

Работали рычагами по-прежнему только трое, но на этот раз все — взрослые и сильные мужчины. Прошло не больше минуты, прежде чем каменная крышка гробницы, уже немного расшатанная предыдущим сдвигом, со скрипом приподнялась.

У Ройланта заколотилось сердце. У него была смутная, нелепая надежда, что, добравшись сюда так быстро, как только возможно, он успеет спасти Сайриона от удушья при условии, что тот фантастическим образом избежит смерти.

Крышку отодвинули и отбросили. Содержимое гробницы Герриса открылось не в безлунной тьме, а в безжалостном сиянии дня.

Наемник и стражники с любопытством заглянули внутрь. Остальные трое напряглись и сделали то же самое — из мрачной необходимости.

Первый звук издала Элизет. Это был тихий, невыразительный вздох. Мевари был вторым. Повернувшись к Ройланту, он воскликнул:

— И где же ваши доказательства?

Ройлант посмотрел вниз на закутанное тело, сдвинутое в сторону и своим запахом сразу же указывающее, что оно принадлежит Геррису из Флора, а также на широкий, покрытый темными пятнами и паутиной

трещин камень перегородки, отделявшей место для еще одного трупа. Помимо этого, гробница была пуста.

ГЛАВА 5

ПРЕДСКАЗАТЬ ВЫВОДЫ ХИТРОГО УМА и поступки, вытекающие из них, иногда не так трудно, как судить о ходе простых мыслей.

Сайрион, помимо своей чувствительности к сверхъестественному, умел также разгадывать хитрости.

Он предвидел, что Ройланта отравят в ночь фальшивой свадьбы с Элизет. Поэтому справедливо предположить, что с того момента, как он появился на террасе на крыше, он стал открыт для атаки любого блюда, кувшина или кубка, которые ему попадались. Главным образом по этой причине Сайрион устроил представление на рынке в Кассирее. Хотя нападение послужило и ряду смежных целей. Во-первых, он устроил публичную генеральную репетицию готовящегося покушения на настоящее убийство, поставив в известность Элизет, а значит, и все остальные заинтересованные стороны во Флоре, что опасения Ройланта услышала большая толпа. Во-вторых, он случайно добавил ложку дополнительной путаницы в блюдо, до этого момента готовившееся по рецепту коварных кузенов. Сайрион также смог заметить реакцию Элизет на непредвиденный переполох — занятный, не лишенный информации побочный эффект. Третья цель инсценированной драки была странноватой, но жизненно важной. Несколько ударов по лицу полностью оправдывали бедного кузена Ройланта: в тот зловещий вечер он не мог есть и с большим трудом пил из-за очевидных отеков губ и челюсти,

к тому же мешающих говорить. Все это было весьма необходимо. Поскольку нехитрый прием — заявление, что не вписался в дверь или упал с лестницы, — при таких подозрительных обстоятельствах выглядел бы совсем неубедительно. Избиение до соответствующей кондиции на виду у нескольких десятков человек служило гораздо лучшим оправданием.

На самом деле причиной распухшего лица Сайриона, конечно, являлись не побои и не сломанный зуб. И наемный солдат, и Сайрион, как и большинство отличных воинов, были мастерами воображаемого боя. Испачканную финиками салфетку он использовал для того, чтобы скрыть отсутствие синяков, а не их наличие.

Уединившись в своих покоях во Флоре, Сайрион вынул набивку для щек, требовавшуюся для его роли, и заменил ее другим комплектом, к которому было прикреплено кое-что более громоздкое. Это было нечто вроде небольшого вытянутого мешочка из тонкой выделанной кожи, горловина которого представляла собой грубое подобие внутренней части человеческих губ. Вставленный в рот, он присасывался к ротовой полости, не оставляя места для чего-либо еще. Как только приспособление оказалось в нужном положении, нижняя часть лица стала напоминать морду задумчивого бабуина. Есть стало немыслимо, а говорить было возможно с большим трудом, поскольку, хоть язык и шевелился, а губы двигались, им мешала кожа мешка. Зубов вообще не стало видно. Прелесть этого кошмарного приспособления заключалась, однако, в том, что оно позволяло без вреда для своего носителя влиять в него любой яд, даже самый сильный, гарантируя, что он выльется наружу, не соприкоснувшись ни с какой частью рта, не говоря уже о том, чтобы достичь желудка.

Удалить мешок было даже проще, чем его вставить. Сайрион поднес руку к губам и осторожно потянул. Хитроумное приспособление высвободилось, зелье не пролилось и не причинило никому вреда. А затем он исследовал его и был очень заинтригован, когда узнал, что это за яд.

Следующий шаг оказался не таким легким и значительно менее приятным. От него ожидали, что за ужином он отравится, и он подчинился. Поскольку теперь от него ожидали, что он умрет, Сайрион намеревался быть столь же любезным. Предполагая, что его, разумеется, тщательно проверят на отсутствие признаков жизни самыми жесткими способами, он понимал, что простой видимости смерти, какой бы убедительной она ни была, недостаточно.

Сайрион знал техники, приписываемые иногда кочевникам, иногда пророкам и магам, или же случайно в других местах постигал считавшиеся магией практики, которые касались контроля и подчинения плоти. Среди этих техник и этой магии было несколько форм кажущейся физической смерти и только один способ вызвать настоящую физическую смерть — которая, при условии, что разум и тело здоровы и великолепно отлашены, могла оказаться временной и обратимой по воле адепта. Этот способ связан с системой естественной электропроводимости тела, находящейся в спинном и головном мозге, известной кочевникам как Змея. Это «существо», являющееся чистой энергией, можно пробудить и извлечь из нервной системы позвоночника. Электрический заряд, проходя по позвоночнику, как поднимающаяся змея, в конце концов достигает мозга и вспыхивает там — подобно удару змеиных клыков. Это также похоже на удар молнии. Сердце останавливается, и прекращаются все дополнительные функции.

Тело вводится в стазис, и, если выражаться врачебным языком, оно мертвое. Одновременно оно нечувствительно для любого из самых коварных испытаний, которые только можно придумать для установления наступления смерти.

Однако сознание при этом сохраняется. Поначалу, конечно, оно оглушено и затухает, как свеча. (И при неумелом исполнении оно гаснет окончательно, пока не окажется оторванным от тела и неспособным в него вернуться.) Сайрион, адепт, чье мастерство говорило само за себя, менее чем через час вновь осознал, что происходит, и поэтому наблюдал за происходящим из темной сторожевой башни своего черепа. В тот момент, когда испытания закончились и мертвое тело оказалось вне всякого сомнения мертвым, он вернул органы и токи своего тела в самое легкое и незаметное подобие жизни. Теперь же, если бы кто-то захотел проверить, он мог бы обнаружить слабые и редкие удары сердца. Он также мог бы заметить неуловимое дыхание. Но только если бы он вернулся, чтобы еще раз изучить его в подробностях. Но к тому времени любой, кто хотел проверить труп, уже сделал это. Да и кто же поджигает огонь, как говорят кочевники?

Часть ночи, день и вторую ночь Сайрион находился на грани жизни и смерти, полностью владея собой, пока его считали трупом. Этот едва дышащий труп бросили в вонючий ящик дяди Герриса и плотно закрыли крышку.

Предсказать заранее, куда его бросят, было не так уж и сложно. Элизет сама указала свободное место в этой гробнице. В отличие от нездачливого Иобеля, его не просто закопают в землю, поскольку сюда доставят юридические бумаги, адресованные самому Ройланту. Как здраво рассудил Мевари, переход собственности от

законных наследников к королю подразумевает подозрения в отношении этих законных наследников. Поэтому сообщать о смерти Ройланта было нецелесообразно. Как и оставлять удобные улики в виде свежевскопанной земли для тех, кто может вскоре прийти посмотреть.

Позже Сайрион посетил гробницу под шафрановым деревом в ночь призраков. Он работал там некоторое время с молотком и зубилом, пока не сделал множество маленьких отверстий в различных местах у основания гробницы. Изъеденный сыростью камень не был таким уж неподатливым. Образовавшихся отверстий, хотя и скромных по размеру, было вполне достаточно, чтобы дать доступ к живительному воздуху любому живому существу, замурованному внутри.

Как и предполагал Сайрион, никто не подготовил тело Сайриона-Ройланта к упокоению. Сущая насмешка — ждать таких почестей от своих убийц. Поскольку погода стояла теплая, было желательно поторопиться. По этим причинам маскировочную телесную подложку Сайриона так и не обнаружили, как и те полезные предметы, которые содержались в этой подложке со временем последних событий.

Сайрион в камне должен стать временным, а не постоянным состоянием.

КАК ТОЛЬКО КРЫШКА ГРОБНИЦЫ заскрежетала, заслоняя звездную ночь, отстраненное, но ясное сознание Сайриона принялось восстанавливать его тело до полной работоспособности. Логично предположить, что он и раньше практиковал подобное отделение сознания и восстановление тела. Заслуживает доверия и то, что при проведении ритуала должны присутствовать некоторая

дезориентация и мистическое опьянение. Если это и было так, то по возвращении адепта эти явления прекращались. Очнувшись на полу гробницы, Сайрион вновь обрел свободу, что тоже было логично. Единственная странность: вместо того чтобы открыть крышку и подняться, он решил продолжить спуск.

Под могилой Герриса протекал ручей, на это указывало состояние подножия могилы — лишайник и выросшее там цветущее деревце, тогда как на вершине утеса могла расти в лучшем случае подсохшая трава и кучка сухих цветов. Под колодцем призраков в коридоре-дворе, возможно, тоже была вода, заполнившая огромную пещеру и, кажется, подмывавшую всю эту часть утеса. Также у Сайриона имелась интересная визуальная информация о толщине тверди, отделявшей открытую пещеру внизу от слоя почвы сверху: примерно тридцать футов — глубина первоначального, теперь подвижного, дна колодца. Однако слой под баней должен быть тоньше, иначе эрозия верхнего слоя не позволила бы горящему свету из нутра пещеры проникать в бассейн с горячей водой. Тем не менее особняк, хотя и находился в ужасном упадке, казался довольно надежно стоящим на своем фундаменте. В то же время за пределами стен бани все, что находилось на земле, сдвинулось.

Гробницы вздыбились, оторвав бока от земли. Башня накренилась под странным углом и выглядела ненадежной. Логично предположить, что участок скалы под могилой Герриса, источенный к тому же потоком воды, не был ни плотным, ни особенно прочным.

Сайрион зажег первую из тонких свечей, извлеченных из подложки для живота, и осторожно отодвинул к стене мертвое тело, с которым делил свое временное жилище. Оказалось, что пол могилы под телом разрушен больше, чем с другой стороны, — возможно, из-за

взаимодействия впитавшейся гниющей плоти и заплесневелого камня. Девять с половиной лет стерилизовали большую часть негативных последствий первого фактора, однако усугубили действие второго.

Сайрион принял за работу, осторожно раскачиваясь взад и вперед, потому что, хотя воздух теперь проходил свободно, его доступ был ограничен, а гробница оставалась грязной и тесной. Там, где это возможно, он трудился в темноте, экономя свечи, которых было всего три. Из подложки для груди, спины и рук он извлек орудия труда: молоток, зубило, множество рычагов и клиньев, а также несколько других ценных вещей. Вместе с большим мотком веревки.

Задача оказалась тяжелой, но отнюдь не безнадежной. В первые пять минут, отколов большой кусок камня, он почувствовал запах мокрой земли. Два часа спустя воздух затрепетал. Пресной водой больше не пахло, изнутри потянуло рыбным запахом моря.

Когда последняя свеча почти додорела, под ней внезапно обвалилась часть дна ямы, образовав отверстие вполне приличных размеров. Звуки падающих обломков некоторое время продолжались.

Сайрион очистил пол гробницы. Вбив железный крюк в скалу прямо под неровным отверстием, он привязал к нему веревку, а к веревке — себя. Забравшись в яму и упервшись ногами в камень, он высунулся и пододвинул к себе свечу, поставив ее для удобства на выступающий каменный зубец. Затем он снова высунулся из ямы и подтащил пригодившийся труп на его прежнее место на южной стороне гробницы. Труп и его драпировки полностью скрыли новый выход.

Сайрион спрыгнул вниз, в сгущающуюся темноту.

Мгновение спустя он наткнулся на шум небольшого потока, который слышал уже некоторое время. Это

было холодное гигиеническое средство, непроизвольно смывшее могильную пыль. Поток некоторое время сопровождал его спуск, прежде чем русло свернуло в сторону, в более узкое ответвление. Вскоре угасающий огонек последней свечи погас, и осталась только непролюгдная тьма.

Было непонятно, сколько еще продолжится спуск. Сайрион мог оказаться заблокированным каким-нибудь естественным препятствием либо, что гораздо вероятнее, пройти насквозь по тесным изгибам и поворотам в полость пещеры, а оттуда — к воде на дне пещеры. Даже когда он протискивался боком по узкому ходу, удерживаемый только свисающей веревкой, он знал, что коварная скала, так легко пробитая металлическими инструментами, может так же легко вытолкнуть железный крюк и таким образом сбросить его вниз, в неизведанные пустоты.

Тем не менее сложность и опасность этого предприятия являлись существенными для плана в целом: своими силами и незаметно для всех обнаружить то, что он хотел, оставив за собой столько хаоса и сомнений, сколько возможно.

Он намеренно отстранил Ройланта от этого этапа расследования. Театральные способности Ройланта оставляли желать лучшего. Чтобы изобразить веру в убийство Сайриона, он должен был поверить в это наверняка. Сайрион подозревал, что Ройлант по собственной инициативе пошлет наемника шпионить. Но пока солдат стоял на страже, Сайрион был настолько занят собственным отравлением и его последствиями, что у него не было свободного времени на такие гипотезы, как шпионы из его собственного лагеря. На самом деле Ройлант, не получив условленных сообщений от Сайриона, намеревался прибыть с напыщенными обвинениями и перевернуть все поместье

в поисках останков Сайриона. Поскольку Ройлант точно знал, куда спрятали труп, сюжет был несколько испорчен.

Однако, в качестве изощренной подстраховки, Сайрион подтащил кости Герриса к выходному отверстию, словно запер дверь при отъезде. К счастью — что совсем не удивительно, — несколько человек, обнаруживших отсутствие Сайриона в гробнице, были так ошарашены, что упустили возможность тщательно исследовать зловещую вонючую коробку. Вместо этого они принялись лихорадочно изучать окружающий пейзаж. Логически напрашивался вывод, что исчезнувший узник сбежал через верх. Прямых доказательств обратного не было. Безумный ход мыслей рисовал в головах наблюдателей, не лишенных сверхъестественного страха, фантастическую картину, как переодетый демон в одиночку поднял тяжелую крышку гробницы и исчез без следа.

Сайрион смог все это предсказать, прервав догадки об исходе шпионажа Ройланта. Дополнительная обманка, какой бы ненадежной она ни была, сработала.

КАК ИСТИННЫЙ АРТИСТ, Сайрион продолжал артистически спускаться по веревке сквозь беспросветную тьму внутри утеса.

Теперь он был примерно в пяти ярдах под могилой, но обвалившаяся ранее порода предположительно упала значительно дальше. Оставалось лишь гадать, где закончится спуск, в то время как железный крюк, который вполне мог выпасть в любую минуту, принял на себя весь его вес.

Прежде чем крюк — или, если уж на то пошло, веревка — подвел его, произошло кое-что еще. Ноги Сайриона в поисках очередной опоры нашли открытое

пространство. Спустившись с еще большей осторожностью в это пространство, Сайрион обнаружил, что оказался в коротком изогнутом коридоре, некоем геологическом разломе в скале. Когда его ноги коснулись твердого, хотя и покатого пола, он уловил отчетливый морской запах, а вместе с ним увидел и тусклое мерцание. При свете стало видно, что угол наклона откоса безопасен. Сверху посыпались обломки камней, и веревка скользнула вниз, создавая впечатление, что пролетела по воздуху гораздо больше, чем на самом деле.

Сайрион засунул конец веревки, подальше в щель между камнями. Точно так же он спрятал подложку и инструменты для выхода из гробницы в расщелинах прямо под ней. Маловероятно, что кто-нибудь на них наткнется.

Сайрион направился к свету.

Свет, теперь жемчужный, мерцающий от движения воды, принял форму овала. И вместе со светом донесся низкий, беспокойный рокот моря. Скалу облепила влажная растительность.

Через минуту, пройдя сквозь овал света, явившийся входом в пещеру, Сайрион оказался на неровном выступе примерно десяти-двадцати футов в ширину — галерее, которая опоясывала треть утробы утеса и давала почти полный ее обзор.

Это сильно напоминало брюхо кита. Наверху поблескивал бледный ребристый камень. Со всех сторон нависали стенки огромной полой скорлупы, отбрасывавшей тусклые металлические отсветы и испещренной сотнями гротов. А в двухстах пятидесяти футах внизу, на дне пещеры, была вода — не черная, а скорее всего, очень темная, опалово-зеленая.

С западной стороны пещера переходила в сужающееся отверстие, которое, без сомнения, выходило в

открытое море за утесом под видом какой-нибудь небольшой и неприметной пещеры. Но не она была источником света, который заставлял стены так странно светиться. Солнце еще не взошло.

Источником света служили небольшие костры, горевшие далеко внизу, в нижних гrotах. Эти огни давали мало света, но все пространство между ними и их отражениями в каком-то скальном веществе заполнял светящийся молочный туман.

Безукоризненно элегантный, хотя и одетый в кричащие одежды для свадебного ужина, Сайрион начал спускаться по скользкому наклонному уступу. Он увидел что-то впереди и слева от себя. Это привлекло его внимание почти так же сильно, как и сияние в гrotах внизу.

Длинная веревочная петля спускалась вниз и касалась выступа. Следя вдоль нее взглядом, можно было увидеть странную медную клетку, висящую на крыше пещеры. Сбоку за клеткой виднелась дыра в потолке, из нее тянулась другая пара туго натянутых веревок потоньше. Они выходили из шахты и достигли выступа соседней скалы, к которому крепились железными болтами. Если смотреть вниз с верхнего конца шахты, это выглядело так, будто веревки заканчивались в воздухе — или в воде далеко внизу. Саму клетку — хитроумную конструкцию, находившуюся сбоку под расходящимся в стороны от шахты потолком, — сверху видно не было. На вершине шахты располагался, конечно же, колодец с привидениями в коридоре-дворе особняка.

Сайрион внимательно осмотрел клетку и все веревки. Тому, кто захочет спуститься, потребуются определенные акробатические навыки. Сначала спуск по двойному канату вниз по шахте, затем небезопасное раскачивание поперек и в сторону от этих канатов, чтобы

попасть в ажурную клетку. Как только пассажир окажется в клетке, он сможет ею управлять при помощи веревки и несложной конструкции шкивов, подтаскивая странную машину вниз к выступу. Подъем будет происходить в обратном порядке.

ДАЛЕКО НАВЕРХУ В НЕДРАХ колодезной шахты послышался очень тихий звук.

Уже разгадав способ передвижения при помощи веревок и клетки, Сайрион, конечно, захотел увидеть и практическую демонстрацию. Поблагодарив затейливую судьбу, он отступил в одну из неглубоких складок каменной стены и приготовился наблюдать.

Вскоре из шахты появилась пара длинных ног, а за ними — туловище. Две тонкие руки хватались за туго натянутые веревки, перебирая их с невероятным физическим контролем и полностью удерживая вес гибкого тела, когда ноги освободились. Когда веревки закончились, ноги снова зашевелились; они зацепились за верхнюю часть клетки и подтянули ее под шахту колодца. Когда клетка оказалась прямо под отверстием, ловкая фигура плавно спустилась в нее, схватившись руками за прутья содрогнувшейся и накренившейся повозки. Этот и в самом деле небезопасный трюк она проделала с ловкостью мартышки. Или ловкостью человека, привыкшего цепляться и балансировать, живя по закону безрассудного, но математически выверенного бесстрашия.

Прежде чем потянуть петлю веревки, существо подождало, пока клетка выровняется. Обитателя клетки можно было принять за мальчика, Зимира или Хармула, потому что он был в похожей одежде. Однако вскоре на его голове стала видна свернутая спиралью композиция великолепного бледно-желтого цвета, причудливо

закрепленная, чтобы не рассыпаться. И это, и одежда являлись вполне разумными предосторожностями во время спуска.

Клетка послушно опустилась на выступ. Девушка вышла из нее, и мерцающий свет пещеры на мгновение выхватил ее силуэт. Если оставались еще какие-то сомнения относительно ее пола, в этот момент они полностью развеялись.

Покинув клетку, желтоглавая фигура двинулась вниз по скользкому склону уступа. Через некоторое время, очевидно, выйдя на нужную тропинку внизу, девушка быстро исчезла из поля зрения Сайриона.

Сайрион тут же начал преследование. Вскоре обнаружилась скрытая до этого тропа. Она вилась вниз по внутренней стороне пещеры, перемешиваясь с руслами пересохших скальных потоков. Для Сайриона, как и для девушки, этот путь был вполне пригоден. Он замедлил шаг только тогда, когда бледно-топазовая голова снова появилась в поле зрения. Не нужно было обладать исключительными дедуктивными способностями Сайриона, чтобы понять, что она ищет освещенные огнем гроты. Это мог бы сообразить любой. Ей явно больше некуда было идти, если только она не собиралась спрыгнуть вниз и искупаться в холодных мутных водах.

Первые шесть темных гротов она миновала.

Седьмой, показавшийся из-за поворота тропинки, мерцал колдовским светом, подобно выдолбленной тыкве. Треск пламени эхом отдавался в кромешной тишине, придавая нереальность происходящему.

(Вода приблизилась примерно до ста шестидесяти футов. Выступающие и перекрывающие друг друга неровности скалы скрывали ее протяженность. Где-то вне поля зрения, на краю водоема, должно быть, стоит странный корабль.)

Девушка остановилась перед освещенным гротом. Ядовитый бледный свет наконец в достаточной мере выявил ее красоту, огромные глаза, аристократический поворот головы, осанку. Затем она шагнула вперед и снова исчезла из поля зрения Сайриона. Но почти сразу он услышал ее мелодичный голос, который невозможно было не узнать, даже не видя ее, — голос Элизет из Флора.

— Приветствую тебя, Оэ-Таббит.

— Привет и тебе. Почему ты здесь? — ответил пожилой голос, подобный треску ломающейся сухой хлебной корки.

— Чтобы отчитаться и выразить мою радость тебе и всему нашему сестринству.

— Значит, один мертв.

— Да, Оэ-Таббит. Один мертв.

— Но ты помнишь клятву, данную Зеленой Матери, Владычице Великого Океана?

— Конечно, Оэ-Таббит. Он мой только потому, что принадлежит Ей. Мое подношение Ей.

Долгая пауза. Затем зазвучал голос морской ведьмы, той, что была кормилицей Элизет и пропавшей Валии, — женщины, уже тогда старой или почти старой, уже тогда занимавшейся колдовством, возможно, древним, как этот утес. Женщины, которая наделила Флор легендой о сиренах и демонах, выходивших из волн морских, чтобы украсть и убить.

— Помни также, дочь моя, что осуществление твоего плана позволено тебе только по Ее прихоти. Ты принадлежишь Ей. У тебя нет иной жизни, кроме той, которую дарует Она.

В глубине освещенного огнем грота раздался резкий девичий смех.

— Я знаю это уже тринадцать лет. И разве я не приносила Ей жертву прежде?

— Так и есть. Она помнит. Только будь осторожна. Что-то скрыто в тумане. Нечто, что не является собой и не проявляет себя. Это может быть вмешательство другого человека. Слуги повинуются тебе?

— Да, иначе они умрут.

— Значит, это совсем другое. Какой-то незнакомец.

— Или призрак. Иногда все же появляется мой дядя Мевари. Я защищалась от него, как ты и советовала. Мне кажется, он очень хочет причинить мне вред.

— Это не призрак. Знаки в огне показывают человека с белыми волосами.

— Такими же белыми, как у тебя, Оэ-Таббит? Я его не боюсь. Пусть он придет во Флор и погибнет так же, как и другие мои враги.

— Осторожно, — произнес жуткий, надломленный голос древней ведьмы в гнезде из камня, огня и моря. — Ты слишком молода, чтобы играть со смертью.

— Молода, — согласился молодой голос. — Но разве я сказала, что играла?

Таббит издала какой-то напевный звук.

— Скоро рассветет, — сказала она. — Потом шепотом добавила: — Пойди посмотри, не следил ли кто за тобой.

Когда гордая, необузданная дочь Герриса вышла из грота и подозрительно оглядела тропинку — и тропа, и весь верхний утес были пусты.

Через некоторое время клетка снова поднялась, и женская фигура в мужском наряде акробатически взобралась по шахте колодца.

ПОДНЯЛОСЬ СОЛНЦЕ.

Вскоре после этого Джанна заплакала в своей келье; Зимир заметил приближение гостей; Ройлант

собственной персоной ворвался в дом, пораженный услышанным; Мевари побледнел; Элизет повела Ройланта к могиле отца; гробницу вскрыли, обнаружив чудесное исчезновение.

В это время в сотне с лишним футов под их подошвами, в пещере, Сайрион поглощал припасенную им небольшую порцию еды и вина и наблюдал за старухой- ведьмой, сновавшей туда-сюда по камням внизу.

ПОСЛЕ ТОГО КАК ОБНАРУЖИЛИ, что гробница пуста, произошла довольно забавная сцена.

Посреди обветшалой гостиной на первом этаже, украшенной только двумя деревянными подсвечниками и пустой птичьей клеткой, Ройлант столкнулся с Мевари. Снаружи, в центральном дворе, у фонтана караулили два гвардейца Бьюселера.

— Еще раз спрашиваю — где твои доказательства? — повторил Мевари.

— Отсутствие моего агента — достаточное доказательство.

— Неужели? А если я напомню, что этот олух уехал? Взял твои деньги и обманул тебя.

Ройлант покраснел, руки его дрожали. Он находился в неопределенном состоянии между яростью, тревогой и чувством вины. Не помогло ему и присутствие Элизет у двери. Если от Мевари он горел желанием добиться справедливости любым путем, честным или нечестным, то, обвиняя в убийстве и бесчестии ее, он чувствовал себя особенно неловко.

Мевари, в свою очередь, был взвинчен, воодушевлен и встревожен одновременно. Сверхъестественное исчезновение позволило ему, с одной стороны, сорваться с

крючка, а с другой — создало непредвиденные проблемы. Если несчастный двойник Ройланта жив и сбежал, то каким образом, где он сейчас и что делает? Мевари проявлял некоторую рассеянность и отсутствие должного внимания к требованиям и замечаниям Ройланта из-за того, что его разум вовсю вопил об упущененной добыче, пытаясь загнать Сайриона обратно в землю, пытаясь доказать, что тот на самом деле умер. Была и другая возможность: Сайрион так же мертв, как казался, и кто-то другой, какая-то третья сторона украла его тело в личных целях. Но для проведения расследования ему понадобятся темнота и отсутствие проклятого рыжего кузена.

За неимением лучшего, Ройлант объявил:

— Ты проклятый лжец и будешь болтаться на веревке.

На что Мевари, за неимением лучшего, высказал предположение, что Ройлант мог бы сделать с веревкой.

В этот момент молчавшая до этого Элизет заговорила.

— Ройлант, я прекрасно понимаю, что в равной степени замешана во всем этом, наряду с Мевари. Но не проявишь ли ты милосердие и не позволишь ли мне удалиться в свои покой? Даю тебе слово, что я не скроюсь. В самом деле, куда мне идти? На всех выходах стоит твоя стража. И в любом случае у меня мало денег, чтобы подкупить их и скрыться. Хотя ты можешь, если пожелаешь, поставить охрану еще и у моей двери. Поверь, я очень устала от всего этого.

Ройлант взглянул на нее. Ее лицо выглядело изможденным, почти лишенным своей красоты, что должно было вызвать сочувствие. Едва ли это игра. Она выглядела так, словно, помимо волнений этого дня, не спала всю предыдущую ночь.

— Да, конечно, — согласился он. — Я не стану ставить охрану у твоей двери. Мне очень жаль...

— Сожаления излишни, — сказала она. И затем с нескрываемой сердечностью, от которой у него сжалось сердце, добавила: — Ты очень добр.

Она вышла из зала, и Ройлант последовал за ней, приказав стражникам у фонтана не задерживать ее. Солнечный свет упал на ее волосы, когда она повернулась к ступенькам террасы и на долю секунды заколебалась, заметив, что апельсиновое дерево в горшке зачахло. Потом она грациозно поднялась по лестнице, и он увидел потертую заплатку на ее туфле. Редко когда потенциальный убийца вызывал у своей жертвы такое восхищение и жалость.

В своей комнате Элизет заперла дверь на засов. Она была по-настоящему измучена и, подойдя к кровати, легла на нее. Смерть апельсинового дерева напомнила ей другую смерть.

Она не надеялась заснуть, так как была слишком взволнована событиями, и сначала печально прислушивалась к обычным и необычным звукам во дворе и за дальней стороной дома: к морю, птицам, далекому уютному плеску наполняемого кувшина у кухонного колодца, к раздававшемуся вокруг смеху скучающих стражников, к храпу их лошадей (навевавшему воспоминания о прежних днях) и раз или два вспыхивавшей диссонансом внизу перебранке Ройланта и Мевари.

А потом сон все-таки начал затуманивать ее чувства, и все отодвинулось куда-то далеко. Ей казалось, что больше она ничего не может сделать, поэтому она отпустила все это, и послеполуденный свет исчез для нее.

КОГДА ОНА ПРОСНУЛАСЬ, это был мир ночи. Небо усыпало звезды, и всходила луна — должно быть, рассудила она, прошло около часа после заката. Бегство в сон оказалось слишком соблазнительным.

Взволнованная ощущением, что пропустила какое-то важное событие, она встала с кровати, зажгла пару свечей и направилась к двери спальни. Она положила руку на засов и прислушалась. Мешанина звуков закончилась. Дом казался тревожно тихим, как будто ждал ее.

Без предупреждения раздался легкий стук в дверь, и она едва сдержала крик. Прошло несколько мгновений, прежде чем она смогла спросить, кто это.

— Ройлант, — раздался в ответ резкий шепот.

Сбитая с толку, она замерла, все еще держа руку на засове, все еще не поднимая его.

Если их покоритель Ройлант был здесь, зачем ему шептать? У нее вдруг возникла нелепая мысль, что он пришел тайно, чтобы помочь ей убежать от самого себя. С веселой неуверенностью она признала, что ей все равно, подняла засов и открыла дверь.

Мягкий свет свечей осветил фигуру посетителя.

Элизет сделала три непроизвольных шага назад, широко раскрыв глаза.

— Кто вы? — с серьезным видом осведомился гость, входя в комнату и закрывая за собой дверь.

— Кто вы? — послушно повторила Элизет.

— Как, возможно, вполне адекватно объяснил Ройлант, человек, который был здесь раньше и откликнулся на его имя, является самозванцем. Настоящее имя этого человека — Сайрион. Я — Сайрион. Добрый вечер.

— Но... — пробормотала она.

— Но. Имейте в виду, что, если не считать эти дурацкие космы, я больше не переодет в Ройланта.

Закрыв дверь, он небрежно прислонился к ней, и в свете свечей она узнала несколько потрепанную одежду их первой брачной ночи. В остальном он был совсем не таким, каким она его помнила: в высоком и стройном молодом человеке было что-то от рыси и пантеры, его лицо обладало неотразимой привлекательностью самого дьявола, длинные ресницы походили на наполовину вложенные в ножны клинки — и над всем этим полыхал оранжевый флаг волос. Значит, это он насмехался над ней, злил ее, делал из нее дуру, заставлял ее бояться. Именно он спас ее у края обрыва — и умер у нее на глазах в этой комнате.

— Если вы собираетесь упасть в обморок, — заметил Сайрион, — советую вам учесть, что я могу поймать вас не так быстро, как Мевари.

— Я никогда в жизни не падала в обморок.

— Я предполагал это.

— Вы имеете в виду тот день, когда умер Иobelъ? Я устала и меня тошило. Иногда целесообразнее притвориться... Потерять сознание — отличный способ избежать утомительных вопросов. Однако мой спектакль не идет ни в какое сравнение с вашим. Вы не просто упали в обморок — вы умерли.

— Что также позволило избежать ответов на вопросы.

— Может быть, вы колдун?

— Или, может быть, я не колдун.

— Это Ройлант послал вас ко мне?

— Нет.

— Тогда как же вы добрались до этой комнаты без его позволения? Повсюду стоят стражники.

— Кое-кто позаботился о том, чтобы они крепко спали.

— А как вы выбрались из каменной гробницы, в которую мы вас по ошибке заперли?

— Крышка которой, как я заметил, не закрыта. — Сайрион внезапно прошел мимо нее. Подойдя к свечам,

он вытащил что-то из-под рубашки и капнул на него воском. — От ответа на этот вопрос, как и на множество других важных вопросов, я должен воздержаться. Как говорится, времени мало. Однако, может быть, вы будете так добры и доставите это письмо вашему кузену Ройланту?

Она сердито посмотрела на него и на сложенный листок бумаги, тщательно запечатанный горячим свечным воском, который он теперь протягивал ей.

— Что за глупость?

— Залог вашего доброго имени, — сказал он. — Когда Ройлант проснется, передайте ему это. Он будет в плохом настроении после того, как поймет, что его накачали наркотиками. Поговорите с ним тайком. Только завтра. Сегодня оставайтесь здесь.

— Это что, еще одна шутка?

— Не совсем. Есть небольшая вероятность, что я пропаду надолго или насовсем. Будет обидно, если ваша невиновность останется под сомнением, не так ли?

— Невиновность? Вы же считаете меня злодейкой. Все, что вы мне сказали...

— Увы. Времени больше нет.

Прежде чем подойти к двери, открыть ее и снова выйти в темноту, Сайрион наклонился и легонько поцеловал ее в губы.

Только когда дверь закрылась, она поняла, что он вложил ей в руку письмо и что она приняла его вместе с неясными фразами и призрачным поцелуем, словно молния прошившим ее плоть и волосы.

Она подавила внезапный порыв броситься к двери и посмотрела на запечатанную бумагу в своей руке. Печать было бы очень легко сломать, а затем восстановить — тот же самый воск имелся под рукой. Можно ли поверить, что он так много понял? Взволнованная и озадаченная, она

снова опустила засов на двери, медленно подошла к своей кровати и провела ногтем большого пальца по импровизированной печати.

ПРОБЫВ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ внутри полой скалы и увидев там все, что требовалось на данный момент, Сайрион вернулся на поверхность. Управляемая клетка теперь находилась в самом верхнем положении — у основания шахты колодца, где ее оставил предыдущий пассажир. Сайриону поневоле пришлось использовать сто с лишним футов свободного участка веревочной петли и саму клетку в качестве противовеса на другом участке веревки.

Он справился с этим, а также с акробатическим переходом к веревкам шахты и подъемом по шахте колодца с той же ловкостью, с какой это проделывал всякий, кто ими пользовался. Точнее, даже с большей ловкостью.

Остальной план был прост: найти и сообщить новости Ройланту, который к тому времени уже будет в поместье.

Ройлант действительно оказался там, хотя и не в том состоянии, чтобы воспринимать хоть какую-то информацию. Сайрион заметил и кое-что еще. Во-первых, у фонтана валялись два гвардейца Бьюселера; во-вторых, на земле рядом с ними стояла небольшая фляга с вином. Запах остатков ее содержимого поведал любопытную историю: стражники были до полусмерти одурманены наркотиками, так же, как и трое других, которых он нашел. Как и Ройлант, обнаруженный Сайрионом, когда тот взломал дверь по-коев, из-под которой брезжил свет и из-за которой доносился глухой мужской храп.

Разбросанные по шаткому столу бумаги помогли решить не дающую покоя загадку. Ройлант, по-видимому, как раз писал рапорт губернатору Кассиреи, когда его усыпил собственный кубок с вином. Как показали бумаги, он уже отослал двух гвардейцев за отрядом городской стражи. Несложная арифметика показала, что из десяти человек, упомянутых в документе, двое все еще отсутствовали. Сайрион нашел их во внешнем дворе. Одного накачали наркотиками. Другой, наемник, видимо, почувствовал крысу и был вознагражден за труды ударом по затылку. Он дышал, но был без сознания, поэтому пока не мог предложить ни помощи, ни каких-либо фактов, заслуживающих внимания. При попытке разбудить его он лишь пробормотал: «Не сейчас, Айшаб, ради бога».

Судя по незаконченным литературным упражнениям Ройланта, после бесплодных споров с Мевари он решил оставаться в этом месте до тех пор, пока не появится королевское подкрепление. Поэтому он разрешил Мевари, как и Элизет, отправиться в свои покой. И когда Мевари потребовал подать ему ужин, Ройлант разрешил. Ужин подали и Ройланту с его людьми руками перепуганного мальчика — то ли слуги, то ли раба, ошибочно записанного в бумагах как Зунир. По словам Ройланта, заметно было, что Зунир запуган Мевари — еще один компрометирующий фактор. Вероятно, это являлось правдой, поскольку Зунир (или Зимир) подал каждому из них опасное снотворное, несомненно, по приказу Мевари.

Стопка бумаги, чернил и перьев Ройланта, однако, обеспечила Сайриона средствами для создания другой версии этой истории. Оставлять все это в бессознательных руках Ройланта было рискованно. Кроме того, гораздо интереснее было изображать его. Если Элизет прочтет то, что он написал, это только к лучшему. Возможно, самым захватывающим будет сообщение, что

ее сводная сестра Валия, мертвое дитя из легенды Флора, время от времени появляется в морской пещере под особняком.

Для всего этого имелся веский мотив, как и в случае применения наркотиков. Мевари намеревался торговаться. Чтобы понять это, вовсе не обязательно было слышать его искаженный от раздражения и угроз крик, доносившийся с кухонного двора. И все же Сайриона этот шум удовлетворил. Остановившись по пути в другом месте, он прислушался.

— Ладно, я освобождаю их от ответственности за похищение трупа агента. Почему нет? Но я все еще имею с ними дело. Говорю тебе, я пойду, жалкая шлюха, — вежливо изъяснялся Мевари.

На что девичий голос, сдавленный и страдальческий, воскликнула:

— Нет! Сейчас еще не время...

Поразительно, но он был похож на голос Элизет.

— Будь проклято это чертова время. Какое мне дело до их суеверий? Разве все эти месяцы меня не заставляли сидеть сложа руки из-за идиотских ритуалов и болтовни? Слишком долго. Теперь мне нужно шевелиться — и я буду действовать.

Четверть минуты спустя с кухонного двора широким шагом вышел Мевари, не заметив Сайриона. Мевари не увидел Сайриона и тогда, когда прыгнул в колодец, обнаружив, что путь в пещеру открыт (оплошность, порадовавшая Сайриона: не зная, как работает механизм подвижного dna колодца, он не смог бы открыть путь наверх). По-росомашни выгнувшись, он исчез в шахте с чередой рутательств.

Сайрион надежно спрятался в бане с привидениями. Он задержался там еще на некоторое время, вежливо позволив хозяйке праздника, бросившей на его укрытие

пару тревожных взглядов, поспешил пройти по коридору и спуститься в шахту колодца вслед за Мевари.

Сайрион предоставил им фору, прежде чем последовать за ними.

ГЛАВА 6

МРАЧНАЯ ПЕЩЕРА ВСЕ ЕЩЕ светилась. В разбросанных по ней жерлах гротов горели костры — зловещие свидетельства о подземных обитателях пещеры.

Сайрион увидел даже больше, чем раньше. Примерно в двадцати футах над поверхностью воды, прямо под тем участком галереи, где он впервые появился, скала уходила под воду. Какой-то прихотью естественной архитектуры ряды каменных отверстий были вытянуты в один выступающий балкон. Из-под этого гранитного навеса к морскому бассейну пещеры спускались сланцевые породы.

Путь к сланцевому пляжу, как, вероятно, и ко всей узкой полоске ровного или почти ровного берега, окружавшего воду, проходил через внутренние коридоры, либо высеченные морем, либо созданные человеком много сотен лет назад. Эти туннели в толще утесов вели в гроты ведьм.

Сайрион обнаружил такой проход во время своей первой исследовательской вылазки. В том гроте не было освещения, и короткий путь к нему тоже почти не освещался, хотя в конце него брезжил бледный свет. Куча костей в одежде с капюшоном из влажной пятнистой ткани рядом с местом выхода показывала, где по-коилась прежняя владелица. Оказалось, что колдовское сестринство не хоронило своих мертвцев.

На сланцевом пляже, куда выходили туннели, как и предполагал Сайрион, находился сверхъестественный корабль.

Его алый парус, местами полупрозрачный, как паутина, свисал с реи, касаясь берега. Его едва ли можно было поднять — одно прикосновение, и он, судя по виду, разлетелся бы в клочья. Бесла, вместо того чтобы находиться в весельных портах, были прислонены к бортам. Это было очень древнее, старинное судно, покрытое наростом и заплатами, почти заброшенное, призванное из открытого моря столетия назад.

Можно было предположить, что его спускали на воду. И тем более — использовали для ритуала. В держателях покоились свежие факелы. Парус и дерево почернели от копоти. На палубе стоял кувшин с маслом — неуместный здесь предмет. На носу имелась и другая посуда, сделанная, кажется, из окаменевшего дерева: странные грубые каменные ножи и каменные чаши, наводившие на мысли о магических практиках с использованием крови. На каждый предмет был нанесен символ, похожий одновременно на рыбу и на глаз. Знак Владычицы Великого Океана?

В прошлый раз пространство рядом с кораблем было пустым. А теперь...

На каменном пляже горел костер, разведенный из плавника с помощью масла и трута. Яркие вспышки пламени то и дело становились голубоватыми или прозрачно-зелеными, и их мерцание освещало группу из семнадцати-двадцати пожилых женщин. Точно подсчитать их было невозможно, так как, несмотря на разный рост и неодинаковые фигуры, все они казались довольно костлявыми и были одеты в одинаковые поношенные и грязные серые одежды, указывавшие на род их занятий. Под капюшонами копошились грязно-белые или грязно-серые черви

волос либо не было вообще никакой растительности. Лица выдавались из волос и капюшонов, как черепашьи головы из панцирей, или же скрывались под ними.

Группу возглавляла женщина, которая могла быть только их предводительницей. Отсутствие на ней одежды демонстрировало полное разрушение ее плоти. Осунувшееся лицо, ввалившиеся глаза, щеки, рот. Это был череп, покрытый прозрачным саваном кожи, совершенно бесцветный, за исключением тех красок, которые накладывал на него огонь: то янтарь, то бирюзу, то зеленый нефрит. На вид ей было лет сто пятьдесят. Она... это существо выглядело бесполым. Время отняло у нее все характерные половые признаки. У нее их не было. Она стала функцией. Но, как и посуда на падубе, она окаменела, и на ней остались отпечатки всего, чем она была, поэтому она действовала в соответствии с привычками, приобретенными ею еще при жизни. И главной из них было проявление своего рода упрямой злобы. В ее глазах все еще отражались вспышки разума, остававшегося активным, но больше не понимавшего себя. Вместо капюшона поперек прядей ее седых волос и избороздивших широкий лоб морщин, поднимающихся и опускающихся подобно волнам, стекала сеть золотых цепей, усыпанных жемчугом. Еще одна примечательная черта: на правой руке женщины отсутствовал мизинец.

В двух ярдах от призрака, лицом к нему, стоял молодой человек с волчьими глазами, безо всякого труда выдерживая злой, бессмысленный взгляд ведьмы. Обнаженный меч в его руке сиял то красным, то синим, то зеленым светом. Потом снова красным. Мевари в своем самом лицемерном виде.

— Да, ты это уже говорила, Таббит. Луна еще не полная. Сейчас не время для ритуала. Тогда обойдемся без

кровавого ритуала. Какое мне дело, если твоей суке-хозяйке в море это не понравится? Ну и что? Пусть она отдаст свое золото, те пещерные сокровища, часть которых ты показывала мне. Тогда, если она пожелает, я буду называть ее красивыми именами. Может быть.

Таббит, называемая ее прислужницами «Оэ» (какая-то их орденская несокрашаемая мистическая приставка), разорвала шов впалых губ. Посыпался голос, который Сайрион ранее слышал в гроте — во время разговора с дочерью Герриса.

— Нужно ждать не только полнолуния. Но и сезона, который еще не наступил, но скоро наступит.

— К черту сезон! Разве я не говорил тебе, старуха? Я больше не могу коротать здесь время, ожидая, когда твоей богине станет удобно. Я должен покинуть Флор — сегодня же. Если ты не поможешь мне, тогда скажи только, где копать. Я погребу на этих затопленных дровах в одиночку, я рискну, если вы со своей дряхлой командой спихнете их на воду. Пошевеливайтесь, старые ведьмы. Делайте, как я говорю. — Он поднял меч. — Или вы думаете, что сможете сбежать?

Женщины зашуршили, скучковавшись, как колония серых летучих мышей. Они не выглядели испуганными. Уж точно не Таббит, называемая ими Оэ-Таббит.

— А ты, дочь моя? Что ты на это скажешь?

Мевари резко обернулся. И увидел темный силуэт, который уже некоторое время стоял позади него, выйдя из туннеля, ведущего в пещеру Таббит.

— Ты, — обратился он к ней. — Ну, что ты скажешь, моя дорогая любовница? Получу ли я золото, которое ты и твоя милая старая няня мне обещали? Или я вернусь и признаюсь кузену Ройланту и меня повесят в Кассирее?

— Он говорит правду, — пробормотала тень. — Я ошиблась относительно смерти Ройланта. Похоже, у

него был сообщник, выдававший себя за него. Наверняка Мевари схватит губернаторская стража, если он вернется наверх... Они ищут тебя там, наверху?

— Нет. Я дал Зимиру наркотик, чтобы он добавил его им в вино. А еще одного храбреца Мевари приголубил подсвечником по голове. Все спят, кроме девушки. Но она научена повиноваться капризам Мевари.

Таббит опустила морщинистые веки. Казалось, она погрузилась в медитацию, но только на секунду. Ужасный взгляд уткнулся прямо в Мевари.

— Тогда все будет хорошо, хоть сейчас и не то время года.

И снова позади нее послышался шорох, костлявые руки замахали в воздухе, как паучьи лапы.

— Успокойтесь, — прервала этот шорох Оэ-Таббит. — Она милостива. Она знает, что срок не всегда соблюдается теми, кого преследуют, и что те, кто заперт в этом камне, поклоняются Ей так, как могут, а не как хотят. Подумайте, сестры, как долго Она ждала и как долго жаждала завершения ритуала. Она простит, Она будет довольна, если мы проведем его, даже если это будет сделано в неподходящее время.

Поколебавшись и повздыхав, они замолкли. Глаза Мевари в свете костра сверкали злобой, жадностью и недоверием.

— Ты говоришь, она жаждет отдать мне свое золото?

— Мы часто говорили тебе, что Госпожа не нуждается в золоте. Подойди, дочь моя, — обратилась Таббит куда-то в темноту. — Знаки в огне сказали мне, что ты вернешься сегодня вечером. Мы здесь, мы ждем, как ты видишь. Встань среди нас, надень мантию. Стань с нами единым целым, Валия, дочь моя.

Тень шевельнулась. Она проскользнула мимо Мевари к свету костра. Сделав это, она стянула с волос шарф

из бледно-желтого шелка, и скреплявшие шелк булавки дождем посыпались на сланец.

ВАЛИЯ НА МГНОВЕНИЕ ОСТАНОВИЛАСЬ между кузеном и сестрами. Что-то в ее позе говорило о том, что она не испытывает большой любви ни к кому из них. И все же ее тело неуклонно двигалось по направлению к старухам. Маскировка мальчика, которой она пользовалась для удобства лазания по веревкам колодца, скрывала большую часть ее сексуальной стройности, хотя и не всю. Нестовой блеск отполированной огнем меди, иногда вспыхивавший на ее темных волосах, делал их почти рыжими, демонстрируя, несомненно, ее связь с родом Бьюселеров, с блондинкой Элизет, рыжеватым Мевари, рыжим Ройлантом. Ее серые глаза тоже были обязаны своим происхождением Геррису, но оливковый цвет лица достался ей по наследству от матери, женщины, которую тот поселил в Кассирее и которая умерла от горя вскоре после гибели Валии. Валия, похищенное демонами дитя Флора. Она провела детство в маленьком домике, который Геррис подарил ее матери, и время от времени видела, как отец приезжает с визитом. Он искося глядел на нее, принужденно улыбался, бросал ей какую-нибудь дешевую игрушку — и ей предлагали пойти поиграть. Играть и не мешать своим отцу и матери, у которых были другие дела. Все, что знала Валия в свои лучшие годы, все, что она видела в своем отце, все, что он олицетворял для нее, — это то, что она была лишней и нежеланной. А позже, когда наличность во Флоре иссякла, а дом, купленный для них Геррисом, превратился в лачугу, где вместо птиц в клетках шуршали крысы, Геррис стал олицетворять и это. Неудивительно, что она ненавидела его.

Однажды произошла перемена. Жена Герриса умерла далеко отсюда, в стране, названия которой Валия даже не знала. Герриса охватило странное чувство вины. Он решил отказаться от своей любовницы теперь, когда это едва ли имело значение, так как он не интересовался ею уже больше года. В то утро, когда он пришел с новостями, Валия играла во дворе, свесившись вниз головой с мертвой смоковницы. Она была невероятно гибкой, а также невероятно грязной, оборванной и покрытой укусами свирепых насекомых, которые кишмя кищели в стенах дома. Она смутно помнила, даже по сей день, как перевернутый рыжеволосый мужчина уставился на нее, сидя на своей перевернутой лошади.

Казалось, в его чувстве вины открылась новая грань. Этот ободранный сорванец принадлежал ему. Он должен искупить свой грех. Он должен спасти ребенка.

Он спас ее. Он удочерил ее. Он забрал ее из лачуги, где она чувствовала себя как дома, хотя и не была счастлива, и поместил во Флор, где все еще были слуги, ругавшие и ненавидевшие ее, и священник, читавший ей лекции о любви к Богу и бивший ее за то, что она не помнила этого. И еще там была другая сестра, моложе ее, подобная золотой лилии, тонкая, как тростинка, спокойная и, в отличие от нее, законная — идеальная вещь, подходящая для дома, каковой Валия откровенно не была. И еще был Геррис, осыпавший Валию проявлениями фальшивой наигранной любви, горой подарков (таких же дешевых — денег было мало). Она съеживалась, когда он подходил к ней и принужденно обнимал и хвалил. Она не понимала этого, но все же ощущала и его слабохарактерность, и нелюбовь, и страх. И только еще больше ненавидела его. Ненавидела всех и все здесь. Кроме... Старухи, кормилицы золотой сестры, теперь и ее кормилицы...

Обычно старуха обращала на нее очень мало внимания, хотя однажды, легко и ловко взобравшись на граб, Валия заметила, что за ней наблюдают старые глаза. После этого, иногда заставая ее одну, Таббит рассказывала ей истории. Это были прекрасные истории о чудесном дворце из хрустала и изумруда на дне моря, где обитала богиня, забытая мужчинами, но почитаемая немногими избранными женщинами. И богиня одаривала силой тех, кто служил ей. Властью делать других мужчин и женщин своими рабами. Властью наказывать и повелевать.

Таббит уже тогда была стара, очень стара, и у нее не хватало одного мизинца. Таббит объяснила, что прнесла клятву морской богине, Матери Великого Океана. Отрезанный палец Таббит скрепил эту клятву. Существовали и другие знаки внимания, которые можно было ей предложить. Палец ноги, мочка уха, даже соискок — Валия, грудь которой уже начала расти, трепетала от ужаса. Но что такое, сказала Таббит, маленький кусочек плоти в обмен на такую власть? Беда в том, что для свиты богини подходило слишком мало людей, и она не знала, что делать. Число ее последовательниц сократилось до ничтожной горстки. Ради выживания ордена одна из них отправилась в путь, чтобы снабдить сестер провизией, потому что все они состарились и больше не могли добывать ее в океане. Помимо этого ей нужно было найти на земле светоносного ребенка, прекрасного, мудрого и достаточно сильного, чтобы войти в храм Владычицы и получить сверхъестественный дар в качестве ее благословения.

В действительности эта процедура была сложнее, гораздо сложнее, чем в воспоминании или рассказе. В конце концов дело дошло до двух неизбежных кульминаций: откровения Таббит о себе как об ищущей жрице и страстного желания Валии, чтобы нашли именно ее.

Она никогда не считала себя какой-то особенной. Она была нежеланным ребенком, побочным плодом любовной связи, божьим подарочком. Она была никому не нужна, или чувствовала, что не нужна, ее не любили. Она ненавидела Герриса, ненавидела золотую лилию, Элизет, совсем не такую, как Валия, иногда, по ошибке, пытавшуюся быть доброй к ней, еще больше разжигая ее враждебность. Валия жаждала благословения богини. И она получила его.

Таббит наконец объяснила ей, как добраться до храма, который представлял собой не что иное, как мрачную пещеру. Рассказала и про путь через колодец к клетке. Этот путь существует до сих пор, сказала Таббит, но про него со временем позабыли. Восточная госпожа из старинного особняка, на фундаменте которого теперь стоял Флор, была членом священной общины. Именно она приютила сестер, когда они ушли в подполье, опасаясь преследования, и позже присоединилась к ним в их ритуалах внизу. Таббит впоследствии тоже неоднократно ходила через этот колодец, украдкой нелегально снабжая сестер вещами, украденными из дома. Таббит хоть и постарела, но оставалась проворной, как обезьяна, однако ее проворство ослабевало. Появилась необходимость в молодости. Молодости, опутанной той же маниакальной преданностью и одержимостью, которая сжигала всех остальных женщин, гниющих под землей, — ненавистниц мужчин, ненавистниц мира, ненавистниц жизни. Да, Таббит распознала в Валии те качества, которых желала богиня ведьм. Не мудрость, не силу, а хитрость, упрямство, лживость и начиняющуюся паранойю.

В конце концов все было решено. Валия позволила слугам засвидетельствовать свое присутствие возле башни и на краю обрыва. Оставшись одна, она взобралась по стене бани, а с бани поспешила спрыгнуть в

коридор-двор, который в те дни был без крыши. Открыв колодец, как подсказала Таббит, она спустилась в мерцающий мрак. Таббит появилась чуть позже и закрыла проход. Привычная к лазанью, она с помощью веревки попала в коридор-двор, перебравшись из окна на стену, а потом вернулась таким же способом, никем не замеченная. Вскоре она сидела под грабом с Элизет, привычно прикидываясь малоподвижной старухой и убеждая девочку, что пробыла здесь дольше, чем на самом деле.

ТАК ВАЛИЯ ПОПАЛА В СВОИ новые владения.

Она искала пышности и величия, чего-то, что могло бы соперничать с морским дворцом богини из ее фантазий. И обнаружила, что ее снова обманули. Вместо величия было рабство. Рабство длилось несколько лет, в течение которых, добираясь по ненадежным уступам пещеры к ее самому дальнему пределу или проплывая через ледяной водоем, она находила какой-нибудь узкий пролом в стене утеса и сквозь него получала возможность увидеть солнце, открытое море, воздух и горизонт, а не камень.

Она, конечно, бунтовала, но бунтовать было бесполезно. Она совершила подлости, но и они не приносили ни облегчения, ни признания. Выхода за пределы пещеры не было. Она была недостаточно сильна, чтобы выгрести на старинном корабле к свободе. А наверху колодец держали закрытым. В этом случае шансов тоже не было.

Таббит появилась спустя месяц, и Валия обрушилась на нее с руганью. Таббит бесстрастно молчала, обрамленная мерцающей темнотой сланцевого пляжа. А когда ярость Валии иссякла, Таббит развернула ее и заставила

посмотреть в сторону водоема. Потом Таббит заговорила, и произошло чудо: из черной воды поднялась зеленая раковина, сверкая яркими звездами. В раковине плавали красивые женщины, похожие на водяных бабочек. Повсюду разливался аромат тысячи цветов и звучала музыка, будто играла арфа, сделанная из воды...

Видение быстро исчезло. Это была всего лишь иллюзия, и она нелегко далась Таббит. Ее появление на свет не было таким уж бесплотным, как она утверждала. Она была рождена, чтобы служить в доме Флор, и когда в доме наступила разруха, нашла свой путь среди ведьм, по традиции женской линии ее земной родни. С возрастом магические способности начали покидать ее. У нее пока еще оставалась только способность командовать, и теперь она командовала Валией, которая повернулась к ней, ошеломленная и дрожащая.

— Ты сотворишь еще больше чудес, чем я, — сказала Таббит, — и совершишь еще больше колдовства. Но только если ты останешься с нами, научишься у нас, отдашь Ей свою душу.

И Валия, которая всегда была не чем иным, как чужим страхом и долгом, полуосознанно заметила, что здесь у нее появилось что-то свое.

Поэтому она с неохотой вернулась к своему рабству.

Тринадцать лет она терпела его. Она изучала магию, и от нее хитро скрывали, что она не является избранной. До тех пор, пока она, с истинной слепотой эгоистки, на которую всегда можно положиться, сама не поверила, что она избранная. Все это время она ловила рыбу, ухаживала за огородами с лекарственными травами и грибами и пекла хлеб из муки, которую сама в четырнадцать лет начала воровать во Флоре наверху. И когда она поднялась наверх и снова увидела открытую землю, она отвергла ее — отвергла, потому что та не дала ей ничего, кроме презрения,

пренебрежения и ложных чувств. Ведьмы соблазнили и обокрали ее. Она действительно была им нужна. Она осталась с ними, набираясь мудрости и сияя в темноте — или думала, что это так. И когда Таббит наконец сказала своим хозяевам, что пойдет домой умирать, а вместо этого отправилась вниз, Валия стала ее дочерью, ее ведьмой-дочерью, связанной с ней пролитой кровью — точно так же, как в пятнадцать лет Валия связала себя с богиней, отрезав мочку уха.

И ВСЕ ЖЕ ВСЕ ТО ВРЕМЯ, пока она светила в темноте, она знала, что жизнь над ней — в доме и на земле вокруг Флора — продолжается. Мир, лежащий по ту сторону огромной двери, за входом в пещеру, был неподобающим для нее миром, в который она забралась.

Она видела их, когда бывала наверху. Первый Мевари — ее дядя — гулял, распутничал, пил. Младший Мевари, красивый до безобразия, одновременно привлекал ее и вызывал презрение. Элизет. Беспечная мать Валии давно умерла в грязи и отчаянии. Умер Геррис. Валия считала себя виновной в его смерти, потому что сама навлекла на него муки, хотя и не из-за матери. Иногда по ночам, в тех редких случаях, когда она была наверху и не подглядывала за живыми, она подходила к его могиле, плевала на нее и плакала, испытывая странную мучительную радость оттого, что причинила ему вред. Однажды она видела Ройланта. Пухлый мальчик смущенно купался в бане, когда она неосторожно вылезла из колодца. Она постаралась, чтобы он не увидел ее в украденной мальчишеской одежде и с распущенными волосами. Его рыжие волосы напомнили ей описание кузена. И она стала ненавидеть его тоже.

После смерти Герриса в ней почему-то родилась мысль, что ей хочется стать убийцей их всех. Всех, кто заслуживал (и до сих пор заслуживает) наказания.

Среди сестер существовала любовь к пролитию крови. Во времена расцвета культа — если это можно так назвать — в жертву Матери приносили по одному мужчине в год. Валия внезапно пришла к мысли, что может почтить богиню таким же образом. Правда, не посредством морской воды, но, возможно, при помощи любой воды...

Таббит потакала ей, как и все сестры. Теперь она была одной из них, их звездой, их восходящей луной. Таббит тоже не испытывала к ним любви. Она безрассудно использовала их. Старая предводительница умерла, и Таббит стала их главой. Окутанная фанатизмом, закосневшая в нем, она согласилась.

ВАЛИЯ ТЕРПЕЛИВО ЖДАЛА В БАНЕ, пока припозднившийся дядя Мевари не пришел мыться. Он был крепким мужчиной — но пьяным, очень пьяным: бессильным, немощным, неспособным помочь самому себе. Когда девушка появилась, он ухмыльнулся и хмыкнул, подзываая ее. Она подошла к нему — и вдруг прижала к его ноздрям маленький клочок ткани с приятным запахом. Наркотик сыграл роковую роль, хотя и не являлся смертельным. Через минуту дядя уже лежал без сознания, и Валия, стоя над ним в кальдарии, крепко удерживала его под горячей водой, пока он окончательно не утонул.

Ей было всего девятнадцать.

ПРОШЛО НЕСКОЛЬКО ЛЕТ, прежде чем в ее голове созрел окончательный план. К тому времени она уже была могущественной колдуньей; ведьмы говорили ей об этом, и она им верила. Их дряхлость, к которой она относилась с презрением, хотя и с внешним уважением, мало что значила для нее. Она упустила из виду тот неумолимый факт, что их больше не заботили такие мелочи жизни, как ее извращенные нравы или ее необычные обязательства. Они цеплялись за существование, а значит, просто существовали. Они льстили и задабривали Валию, их сияющую звезду, по привычке и исходя из какого-то смутного, обожженного восхищения ее молодостью. Они перестали по-настоящему интересоваться ею или чем-либо еще. Потакание ей являлось последней данью их религии. Они забыли, что она не всегда была здесь. А Валия, ослепленная своими мотивами, ничего не замечала, как и они.

Однако ей пришло в голову, что теперь она готова покинуть сестринство и жить наверху, на открытой земле. Она представляла себя жрицей оккультных мистерий, распространяющей свою славу через идею богини. Каких высот она могла бы достичь, обладая своими способностями? Ей не мешало осознание того, что богиня реальна. Богиня улыбается своей избраннице. И если Валия решит свободно практиковать свое богослужение и стать императрицей, то богиня улыбнется и этому предприятию. Ибо богиня — лишь плод воображения Валии. Пантеон, которым она сама управляла, являлся ее придатком. Как и магия. Это объясняло, почему ее талант был так незначителен.

Не зная этого, она мечтала о предстоящих приключениях. Совершенно неожиданно побег и месть совпали: она осуществила свою месть, готовясь к побегу.

Хоть Валия прежде всего была ведьмой-жрицей и ее жизнь была служением Госпоже, все же ею двигало

желание восстановить справедливость по отношению к тем, кто избивал ее в детстве. Разве сама богиня не выступала за справедливость и взыскание платы кровью? Валия придумала план; она представляла это так, словно сама богиня говорила ей на ухо. На какое-то время она поднимется наверх, проникнет в обветшалый дом и, все еще действуя как поставщик ведьм внизу, воспользуется возможностью уничтожить своих сородичей. Смерть Элизет можно легко объяснить. Смерть Мевари должна иметь двойную цель.

Богиня слишком долго обходилась без жертвоприношения мужской крови. Теперь ее недостаток можно восполнить.

Единственная проблема, как заметила Валия, заключалась в разработке способа, с помощью которого удалось бы заманить Мевари в пещеру, причем не один раз, а много, чтобы соблюсти все необходимые этапы ритуала.

— Здесь есть золото ремусанцев, — подсказала Таббит.

ОДНАЖДЫ В СУМЕРКАХ, ВОЗВРАЩАЯСЬ из деревни после попойки, Мевари встретил женщину. Она была достаточно красива, чтобы он обратил на нее внимание. Женщина улыбнулась ему, как близкому знакомому, что его заинтриговало. Она не сказала ему, кто она, а он не спросил. Но он позволил ей сопровождать его через сады Флора, где довольно скоро набросился на нее и повалил наземь. Не то чтобы Валия была к этому не готова морально или физически. Хотя ее плоть была девственной, в ней вспыхнула страсть. Похоть Мевари возбудила ее. Это был странный мрачный триумф: она возлегла с тем, кого собиралась убить, так же, как это

практиковалось в некоторых древних ритуалах богини. Поэтому она находила извращенное удовольствие в изнасиловании, наслаждаясь не ощущениями от соития, а торжеством всемогущества. Он сделал все, что она задумала. Он считал ее жертвой насилия. Он ошибался.

Когда Мевари покончил с ней, она, изображая восторг, призналась ему, что она — не кто иная, как мертвая Валия, восставшая из могилы. Оказывается, ее украли еще ребенком и продали в рабство, но она накопила денег и в конце концов купила себе освобождение. Теперь она вернулась, чтобы заявить о своем наследстве. Услышав это, Мевари очень развеселился. Затем она рассказала ему, что это за наследство: сказочный золотой клад, спрятанный в пещере под Флором. Его охраняла ее старая нянька вместе с другими сумасшедшими. Их нужно уложить, и она, несомненно, сделает это, но он может ей помочь. Ведь он поможет ей и разделит с ней награду?

Она убедила его. Убедить его в ее любви к нему не составляло труда; в этом отношении он был таким же эгоистом, как и она. Да и сказку о сокровищах было не так уж трудно обосновать. Она принесла ему несколько кусочков старинного золота — ремусанские монеты, фрагмент нагрудника, — достаточно, чтобы подкрепить свои слова. Большая часть сокровищ, сказала она, лежит в подводном гроте в пещере, их нужно оттуда достать. Женщины знали, где они находятся, и знали, как их поднять. Если соблюсти все их дурацкие ритуалы прославления морской богини, то можно добиться их благосклонности.

Мевари уже какое-то время жил в бедности, что его не устраивало. Он рассчитывал жениться на Элизет и таким образом присвоить все, что сможет, получив гарантию, что то немногое, что мог предложить Флор,

останется с ним. Из-за лени и самоуверенности он не достиг этой цели. Теперь, похоже, на очереди было что-то гораздо лучшее.

Он повел Валию в дом. Поскольку она не хотела раскрывать свою личность в этом месте, он сказал, что она — рабыня, которую он выиграл в кости, и эта ложь приятно его позабавила. Также приятно ему было вручить ее другой своей соседке по постели, Элизет. Вскоре девушка, из практических соображений называвшая себя Джанной — именем своей покойной матери, которое мало кто знал кроме Герриса, — провела Мевари вниз по опасной шахте в пещеру. И в первый же визит, словно для того, чтобы проверить его неприязнь к своей белокурой кузине, Джанна прихватила с ним подарок для Оэ-Таббит: золотое с жемчугом украшение для волос, украденное у Элизет, — ее последняя драгоценность. Разумеется, Мевари, не возражал; разумеется, он не удивился, что жаждущая золота Валия отдает такую вещь. Он мог бы увидеть в этом ключ к разгадке: Валия на самом деле не интересовалась ни деньгами, ни сокровищами, ни собственностью. Ее цели относились больше к области чувств.

Однако договор был заключен. Поэтому в ночи полнолуний Мевари забирался в клетку и спускался в пещеру, садился в ветхое судно, освещенное факелами, пел, греб, обмазывался сажей, чернильной пастой и рыбьей кровью. Он терпел все это, ожидая момента, когда поднимет клад и прильнет к нему. Похоже, богиня отвергала золото, оно оскорбляло ее. И время от времени выбкидывала золотые вещицы, чтобы умаслить его.

Он сердился, но надеялся. Его лень и эгоизм также помогли сделать его послушным. Затем произошло нечто, о чем не узнали ни Мевари, ни даже Элизет. В особняк доставили письмо, предназначеннное для

Элизет, которое, согласно недавно заведенному правилу, было немедленно передано в руки Джанны. Его принес Хармул, на которого она наводила ужас. Она угрожала ему и приложила все усилия, чтобы продемонстрировать ему свою колдовскую силу. Валия видела, что он восхищается Элизет, как и другой мальчик, Дассен. Они провожали ее собачьими глазами и бледнели от ее прикосновения, они были безумно влюблены в нее — но Джанна противодействовала этим чарам своими собственными заклинаниями. Быстро запуганные ее злой магией, Хармул, Дассен и даже Зимир, человек Мевари, взяли за привычку оказывать ей знаки почтения.

Вскрытое письмо оказалось юридически заверенным отказом Ройланта от Элизет. Выяснилось, что он хочет жениться на другой dame.

Джанна расхаживала по своей рабской келье — освещенной роскошными подушками и флаконами с духами, которых не могло быть ни у одной рабыни в ее положении. В разгар ее досады ей пришло в голову новое злодейство. Она слышала, как Мевари в шутку упоминал о давней помолвке кузине, сомневаясь, что эта помолвка заслуживает доверия. Вместо того чтобы укрепить это недоверие, послание представляло собой средство ее расторжения.

Джанна разорвала письмо вдоль и поперек и обработала несколько кусочков особым химическим веществом, известным общине сестер. Сразу же убранные в конверт и запечатанные, они будут лежать в спячке до тех пор, пока их не извлекут обратно на воздух — и в этот момент они самопроизвольно сгорят. Она отдала новый конверт Хармулу, приказав, чтобы его отправили к Ройланту в Херузале. Элизет сама заплатила за посыльного: ей сказали, что Мевари потребовал отослать

это в качестве извинения за какой-то карточный долг. Элизет привыкла к финансированию Мевари, делала все, что он просил, и ни о чем не спрашивала, чтобы избежать повторения пощечины, нанесенной ей на последнем допросе.

Валия оценила собственное остроумие. Возврат письма Ройлант может истолковать только одним образом: я отвергаю твой отказ. Он, конечно, подумает, что ответ пришел от Элизет. После этого у него не будет иного выбора, кроме как лично приехать во Флор, чтобы оспорить его или передумать и выполнить условия сделки. И с этой целью Валия направила на него свои силы, заклятие, которое должно было привести его сюда. Он действительно будет рад жениться на Элизет. И вместо этого он умрет вместе с ней.

Это изящное дополнение привело Валию в экстаз. Все трое погибнут. Она сотрет с лица земли все племя Бьюселеров. Больше всего ее привлекал следующий план: она, Джанна-Валия, убьет Ройланта. За это будет предъявлено обвинение Элизет, как его вдове, которая должна получить наследство. Ее, аристократическую лилию, бросят в гнусную темницу, а оттуда поведут, раздетую до сорочки, на позорную публичную казнь.

КАК И ОЖИДАЛОСЬ, РОЙЛАНТ прибыл во Флор, напуганный сверхъестественными намеками.

Мевари, естественно, встревожился. Последнее, чего он сейчас хотел, — это присутствие назойливого рыжего кузена, чье богатство по сравнению с тем, что будет извлечено из моря, не впечатляло. Элизет болтала и любезничала. Однажды ночью Валия сама встретилась с толстым турицей. Когда Ройлант шел со стороны бани

со свечой, она подумала, что на нее нападает старший, покойный, Мевари. После ее появления во Флоре эта тварь начала ее преследовать. Валия защитила свою спальню и кухонный двор талисманами, приготовленными для нее Таббит. Призрак не мог преодолеть их защитные чары — но, оказавшись на открытом месте, она попыталась отогнать его, — что привело к забавной путанице. После она очаровала этого балбеса Ройланта, затуманила его рассудок, подпитала его страхи (его окодовал нарисованный ее чарами портрет Элизет), наконец дала ему флакон душистого бальзама, выдав за сильнодействующее зелье. Он позволит ей управлять Элизет, злой ведьмой Флора, поскольку сделает ту по-датливой и безвольной, стоит только Ройланту подлить его в напиток. Он утверждал, что сделал это, но, должно быть, передумал. Если бы кто-нибудь проглотил это зелье, последовал бы ужасный приступ рвоты — было бы приятно подвергнуть этому изысканную Элизет. С другой стороны, ее триумф, начавшийся за свадебным ужином, закончился следующим утром в ужасе и смятении.

Когда Валия внесла блюдо с мясом в павильон, Мевари испугался ее и стал демонстрировать Элизет свою неприязнь — игра, которую он порой затевал, находясь между двумя женщинами. Когда он ушел, Валия незаметно для рыжеволосого подсыпала в кубок Мевари яд, который принесла с собой. Она тут же предупредила рыжеволосого, чтобы тот следил за своим кубком. Она была уверена, что подозрительный Ройлант попытается поменяться кубками с Мевари, которому не доверял даже больше, чем Элизет. Ранее она намекнула Мевари, что что-то в этом роде может случиться и с ним и поэтому ему нужно быть начеку. И Мевари довел эту игру до логического завершения, заставив Ройланта пить из всего, что стояло на столе.

С другой стороны, если бы яд выпил Мевари, то план Валии не слишком бы пострадал. Она хотела, чтобы они все умерли, так или иначе. Если избранная жертва избегнет яда за ужином, как ведьма она, может, и потерпит фиаско, зато наверстет свое как убийца. Тогда она сама покончит с Ройлантом и подставит Элизет как очевидную виновницу резни, а Мевари так же очевидно будет уличен как сообщник. Для ордена сестер и для богини все еще останется угощение в лице Хармула, которого можно заманить в пещеру послами или угрозами. Ритуал необходимо завершить, но, возможно, Валия не станет задерживаться, чтобы увидеть его завершение. Это будет ее прощальный подарок Таббит. Валия знала, что богиня будет снисходительна. Как бы то ни было, несмотря на раскол внутри самой Валии, все случится так, как ей нужно, ведьма ли в ней подчинится женщины или женщина — ведьме.

В конце концов, альтернативы не было. Как она и задумывала, кубки менялись, менялись и менялись... Наконец началась потасовка, и Мевари, сделав все как надо, заставил Ройланта выпить ту единственную роковую чашу.

Это был не тот яд, которым она отравила Иобеля, чтобы навсегда заставить замолкнуть его болтливый язык. После того как Мевари поведал ей о рассказе Иобеля, важно было все сделать так, чтобы смерть старика выглядела вызванной естественными, хотя и неприятными причинами. В случае с Ройлантом смерть должна казаться какой угодно, только не естественной. Настойка содержала обжигающую нутро кислоту. Валия с нетерпением ждала продолжительных мучительных криков. Однако прозвучал только один, и тот приглушенный. Она испытала досаду, но удовлетворилась его смертью и спустилась в темноту, чтобы рассказать об этом Таббит. Затем, вернувшись

к себе в келью рабыни, Валия зарыдала от мучительной радости, как рыдала когда-то над могилой ненавистного Герриса. О, она оставит этому миру шрамы от своей силы, подобные следам от когтей тигрицы.

А потом... Потом она обнаружила, что все-таки имела дело не с Ройлантом. Не его она обманула, не его напугала, очаровала и убила. А возможно — и никого.

Ее охватил ужас перед колесом судьбы, соскальзывающим с предопределенной и отведенной ему колеи. Что же делать дальше?

Мевари решил эту проблему.

Он предложил ей приготовить зелье для вина Ройланта и его стражи. Он знал ее умение обращаться с зельями. Она уже накачивала Ройланта — который вовсе не был Ройлантом — наркотиками, передав ему в ночь полнолуния желтую розу вместе с запиской Элизет, удачно послужившей поводом для такого подношения, как цветок.

Убрав людей Ройланта с дороги, Мевари сам обошел территорию. Валия обвиняла его в убийстве агента Ройланта вместо самого Ройланта, а он ее — в исчезновении трупа: совет Валии спрятать тело обернулся весьма неприятными последствиями. Ей пришлось заверить его, что сестры не крали тело для своих нечестивых дел. Тем временем Элизет делала все возможное, чтобы облегчить Мевари наказание. Она объявила, что Мевари действовал по ее указаниям. Раньше она не выказывала ни малейшего намека на это. Мевари и Валия были слегка удивлены этой совершенно новой для нее суициальной чертой: похоже, она вместе Мевари собиралась предстать перед губернатором.

Но Мевари нельзя уезжать. Валия напомнила ему о ремусанском кладе. На что Мевари решил выманить его у старух в пещере и уехать. Ведьма в Валии запротестовала, споря с ее другим «я»: жертва еще не принесена,

ритуалы не завершены. И тут до нее, как и до Таббит, дошло, что несвоевременная жертва непредсказуема, а это хуже, чем ничего. А потом из глубины души Валии закричало ее второе «я», заставив жрицу замолчать. Какое ей, в конце концов, дело, когда пустить кровь этому ненавистному чудовищному красавцу с извращенными юношескими фантазиями? Какая разница когда?

ВАЛИЯ ШАГНУЛА ВПЕРЕД, и ведьмы расступились, пропуская ее. Заслоненная их фигурами в капюшонах, она сбросила с себя одежду мальчика и надела мантию, кое-где покрытую пятнами и подгнившую, как и у остальных. Она презирала ее запах, так же как отшатывалась от запаха немытых десятилетиями женских тел. И все же это был запах дома. Это была ее защита. Она будет скучать по нему среди ароматов своей будущей жизни.

Завязывая пояс, она в мыслях перескакивала через мгновения восхитительного кровопускания к своему последнему подъему по веревке сквозь колодец. Нужна какая-нибудь мизерная причина — какая угодно — для исчезновения Валии после жертвоприношения. Когда она перестанет появляться, они поймут, что она наконец освободилась от них всех. Или подумают, что она умерла. Но она, конечно, не умрет. Даже в роли Джанны Валия старалась, чтобы ни одно обвинение не коснулось ее. Для всех должно быть очевидно, что члены семьи сами прикончили друг друга и пару невинных свидетелей в придачу. О Ройланте она позаботится сегодня вечером, когда будет наверху. Она не сделала этого раньше, опасаясь, что Мевари заметит это и насторожится. Убить человека один раз — это еще куда

ни шло; Мевари винил в этом обстоятельства, а может, и Элизет. Но дважды... ну уж нет! Валия могла разобраться с Ройлантом, только отправив Мевари в мир иной. И заставив отвечать за это Элизет. Что же касается Мевари, то его останки никто никогда не найдет. Хармула и Зимира Валия, вероятно, тоже заставит молчать — естественно, свалив все на Элизет. Жаль, что Дассен сбежал, но он никто...

Теперь она была готова, и пламя предвкушения внезапно вспыхнуло в ней, вызывая головокружение. Наконец-то вырваться на свободу — как чудесно и как страшно! Она жаждала возмездия более тринадцати лет. Ее дух вернулся в настоящее и обитал там во всем своем великолепии.

Мевари, напротив, выглядел хмурым. На его лбу блестел пот — и вовсе не от близости к жаркому костру. Какая-то его часть пыталась предупредить его, но жадность взяла свое. Ему не ускользнуть от нее.

— Пойдем на корабль, — позвала она.

Темноволосая дочь Герриса вышла из толпы ведьм и направилась к причудливому судну.

Старухи двинулась следом, число их становилось все менее определенным, по мере того как из нор выползали другие, чтобы присоединиться к процессии. Факелы плевались и дымились. Увеличившееся поголовье ведьм, барабатаясь в воде, с несвойственной им силой стало толкать свою ношу. Затем они взялись за весла.

Все это выглядело, как отвратительный фарс.

Мевари взошел на борт последним.

Скрипя и сверкая молниями, корабль, состоящий из разрушенного дерева, огня и странной древней энергии, двинулся по воде, его древний экипаж яростно греб. Мевари стоял на корме, все еще держа в руке обнаженный меч. Таббит медленно прошла на нос и

задумчиво уставилась на окаменевший алтарь и орудия из заостренного камня. Меч мужчины сверкал за ее спиной, невидимый и игнорируемый ею. В ее злых, бездушных глазах, казалось, целую вечность смотревших на мир, теперь не рождалось, а воскресало нечто. Рядом Валия начала тихо произносить беспощадное заклинание. Эти загадочные слова, как и уважительное «ОЭ», перестали иметь какое-либо отдельное значение. Осталась только весьма ужасная суть — для тех, кто понимал их. Говорившая и понимавшая Валия погрузилась в безмятежный религиозный экстаз.

Ее настроение значительно изменилось бы, если бы она знала, что именно сейчас читает и недоверчиво перечитывает при свете двух свечей ее белокурая кузина где-то высоко над ее головой.

Скрипя и набирая воду, корабль достиг центра пещеры. Здесь он начал бесцельно качаться вверх-вниз, ведьмы раскачивали его при помощи старых весел. Две сестры, покинув свои посты, осторожно отошли. Пятна на стенах пещеры светились нескончаемым тусклым сиянием.

Таббит подняла украшенную золотом голову.

— Ну, — резко выкрикнул Мевари, — давай перейдем к делу, старуха.

— Тише, — почти ласково отозвалась Таббит. — Скорь ты получишь то, что богиня хранит для тебя. Теперь уже скоро. Не прерывай призыв. Нужно сказать слова. Протрубить в рог. Исполнить песнопения.

Мевари вышел вперед, с пренебрежительной ловкостью балансируя на наклонной палубе. Гребущие ведьмы смотрели на него, когда он проходил мимо них. Голос Валии все бормотал и бормотал.

— И как вы это сделаете? — обратился Мевари к Таббит, стоя теперь прямо за ее спиной и насмешливо дыша

ей в затылок. — Ты говорила, что пещера находится ниже ватерлинии. Вы используете магнит? Удочку? Или подбросите сокровище вверх с помощью взрывного заклятья?

— Тише. Увидишь.

— Я не замолчу. — Он поднял меч и провел им плашмя по ее тощей руке. — Я здесь хозяин. Запомни это.

— Нет. Она хозяйка. Богиня — Госпожа, которую следует чтить и которой надлежит повиноваться.

— Черт побери...

Мевари резко замолчал. Одна из отошедших ведьм, оставив свое занятие, подошла к нему сзади и вдруг схватила за руку. Хватка оказалось на удивление крепкой и стальной для такой хрупкой пожилой женщины.

— Все это так восхитительно весело, — произнес молодой голос, не только музыкальный, но и, несомненно, мужской. — Однако всякое увеселение должно когда-нибудь закончиться.

Мевари рывком развернули, и он выронил меч. Таббит обернулась. Валия, не прекращающая произносить слова призыва, — тоже, но никаких лишних фраз не слетело с ее губ.

Вторая ведьма услужливо сбросила на палубу свою серую рясу. Чтобы явить гламурного придворного, увенчанного оранжевыми волосами. Сайрион не в первый раз одалживал одежду мертвцев для маскировки; впрочем, он не всегда снимал ее с костей в пещерных туннелях.

Мевари, будучи болваном относительно многих ведьм, все еще обладал быстрым непосредственным умом человека, не способного к продолжительной дедукции.

— Агент Ройланта, — воскликнул он.

— Агент Ройланта, — согласился Сайрион. — А вы, конечно, Мевари. А вы, — поклонился он Таббит, — колдуны-кормилица, Таббит. — Холодные глаза остановились

на рабыне Джанне и спокойно оглядели ее: — А вы, должно быть, леди Валия. Я весьма рад видеть вас в здравии.

У Валии перехватило дыхание.

— Он тоже должен умереть, Оэ-Таббит, — произнесла она, не отводя от него взгляда.

Губы Таббит беззвучно зашевелились. Казалось, ее лицо задеревенело. Ее задача была ясна и недвусмысленна — а теперь четкий порядок нарушен помимо ее воли.

— Вы что, не поняли, что вас привезли сюда умирать, Мевари? — удивился Сайрион. — Боюсь, что так. Закуска для богини, пьющей кровь юношей своими водянистыми губами. А вы думали, они вот-вот достанут для вас сокровища ремусанцев. Это единственное, что могло бы побудить вас принять участие во всем этом. — Сайрион улыбнулся Валии, Таббит, снова Валии. — Думаю, уместно будет объяснить ему? Богиня дарует мне время? — Никто не произнес ни слова. Сестры работали веслами, вытягивая шеи, чтобы лучше видеть, как поведет себя их предводительница в пустыне непредвиденного.

Сайрион обратился к Мевари, медленно переводя взгляд с Валии на Таббит, с Таббит на Валию:

— Много веков назад группа солдат дезертировала из своего легиона, освободив его от большого количества золота. Затем они украли небольшой корабль и оснастили его своими плащами, так как у него не было паруса. От них мало что осталось, но это багрянец ремусанских легионов, выцветший от соли, изношенный и закопченый дымом. Эти люди либо заранее знали, либо узнали позже об этой пещере и приплыли сюда, чтобы спрятать свою добычу, пока не наступят более безопасные времена. Но на них напал один из прежних орденов посвященных сестер и убил их ради богини. Должно быть, это был счастливый

вечер, Таббит, не так ли? Вы, наверное, заметили, — как бы между прочим сказал Сайрион Мевари, — что стены пещеры блестят то здесь, то там. Отчасти это связано с грибными садами, которые эти милые дамы выращивают для вредоносных зелий и ядов. Но есть и другая причина. В нескольких местах к скале прикреплены человеческие кости, довольно внушительное их количество, и они выделяют собственный фосфор. Золото мертвых легионеров, — добавил Сайрион, — само собой, было брошено в море в качестве еще одной жертвы. Вернуть его практически невозможно. Только один-два фрагмента иногда прибывает к сланцевому пляжу прихотливый прилив, наряду с причудливыми обломками доспехов. Корабль, однако, оказался очень полезен для ритуалов. Он радует слуг богини на ее груди. Так что, разумеется, они сохранили корабль.

Мевари ухмыльнулся.

— Наконец-то я понял, — произнес он. — Все это уловка, да? — Он тоже перевел взгляд с Таббит на Валию и по-волчьи оскалился. — Разве ты обожала меня, дорогая кузина? Я подозревал, что с тобой нужно быть осторожным. Я никогда не предполагал, что это будет такая бойня. Но тогда ты сошла с ума, не так ли, моя дорогая? — Не глядя на Сайриона, Мевари спросил: — А ты, агент Пудинга? Если ты разгадал это, ты разгадал и все остальное? Хотя я и похоронил тебя, я невинован в покушении на убийство. Невинен как ангел.

— Конечно, я знаю, что вы невиновны в убийстве, — ответил Сайрион.

— Тогда помоги мне вернуться к более приятной тушке Пудинга, и мы, может быть, поделим его благодарность...

Мевари замолчал. Валия, за которой оба они наблюдали, изменила позу. Она взяла с алтаря каменную чашу и похожий на бритву кремниевый нож. Держа по

предмету в каждой руке, она медленным скользящим шагом направилась к своему кузену.

Мевари рассмеялся. Это был искренний смех, полный издевки. В тот же миг он ослабил хватку на мече, ощущая себя полностью готовым к встрече с ней.

— И что, — заметил он, — ты действительно веришь, что можешь напасть на меня? Я собираюсь отшлепать тебя, дорогая. Вот этой железякой, если тебе так хочется. Еще один шаг, и твоя голова отделится от тела. Поверь мне, голубушка, я могу это сделать — и сделаю.

Валия остановилась. Она пристально посмотрела на него. На фоне темного капюшона и оливковой кожи ее светлые глаза казались почти белыми. Их переполняла похоть к этому юноше. Она следила за ним из своего укрытия, фантазировала о нем в годы созревания, испытала к нему свое первое плотское влечение и испытывала его до сих пор только к нему одному — и теперь ей нужно его укротить. Валия не любила, когда ею управляли. Таббит не управляла ей. И богиня не управляла. И Мевари, вожделение к которому отвлекало ее, никогда не управлял и не будет управлять.

Если бы она пошевелила рукой с ножом, Мевари мгновенно ударил бы ее мечом. Но она двигала другой рукой, той, в которой держала каменную чашу. Она поднесла чашу к его лицу и выплеснула черноту прямо ему в глаза. Чернила, которыми его должны были обмазать для ритуала, ослепили его.

Инстинкт не всегда является союзником. В данном случае инстинкт ослепленного человека заставил Мевари поднять руки и прикрыть ими глаза, чтобы защитить их.

Его меч описал широкую дугу. И Валия, нырнув под взлетевший меч, вонзила кремневый нож в грудь Мевари на треть длины. Затем, отпустив чашу, она обеими руками вбила лезвие еще одним ударом по самую рукоять.

Жертвоприношение нужно было совершить иначе. Его злорадство наводило на мысль о другом сценарии. Но попасть в сердце было просто. Очень немногие не знали его точного положения.

Мевари, гордый аристократ, жестокий любовник, дармоед, задира, хулиган, игрок, щеголь, отшатнулся. Ему оставалось только растянуться между носом и рядами гребцов, пока их напряженные серые лица поворачивались и тянулись вперед, чтобы видеть.

Валия тоже пристально взглянула сначала на убитого ею человека, потом на другого, стоявшего у него за спиной.

Сайрион даже не пошевелился. Тех, кто знал Сайриона или знал о нем, это бы насторожило. Его изменчивая скорость, его молниеносная реакция — все это было частью его личного мифа. И все же он оказался недостаточно быстрым, чтобы уберечь Мевари из Бьюселеров от смертельного удара, которого он, возможно, ожидал.

Валия посмотрела на Сайриона, ее взгляд стал бес смысленным.

Сайрион оглянулся с самой вежливой из мимолетных улыбок. Затем Валия, подвижная как ртуть, метнувшись к борту корабля и упала в отсвечивающую золотом воду, погружаясь в черноту далеко внизу.

Ведьмы на веслах завопили, издавая тонкий воющий звук. Началась суматоха.

Сайрион не удостоил их взглядом и лишь мельком посмотрел на водоем, в который бросилась девушка. В том, что она здесь научилась плавать, он не сомневался; наверняка она ставила себе такую задачу. Затем он оглянулся, чтобы увернуться от другого ножа, который, как и следовало ожидать, бросила в него Таббит. Тот с грохотом упал на палубу позади него, и она зарычала.

— Ритуал осквернен, — объявила она. — Но все же есть ты. Это тебя я видела тогда в огне — седого, белее, чем я.

— Мои волосы когда-то были золотыми, как лютики, — доверительно поведал Сайрион. — Ужасные несчастья моей жизни сделали их белыми, когда мне было семнадцать. Не все это знают. Надеюсь, ты сохранишь эту тайну.

Таббит воздела руки к потолку. Ее жест выглядел жутко, и вся ее поза была зловещей.

— Оставьте весла, сестры мои, — крикнула Таббит. — И схватите его.

Раздался гул и грохот, когда толпа женщин за спиной Сайриона, таких же жестоких, такие же сумасшедших, как Таббит, вскочила со скамей, протягивая руки, похожие на когти.

— Он, — указала Таббит, — умилостивит нашу Госпожу своей долгой и кровавой смертью.

— Сожалею, но — нет, — возразил Сайрион.

Мгновение он находился между жрицей и ее командой, а в следующее — уже далеко от них. На ходу он вытащил один из пылающих факелов и ловко опустил его в кувшин с маслом.

С мастерским совершенством, которое никто из них не оценил, он нырнул воду, и через два вдоха кувшин с маслом взорвался.

ТЕМНОВОЛОСАЯ ГОЛОВА ВАЛИИ давно бы уже выглянула из воды. Сайрион, вынырнув из того же подводного мрака, не стал ее искать. Хотя освещение улучшилось.

Он также не стал выяснять, что происходит у него за спиной, примерно в центре водоема. Поэтому

пропустил крики, дым, пожар и затопление заплесневелого мрачного судна под полотнищем пылающего паруса. Не видел он и сестер, попадавших в воду, как груда воюющих палок. Кто-то из них, возможно, умел плавать. А кто-то — нет. Они были стары и обожжены. Хотя в своей безумной набожности они ворочали веслами корабля, они не были готовы к внезапному погружению в ледяную бурлящую воду, затягивающую их подводными течениями. Хуже того, эти течения выбрасывали их хрупкие изголодавшиеся тела на скалистые, скользкие, неприветливые берега. Некоторые погибли сразу. Другие, их не умеющие плавать сестры, с визгом вцеплялись в них, махали руками в поисках спасения и тонули. Логично предположить, что одна-две ведьмы все-таки выберутся на берег. Сайрион не станет их дожидаться.

СВЕТ УМИРАЮЩЕГО КОРАБЛЯ уже почти погас, когда он пробирался через один из туннелей в скале. Когда он вышел на скалу наверху, только легкие следы горящего масла все еще пятнали водоем. Громыхающие обломки, казалось, исчезли.

Однако вокруг было достаточно шума, чтобы он заглушил другой звук. Только добравшись до галереи над пещерами, он обнаружил среди груды оборванных веревок опрокинутую клетку со смятыми при падении стенками. Если веревку перерезать, а противовес клетки убрать, никто не сможет забраться в колодец. Валия сделала все возможное, чтобы остановить погоню.

Сайрион провел у обломков меньше секунды. Он перешагнул через них и пошел дальше по галерее.

В ТЕМНОТЕ КОРИДОРА-ДВОРА ВАЛИЯ пошатнулась, прислонилась к колодцу, чтобы отдохнуться, и язвительно рассмеялась. Она достигла своей цели, несмотря на вмешательство незнакомца. Она не знала, что случилось на корабле, хотя и оглядывалась на вспышку света на воде. Очевидно, там произошла схватка. А Таббит... что стало с Таббит? При мысли о том, что Таббит могла сгореть, Валия почувствовала сильное облегчение, словно с ее души свалился кусок свинца. А вместе с облегчением — переживание страшной потери. А с чувством потери — злорадство. И восторг...

Валия встряхнулась, с беспокойством выругав себя. Хотя она и позаботилась о том, чтобы умничающий болван, незнакомец, навсегда остался в ловушке внизу, все же ей нужно шевелиться. Необходимо убить Ройланта до конца ночи. А потом она рас прощается с этим местом, облаченная только в свои лохмотья и свою силу. Она лишь задержалась, чтобы по традиции насладиться в одиночестве тем, что она сделала с Мевари. И залилась слезами истерического наслаждения, которые имела обыкновение проливать в такие минуты. Она только сожалела, что его смерть случилась так внезапно. Однако... Несомненно, она могла бы остаться здесь ненадолго, пока расследуют гибель Ройланта. А в Кассирие или там, где Элизет будут судить, Валия могла бы затеряться наблюдателем в толпе.

При всей неосознанности своих скрытых мыслей, она не могла не заметить дюжины недостатков в своем плане. Но что бы она ни чувствовала, она знала, что в конечном счете это не будет иметь значения и что она права.

Появившееся слабое свечение встревожило ее. Она приняла его за рассвет.

Затем свет исчез. Его заслонила тень, он стал тенью и заскользил к ней.

Света не было, но этот человек был вполне различим, как будто освещен изнутри: мужчина средних лет с рыжеватыми седеющими волосами и лицом Мевари, лет на двадцать старше и на сорок распущенное. Валия похолодела. И вовсе не от ночного холода, не от ледяного купания в пещере. Это был холод кромешного ужаса. Тем не менее ее онемевшие руки нашупали в складках туники зеленый камень с резьбой, талисман, который Таббит дала ей против этого призрака — при жизни являвшегося дядей Валии, отцом Мевари, старшим Мевари. Тем дорогим родственником, которого она утопила в кальдарии.

Никогда еще она не оказывалась настолько неподготовленной к встрече с этим существом, так далеко от своих магических защитников, удерживавших призрака подальше от нее, даже когда она приходила сюда, почти на место преступления. И все же зеленый камень обладал силой. Она видела, как он один или два раза отпугивал демонов, вызванных Таббит. Почему же она испытывает неконтролируемый страх?

— Демон или дух, — прошипела она, держа камень перед собой, — развейся или изыди. Я приказываю тебе силой этого талисмана.

Оставалась одна маленькая трудность. Сила всех защит и камня — если они вообще существовали — исходила от Таббит. Но Таббит, похоже, теперь мертва.

Медленно перемещаясь, призрак все же добрался до Валии. На его лице не было ни удовольствия, ни ярости. Он просто схватил ее и притянул к себе. И хотя в нем не было никакой субстанции, она не могла вырваться из его объятий. Холод ужаса теперь усилился поглощающим холодом и оцепенением, которое распространяла нежить. Она попыталась крикнуть, но крик замер у нее в горле. Ее тело обмякло, как при потере сознания. Но сознание, увы, не отключилось.

С легким треском талисман ударился о брускатку крытого двора и раскололся на две части.

САЙРИОН НАТКНУЛСЯ НА ВАЛИЮ в бане несколько позже, в предрассветных сумерках.

Его собственный путь наверх оказался достаточно сложным. Вернувшись в грот, из которого он ранее проник в пещеру, он преодолел склон, вытащил конец веревки из тайника и поднялся обратно сквозь скалу к могиле Герриса. Железный крюк действительно разболтался, но он послужил на совесть, прежде чем Сайрион вытащил его. Вынужденный еще раз отодвинуть труп отца Элизет в сторону, Сайрион любезно вернул его на место, прежде чем освободить могилу, крышку которой из-за вчерашнего хаоса не закрыли — как он упомянул в разговоре с Элизет ранее той ночью. В остальном все было почти так же, как он оставил в прошлый раз. Накачанные наркотиками стражники и Ройлант спали. И ни одна лошадь не пропала.

На кухонном дворе лежали лишь опавшие листья. Хармул и Зимир отсутствовали, возможно, они сбежали, следуя самой разумной традиции Флора.

Поиски привели, в конце концов, к бане. Там лежала она, другая дочь Герриса, ее темные волосы казались черными, как чернила, беспорядочно расползаясь под водой никогда полностью не опорожнявшегося бассейна кальдария.

Наконец-то ей совершенно некуда было спешить и нечего добиваться. Она лежала ничком на дне бассейна, и все ее надежды и мечты, вся ее могучая магия исчезли навсегда. Валия утонула во второй и последний раз.

ЭПИЛОГ

В РОЗОВОМ СВЕТЕ РАННЕГО УТРА прибыли посланцы губернатора Кассиреи. После довольно запутанной и не совсем дружелюбной беседы с Ройлантом из Бьюселеров они снова уехали. Час спустя, после еще менее любезной беседы, бывший солдат стал бывшим наемником Ройланта и уехал следом за ними.

Где-то около полудня Хармул, спустившийся из временного убежища на яблоне, подал легкую трапезу в павильоне на крыше. День был очень жаркий; стрелы солнечного света пронзали решетки и вонзались во все: поцарапанное дерево, потертый шелк, усталую плоть. Ройлант, борясь с тошнотворной головной болью, смотрел на еду и питье с отвращением.

- Как вы думаете, на этот раз это безопасно?
- Вполне безопасно, — кивнул Сайрион и принялся за хлеб с сыром.
- Даже вино?
- Даже вино.
- Мне следовало быть осторожнее.
- Действительно, следовало бы. Я слегка удивлен, что вы не были.
- Но я ожидал вреда непосредственно от Мевари и... и от Элизет.
- И теперь вы знаете, что ошибались.
- Я никогда не смогу... Что она обо мне подумает?
- Лучше спросите у нее.

— Тот отчет, который вы мне прислали, — проборомтал Ройлант. — Вы говорите, Элизет его прочитала?

— О, думаю, да. Она защищалась, ведя себя как дурочка и оставаясь в неведении относительно большей части того, что здесь происходило. Но она не невежественна и не глупа.

— А Валия? Вы сообщили такие подробности о ее жизни и мотивах. Как, во имя всего святого, вы заподозрили, что Джанна — это Валия и что она была движущей силой всего этого?

Сайрион отпил шербета.

— Ее голос выдал ее через две минуты.

— Ее голос?

— Прекрасный и похожий на голос Элизет. Не такая уж редкость для сестер. Даже только при одном общем родителе. Были и другие улики. Ее необычный цвет кожи — что-то среднее между Востоком и Западом, а рыжеватые волосы сразу напомнили мне о вашем роде. Хотя она соответствовала роли оскорбленной рабыни, но ее поведение оказалось несколько высокомерным. То, что она убийца, напрашивалось само собой, когда подали яд на свадебном пиру. Чуть раньше она дала мне другое зелье, предназначеннное для Элизет — чтобы защитить меня. Я проверил его и обнаружил, что это просто ароматизированный бальзам, который вызывает кишечное расстройство, не более. Джанна была полна решимости нанести вред. Это доказал ее дар. Она пыталась усыпить меня надущенной розой. Избавившись от нее, я воспользовался бальзамом, чтобы заглушить запах розы в моей комнате, и таким образом избежал любого намека на ее уловку. Потом мы пришли на отравленный пир. Даже самый бесхитростный убийца не стал бы лично подавать мне отраву при столь очевидных — и на редкость некрасивых — последствиях в случае моей смерти. Я рассудил тогда, что тот, кто хочет убить

вас, сделает все, чтобы не иметь никакого отношения к убийству — ни в качестве подозреваемого, ни тем более обвиняемого.

— Но если так, то каким образом?..

— Видите ли, — продолжил Сайрион, — вся предполагаемая схема, как вы ее изобразили, была слишком безнадежной. Любое событие обрастает слухами, как ракушками, и эти слухи стремятся принять знакомые формы. Приемная сестра исчезает при странных обстоятельствах? Законная сестра завидовала и отдалась от нее. Бедная женщина выходит замуж за богатого мужчину? Должно быть, она хочет завладеть его богатством. Я пришел сюда, желая развеять скучные слухи и найти другой мотив.

— Но как вы догадались, что Валия жива?

— Мне сразу пришло в голову, что она может быть жива. Сказки о морских сиренах, похищавших детей, вероятно, появились неспроста. Потом я узнал, что колодец использовался как вход. Увы, он находился слишком близко к бане с привидениями, омрачая самочувствие Валии. Призрак дяди Мевари явно охотился за кем-то. Интересно, за кем?

Ройлант вздрогнул.

— Я должен отдать должное этому призраку, — произнес он. — Я видел его в кальдарии.

— Возмездие, — тихо сказал Сайрион. — Она убила его, не забывайте. Похоже также, что именно ее желание убить сына подстрекало отца. Успех этой ее затеи, по-видимому, дал дяде возможность в свою очередь убить ее. Чувствуется, что отец и сын не были в восторге друг от друга. Вероятно, именно пролитая кровь подстегнула старика.

Ройлант пригубил вина, прикинулся, удержанится ли оно в нем, проглотил и вздохнул, почувствовав себя немножко лучше.

— И вы с самого начала распознали правду про Элизет. Если бы я был так же проницателен.

— Не с самого начала. Я пришел к убеждению, что она не слабоумная. Поэтому был удивлен, услышав ее шутки о том, что вам позволят умереть только после женитьбы на ней, — при том, что она предполагала, что вы почти рядом, на пути к ужину, и можете насторожиться при любом упоминании о себе. Если бы она готовила такой план, она была бы более осторожна. На Мевари тоже вряд ли можно подумать — такой ход для него слишком затейлив. Какую бы власть она ни имела над вами, не рискнули бы вы, услышав это, благоразумно сбежать в Херузалу? Выдавая себя за вас, я убедился, что они не хотели причинить вам никакого вреда. Открытая угроза обратила бы вас в бегство. Нет, в тот раз ее заботой было напомнить Мевари о вознаграждении, которого он, возможно, ожидал на свадьбе. А его заботой было подтолкнуть ее к этой свадьбе. Это доказывает, что он никогда не говорил ей, что вполне вероятен альтернативный путь к богатству. Тем не менее позже произошла похожая сцена, когда, как мне кажется, она предостерегала Мевари от любых действий, направленных против твоей жизни. Она начала опасаться, что затевается какой-то заговор, и хотела спасти вас, если сможет.

— Она хотела меня спасти? — Ройлант вытаращил глаза. И слегка покраснел.

— Видите, — вежливо ответил Сайрион, — как не просто вам доверять ей. Несмотря на ваши юношеские страхи.

— Возможно, это был только мой... мой страх по поводу зародившейся привязанности к ней одной. Но ведь был еще и мой отец. Почему он опорочил ее на смертном одре?

— До него тоже доходили подобные слухи. Как и до вашего более позднего информатора. Что у нее были любовники и что она занималась колдовством.

— А его роковое падение с лошади?

— Несчастный случай. Если только у него не было врагов при дворе, которые находились рядом с ним в тот день.

— Его считали выдающимся наездником.

— По его собственным словам? Он все еще был способен ошибаться. Почему нет?

— Да. Мой отец был в некотором роде из таких. Не то чтобы я осуждал его. Такова его природа. Тогда лишь мой дядя Мевари стал жертвой убийства. Или были и другие? Были?

— Я вижу, вы учитесь читать меня как свиток. Я не могу в этом поклясться, но думаю, что и Герриса отправили в мир иной раньше положенного.

— Валия?

— Нет. Милейший дядя Мевари. Он хотел заполучить Флор, поскольку его собственных владений к тому времени уже не существовало. Он мог убить, чтобы заполучить его. Если так, то Валия по иронии судьбы стала мстительницей за своего ненавистного отца.

— Я вспоминаю, как мой дядя Мевари, добившись помолвки и ее выгод, отложил мой брак с Элизет, чтобы оставаться на попечении Флора столько, сколько мог. И в придачу пользовался ею. Чудовище. Как и его сын. Я не стану оплакивать Мевари — ни дядю, ни кузена. Хотя мой кузен Мевари не заслуживал смерти.

— Однако это избавит его от нанесения дальнейшего вреда окружающим.

Ройлант нахмурился.

— В любом случае спасти его не было никакой возможности.

Покончив с едой, Сайрион облокотился на низкий столик. Он встретил взгляд Ройланта глазами, более ясными и более холодными, чем самое чистое ледяное море.

— Нет, — мягко ответил Сайрион. Сочетание божественной непорочности и демонической страстности никогда еще не было столь явным. На секунду Ройлант заволновался, почти отшатнувшись. Во имя всего святого, кто этот человек, которому он доверил управление своей жизнью и состоянием?

— Скажите мне, — попросил Ройлант, — скажите мне честно, что получили от всего этого вы?

Сайрион улыбнулся своей ангельской улыбкой.

— Радость помочь вам, мой дорогой. Плюс некий фантастический гонорар, который вы жаждете вложить в мою протянутую руку.

— Гонорар, который вы никогда не пытались обсудить со мной.

— Разве нет? Печальная оплошность.

— Это означает, что вам все равно, сколько вам заплатят и заплатят ли вам вообще. Что, в свою очередь, подразумевает...

— Разве азарт погони — это ее цель? — уклончиво заметил Сайрион. — Как катастрофически глупо.

Ройлант поднялся на ноги.

— Я должен встретиться с губернатором. Тело Валии... готово к путешествию, как я понимаю. После этого я, вероятно, отправлюсь прямо в Херузалу. Здесь, кажется, нет смысла оставаться. Я, конечно, буду посыпать Элизет письма и деньги. Она давно имеет право на полноценное пособие.

— Разве вы не должны сказать ей это сами? — поинтересовался Сайрион.

— Я думаю, что сделал достаточно. Я сказал ей, что Мевари погиб в пещере, а Валия утонула. Элизет заперлась в

своей комнате. У нее нет ко мне ничего, кроме презрения. Возможно, ненависть. Я мог бы взять ее в жены. Все, что о ней говорили, правда. Да, я знаю, что у нее были любовники. Черт бы их побрал! Какое мне дело до этого. Но потом... Я заключил — мы заключили — контракт с одной дамой в Херузале, которая гораздо лучше со мной уживется, будучи...

— Вы убедили себя, что ваша ценность настолько ничтожна, что только простая и нетребовательная женщина будет вас терпеть, — безжалостно перебил Сайрион.

— Замолчите! — взорвался Ройлант. — Черт бы вас побрал, кто вы? Роза, объединенная с клинком, — что-то вроде смеси рая с преисподней? Вы выполнили мое поручение. Это уже не ваша забота.

— Действительно...

— Молчать! — снова взревел Ройлант. И, схватив кувшин с вином, он швырнул его в Сайриона. Который неторопливо пригнулся. Встретившись с одной из пяти неповрежденных дверей павильона, кувшин проломил ее и аккуратно сорвал с петель. Дверь с грохотом вывалилась на крышу, брызнула слоновая кость.

Ройлант, не говоря больше ни слова, прошел через образовавшийся дверной проем, придав ему смысл. На краю крыши он сказал:

— Вам вышлют ваше вознаграждение.

— О? — сказал Сайрион. — И куда же вы его пошлете?

— В гостиницу «Оливковое дерево». Так что вам лучше вернуться туда.

Десять минут спустя Ройлант, сопровождаемый своей охраной, ехал в сторону Кассиреи в одном из самых объяснимых и наименее свойственных ему гнусных настроений в своей жизни.

ДЕКАДЕНТСКИЙ ПЕЙЗАЖ ФЛОРА, не затронутый всеми этими вещами, расцвел в течение утра, затих и задремал в разгаре дня. За толстыми зелеными стенами сада гудели, жадно жужжали и головокружительно падали насекомые; плоды тлели на ветвях и в траве, распространяя винный запах.

В этом изумрудно-зеленом солнечном храме посреди размножения и гниения стояла Элизет, больше не запертая в своей комнате, подобная белой статуе, украшенной зелеными отсветами подсвеченной солнцем листвы, дыша, существуя, глядя, как будто она открыла глаза впервые после столетнего сна.

Ее волосы вызолотили солнечные лучи, а проснувшиеся глаза потемнели от ощущений. На ней было то самое понощенное платье, в котором Сайрион впервые увидел ее, теперь его подол был запачкан соком раздавленных фруктов. Трудно сказать, была ли она радостна, безмятежна или печальна. Она просто была — в этом месте и в это время.

И когда Сайрион, не издав ни звука, вышел перед ней из просвета между густо стоящими деревьями, она не двинулась ни к нему, ни прочь, ни куда-либо еще.

— Вы являете собой самую пленительную картину, — тихо сказал он. — Не хватает только языческого бога, который выйдет и напугает вас, чтобы сделать картину полной.

— Языческий бог, безусловно, есть, — задумчиво произнесла она.

— Ройлант уехал в Кассирею.

— Я знаю. Похоже, в конце концов мне все-таки придется надеть траур. Мевари и Валия. Притворство, ничего более. Я не скорблю. Дело в любом случае будет замято.

— Несомненно. Как я понимаю, Хармула рассчитали и отослали. С Зимиром и Дассеном, вероятно, поступят так же, если их найдут.

— И вот я наконец-то свободна, чтобы продолжать свою жизнь в одиночестве — в этой развалине. Видите ли, мне пришлось взглянуть правде в глаза. Я люблю Флор, но Флор мертв. Я цеплялась за труп, думая, что потеряю его. Теперь, похоже, я обречена оставаться с ним. Какая неблагодарность! Да, здесь есть красота. Здесь мое прошлое. Возможно, мне этого будет достаточно. Но на этой земле было слишком много сражений. Все приятное, что я здесь вижу, напоминает мне о чем-то другом — ужасном.

Сайрион ничего не ответил.

— Я думаю, — продолжила Элизет, — что вы, как человек деятельный, презираете меня. Моя величайшая вина с самого начала состояла в том, что я сознательно отводила свой взгляд от всего, что здесь происходило, стараясь быть неосознанной, насколько это возможно. Мне казалось, что это единственный способ выжить. Соглашаться на все. Жеманничать, хвалить, делать все, что мне прикажут, — даже помогать на преступных похоронах. Ах, моя слепая уверенность! Я верила, что если не замечу этого, то кошмар пройдет мимо. Так и было. Но у меня осталось... очень мало. Что ж, тогда я останусь здесь. С призраками.

— Вы верите в призраков?

— Я верю, что здесь есть призраки. О, только не те, о которых я рассказывала. То был шум оргий Мевари и Джанны-Валии. Кроме него я боялась какого-нибудь отвратительного колдовства и, конечно, пряталась от него. Когда вы рассказывали о снах, которые привели вас... Привели Ройланта во Флор... Я подумала, не наслала ли Джанна их на вас по указанию Мевари. Видите ли, я верю не в

магию, а в силу фанатичного злого разума, а Джанну-Валию — я боялась с того момента, как она вошла в дом. Еgo шлюха, как и он, помыкала мной, следила за мной, старалась изгнать из меня любую уверенность, сыграть на каждой моей слабости. Ничего из этого ей не удалось. Она была подобна холодному дыханию у меня за спиной. — Элизет немного подождала. Затем она добавила: — Было еще одно холодное дыхание — мой отец. Я прочла ваше письмо, как вы и предполагали. В нем не упоминалось о Геррисе. Его отравили?

— Может быть.

— Клянусь, это был мой дядя.

— Я смотрю, вы не спрашиваете. Он — наиболее вероятный кандидат.

Она очень медленно отвернулась от него, отводя взгляд точно так же, как метафорически описала этот жест менее минуты назад.

— Помнится, когда я забрала ваше вино на нашем отвратительном свадебном пиру, вы встревожились. Вы решили, что я отравлюсь?

— Такая возможность существовала. Кто-то просыпал сахар в один из кубков. В тот момент я не был уверен, что это.

— Значит, к тому времени, после нашего драматичного разговора на рыночной площади Кассиреи, вы уже признали мою невиновность?

— Не совсем. В этой очаровательной загадке, Элизет, оставался один кусочек, который упорно не разгадывался. Этот пункт касается вас. Несмотря на вашу незамутненную чистоту, я не мог поклясться, что вы не колдунья.

— Можете ли вы поклясться в этом сейчас? Стоит ли мне беспокоиться?

— Надеюсь, у меня есть ответ к этой загадке.

— И я оправдана?

— Вы свободны. За исключением того, что это может как-то повлиять на вашу будущую жизнь.

Она ждала. В листве запела птичка. Вместо того чтобы раскрыть Элизет разгадку тайны, Сайрион начал рассказывать ей о птице, способе ее пения, ее расцветке, ее перелетах.

Элизет с удивлением слушала. Через некоторое время она обнаружила, что идет рядом с ним сквозь заросли фруктового сада. Он рассказал ей о свойствах разнообразных цветов, мимо которых они проходили, и, мельком взглянув сквозь спутанные стволы на старую ремусанскую стену, заговорил о ремусанах.

Его голос, такой мелодичный и безупречно артикулированный, почти загипнотизировал ее. Уроки давались легко. Каким-то необычайным образом она чувствовала, что теперь никогда не забудет, что эта маленькая птичка летала зимой к Киросу и Аскандрису, или что белый цветок считался лекарством от бессонницы, или что ремусанский офицер, обессиленный летней жарой, вырезал на камне старинной поварни в Теборасе слова: «Здесь жарят легионеров». Но затем она заметила:

— Мы ведем престранный разговор.

— О, — сказал он, — я думаю, крови и грабежей хватит на день или два. Однообразие — страшная вещь.

Они покинули сады и вышли на сухую лужайку перед склоном. Впереди потемневшая земля поднималась к выцветшему грабу, ветхому особняку, покосившейся башне, открывавшемуся за ней морю, которое затмевало все остальное своим великолепием.

Элизет окинула взглядом открывшийся вид.

— Приданое Флора. Только подумайте. Если бы вы честно женились на мне, а не притворялись, все это могло бы быть вашим.

— И только представьте, какого никчемного мужа вы получили бы взамен.

— Я думала, что вы были Ройлантом.

— И что?

Она посмотрела ему в глаза.

— Вы же все знаете.

— Я так и предполагал, — согласился он. — Оглядываясь назад, я удивляюсь. Но на этот раз у меня нет ни доказательств, ни логической поддержки моих предположений.

Она опустила глаза.

— Ладно. Поскольку вы не предъявляете никаких требований, вы получите их просто так. Естественно, я продолжила выполнять свою роль, игнорируя свое открытие, как игнорировала все прочее, что могло мне угрожать. Это могло быть какой-то игрой Мевари. Или Ройланта. Ибо я знала, что вы не он, и это знание было больше, чем интуиция.

— Что меня выдало? — спросил он так тихо, что она едва расслышала.

Она снова подняла глаза. Солнце наполняло их всеми оттенками голубизны, какие только есть на свете.

— На утесе, — сказала она. — Ваш поцелуй выдал вас.

— Потому что он не поцеловал бы вас?

— Потому что это был не поцелуй Ройланта.

— И все же вы вышли замуж за меня, самозванца.

— Я догадалась, что церемония будет недействительной. Хотя я так боялась, что умоляла вас остаться на ночь во Флоре.

— Опасаясь, что я буду претендовать на права мужа.

Она сказала:

— Не беспокойтесь об этом. Целый ряд людей навязали себя мне.

— А я всего лишь еще один.

— И вы, наконец, тот, кого я бы с радостью выбрала.

Ее гордость, ее душевное равновесие, казалось, не были затронуты тем, что она сказала, только биение ее сердца выдавала пульсирующая жилка на белой шее, подобно колыханию лепестка.

Руки Сайриона, уже не воина, а музыканта, легко коснулись ее лба, волос, рта. Она закрыла глаза, когда его губы последовали за ними. Его руки обняли ее, и она растворилась в нем, лишь на мгновение вспомнив, что удовольствие — это нечто преходящее, прежде чем забыла все, кроме мужчины, который ее обнимал. Забыла даже тепло далекого солнца и пение маленькой птички, которая зимой улетит в пустыню.

НА ОДНОЙ ИЗ УЛИЦ ХЕРУЗАЛЫ, названной Острожной из-за близости к старой ремусанской тюрьме, стояло несколько домов с богатой отделкой, ныне пришедших в упадок. Высокие стены и зарешеченные ворота говорили о былом богатстве некогда фешенебельного района. Один дом на Острожной улице представлял особую ценность для Ройланта Бьюселера. Это было жилище избранной им дамы, от которой он отказался только для того, чтобы защитить ее от чар Элизет — или, по новым сведениям, Валии.

Ранним летним утром дама Ройланта пришла в смятение, узнав, что ее посетил рыжеволосый господин.

Она пришла в еще большее смятение, когда, войдя в комнату, обнаружила другого, не того, кого ожидала.

Сайрион учтиво поклонился.

— Извините, мадам, — сказал он. — Мне стыдно, что я получил аудиенцию под ложным предлогом.

Дама Ройланта быстро взяла себя в руки. Выражение ее некрасивого, но приятного лица поменялось.

— В самом деле, я должна была догадаться, что это не Ройлант. В письме оговаривалось, что он будет здесь в полдень. Он мог немного опоздать, но уж никак не прийти настолько рано. Моя горничная тоже не склонна к сомнительным шуткам. Отсутствие эмоций у рыжеволосого посетителя показалось мне таким же неестественным, как если бы он закатывал глаза и визжал.

Сайрион улыбнулся.

— Вы очень любезны, несмотря на свое разочарование. Ибо я понимаю, как сильно вы разочарованы тем, что я не волнуюсь. — Сайрион помолчал. — Вы, конечно, догадываетесь, что он хочет, наконец, попросить вас стать его женой.

— Я... — дама покраснела. — Судя по его письму, так оно и случится. Его помолвка с госпожой Элизет...

— Кажется, доказала свою несостоятельность. Надеюсь, вы не осудите меня, если я принесу свои поздравления?

— Вовсе нет. — Губы дамы напряглись. — Разумеется, если вы объясните, кто вы и почему вы здесь.

— Мы приедем к этому, — заверил Сайрион. — Но уделите мне минутку.

— С какой стати, скажите на милость?

— Потому что то, о чем я расскажу, может оказаться для вас ценным.

Госпожа Ройланта сложила руки и села. Ничто не выдавало ее, кроме того, что она слишком сильно стиснула пальцы, будто боялась, что из них что-то может выскользнуть. Или проскользнуть внутрь них.

— И?

— И, — откликнулся Сайрион. — Ройлант не стал беспокоить вас этим вопросом, но прежде чем он бросил...

осмелюсь так это назвать... Его искренняя решимость протестовать против родни и готовность расторгнуть свою помолвку с Элизет вызвала ряд аномальных событий. Во-первых, кажется, леди Элизет начала преследовать его, напоминая о его юношеских обещаниях. Вместе с ее призраком появились и разнообразные странности: талисманы летали по воздуху, сухие лепестки падали на подушку.

— Возможно, — мрачно заметила дама Ройланта, — эти явления были вызваны нечистой совестью из-за того, что он бросил ее. И поэтому могут по-прежнему досаждать ему, не так ли?

— Явления были вызваны колдовством, — объяснил Сайрион. — Она очень искусная ведьма, способная подчинить иллюзию своей воле и обладающая энергетической силой приводить в движение неодушевленные предметы. Признаюсь, я впечатлен ее мастерством.

— Да, — подтвердила дама Ройланта, — если вы верите в такие вещи, то вы, несомненно, поражены. С другой стороны, если допускать существование магии, такие предметы, как те сувениры, которые Элизет когда-то отправила Ройланту, вполне могли пропитаться ее жизненной силой и самостоятельно упрекнуть его.

— Вы знали, что она подарила Ройланту талисман и цветы.

Дама Ройланта застыла. Она снова покраснела.

— Он рассказал мне по секрету кое-что из того, что произошло между ними. И что все это досталось ему.

— Значит, талисман и цветы. Но пару дешевых перчаток он, кажется, не упоминал. Иначе, я уверен, вы бы их не пропустили.

— Перчатки? Нет, он не говорил, что она прислала ему перчатки. Но какое мне до этого дело? И вам?

— Скажите мне, — спросил Сайрион, — вы действительно готовы обречь себя и его на несчастный брак

только потому, что он нравится вашему отцу, хоть ваши колдовские чары и потерпели неудачу?

Дама Ройланта поднялась на ноги. Если в самом начале она была в смятении, то теперь пришла в ужас. Её щеки стали пунцовыми, а сцепленные руки побледнели.

— О чём вы говорите?

— Вы прекрасно знаете, о чём я говорю.

Сайрион отошел к зарешеченному окну, чтобы полюбоваться видом заросшего колючим кустарником сада.

— Я... Я не...

— Короче говоря, хоть вы и были очень ловки, есть один-два момента, которые вы пропустили. Начнем с того, что pragматичный Ройлант решил исследовать эти свои видения и талисманы, исключив влияние своей совести и божье попустительство. Тот, кто ему в этом помог, заверил его, что это колдовство. Предположительно, колдовство ведьмы Элизет. Я так понимаю, вы никогда не слышали слухов о колдовстве этой леди и Ройлант не упоминал о них, иначе вы подумали бы об этом сами. Теперь Ройлант обнаружил, что Элизет невиновна в колдовстве, и винит другую женщину. Но я сам видел магию этой удивительной леди на практике. Она не так сильна. Без применения доли химикатов ее талант, к сожалению, ограничен. Тем не менее она может похвастаться силой воли, необходимой, чтобы совершить то, что было совершено против Ройланта. Только она этого не делала. И есть еще кое-что. Поскольку при посещениях призрака использовались определенные предметы — талисманы, цветы, — можно заключить, что тот, кто творил заклинание, знал о них. Элизет, естественно, знала. Она ведь сама прислала подарки. Но не Элизет была той колдуньей. И вторая леди, о которой я говорил, вряд ли знала. Ройлант не мог ей рассказать. Элизет держала бы это в секрете и от той женщины, и

от другого своего кузена, Мевари, которого она не имела ни малейшего основания считать своим доверенным лицом. Меня также поразила форма видения, сделавшего Элизет стройной и золотоволосой, но оставившего размытое пятно в области ее лица. И еще она не произнесла ни слова. Ее сообщение было написано в воздухе. Это очень странно. Кто может знать такие подробности — как Элизет выглядит и что она подарила — и все же не знать таких деталей, как черты лица и голос? Только тот, кто никогда с ней не встречался.

Последовала небольшая пауза, во время которой Сайрион учтиво рассматривал розы.

Затем он продолжил:

— Боюсь, таковы факты. Но каков может быть мотив? Похоже, вы все-таки не хотите выходить замуж за несчастного Ройланта. Когда вы увидели, как изменился ветер его привязанностей, вы покраснели от тревоги, как и сейчас. Что, к сожалению, он воспринял как румянец согласия. После этого вы использовали свои самые впечатляющие способности, чтобы он отказался от вас и вернулся обратно на прежний курс — вспомнил о своем долге, женился на Элизет и перестал вас беспокоить.

Рот дамы Ройланта приоткрылся. Вместо того чтобы оставаться в таком положении, она заговорила.

— Кто вы?

— Ах, да. Меня зовут Сайрион. Это вам поможет?

— Вы... Вы негодяй, вы чудовище! Вы обвиняете меня в незаконных действиях?

— Ваше колдовство меня не интересует, кроме одного момента. Вы можете наколдовать змей, выползающих из ушей короля Мальбана, — и вы ничего не услышите от меня, кроме, возможно, сдержанных аплодисментов. Однако в данном случае я обязан сообщить

об этом вашему предполагаемому любовнику. Или есть еще одно решение.

Дама Ройланта поджала губы. Ее лицо стало бледным.

— Деньги. Вы хотите, чтобы вам заплатили.

— Я хочу предотвратить несчастный брак. Другое решение состоит в том, что вы отвергнете Ройланта сами, как все это время вы хотели сделать.

Она начала было упрекать его, но вдруг замолчала. Здравый смысл подсказывал ей, что спор окончен.

— Да, — сказала она наконец. — Да, да. Все так, как вы говорите. Ройлант — хороший человек, но у меня нет желания выходить за него замуж. Или за кого бы то ни было. Чего я жажду все эти годы, так это путешествовать и учиться — в одиночестве, без помех. Ройланту нужно то, что он хочет видеть во мне, — дочь моего отца. Степенную, воспитанную, веселую, услужливую. Такой я была для моего отца и буду, пока он жив. Но в итоге я надеюсь на свободу. Чтобы поступать, как хочу я, а не как желает мужчина — муж, отец. О, мой отец жаждет этой свадьбы. Мы уже не так богаты, как когда-то, хотя мы и так неплохо справляемся. Но он уверил себя, что тоскует по роскоши — по множеству слуг, о которых он забывал и ни о чем не просил, по дорогим нарядам, которые никогда не надевал. Он считает, что был счастлив только тогда. И как это вернуть? Выдать свое дитя замуж за богатого человека. Я опрометчиво думала, что мне удастся избегнуть такой судьбы, но оказалось, что я ошибалась. Ройлант отыскал во мне что-то, устраивавшее его, хотя он никогда не любил меня. Элизет он любил — и любит, очень сильно любит. Бедняга, он никогда не мог перестать говорить о ней. — Дама Ройланта, которая в действительности не была его дамой, покачала головой: — Несчастный Ройлант. Он мне

очень нравится. Но разве это достаточная причина, чтобы выйти за него замуж? Я очень люблю свою кошку. И моего старого наставника. Мне что — выйти за них замуж? Почему все считают, что некрасивая девушка набросится на первого же мужчину, который захочет ее? — воскликнула молодая женщина с явной досадой. — Но на меня так давили. Мой отец... О, я была в отчаянии, когда затеяла все это. Да, я применила свою магию к Ройланту. Разумеется, это отвратительно. Я осуждала себя снова и снова. Я изучала подобные искусства, и у меня есть некоторые способности — очень слабые способности. Мой контроль не был безупречным: я боялась, что талисман расколется и поранит его, а лепестки напугают... Я действительно соожалела, видя его в моем кристалле в таком волнении... Но потом, зная, что он не хочет меня, а хочет ее одну, я почувствовала, что поступила правильно, заставив его пойти к ней с повинной и быть счастливым. Вот и все. И уж конечно, он никогда не рассказывал мне о ней ничего такого, что могло бы заставить меня предположить, что он принял ее за околодовавшую его ведьму. Он сказал только, что его отец запретил этот брак на смертном одре, потому что она бедна. Как, впрочем, и я. Но, похоже, я вела себя как идиотка. Что же делать?

— То, что я посоветовал. Скажите ему, что вы не выйдете за него замуж — и все. Магия пусть останется на вашей совести. Как я уже упоминал, он думает, что в этом виновата другая, но ее это не смущает.

— Кажется, он перенес столько отказов. А отец будет рыдать и браниться. Небеса, должна ли я отказаться от Ройланта?

— Должны. Он вам не нужен.

— Но это приведет к долгим страданиям. Несколько недель.

— Вместо целой жизни.

Сайрион отвернулся от окна и от сада, хотя до этого его внимание привлекала небольшая куча щебня на разрушенной колючками террасе.

— Полагаю, — медленно произнесла она, — с тех пор как вы меня раскусили, у меня нет выбора.

— Нет.

— А в остальном вы будете тактичны, если я выполню свою часть сделки?

Сайрион наградил ее сияющей честной улыбкой. Она коснулась волос, платья, словно собираясь с силами после физической борьбы. Сайрион уже покидал ее. У двери он остановился.

— Есть еще один последний вопрос, который я хотел бы вам задать, — сказал он.

Она беспокойно взглянула на него.

— Что же это?

— Когда дождь обрушил эту часть крыши террасы, вы были где-то поблизости?

— Крыша?.. — Она уставилась на него. — Нет.

— Ваш отец, боюсь вам признаться, сформулировал это событие иначе. Он написал Ройланту письмо, в котором утверждал, что черепица разминулась с вами на ширину пальца.

Молодая женщина, которая теперь не была ничьей дамой, кроме как своей собственной, засияла живым здоровым смехом.

— Неужели? Господин Сайрион, когда рухнула крыша, я находилась в библиотеке, в доме моей тети, в трех улицах отсюда. Я даже не слышала грохота.

РОЗОВО-КРАСНЫЙ ПЕПЕЛ ЗАКАТНОГО солнца припудрил крыши и засыпал двор «Оливкового дерева». Там

розово-рыжая кошка гонялась за маленьким розово-красным мячиком, внутри которого все звенел и звенел миниатюрный колокольчик. Под темно-красными виноградными листьями виднелись четкие силуэты разговаривающих мужчины и женщины: она — с волосами цвета распаленного солнцем огня, он — с подсвечеными солнцем волосами, цвет которых не поддавался описанию.

— Нет, — говорила она, — я не могу больше жить в сновидении. Ты, как и все остальные, исчезнешь, когда я проснусь. Ты не тот, кто мне нужен, Сайрион. Все мое существование ненадежно, как мои ожидания и стены моего поместья. Я не хочу любить и из-за этого быть уязвимой. Я хочу... Мне нужно... Наконец-то оказаться в безопасности. А он добрый человек, в нем есть разум и чувства, если только им дадут шанс расцвести.

— И ты дашь им такую возможность.

— Я постараюсь. Как бы то ни было, я не стану предавать или осквернять то, что он может мне предложить. В обмен на убежище, на надежду, в обмен на покой — я могла бы подарить ему что-то вроде любви. В каком-то смысле так и будет на протяжении многих лет.

— И ты будешь счастлива этим, Элизет, душа моя?

— Да. Как я никогда не была бы счастлива, если бы позволила себе любить тебя. То, что легко, часто глупо. Было бы глупо любить тебя.

Сайрион смотрел на нее сквозь луч розово-красного света. Он не ответил. Поэтому она продолжила:

— Потому что ты покинешь меня, Сайрион. И боги, и ангелы славятся своей непостоянностью, своей неверностью. Ты бы меня бросил.

— Да, — согласился он со странной нежностью, — я бы оставил тебя.

— Тогда наши пути ждут нас. И они расходятся.

СВЕТ ВСКОРЕ ПОМЕРК, уступая вечеру, все перекрасившему в синь: небо цвета индиго, голубые листья, голубая играющая кошка.

Ройлант вошел во двор и огляделся, не найдя покоя в вечернем воздухе. Настроение у него и без того было подавленное. Заранее послав известие, что придет сюда, чтобы передать Сайриону его гонорар, Ройлант сдержал обещание, несмотря на огромное желание поскорее добраться до своих херузальских владений и там сильно напиться. Потому что избранная Ройлантом невеста отвергла его. Она была любезной, тактичной — и непреклонной. Она сказала, что если бы брак был ее целью, то она предпочла бы Ройланта остальным мужчинам. Но замужество ее не интересовало. Она хотела учиться и была бы счастливее в одиночестве. Ее подавленный отец, подслушивающий в коридоре, только усугубил страдания Ройланта, сокрушаясь по поводу решения дочери. Очевидно, он не собирался принуждать ее. И Ройлант не хотел, чтобы ее принуждали. Он думал, что она согласна...

С этим грузом разочарования, с этим клеймом полной неудачи на своем это Ройлант вошел во двор гостиницы и осмотрелся в поисках Сайриона, но не обнаружил его. Тогда он дал волю недовольству в громогласно-грубой и совершенно нехарактерной для него форме.

Что, как ни странно, вызвало отклик.

— Думаю, он уже на пути к Джеббе и вряд ли свернет в этом направлении.

Ройлант проглотил следующий вздох и поперхнулся. Откашлявшись, он осторожно направился к темной беседке, откуда доносился голос.

— Элизет? — неуверенно спросил он у синих виноградных листьев.

Затем в доме за его спиной внезапно вспыхнул свет, и теплое золотое сияние полилось наружу, разгоняя тени.

В центре него, обрамленная светом фонаря и увенчанная волосами цвета нарциссов, сидела, улыбаясь, грэза его детства и зрелых лет.

Та, о которой он всегда мечтал и вдали от которой его удерживали лжецы и обманщики, интриганы и дураки, слухи и самообман, тихо произнесла:

— Я выйду за тебя.

И протянула ему руку.

ТАНIT
ЛИ
САЙРИОН

+16

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ

Составитель серии *A. Лидин*

Отвественная за выпуск *Я. Забелина*

Главный художник *Л. Соловьева*

Верстка *В. Кудрецова*

Корректор *А. Филимонова*

UE1765

DAW
No. 498 \$7.95

Heroic Fantasy by THE BIRTHGRAVE author

TANITH LEE **CYRION**

ISBN 978-5-93835-273-5

•Северо-Запад•

9 785938 352735